

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Лакстыгал Илья Михайлович

**Американо-французские отношения
в зоне Восточного Средиземноморья (1969-1981)**

Специальность — 5.6.2. Всеобщая история.

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
**Доктор исторических наук, профессор
Манькин Александр Серафимович**

Москва — 2023

Оглавление

Введение	3
Методология	9
Обзор источников	22
Степень разработанности темы	30
Глава 1. Сотрудничество и соперничество: взаимодействие США и Франции в Восточном Средиземноморье в 1969-1973 гг.	56
1. Реакция Вашингтона и Парижа на изменение геополитического ландшафта в зоне Восточного Средиземноморья в результате Шестидневной войны 1967 г.	56
2. Взаимодействие США и Франция в процессе ближневосточного урегулирования в 1969-1972 гг.: неудачный опыт сотрудничества.	71
3. Отношение США и Франции к диктатуре «черных полковников» в Афинах и развитию греко-турецкого конфликта в 1967-1973 гг.	91
Глава 2 США и Франция в Восточном Средиземноморье в период обострения нестабильности в 1973-1974 гг.	109
1. Активность Вашингтона и Парижа в арабских странах накануне войны Судного дня в 1972-1973 гг.	109
2. Взаимодействие Вашингтона и Парижа во время войны Судного дня 1973 г. «Атлантическая солидарность» США против «европеизма» Франции.	127
3. Столкновение США и Франция во время заморозки конфликта на Ближнем Востоке и «нефтяного шока» 1973-1974 гг.	148
4. Реакция США и Франции на Кипрский конфликт 1974 г. и выход Греции из НАТО.....	164
Глава 3. США и Франции в вопросе геополитического переформатирования Восточного Средиземноморья во второй половине 1970-х гг.	183
1. Усилия США по продолжению арабо-израильского урегулирования и альтернативные действия Франции. 1974-1977 гг.	183
2. На пути к Кэмп-Дэвиду. Действия США и реакция Франции. 1977-1979 гг.	204
3. США и Франция в попытках урегулирования греко-турецкого конфликта. НАТО и ЕЭС. 1975-1980 гг.	226
4. США и Франция перед лицом глобальных изменений в зоне Восточного Средиземноморья в 1978-1981 гг.	245
Заключение	263
Библиография	271
Источники	271
Методология	275
Литература	277

Введение

Зона Восточного Средиземноморья с древности и вплоть до современности — поле соперничества и объект притязаний сильнейших мировых держав. Регион издавна был привлекателен с экономической, политической, и, наконец, престижной точек зрения. Обладание влиянием в этой зоне означало притязание на самое высокое место в иерархии государств — статус великой державы, способной оперировать в мировом масштабе. В 1960-е—1980-е гг. зона Восточного Средиземноморья являлась ареной острого многоуровневого конфликта.

Первый уровень включал в себя глобальное противостояние двух супердержав СССР и США. Второй – региональные конфликты, стороны в которых были в той или иной степени клиентами Москвы и Вашингтона (арабо-израильский), или находились полностью в рамках западного блока (греко-турецкий). Третий уровень представляла активность других западноевропейских держав. Хотя последние формально были союзниками США в противостоянии супердержав, однако некоторые из них, в первую очередь, Франция, претендовали на большую самостоятельность как в трансатлантических отношениях, так и в своих действиях на восточносредиземноморской периферии.

Зона Восточного Средиземноморья по сей день является жизненно важным регионом для выживания Западного мира — Северная Америка и особенно Европа и зависят от арабских поставок углеводородов. Шестидневная война 1967 г. впервые показала, а война Судного дня 1973 г. подтвердила хрупкость западного экономического благополучия, связанного со стабильностью ситуации на Ближнем Востоке. Страх потерять устойчивые поставки нефти из-за соперничества супердержав стал одним из пунктов, способствовавших охлаждению отношения европейцев к США в 1970-е гг. Вашингтон же был поглощен задачам глобального противостояния с СССР зачастую в ущерб экономическим и политическим интересам союзников.

Особенно это касалось Франции, отношения которой с США стали ухудшаться задолго до Шестидневной войны¹. Кульминацией этого процесса стал выход Франции из военной организации НАТО в 1966 г.², в канун эскалации арабо-израильского конфликта.

---

¹ О предпосылках и развитии американо-французских противоречий по вопросам автономной европейской военной структуры подробнее см.: Канинская, Г.Н. . Голлисты и провал плана создания Европейского оборонительного сообщества в 1954 году (по дневниковым записям посла СССР во Франции С.А. Виноградова). Россия и Франция: XVIII-XX века//Отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 8. М., 2008. С.297-312.

² О силе голлистского импульса во внешней политике Франции, который определял изучаемые нами отношения страны с США, в том числе, на периферии, говорит хотя бы тот факт, что Париж фактически вернулся в военную организацию НАТО только через 43 года, при президенте Николя Саркози в 2009 г. Подробнее о процессе постепенного «возвращения» Парижа в альянс в конце первой декады XXI в. см.:

«Вынужденный союзник», как часто называли Париж в англоязычной литературе³, стремился вести свою собственную политику, играя на противоречиях между супердержавами. Париж пытался сместить центр тяжести ЕЭС к югу, к Средиземноморью, используя зависимость Европы от ближневосточной нефти. Франция хотела стать главным связующим звеном в переговорах индустриальных стран с богатым минеральными ресурсами третьим миром, что вписывалось в рамки «Арабской политики» Ш. де Голля, «Средиземноморской политики» Ж. Помпиду и доктрины «мондиализма» В. Жискара д'Эстена. Другим конфликтом, где европейцы имели еще большее право оперировать и предъявлять претензии США, был греко-турецкий на Кипре, приведший в 1974 г. к временному развалу юго-восточного фланга НАТО.

Конфликты в зоне Восточного Средиземноморья обнажили важнейшую структурную проблему Западного мира: противоречие принципов атлантической солидарности (или «атлантизма») и идеи «европеизма». Первый принцип — атлантизм — предусматривал так называемую атлантическую солидарность перед лицом общего врага — СССР и Восточного блока, и поэтому — безусловное главенство США как наиболее развитой экономически и военно-политически державы Запада в НАТО. Без силы и опеки Вашингтона, считали американцы, у европейцев не было шансов выстоять в возможной глобальной схватке с Москвой⁴.

Второй принцип — европеизм — был взят на вооружение Францией. Он подразумевал автономию Западной Европы как центра принятия решений в рамках западного лагеря, возможность самостоятельной политики европейских стран на периферии при консенсусе в вопросе противостояния общей внешней угрозе — СССР⁵. Такая идеология аргументировалась тем фактом, что объединенная Европа, к формированию которой Париж прикладывал активные усилия в 1960-1970-е гг., могла стать вскоре экономическим конкурентом США. За экономикой следовали и политические амбиции на равноправие с американцами⁶.

Канинская, Г.Н. Франция – НАТО: Конец французской исключительности? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. М., 2008. № 13(29). С. 13–15; Канинская, Г.Н. Париж и НАТО// Международная жизнь. 2008. №10.

³ Harrison, M. *The Reluctant Ally: France and Atlantic Security*. Baltimore, 1981

⁴ О формировании атлантизма как идеологии западных стран см. Войтоловский, Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка в 1940-2000 годы. М., 2007.

⁵ Möckli, D. *The EC-nine and transatlantic conflict//European-American Relations and the Middle East: From Suez to Iraq*. Ed. by D. Möckli, V. Mauer. L., 2011. P. 42.

⁶ Об эволюции европеизма см.: Чубарьян, А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987.

США и Франция в своих двусторонних отношениях в зоне Восточного Средиземноморья с 1969 по 1981 гг. руководствовались для реализации своих собственных государственных интересов этими двумя принципами, то идя на компромиссы, то жестко оставаясь на позициях атлантизма и европеизма. На подобные колебания сильнейшим образом влияли внутренние процессы в зоне Восточного Средиземноморья, в первую очередь, арабо-израильский и греко-турецкий конфликт. Франция как потенциальная «третья сторона» становилась привлекательной для арабских стран и Греции, как способная дать дипломатическую поддержку, оружие и технологии, не требуя взамен, в отличие от сверхдержав, жесткой политической лояльности⁷. В свою очередь, это преимущество давало возможность потеснить США на периферии, что было полезно для европейстских целей Франции

Объектом настоящего исследования выступают политико-экономические процессы в зоне Восточного Средиземноморья в 1969-1981 гг., в которых принимали участие ключевые игроки западного блока — США и Франция. **Предметом** исследования являются американо-французские отношения как борьба принципов атлантизма и европеизма на периферийной площадке, где глубинные противоречия между Парижем и Вашингтоном катализировались региональными конфликтами и фактором биполярного противостояния. **Целью** данной работы является исследование динамики американо-французских отношений в зоне Восточного Средиземноморья в 1969 —1981 гг., где проявлялись как трансатлантические противоречия США и Франции (в дихотомии атлантизм-европеизм), так и их сугубо частные, региональные устремления. Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. изучить основные мотивы, которыми руководствовались обе страны, действуя в зоне Восточного Средиземноморья в 1969-1981 гг., стратегию и тактику в достижении долгосрочных целей в регионе, а также их эффективность;
2. Во-вторых, необходимо выделить и изучить основные компоненты американо-французских отношений в регионе в рассматриваемый период в зонах двух конфликтов – арабо-израильского и греко-турецкого;
3. В-третьих, стоит определить степень противоречий и пределы сотрудничества между Францией и США в избранный период. Это, по сути является пониманием того, какой подход чаще побеждал в двусторонних отношениях в зоне Восточного Средиземноморья в указанный период: **атлантизм** или **европеизм**;

---

⁷ Обичкина, Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940-2012). М., 2012. С. 10

4. В-четвертых, нужно оценить влияние взаимодействия Вашингтона и Парижа в зоне Восточного Средиземноморья в 1969-1981 г. на их двусторонние отношения в целом.

Хронологические рамки нашего исследования берут за основу политические процессы, разворачивавшиеся в США и Франции, оказавшие влияние на формирование двусторонних отношений и политики в зоне Восточного Средиземноморья. Это **1969 г.** — когда произошла смена администраций в Вашингтоне и Париже — приход команд Р.Никсона и Помпиду на смену Л.Джонсону и де Голлю, а также 1981 г. — уход с постов президентов Дж. Картера и Жискара д'Эстена, что ознаменовало значительную модификацию политики двух стран в отношении рассматриваемого региона. Выбранные нами хронологические рамки органично накладываются и на ключевые вехи в развитии политических процессов в самой зоне Восточного Средиземноморья: 1967 г. — Шестидневная война, военный переворот в Афинах и обострение кипрского конфликта, 1978-1979 г. — соглашения в Кэмп-Дэвиде, египетско-израильский мирный договор, исламская революция в Иране, 1980 г. — начало Ирано-иракской войны.

Географическими рамками нашего исследования мы обозначили зону Восточного Средиземноморья, исторически и экономически взаимосвязанную. В нее мы включаем Ливию, Египет, Израиль, Сирию, Кипр, Турцию, Ливан и Грецию как непосредственно восточносредиземноморские страны, а Ирак, Саудовскую Аравию, другие арабские монархии, в том числе, монархии Персидского залива (на тот момент — только образовавшиеся как независимые страны) — как государства, хотя и непосредственно не соприкасающиеся со Средиземным морем, но стоящие на морском пути транзита нефти от производителей к потребителям в Европу.

Выделенный нами регион совпадает с такими историко-географическими и этно-религиозными ареалами, как Левант или Машрик (восточный ближневосточно-мусульманский ареал). Зону Восточного Средиземноморья мы также очертили, рассматривая отношения США и Франции в контексте двух ключевых локальных конфликтов: арабо-израильского и греко-турецкого. Они устанавливают подразделение выбранной нами зоны Восточного Средиземноморья на два сектора: северный (Греция, Турция и зона их конфликта — Кипр и Эгейское море) и южный — ареал арабо-израильского конфликта.

Актуальность работы заключается в том, что как проблемы соотношения европеизма и атлантизма, так и взаимоотношения ведущих западных держав в зоне Восточного Средиземноморья, а также влияние нефтяного фактора на политические процессы в западном мире по-прежнему остаются злободневными. Тому примеры

окончившаяся лишь в октябре 2021 г. «торговая война» между США и Евросоюзом, чьи пароксизмы наблюдались и позднее, споры о вкладе и ответственности за функционирование НАТО при Д. Трампе в 2016-2020 гг., резкие колебания цен на энергоресурсы.

Проблема взаимоотношений Европы и США, единства западного блока стала еще более актуальна на фоне обострившегося с конца февраля 2022 г. военно-политического кризиса в Восточной Европе и его глобальных экономических последствий, а также многоуровневого конфликта внутренних и внешних акторов на Ближнем Востоке. Эскалация последнего произошла весной 2023 г. и наиболее ярко проявилась осенью-зимой того же года. Продолжают оставаться точкой напряженности и отношения между входящими в НАТО Грецией и Турцией на фоне их пограничных споров в Эгейском море.

Новизна работы заключается, в том, что прежде американо-французские отношения рассматривались в общем, трансатлантическом ключе холодной войны, а их восточносредиземноморская составляющая в лучшем случае проходила кратким эпизодом, хотя именно возникавшие там противоречия оказывали ключевое влияние на контакты Вашингтона и Парижа. Эта периферийная площадка позволяет с большей четкостью отделить как глубинные столкновения государственных интересов, так и пределы возможного сотрудничества США и Франции. Кроме того, впервые в оборот отечественной науки вводится значительная часть ранее не публиковавшихся американских, а также французских документов, которые были опубликованы недавно, но, за редким исключением, пока не использовались отечественными исследователями.

Теоретическая значимость исследования состоит в раскрытии ряда проблем теоретического характера в сфере международных отношений на примере взаимодействия США и Франции на площадке восточносредиземноморской периферии в 1970-е гг. Представленный в работе фактический материал углубляет существующее понимание проблем соотношения национальных и наднациональных интересов, противоречий интеграционных процессов Европы и атлантической солидарности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что апробированные результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке новых исследований, написании трудов по внешней политике США и Франции, истории эпохи международной разрядки и биполярной системы международных отношений, а также в учебном процессе при разработке общих и специальных курсов в высших учебных заведениях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отношения США и Франции в зоне Восточного Средиземноморья в 1969-1981 гг. — пример проявления предпосылок формирования Францией автономного европейского центра силы внутри западного лагеря в биполярной системе международных отношений. Идеологически это было оформлено борьбой принципов «атлантизма» и «европеизма».
2. Стратегический мотив США в этих отношениях — не допустить превращения «союзной» Франции из «младшего партнера» в лидера Западной Европы и автономии последней.
3. Этот мотив определялся задачами США в восточносредиземноморском регионе в логике биполярного противостояния: вытеснением СССР из зоны Восточного Средиземноморья, укреплением там собственного влияния и позиций НАТО.
4. Стратегический мотив Франции — сохранить статус великой державы за счет действий на восточносредиземноморской периферии с опорой как на собственные силы, так и на консолидацию европейцев.
5. Задача Франции — сохранить и увеличить свою и европейскую экономическую мощь за счет ресурсов восточносредиземноморской периферии, возродить статус великой державы с опорой на Европу. Действия США в биполярном противостоянии угрожали этой цели и стали еще одним триггером «европеизма».
6. Стратегические мотивы и задачи Вашингтона и Парижа в выбранном нами регионе в значительной мере противоречили друг другу. Это предопределяло возникновение элементов соперничества формально находящихся в одном лагере стран в зоне Восточного Средиземноморья.
7. Франция в 1970-е гг. де-факто оказалась готова поступаться значительной частью своих стратегических устремлений на периферии, необходимых для ее европейского лидерства и «автономизации» ЕЭС, при угрозе обострений глобального конфликта США с СССР.
8. Именно логика биполярного противостояния создала жесткие границы для соперничества США и Франции в Восточном Средиземноморье.

Степень достоверности и апробация результатов работы. Основное содержание диссертации отражено в шести публикациях, из которых пять вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных в п.2.3 Положения о присуждении Ученых степеней МГУ имени М.В.Ломоносова. Положения диссертационно исследования обсуждались на научной конференции Лейденского университета (Нидерланды) 8-10 мая

2019 г., посвященной современным проблемам европейской американистики. Конференция прошла на базе Рузвельтовского института американских исследований (Roosevelt Institute for American Studies, RIAS).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

Методология

В нашей работе мы используем в качестве теоретической основы для исследования отношений США и Франции в зоне Восточного Средиземноморья наработки классического реализма, неореализма, а также «теории восприятия». Кроме того, в рассматриваемой проблематике международных отношений мы руководствуемся системным подходом и принципами историзма. Ниже мы объясним подробнее, почему именно такая теоретическая основа выбрана нами для работы.

Классическая теория реализма⁸, разработанная американским исследователем Г. Моргентхау⁹ еще в конце 1940-х гг. и наиболее полно представленная в его работе 1948 г. «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир», утверждает, что главным стремлением государств, независимо от их устремлений в экономике и идеологии, является политическая «мощь» и «власть» [power]. Ее государства пытаются распространить на соседей, регионально или глобально¹⁰.

Моргентхау подчеркивал, что идеология и экономические устремления могут быть лишь мотивами или средствами. «Конечная цель – это мощь и власть», в них заключается угроза или возможность применить «вооруженное насилие». Эта склонность государств, считал исследователь – проекция общечеловеческого желания доминировать и властвовать. Моргентхау выводил два важнейших заключения: независимые государства, целью которых является выживание — единственные субъекты международных отношений. Взаимодействие между ними базируются на принципе анархии. Результатом непрекращающейся борьбы за государственные интересы является установление баланса сил на международной арене — определенного равновесия, которое способствует сохранению мира.

Моргентхау считал, что во взаимоотношениях между государствами есть лишь два основных стремления: закрепить существующее равновесие, статус-кво или разрушить его,

---

⁸ Приверженцами этой школы также являются: Дж. Кеннан, Дж. Шварценбергер, К. Томпсон, Г.Киссинджер, Э. Карр и др.

⁹ Morgenthau, H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. NY., 1948.

¹⁰ Ibid. P. 13.

закрепив, в свою очередь, новое. И для того, и для другого используется дипломатия или военный конфликт, независимо от внутренней структуры государств и их идеологии.

Возникающие регулярно союзы между государствами, формально объединённые общей идеологией, американский исследователь считал временными, ситуативными коалициям на период определенного статус-кво¹¹, теряющими актуальность при его изменении. Моргентау подчеркивал: частное усиление позиций доминирующего государства не является изменением общего баланса сил, оно чаще всего лишь закрепляет его. Следуя этой мысли, улучшение позиций США на Ближнем Востоке по итогам 1970-х гг. и ослабление СССР не изменило глобального статус-кво между ними, зафиксировав обновленный баланс сил лишь в конкретном регионе. Определенное статус-кво может складываться и изменяться также внутри временных коалиций государств, например, в «коллективном Западе» или НАТО. Гегемоном там, бесспорно, выступали США, облекавшие свое стремление к доминированию над союзниками и закрепление статус-кво принципами «атлантической солидарности». В свою очередь, принцип «европеизма», продвигаемый Францией, направленный на создание сопоставимого с США центра силы в западном лагере, отчасти посягал на это статус-кво. Таким образом, США старались закрепить внутриблоковый баланс сил, а Франция — нарушить или скорректировать.

Следуя в русле классического реализма, стоит упомянуть также раннюю работу «Человек, государство, война»¹² будущего неореалиста К. Уолтца. В ней исследователь рассматривал три уровня проблемы возникновения международных конфликтов. Во-первых, это индивидуальный, личностный. Так, сближение и охлаждения в американо-французских отношениях обязаны во многом личной воле ключевых государственных деятелей: президентов де Голля, Никсона, Дж. Форда, Жискара д'Эстена, госсекретарей У. Роджерса и Г. Киссинджера, глав МИД Франции Ж. Шабан-Дельмаса и М. Жобера, а также других.

Вторым уровнем Уолтц рассматривал внутригосударственные процессы (впоследствии он откажется от их учета как фактора формирования международной системы), согласно которой капиталистические государства вступают в борьбу за рынки сбыта под давлением и в интересах финансово-промышленных групп. Не в последнюю очередь американо-французская соперничество в зоне Восточного Средиземноморья подпитывалось устремлениями военно-политических и деловых элит двух стран, взаимосвязанных, но конкурирующих. Наконец, третий уровень – это отношения между

---

¹¹ Morgenthau, H. Op.cit. P. 21.

¹² Waltz, K. N. Man, the State, and War. NY, 1959.

государствами, с уже знакомыми по Моргентау стимулами в виде максимизации мощи и выживания.

Говоря о реалистском и неореалистском восприятии взаимодействия государств, необходимо также упомянуть французского политического мыслителя Р. Арона. Он не являлся в полном смысле ортодоксальным реалистом, однако заложил основы системного подхода в исследовании международных отношений. Арон в итоге пришел к похожим с классическими реалистами выводам. Так, он признал, что в международных отношениях фактически нет актора уровнем выше государства, имеющего право на насилие, а международная система – это «целое, состоящее из политических единиц, которые поддерживают регулярные отношения друг с другом и могут быть вовлечены в общую войну». В системе субъекты — государства — используют свои ресурсы для получения преимуществ друг над другом¹³. Над акторами, по его словам, не довлеет власть высшего регулятора — «государства-полицейского», так что государства-элементы – автономные центры принятия решений о мире и войне.

Арон и его американский последователь С. Хоффман отмечали, что «наибольшее влияние на систему оказывают ее ключевые акторы, в большей степени, нежели система оказывает влияние на них», в нашем случае - СССР и США, в контексте противостояния которых развивались и которым определялись американо-французские отношения в Восточном Средиземноморье в 1970-е гг. Говоря о биполярном контексте, стоит упомянуть типологизацию систем американского ученого Р. Роузкранса¹⁴. Он разделял их по критериям общности и различия в государственном устройстве и распределении мощи. Мультиполярные системы по Роузкрансу отличаются гомогенностью государственного строя и гетерогенностью в плане распределения мощи, а биполярные – наоборот: гетерогенны в плане государственного устройства и гомогенно распределяют мощь.

Вопреки классическим реалистам, причину конфликтов в международных отношениях Роузкранс выводил из чувства внутренней нестабильности власти правящих элит, а не желания самосохранения абстрактных государств. Это во многом относится в нашем случае к конфликтам в избранных нами регионах как на локальном уровне — началу арабо-израильской войны А. Садатом на фоне социально-экономического кризиса в Египте, так и на уровне великих держав — разрыв Помпиду сотрудничества с американцами, а потом и продолжение соперничества на периферии даже «атлантистом» Жискара д'Эстеном обусловлены сильным фактором «голлистов» во внутренней политике, опорой на них

¹³ Aron, R. *Paix et guerre entre les nations*, P., 1962.

¹⁴ Подробнее см.: Rosecrance, R. *Action and Reaction in World Politics*. Westport, 1963; Rosecrance, R. *International Relations: Peace or War?* NY. 1973.

Помпиду и необходимостью его преемника учитывать их мнение на фоне узости собственной электоральной базы.

Значительный вклад в формирование и популяризацию системного подхода к исследованию международных отношений внес американский исследователь М. А. Каплан¹⁵, представитель Чикагской школы политической науки. Он характеризовал систему международных отношений как взаимосвязь различных типов, количества, степени мощи государств. Суть системы, ее особенности определяются поведением и особенностями наиболее успешных акторов — ведущих государств. В этом с Капланом сходится и другой теоретик международных отношений, по совместительству, госсекретарь США Киссинджер, хотя его скорее можно отнести к классически реалистам вроде Моргентау. М. Каплан также вывел ряд обобщенных «оптимальных» паттернов поведения государств внутри систем: 1) «эгоистический» (действовать максимально экономно для повышения своих возможностей в системе); 2) «рациональный» (защищать себя от тех, кто действует «эгоистически») и 3) действовать так, чтобы сохранить функционирующими ключевых акторов, необходимых для существования системы.

Последний случай – аналогия Каплана с финансовым рынком и стремлением не обанкротить ключевые банки, какими бы они не были серьезными конкурентами друг другу, ради поддержания стабильности. То же, по мнению исследователя, справедливо и по отношению к ключевым акторам системы международных отношений. Каплан считал, что таких акторов в системе должно быть как минимум пять (что совпадает с числом великих держав в начале столетия и составом членов Совбеза ООН). В рассматриваемой в нашем исследовании ситуации американо-французских и американо-советских отношений ярко прослеживаются первый («эгоистический») и последний (направленный на сохранение структуры системы). Так, в 1970-е гг.: эгоистические действия США и Франции в Восточном Средиземноморье и, в то же время, ограниченные осознанием необходимости существования и полноценного функционирования друг друга как на периферии, так и внутри «системы» западного мира и, в целом – биполярного.

Для объяснения функционирования системности Каплан лишь приводит «шесть правил», часть которых восходит еще к его предшественнику Моргентау: 1.) Все государства действуют, чтобы увеличить свои возможности, но скорее ведут переговоры, чем открыто борются; 2.) Все государства скорее борются друг с другом, нежели упускают

---

¹⁵ Подробнее см.: Kaplan, M. A. *System and Process in International Politics*. NY., 1957. и позднейшие переиздания: Kaplan, M. A. *Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems* // *The American Political Science Review*. Vol. 51, No. 3 (Sep., 1957), P. 684-695.

шанс увеличить свои возможности; 3.) Все государства прекращают борьбу и не устраняют определяющее систему государство; 4.) Все государства действуют, чтобы противостоять любой коалиции или единому государству, которое стремится занять доминирующую позицию в системе; 5.) Все государства действуют, чтобы сдерживать государства, которые придерживаются наднациональных организационных принципов. 6.) Все государства позволяют побежденным или временно утратившим мощь существенным значимым государствам вновь войти в систему в качестве приемлемых ролевых партнеров.

С. Хоффман, как и Каплан, также смотрел на систему как совокупность моделей поведения государств¹⁶. Он однако отталкивается от атрибутов государств, степени их интеграции, амбиций национальных лидеров, что умаляет собственно системность как чистое моделирование поведения элементов. В целом, выводя понятие исторического «баланса сил» и «статус-кво» мы, таким образом, в нашем исследовании не можем обойтись без системного подхода. В западной (с 1950-х гг.) и современной отечественной политической науке и истории международных отношений сложился более или менее стабильный консенсус по крайней мере в деле хронологической и политико-географической типологизации систем международных отношений, а если говорить точнее – «миропорядков», в подавляющем большинстве своем - многополярных. Рассматриваемый нами период «биполярной» или Ялтинско-Потсдамской системы ограничивается 1945-1989(1991) гг.

От недостатков предыдущих попыток создать теоретическую модель системы международных отношений попытался резко отойти неореалист К. Уолтц. В своей ключевой книге «Теории международных отношений»¹⁷ он развивает подходы, намеченные еще Моргентау, стараясь максимально проработать оставленные предшественниками «белые пятна» и «слепые зоны» классического реализма. Как и Моргентау, основной характеристикой государства Уолтц считает власть, мощь или силу, которые в его определении являются способностью субъекта успешно навязать другому субъекту определенный образ действий. Для моделирования поведения государств Уолтц часто прибегал к теории рынков, выбирая аналогии по отношению к поведению ключевых акторов как «олигополии» и «дуополии», стремящихся к самосохранению, но вместо прибыли выбирающих максимизацию мощи. Он заведомо не стремится определить источники этой мощи, а внутригосударственные процессы (взаимодействие институтов,

---

¹⁶ Подробнее см.: Hoffman, S. *The State of War: Essays on the Theory and Practice of International Politics*. NY 1965; Hoffman, S. *Gulliver's Troubles: or, the Setting of American Foreign Policy*. NY, 1968; Hoffman, S. *International Organization and the International System*// *International Organization*, Vol. 24, No. 3, Summer 1970. Hoffman, S. *Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics*. Boulder, 1987.

¹⁷Waltz K.N. *The Theory of International Politics*. NY, 1979.

политических партий, движений, лобби) исследователь считает уже не входящим в системный подход, где единственный элемент-актор — государство. Отсекая ряд важных факторов, Уолтц старается сделать свою модель «стерильной», где проще проследить взаимодействия всех элементов сразу и их механику¹⁸. В нашем исследовании это дает лучшим образом понять интересы США и Франции как государств в Восточном Средиземноморье, в своих отношениях зачастую расходящихся с программами, декларируемыми и определенными находящимися у власти элитами, политическими силами и идеологиями.

Ключевой предмет в системе Уолтца – именно сами отношения, поведение стран, а положение государств зависит от их возможностей, которые определяются исключительно во взаимоотношениях между ними, как физическими силами. Уолтц не считает государства заведомо агрессивными, как считает тот же Моргентау. Исследователь уверен, что полезность вооруженной силы, включая ядерное оружие, не стоит смешивать с ее пользой при применении, а «военный успех» у Уолтца возможен без самой войны, посредством давления и сдерживания. Признак сильного государства — в возможности не прибегать к силе, обладая ею. По словам Уолтца, так это работает с размещением войск США в Японии, Южной Корее и Западной Европе¹⁹.

Этот экспорт или «донорство» безопасности со стороны сверхдержавы, однако, имеет и другую сторону, отмечает Уолтц. Так, по его мнению, евроинтеграция — один из ключевых факторов, определявших динамику рассматриваемых нами американско-французских отношений - вызвана существованием двух полюсов в системе. Условия для потенциального возникновения «третьего полюса», считает Уолтц, сложились к моменту написания книги (середина-конец 1970-х гг.) именно благодаря первым итогам Холодной войны и прекращению вековых конфликтов между европейцами под американским «зонтиком безопасности»²⁰. Уолтц вполне отражал направление мысли изучаемых нами администрации Никсона в целом и Киссинджера в частности, считая, что образование объединенной Европы как независимого и даже автономного актора, третьего по потенциалу после супердержав в тогдашних условиях, вредно для действовавшей системы международных отношений в связи с возможной нестабильностью.

Уолтц, в частности, полагал, что СССР и Западная Европа из чувства самосохранения, как более слабые «полюса» системы, могут объединиться против сильнейшего — США. «Трехполярность», по его мнению, с большей вероятностью

---

¹⁸Waltz K. N. Op.cit. P. 80.

¹⁹Ibid.P.193.

²⁰Ibid.P.70.

приведет к конфликтам, чем биполярность. Супердержавы же, благодаря независимости в военном и экономическом плане и равноудаленности как друг от друга, так и от союзников, эффективнее тушат конфликты, возникающие на более низком уровне, чем нестабильные комбинации различных коалиций из примерно равных по силам акторов²¹. Доказательством «безопасности» биполярности как системы являются столкновения супердержав в локальных конфликтах их «прокси», в частности, в рассматриваемой нами ситуации войны Судного дня. Там, хотя и при угрозе двусторонней эскалации, после угрозы СССР напрямую поддержать Египет, а также после «ядерной тревоги» США, активные боевые действия и израильское наступление на Синае в итоге прекратились. Иными словами, угроза эскалации на уровне супердержав, грозящая глобальным ядерным конфликтом, потушила эскалацию региональную через прямые контакты Москвы и Вашингтона.

Стоит отметить, что для нашего исследования особенно важно, что Уолтц и другой яркий представитель современных неореалистов, Дж. Мершаймер (подробнее на его вкладе и полезных для нас наработках мы остановимся ниже), видят стремление США не допустить появление в Европе нового центра силы и формирование из нее общеевропейского единого нового полюса глобальной системы. Мершаймер, хоть и не признающий возможности существования глобальной системы международных отношений, рассматривающий Западную Европу как отдельную систему, считает, что США, представленные в европейской системе как один из определяющих ее игроков и фактический лидер, главную угрозу видят в появлении в ней одного государства-гегемона, как мы выяснили — Франции.

Мы, в свою очередь, признавая существование биполярной системы глобально, но зная, что в ряде регионов влияние СССР и США бывало разным или примерно равным, будем говорить, как и наши отечественные коллеги, о подсистемах биполярной системы. В нашем исследовании мы рассматриваем две подсистемы: европейскую и восточносредиземноморскую. По Мершаймеру, гегемон Западного полушария - США - являются в Западной Европе уже одной из великих держав, так как, будучи самой сильной, все же имеют конфликты с союзными великими державами, а в зоне Восточного Средиземноморья то сотрудничают, то конкурируют с ними.

Уолтц подчеркивает стабильность биполярности и нестабильность многополярности, но оговаривается, что никакая система не является априори статичной. Уолтц согласен с мнением Арона, Каплана, а также и «классического» реалиста Г. Киссинджера, что «основные акторы определяют систему больше, чем их окружение».

---

²¹Waltz, K. N. Op.cit. P. 173.

Среди таких акторов, как и в экономике, преобладают два основных паттерна — социализация (действия одного актора становятся мотивом действий другого, вырабатывая негласные правила поведения для многих или всех) и конкуренция (регулируется самыми успешными акторами). В системах присутствуют оба паттерна, и первый, в итоге, достается основной массе слабых государств, а второй — ограниченному числу сильных. Американский ученый также считает, что при исследовании международных отношений необходимо отказаться от группирования стран по альянсам. Он уверен, что блоки не определяют системы, и система двух блоков — не обязательно биполярна, так как по сути, считает Уолтц, система — это «позиционная совокупность», в которой только два элемента — структура и взаимодействующие акторы. Структуры определяются спецификацией акторов, распределением их возможностей, мощи, а ведущие акторы, в свою очередь, определяют руководящие принципы системы — в сторону иерархичности или анархичности.

Часть процессов, рассматриваемых в данной работе, может быть объяснена с позиций «концепция восприятия» американского политолога Р. Джервиса²². Он работал над решением так называемой «дилеммы безопасности». Впервые этот феномен перехода к эскалации от взаимного непонимания описал еще Моргентау в своем основном труде, однако не предложил ясных путей решения проблемы. Непосредственно термин введен и описан детально вскоре после выхода книги Моргентау, но уже Дж. Хертцем — в 1950 г.²³ «Дилемма безопасности» состоит, в свою очередь, из «дилеммы интерпретаций» и «дилеммы реагирования», наиболее ярко проявившейся в проблемах достижения ракетно-ядерного паритета, гонки вооружений между СССР и США и ряда острых политических кризисов, создававших потенциальную угрозу ядерной войны в 1960-1970-е гг.

В «дилемме интерпретаций» одно из двух государств усиливает свою мощь, преследуя оборонительные цели. Эти действия заставляют реагировать второе государство, которое понимает ситуацию как попытку получить преимущество над ним ради нападения, и в свою очередь, тоже усиливает свою мощь, так как пассивность может быть воспринята как слабость — «дилемма реагирования». В конце концов, этот порочный круг может привести к открытому столкновению, хотя ни одна из сторон изначально не намерена совершать агрессивных действий²⁴. В этом плане Джервис расходился с Уолтцем

²² Джервиса, как и Уолтца, и даже Моргентау, зачастую относят к «оборонительным» реалистам, противопоставляя их Дж. Мершаймеру и реалистам «наступательным», о которых мы скажем ниже.

²³ Подробнее см.: Herz, J. H. *Idealist Internationalism and the Security Dilemma*/World Politics. Vol. 2, No. 2 (Jan, 1950), P. 157-180.

²⁴ Подробнее см.: Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, 1976; Jervis R. *Cooperation Under the Security Dilemma*. World Politics, Vol. 30, No. 2 (Jan., 1978), P. 167-214.

в том, что биполярная система была безопасней предыдущих, так как бесконечная гонка вооружений рано или поздно могла привести к полноценному конфликту²⁵.

В то же время Р. Джервис допускает, что из таких критических ситуаций возможно выйти, решив проблемы сигнализации и коммуникации, наладив каналы обмена информацией, что старались, в частности, делать Вашингтон и Москва после Карибского кризиса. Он понимает неизбежность возникновения таких дилемм безопасности, но призывает государства стремиться лишь к относительному, а не к тотальному превосходству в мощи, чтобы избежать радикального ответа со стороны противной стороны. Так, в контексте «теории восприятия» можно рассматривать фоновые для нашего исследования события арабо-израильской войны 1973 г. и исследовавшую «ядерную тревогу» между СССР и США в качестве локального конфликта глобального биполярного противостояния, причем в последнем случае как раз сработали выстроенные ранее механизмы коммуникации между Москвой и Вашингтоном, а в целом явление разрядки, в контексте которой рассматриваются нами отношения США и Франции в Восточном Средиземноморье, можно рассматривать как глобальную попытку преодолеть дилемму безопасности.

Начало обновленному направлению неореализма, получившего позднее условное обозначение «наступательного», положил в 2000-е гг. американский исследователь Дж. Мершаймер. Он изложил основные его положения в книге «Трагедия политики великих держав»²⁶. Как следует из названия, исследователь, сохранив основные наработки своей школы (понимание анархичности системы международных отношений, государства как основного актора, а его ключевого мотива — самосохранения и максимизации мощи), сосредоточился на изучении поведения великих держав, которые определяют, как мы выяснили ранее, характер системы. Критерием для получения такого статуса государством Мершаймер считает исключительно военную мощь, таким образом, упрощая, в отличие от Уолтца, само понимание мощи.

Соответственно, великой державой может быть та, которая способна вести полноценную конвенциональную войну с самой сильной державой системы вплоть до угрозы истощения своего противника даже в случае его победы. Супердержавой Мершаймер считал ту, что может уничтожить всех остальных обладателей ядерного оружия вместе взятых, не опасаясь ответного удара. В целом Мершаймер считает мировую гегемонию невозможной, только региональную (хотя в таком случае США должны были

---

²⁵ Jervis R. Was the Cold War a Security Dilemma?//Journal of Cold War Studies (2001) 3 (1). P. 36–60.

²⁶ Mearsheimer, J. The Tragedy of Great Power Politics. NY, 2001.

бы ограничиться исключительно Западным полушарием). Соответственно, согласно этому исследователю, стабильная региональная гегемония одного государства и есть статус-кво – сложившийся баланс сил. Основным интересантом статус-кво и баланса сил Мершаймер видит как гегемона, который не дает желающим отобрать занятую им однажды позицию и снизить объем накопленной мощи. Мершаймер, в отличие от Уолтца, не верит, что против образовавшегося гегемона неизбежно образуется коалиция из тех, кто хочет снизить его превосходство. Таким образом, статус-кво — это баланс сил, выгодный сильному, гегемону, который становится таковым через максимизацию мощи и конфликт – в этом плане теория Мершаймера несколько лучше объясняет, нежели его предшественники, частоту войн в системе международных отношений.

Отдельно стоит остановиться на проблемах статуса великих держав и сверхдержав. Еще Моргентау отмечал связь мощи с официальным и полуофициальным статусом государств в международной иерархии. Он не считал, что связанные с этим престижные соображения и жесты — аристократический анахронизм. «Политика престижа» и иерархия по Моргентау — важный элемент поддержания статус-кво в системе, неотделимая часть общей мощи государства, в особенности великой державы²⁷. В то же время, говоря в рамках иерархии о самом феномене великих держав, Уолтц считал чрезмерную мощь в какой-то степени излишним бременем для государства, а для описания великой державы он употребляет метафору «Гулливера, связанного лилипутами».

Так это произошло во Вьетнаме, который США, даже будучи сверхдержавой, не могли контролировать, но, потерпев фактическое поражение, не потеряли статуса, так как их мощь — возможность влиять глобально — сохранилась, в том числе, как мы видим на примере изучаемых нами событий в Восточном Средиземноморье в 1970-е гг. Большая мощь дает большее право на ошибки, уменьшает риски при промахах, напоминает Уолтца, а не гарантирует непобедимость в дорогой конвенциональной войне на удаленной периферии и успех бессмысленной оккупации заморской территории. Однако высокая способность влиять становится бременем необходимости решения региональных и глобальных проблем²⁸.

Сверхдержавы, по выражению Уолтца, «подавлены своей мощью», они ограничены ею в принятии решений узким коридором, в то время как менее значительные страны имеют большую свободу из-за меньшей ответственности за последствия действий. Сверхдержавы могут игнорировать «младших» партнеров, а они — нарушать «правила игры», пока их

---

²⁷ Morgenthau, H. Op.cit. P. 50.

²⁸ Waltz, K. N. Op.cit. P. 194

безопасность обеспечена другими²⁹. Это мы вполне видим на примере той же Франции, когда она, обеспеченная американским «ядерным зонтиком», часто шла наперекор Вашингтону в ряде чувствительных вопросов вроде поддержки противников израильтян – стратегических союзников американцев в Восточном Средиземноморье. Неоднократно в 1970-е гг., как мы покажем в нашей диссертации, вели себя наперекор американским интересам и в Тель-Авиве, зная, что защита им гарантирована «старшим» союзником. Отчасти примером такого поведения можно назвать также Египет и Сирию в октябре 1973 г., по одной из версий, поставивших Москву перед фактом решения начать новую войну, в которой их бы пришлось спасать от поражения из престижных соображений.

В контексте международной иерархии государств в системе международных отношений, которая имеет непосредственное отношение к нашему исследованию для понимания потенциалов и возможностей США и Франции в их контактах и активностях, нам полезна также теория Уолтца о том, что сверхдержава является таковой не только по совокупному потенциалу мощи. Статус сверхдержавы, настаивает ученый, обязывает подобное государство распределять мощь между другими, включать с собой в привилегированные союзы, устанавливать некие рамки отношений между великими державами и даже «санкционировать» их создание для поддержания баланса сил, допускать усиление некоего государства до статуса великой державы.

Так, Уолтц приводит более близкий ему хронологически пример: Никсон, посетив КНР в 1972 г. и запустив начало с ней дипотношений, санкционировал, таким образом, формирование новой великой державы — формально, «авансом», на будущее, которое, как уже тогда считал исследователь, может перестать быть биполярным³⁰. Подобный пример можно отчасти увидеть и на региональном уровне, в частности, в массивной поддержке «на перспективу» Францией (не сверх, но великой державой) тогда динамично развивавшегося, но еще не имевшего достаточно сил для реализации своих амбиций Ирака. Рост экономической и военной мощи ключевого партнера Парижа на Ближнем Востоке за счет массивных поставок оружия, оборудования, вложений в инфраструктурные проекты повышал, вместе с растущим статусом Багдада и претензией на региональную гегемонию, параллельно репутацию и статус французов как великой державы в регионе. Попытка Франции повысить военную мощь Греции также можно отнести к подобному явлению. США же, кроме Израиля, активно «вращивали» еще одного регионального

---

²⁹ Waltz, K. N. Op.cit. P.183.

³⁰ Ibid. P.130.

гегемона – шахский Иран, который, как они считали, должен был стать «полицейским Персидского залива» и доминировать над Ираком.

В контексте теории наступательного реализма Дж. Мершаймер ставит вопрос о рамках поведения государств и их иерархии, о противоречии их интересов и агрессивном их преследовании в ущерб всем другим соображениям, в том числе, союзническим обязательствам. В нашем исследовании эта проблема отчасти затрагивается в рамках вопроса о том, самостоятельны ли были местные, восточномедиземноморские игроки, вели ли они собственную игру и сами манипулировали великими державами в своих интересах, или же были объектами в их глобальной игре. Дж. Мершаймер, например, утверждает в своей книге «Израильское лобби в США», что в период 1960-2000-х гг. в американо-израильских отношениях Вашингтон был зачастую заложником действий и интересов «младшего партнера» — Тель-Авива. Он использовал американскую ответственность за союзника и, как сверхдержавы — за поддержание баланса сил на Ближнем Востоке. Сами мы в этом же ключе подходим к мысли, что и Франция нередко оказывалась орудием в руках арабских государств в их борьбе с Израилем и во время «энергетического шантажа» Запада в 1973-1974 гг.

Говоря о проблеме иерархии государств, стоит отметить, что Мершаймером выводится полезное для нашего исследования понятие не только и не столько мощи великих держав, сколько их «ответственности», способности решать мировые и региональные проблемы. Разделение мощи, ответственности и влияния особенно популярно оказалось у французских исследователей международных отношений, пытавшихся найти определение статусу Франции в биполярной и постбиполярной иерархии государств. Париж сохранял ряд глобальных интересов, атрибутов сверхдержавы, но все же при весьма ограниченной военной и экономической мощи. Поэтому термин «великая держава» казался французским ученым устаревшим, дискредитированным итогами Второй Мировой войны и Суэцкого кризиса, а затем и на фоне политики «величия» де Голля – последней попытки, инерции великодержавного статуса при фактической его потере с крахом колониальной империи. Глобальные изменения в течение Холодной войны и после ее окончания также заставляли французских исследователей, в частности, П. Бонифаса³¹, задаваться вопросом, соответствовала ли Франция титулу «великой державы» и уместен ли он.

Поэтому появились попытки говорить не о «сверхдержавках» и «великих державках», особенно когда последние в ряде вопросов оказывались младшими партнерами первой, а о

---

³¹ Boniface, P. La France est-elle encore une grande puissance? P., 1998.

«державках с глобальной» и «региональной ответственностью». Термин «держава с глобальной ответственностью» или, точнее, с «глобальным влиянием» (*puissance d'influence mondiale*) был введен специально для обозначения Франции уже в постбиполярную эпоху дипломатом, генсекретарем президента Ф.Миттерана и главой французского МИД в 1997-2002 гг. Ю. Ведрином³². Эти исследователи также пытались вплести в определение французского «влияния», несколько отличной от традиционной мощи, разработанный Дж.Наем в 1980-х гг. концепт «мягкой силы» (*soft power*). Однако в изучаемых нами отношениях между Вашингтоном и Парижем на периферии биполярной системы «мягкая сила» не играла той роли, что играли обычные экономические и силовые стимулы. Поэтому, говоря о «мощи», «влиянии» или «глобальной ответственности» Франции в нашем исследовании, мы все же будем расценивать ее как гибрид, градацию, но все же классической мощи.

Мысли Ведрина в вопросе иерархии современных государств позже развивал в своей фундаментальной историко-теоретической работе «Мощь или влияние? Франция в мире с 1958»³³ и французский историк и теоретик международных отношений М. Вайс. Он прослеживал на примере эволюции внешней политики собственной страны периода постколониальной V Республики, со времен де Голля и до президентства Н. Саркози, данный «переход от мощи к влиянию». В своей первой главе — «Елисейская внешняя политика» — Вайс напоминает об атрибутах французской глобальной мощи: обладание ядерным оружием наделяет Францию, по его мысли, особым статусом и помогает поддерживать так называемую «ядерную монархию» (*monarchie nucléaire*)³⁴. Экспорт вооружений на Ближний Восток также остается рудиментом старинной великодержавной «мощи». «Европейский проект» Франции, запущенный ею в 1960-е гг., является уже одновременно и «вектором мощи», и «вектором влияния», так как говорить о традиционной мощи и гегемонии по классическому реализму в глобализированном мире и при эрозии реальной военно-политической мощи Парижа кажется исследователю не вполне уместно.

В то же время единоличная периферийная экспансия Франции в своих бывших колониях в Африке, на Ближнем Востоке и в Азии, по словам Вайса, показывает несоответствие экономических и политических возможностей, а также великодержавных фантомных амбиций из эпохи, когда эти регионы подчинялись Парижу. Вайс видит

³² Védrine, H.; Moïsi, D. *Les Cartes de la France à l'heure de la mondialisation*, P., 2000, P. 13.

³³ Vaïsse, M. *La puissance ou l'influence ? La France dans le monde depuis 1958*. P., 2009.

³⁴ В этом с Вайсом согласен и П.Бонифас. Подробнее см.: Boniface, P.; Courmont, B. *Le Monde nucléaire: arme nucléaire et relations internationales depuis 1945*. P., 2006.

потенциал высокого статуса Франции — «державы с глобальной ответственности» и реализацию «влияния», именно в европейском направлении и интеграции, и уже после – в бывших колониальных регионах, несмотря на мощную и в первую очередь видимую инерцию Парижа в оружейном и энергетическом измерениях как модификации старомодной французской мощи, видит потенциал. Еще одним из путей сохранения этого великодержавного места Вайс видит участие Парижа в качестве посредника при решении мировых проблем.

***

Подытоживая, мы можем заключить, что в нашем исследовании мы в большей степени используем наработки неореализма как наиболее четко объясняющего мотивы взаимодействий государств – именно тех явлений, что мы рассматриваем. Таким образом, в большей степени отвечают целям и задачам нашей работы реализм и неореализм. По большей части действия США и Франции в контактах друг с другом и в описываемой нами «среде» объясняются ключевыми мотивами поведения государств — стремлением максимизации мощи и самосохранения в условиях анархической системы. Складывавшийся в системах баланс сил был сильнее, чем субъективные устремления элит государств. И, наоборот, субъективные действия элит, управлявших государствами, в итоге создавали тот самый баланс сил, возвращал к нему, или пытались вырваться под влиянием все тех же мотивов, что присущи государству. Это — основные постулаты для рассмотрения функционирования систем международных отношений.

Однако так как мы исследуем непосредственно межгосударственные отношения двух стран, а не функционирования всей биполярной системы в целом в 1969-1981 гг., мы можем и должны отходить от системного подхода К. Уолтца в «чистом виде», разделять поведение государств на их составные элементы, обращая внимание и на внутригосударственные процессы, борьбу политических и экономических групп влияния за формирование внешнеполитического курса. Мы также можем использовать наработки теории восприятия в интерпретации Р. Джервиса, и неомарксизма в мир-системном анализе. В вопросе о мотивах государств мы все же склоняемся к постулатам Уолтца, в частности, о том, что военная мощь является частью общей мощи и не глобально определяет мотивы выживания государств, как у Мершаймера.

Обзор источников

Источники, касающиеся проблем соперничества и сотрудничества Парижа и Вашингтона в зоне Восточного Средиземноморья постепенно рассекречиваются, хотя изрядная их часть, относящаяся, например, к событиям исламской революции в Иране в

1979 г. или к американо-израильским отношениям в ходе войны 1973 г., до сих пор остаются секретными. Тем не менее, находящиеся в наличии материалы можно разделить на три условные группы: официальные источники, пресса и источники личного происхождения. Официальные источники являются фундаментом данной работы, поэтому к ним нужно обратиться в первую очередь. Последние, в свою очередь, делятся по степени гласности на момент событий.

Первая группа подобных источников — это публичные документы, изначально находившиеся в свободном доступе. К ним можно, во-первых, отнести резолюции, принятые Советом Безопасности ООН по ситуации в зоне Восточного Средиземноморья — основополагающие документы, на основе которых до сих пор строится во многом арабо-израильское и кипрское урегулирование. Эти источники опубликованные на сайте организации в свободном доступе³⁵. Еще одним образцом открытых документов являются сборники публикаций ОПЕК и ее арабского филиала — Организации арабских стран экспортеров нефти (ОАПЕК). Нами использованы в основном ежегодные отчеты последней³⁶.

Основную источниковую базу, касающуюся политики США в зоне Восточного Средиземноморья в 1969-1981 гг. и отношений с Францией в весь описываемый период составляют сборники американских конфиденциальных документов. Часть из них была рассекречена и опубликована в соответствующих томах сборников «Внешней Политики Соединенных Штатов», большая часть из которых оцифрована и выложена на сайте Госдепартамента. Это тома, относящиеся к администрациям Джонсона — XVIII³⁷, XIX³⁸, XX³⁹; Никсона и Форда — XXIV⁴⁰, XXV⁴¹, XXVI⁴², XXVII⁴³, XXX⁴⁴, XXXI⁴⁵, XXXVI⁴⁶,

³⁵ [Resolutions adopted by the United Nations Security Council](http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/) [Эл.ресурс]

URL:<http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/>

³⁶ OPEC Annual Reports. 1973-1986 Vienna.

³⁷ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968, Volume XVIII, Arab-Israeli Dispute, 1964–1967. Washington, 2000.

³⁸ FRUS. 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. Washington, 2004.

³⁹ FRUS. 1964–1968, Vol. XX, Arab-Israeli Dispute, 1967–1968. Washington, 2001.

⁴⁰ FRUS. 1969–1976, Vol. XXIII, Arab-Israeli Dispute, 1969–1972? Washington, 2015.

⁴¹ FRUS. 1969–1976, Vol. XXV, Arab-Israeli Crisis and War, 1973. Washington, 2011.

⁴² FRUS. 1969–1976, Vol. XXVI, Arab-Israeli Dispute, 1974–1976. Washington, 2011.

⁴³ FRUS. 1969–1976, Vol. XXVII, Iran; Iraq, 1973–1976. Washington, 2012.

⁴⁴ FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Greece; Cyprus; Turkey. 1973–1976, Washington, 2007.

⁴⁵ FRUS. 1969–1976, Vol. XXXI, Foreign Economic Policy, 1973–1976. Washington 2009.

⁴⁶ FRUS. 1969–1976, Vol. XXXVI, Energy Crisis, 1969–1974. Washington, 2011.

XXXVII⁴⁷, E-9⁴⁸, E-14⁴⁹, E-15⁵⁰; а также Картера — VIII⁵¹, IX⁵², XVIII⁵³, XXI⁵⁴. С помощью документов (меморандумов, стенограмм встреч различного уровня, отчетов посольств и разведки), посвященных отдельно Ближнему Востоку, греко-турецкому конфликту, отношениям США с Европой и мерам по борьбе с энергетическим кризисом можно в общих чертах реконструировать американско-французское взаимодействие в интересующем нас регионе с точки зрения Вашингтона. В числе открытых документов также стоит упомянуть сборник «Public papers of the President of the United States»⁵⁵, где собраны официальные бумаги американских президентов интересующего нас периода.

Значительный массив данных для этого исследования дали неизданные документы администрации Никсона, касающихся вопросов национальной безопасности США в 1969-1974 гг. Копии этих документов микрофильмированы и собраны в хронологическом порядке в архиве Центра исследования Америки имени Ф.Д. Рузвельта в городе Мидделбург (Нидерланды)⁵⁶. В особенности они оказались полезны для изучения внутренней динамики американско-французских отношений в малоизученный период «четырёхсторонней инициативы» по Ближнему Востоку 1969-1971 гг., неизвестные ранее подробности скандала с поставкой французских «Миражей» Ливии, а также контактов США и Франции во время и после арабо-израильской войны 1973 г.

Также были использованы электронные ресурсы, содержащие значительное количество конфиденциальной документации. Во-первых, это рассекреченные депеши, телеграммы и записи телефонных переговоров сотрудников ЦРУ, опубликованные на официальном сайте Центрального Разведывательного Управления, включающие телеграммы и внутриведомственную переписку, отчеты о ситуации на Ближнем Востоке, аналитические записки⁵⁷. Сайт Национального Управления Архивов и Документации США (NARA)⁵⁸ также содержит значительное число подобных документов. Иногда часть из них совпадает с теми, что опубликованы во «Внешней Политике» и на сайте ЦРУ. Однако

⁴⁷ FRUS. 1969–1976, Vol. XXXVII, Energy Crisis, 1974–1980. Washington, 2012.

⁴⁸ FRUS. 1969–1976, Vol. E–9, Part 2, Documents on the Middle East Region, 1973–1976 Washington, 2011

⁴⁹ FRUS. 1969–1976, Vol. E–14, Part 1, Documents on the United Nations, 1973–1976 Washington, 2008.

⁵⁰ FRUS. 1969–1976, Vol. E–15, Part 2, Documents on Western Europe, 1973–1976. Washington, 2014.

⁵¹ FRUS. 1977–1980, Vol. VIII, Arab-Israeli Dispute, January 1977–August 1978. Washington, 2013.

⁵² FRUS. 1977–1980, Vol. IX, Arab-Israeli Dispute, August 1978–December 1980. Washington, 2014.

⁵³ FRUS. 1977–1980, Vol. XVIII, Middle East Region; Arabian Peninsula. Washington, 2015.

⁵⁴ FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Cyprus; Turkey, Greece. Washington, 2014.

⁵⁵ Public Papers of the President of the United States. L. Jonson 1964-1968. R.Nixon. 1968-1974.

⁵⁶ Richard, M. Nixon Collection, the Roosevelt Study Center (RSC), Middelburg, the Netherlands // Richard Nixon National Security Files, 1969-1974 (далее - RNNSF RSC) [microfilm]. Ed. by R. E. Lester. National Archives, College Park, Maryland, 2005.

⁵⁷ FOIA/CIA FOIA.[Эл. ресурс] URL: <http://www.foia.cia.gov/search/site/cyprus%201974> (дата обращения 11.07.2020).

⁵⁸ National Archives and Records Administration [Эл ресурс]. URL: <http://www.archives.gov/> (дата обращения 11.07.2020).

частично они заполняют лакуны, которые находятся в основном массиве информации, представленной в вышеназванных источниках.

Отдельную группу источников представляют материалы конгресса США за 1967-1981 гг.⁵⁹ Они содержат в себе различные доклады, зачитанные на сессиях конгресса, записи прений сторон и, наконец, резолюции, которые были приняты конгрессом по обсуждаемым вопросам. Использование этих документов является необходимым для нашего исследования, потому что они содержат выступления сенаторов и конгрессменов, знакомят нас с внешнеполитическими доктринами США, которые имеют немалое влияние на процесс выработки внешней политики.

Важнейшим источником для изучения французской внешней политики является ранее не использовавшийся отечественными исследователями сборник документов серии «Французские дипломатические документы» под редакцией одного из крупнейших французских исследователей международных отношений эпохи Холодной войны М. Вайса, издаваемый с начала 2000-х гг. под эгидой МИД Франции и охватывающий французскую внешнеполитическую активность периода IV и V республик с начала войны в Алжире (1954 г.) по середину 1973 г. Здесь собраны дипломатические и разведывательные депеши, внутриведомственная переписка французского МИД и глав государств, аналитические записки и доклады. В этом сборнике каждый год делится на два тома, документы, в отличие от американских сборников, расположены в строго хронологическом, а не тематическом порядке. Для нашего исследования были отобраны тома, освещающие французскую дипломатию с 1967 г. по 1973 г., а именно том 32⁶⁰, 33⁶¹, 40⁶² 41⁶³, 42⁶⁴, 43⁶⁵.

Кроме этих сборников в числе открытых французских документов также стоит упомянуть сборник «Внешняя политика Франции: тексты и документы» за период с 1967 г. по 1981 г. — по сути бюллетень, в котором публиковались основные публичные акты, касавшиеся французской внешней политики⁶⁶. В этом сборнике и ежегодниках «Политический, экономический, социальный и дипломатический год во Франции»⁶⁷ можно найти важные официальные заявления президентов Франции де Голля и Помпиду и французского МИД. Эти документы дают нам возможность познакомиться с взглядом

⁵⁹ Congressional Record. Proceedings and Debates. Vol. 113-127, 1967-1981.

⁶⁰ Documents diplomatiques français (далее DDF) depuis 1954. Sous la dir. de M. Vaisse. Vol. 32, 1967-II. (1er juillet – 29 décembre). Bruxelles, 2008.

⁶¹ DDF. Vol. 33, 1968-I (1er janvier – 29 juin). Bruxelles, 2009.

⁶² DDF. Vol. 40, 1971-II, (1er juillet – 31 décembre). Bruxelles, 2015.

⁶³ DDF. Vol.41, 1972-I, (1er juillet – 31 décembre). Bruxelles, 2015.

⁶⁴ DDF. Vol. 42, 1972-II, (1er juillet – 31 décembre). Bruxelles, 2017.

⁶⁵ DDF. Vol. 43, 1973-1, (1er janvier – 30 juin). Bruxelles, 2008.

⁶⁶ Politique étrangère de la France: Textes et documents. 1967-1985.

⁶⁷ L'année politique, économique, sociale et diplomatique en France. P. 1967-1973.

французской стороны на ближневосточный регион, проследить развитие отношения Пятой республики к рассматриваемой проблеме.

Французский взгляд на интересующую нас проблему позволяют изучить также документы Евро-арабского диалога за 1973-1979 гг.⁶⁸, а также декларации, принятые на саммитах Совета Европы (такие как, например, Лондонская декларация 1977 г.⁶⁹ и некоторые другие, параллельно публиковавшиеся документы⁷⁰). В них страны европейской «девятки» пытались выработать под настойчивым давлением Франции единое отношение к арабо-израильскому конфликту и его урегулированию, а также к энергетическому кризису. И те, и другие находятся в свободном доступе в интернете, хотя то, что они разбросаны по самым разным ресурсам, электронным архивам европейских организаций и французского МИДа, усложняет их поиск и классификацию.

В нашем исследовании также использованы документы парламентских прений в Национальной Ассамблее Франции с 1973 по 1978 гг. На страницах стенограмм можно увидеть обсуждения некоторых конкретных решений администраций Помпиду и Жискара д'Эстена, таких, как поддержание, а затем отмена деголлевского оружейного эмбарго в отношении арабских стран-участниц конфликта, решение о поддержании его в отношении Израиля, дебаты по поводу скандала с ливийскими «Миражами», вопросы, касающиеся

⁶⁸ Declaration publie a l'issue de la quatrieme session de la Commission Generale du DEA, Damas, 9-11 decembre 1978 [Эл. ресурс] URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/rapports-documents11383/activites-intersectorielles1390/dialogue-euro-arabe27821.html>. (дата обращения 11.07.2020).

Communique final publie a Tissue de la deuxieme session de la Commission Generale Tunis du 10-12 fevrier 1977. [Эл. ресурс] URL: <http://www.medeas.be/index.html?page=&lang=fr&doc=843&highlight=communique> (дата обращения 11.07.2020).

de la Commission Generale d.u DEA de Tunis du 10-12 Fevrier 1977 [Эл. ресурс] URL:

<http://www.medeas.be/index.html7page> (дата обращения 11.07.2020).

Declaration de la Commission Generale du 26-28 octobre 1977, Bruxelles [Эл. ресурс] URL:

<http://www.medeas.be/index.html7page> (дата обращения 11.07.2020).

Decisions du Seminaire de Venise 1977 URL: <http://www.medeas.be/index.html?page=0&lang=fr&doc=52> (дата обращения 11.07.2020)

Declaration de Damas du decembre 1978. [Эл. ресурс] URL: www.dhimmitude.org/archive/byeurabia.doc

Memorandum Conjoint au Caire en 1975. [Эл. ресурс] URL:

[untreaty.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes\(f\)/ILC1975v2f.Pdf](http://untreaty.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes(f)/ILC1975v2f.Pdf) (дата обращения 11.07.2020).

Declaration du DEA a Damas du 11 sept. 1978 [Эл. ресурс] URL: <http://www.medeas.be/index.html7page> (дата обращения 11.07.2020).

La reunion d'experts de la Cooperation Euro-Arabe, a Amsterdam en 1975' [Эл. ресурс] URL :www.franceurope.org/article.php3?idarticle (дата обращения 11.07.2020).

Declaration des Neuf du 6 novembre 1973 concernant la situation au MoyenOrient [Эл. ресурс] URL:

www.doc.diplomatie.gouv.fr/BASIS/epic/www/doc/DDD/1107165185.doc (дата обращения 11.07.2020)

Symposium au Caire du Comite Mixte d'experts du 14 juin 1975. [Эл. ресурс] URL:

www.un.org/documents/ecosoc/cn9/1995/french/ecn91995-5f.pdf L'Association Parlementaire pour la Cooperation

Euro-Arabe Strasbourg du 7-8 juin 1975 [Эл. ресурс] URL: <http://crisolinette.spaces.live.com/blog/> Communique

final la reunion au Luxembourg (18-20 mai 1976) [Эл. ресурс] URL: www.arc.eui.eu/pdfinv/inv-km.pdf (дата обращения 11.07.2020).

⁶⁹ Declaration des Neuf sur le Moyen-Orient du 29 juin 1977, Londres/ Conseil Europeen Londres, 29-30 juin 1977. Ministere des Affaires etrangeres [Эл. ресурс] URL: // www.diplomatie.gouv.fr (дата обращения 11.07.2020).

⁷⁰ Declaration des Neuf sur le Moyen-Orient du 29 juin 1977, Londres/ Conseil Europeen Londres, 29-30 juin 1977/ Ministere des Affaires etrangeres [Эл. ресурс] URL: www.diplomatie.gouv.fr (дата обращения 11.07.2020).

энергетической безопасности Франции, торгово-экономического сотрудничества с арабскими странами, а также ситуацию вокруг поставки и монтажа ядерного реактора «Осирак» в Ираке⁷¹. Особняком стоят опубликованные недавно документы МИД Великобритании, затрагивающие события на юго-восточном фланге НАТО во время Кипрского конфликта 1974 г. Они напрямую затрагивали интересы Лондона, являвшегося страной-гарантом независимости острова и имевшего на нем свои военные базы. Несмотря на то, что в основном сборник закономерно посвящен скорее американско-, греко- и турецко-британским контактам, в нем есть несколько документов, касающихся и участия Франции в этих событиях, дополнительно проясняющие мотивы действий Парижа в этот период⁷²

Так как противостояние на Ближнем Востоке являлось частью биполярного противостояния СССР и США, опорой для данного исследования являются документы⁷³, касающиеся советско-американских переговоров по разрядке международной напряженности, а также непосредственно посвященный проблеме арабо-израильского урегулирования сборник «Ближневосточный конфликт»⁷⁴ в 2 томах под редакцией В. В. Наумкина.

Кроме того, полезным инструментом являются международные аналитические и статистические издания, касающиеся экономики и военного дела в промежуток с 1967 по 1981 г. Здесь стоит упомянуть известный английский аналитический журнал *Military Balance*, публикующий ежегодные отчеты о вооруженных силах мировых государств, о перспективах и особенностях военного строительства разных стран. Нас интересуют разделы, связанные с армиями Ближнего Востока и НАТО, номенклатурой и количеством военной техники, поставленной из США, СССР и Франции. С помощью этих данных можно наблюдать за динамикой проникновения ВПК США и Франции на рынок региона и конкуренцию с советским и британским оружием в зоне Восточного Средиземноморья. Важно то, что торговля вооружениями являлась в большей степени политическим, нежели экономическим явлением, таким образом, динамика изменения укомплектованности арабских армий тем или иным оружием является одним из маркеров изменения степени

---

⁷¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. Comptes Rendus Des Debats au cours de la Ve legislature (1973-1978) [Эл. ресурс] <http://archives.assemblee-nationale.fr/5/cr/> URL: (дата обращения 11.09.2016).

⁷² The Southern Flank in Crisis, 1973-1976: Series III, Volume V: Documents on British Policy Overseas. Abingdon, 2012.

⁷³ Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969-1976: сборник документов. М., 2007

⁷⁴ Ближневосточный конфликт 1947-1967. Из документов архива внешней политики РФ. (в 2-х томах). Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003.

влияния интересующих нас стран на политическое руководство ближневосточных государств⁷⁵.

Наиболее неоднозначным из источников, в котором скомпилированы конфиденциальные документы, в том числе связанные и с американской политикой в зоне Восточного Средиземноморья в 1969-1981 гг., является сайт «Викиликс», а именно его подраздел, названный «Публичной библиотекой американской дипломатии»⁷⁶. Там находятся стенограммы встреч и телефонных переговоров, телеграммы и другие бумаги, у которых ещё не истек срок давности — документы, опубликованные с нарушением законодательства США. Это в основном технические бумаги, и, хотя в процессе ознакомления с ними не найдено некой сенсационной информации, они помогают увидеть собственными глазами механику принятия решений американским руководством.

Мемуарная литература имеет большое значение в рассмотрении американо-французских отношений в зоне Восточного Средиземноморья. В нашей работе использовались воспоминания французских и американских дипломатов, политиков и просто очевидцев событий. Данный вид источников весьма субъективен, однако позволяет посмотреть на ситуацию глазами реальных творцов внешней политики. Из американских политиков в нашем исследовании наиболее ценным является автобиография⁷⁷ Киссинджера, советника по национальной безопасности президента Никсона, а затем и госсекретаря США, сыгравшего ключевую роль в заморозке «Войны Судного дня», первых попыток урегулирования по ее итогам, а также участника событий Кипрского кризиса 1974 г. Для конца 1970-х - начала 1980-х гг. не менее ценными являются свидетельства коллеги Киссинджера, помощника по национальной безопасности президента Картера — З. Бжезинского⁷⁸.

Стоит также отметить и мемуары непосредственно Никсона, хотя они менее подробно, чем описанные выше свидетельства, касаются интересующих нас вопросов американской политики в зоне Восточного Средиземноморья⁷⁹ и воспоминания его преемника в Белом доме Картера⁸⁰. Полезной для работы оказалась книга М. Хейкала⁸¹, египетского политика, приближенного к Г.А. Насеру и Садату. В его мемуарах проливается свет на существенные особенности секретных переговоров между Каиром и Вашингтоном.

⁷⁵ The Military Balance. L., 1973-1979.

⁷⁶ The WIKILEAKS Public Library of US Diplomacy [Эл. ресурс] URL: <https://www.wikileaks.org/plusd/about/> (дата обращения 11.07.2020).

⁷⁷ Kissinger, H. A. The Years of Upheaval. NY, 1982.

⁷⁸ Brzezinski, Z. Power and principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977-1981. N.Y., 1983.

⁷⁹ Никсон, Р. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992.

⁸⁰ Carter. J. Keeping faith: Memoirs of a President. NY, 1983.

⁸¹ Heikal, M. The Road to Ramadan. L., 1975.

Интерес представляют и мемуары премьер-министра Израиля Г. Меир⁸². В ее книге содержатся описания арабо-израильской войны 1973 г., даются яркие характеристики таким политическим деятелям, как М. Даян, Д. Бен-Гурион, М. Шарет.

Важными для нашей темы представляются, во-первых, мемуары президента В. Жискара д'Эстена «Власть и жизнь»⁸³, содержащие ценные сведения и мнения о государственных деятелях Ближнего Востока и о поведении Франции в регионе. В особенности любопытны воспоминания премьер-министра Франции Ж. Ширака (1974-1976 гг.), который играл значимую роль в установлении контактов с ближневосточными странами, в первую очередь, с Ираком, по сути, взяв на себя курирование ближневосточной политики Франции в первой половине срока президента Жискара д'Эстена⁸⁴. Также полезными для понимания взгляда «умеренных» арабов на усилия американцев по урегулированию ближневосточного конфликта были мемуары египетского президента Садата⁸⁵. Очень полезными оказались воспоминания А.Ф. Добрынина, вышедшие под названием «Сугубо доверительно». Он был послом СССР, пока у руля США сменилось шесть президентов, поэтому автор последовательно, в хронологическом порядке записывал процедуру принятия решений по важнейшим событиям международной жизни, не обходя вниманием и ближневосточную политику США.

Также привлечены материалы ведущих периодических изданий Соединенных Штатов, Франции и Великобритании, таких как «Монд», «Нью Йорк Таймс», «Ньюсвик», «Монд Дипломатик», «Юманитэ», «Экономист» и «Файненшл Таймс»⁸⁶. Кроме того, использована информация, освещавшая в газете «Правда» арабо-израильский конфликт и американско-советские отношения с точки зрения Москвы⁸⁷. Сведения из журналистских репортажей и статей, данные пресс-конференций — это источники очень ценной информации, которые дополняют официальные документы.

Кроме того, в работе использовались специализированные журналы по внешней политике, такие как, например, французский «Политик этранжер», англоязычные «Мидл Ист Джорнал», «Интернешнл Эфейрс», «Форин Эфейрс», военный ежегодник «Милитэри Бэлэнс»⁸⁸. Подводя итог обзору источниковой базы работы, хотелось бы подчеркнуть, что

⁸² Меир, Г. Моя жизнь. Чимкент, 1997.

⁸³ Жискара д'Эстен, В. Власть и жизнь. М. 1990.

⁸⁴ Chirac, J. Chaque pas doit être un but. Mémoire. P., 2009.

⁸⁵ Sadat, A. In Search of identity. NY, 1977.

⁸⁶ Economist. L. 1969-1981; Le Monde. 1969-1981. Le Monde Diplomatique, P. 1969-1981; L'Humanité 1973-1979; Newsweek. N.Y., 1969-1981. The New York Times. 1969-1981. Financial Times. 1969-1981.

⁸⁷ Правда. 1969-1981.

⁸⁸ The Middle East Journal. Wash., 1969-1981.; International Affairs. L., 1969-1981; Foreign Affairs. N.Y., 1969-1981.

обозначенный спектр исторических материалов позволяет составить многомерное представление об интересующих нас проблемах.

Степень разработанности темы

В своем исследовании мы опирались на опыт изучения заявленной нами проблематики в отечественной и зарубежной историографии. Так как отдельных исследований, посвященных американо-французским отношениям в зоне Восточного Средиземноморья в 1960-1980-е гг., в отличие от других регионов⁸⁹, нет, то мы использовали литературу на стыках различных тематик. Во-первых, это общие работы, посвященные истории международных отношений в период разрядки. Во-вторых, это исследования взаимодействий Вашингтона и Парижа в общем контексте трансатлантических отношений, работы по смежным темам, в частности, американо-европейским отношениям, исследования по истории внешней политики европейских государств на периферии. Особо мы выделили работы по истории внешней политики США и Франции в северном и южном секторах зоны Восточного Средиземноморья, а также исследования, посвященные политическим процессам в этом регионе на локальном уровне.

I. Работы по истории международных отношений в целом и трансатлантических контактов в период разрядки

Проблема международных отношений эпохи «разрядки», в том числе трансатлантических, начала изучаться советскими исследователями практически сразу, по «горячим следам». Американская внешняя политика воспринимается в работах этого периода как гегемонистская в целом, и в этом плане показательны труды Ю.М. Мельникова⁹⁰. Мотивации действий США и их союзников в период «разрядки» под таким углом рассматриваются, например, крупнейшим советским специалистом в теории ключевой для этой эпохи проблеме ядерного паритета супердержав А.Г. Арбатовым⁹¹.

Разнонаправленные усилия по поддержанию Вашингтоном ведущего и даже «диктаторского»⁹² статуса в западном военно-политическом блоке в период его системного кризиса, совпавшего с «разрядкой», оценка мотивов «американского» и «европейского» крыла НАТО также стали предметом внимания ряда советских исследователей, таких, как В.С. Шеин⁹³, В.Г. Барановский, Г.А. Воронцов, и других, а также коллектива авторов

⁸⁹ Об отношениях США и Франции в Юго-Восточной Азии в отчасти рассматриваемый нами период, в частности, писал О.Е. Мальцев в своей диссертации *Американо-французские отношения в Индокитае в 60-е-70-е гг. XX в.* Курск, 2002.

⁹⁰ Мельников, Ю.М. *От Потсдама к Гуаму.* М., 1974; Мельников, Ю.М. *Имперская политика США: истоки и современность.* М., 1984, Мельников Ю.М. *От Потсдама к Гуаму.* М., 1974.

⁹¹ Арбатов, А.Г. *Военно-стратегический паритет и политика США.* М., 1984.

⁹² Караганов, С.А.; Шеин, В.С. *США – диктатор НАТО.* М., 1985.

⁹³ Шеин, В.С. *США и НАТО: эволюция империалистического партнерства.* М., 1985.

«США-Западная Европа и проблемы разрядки»⁹⁴. В работах этих исследователей отмечается, что Вашингтон, конструируя политику разрядки, намеревался использовать ее как инструмент для восстановления контроля над европейскими союзниками, отчасти утерянного на фоне «кризиса доверия» в НАТО первую половину 1960-х гг.

В 1990-е гг. отечественные исследования по данной проблематике стали гораздо более редкими, снизилась актуальность работ по истории международных отношений времен разрядки в силу распада СССР и снижения роли новой России в мировой политике. В 2000-е гг., на фоне изменения международной обстановки, в отечественной историографии возобновляются и становятся даже более глобальными попытки осмысления периода биполярных отношений и американской политики в рассматриваемый нами период с точки зрения системного подхода к их изучению. Здесь стоит упомянуть значительный коллективный труд сотрудников ИМЭМО РАН, посвященный непосредственно эволюции, соотношению и перспективам европеизма и атлантизма в политике стран Евросоюза⁹⁵, а также обобщающий труд коллектива авторов под редакцией А.Г. Богатурова «Системная история международных отношений», работу А.С. Манькина «Основы общей теории международных отношений»⁹⁶ и написанную им в соавторстве с В.О. Печатновым «Историю внешней политики США»⁹⁷, где, в частности, рассматривается история взаимодействия сверхдержав во время холодной войны с учетом всех ее векторов, и многие другие работы.

Общее расширение подхода к международным отношениям этого периода, в том числе, трансатлантическим проведено усилиями российских исследователей - В.О. Печатнова, А.В. Торкунова, А.А. Сидорова, Т.А. Шаклеиной и других. Особо стоит отметить труды В.И. Батюка — крупного российского исследователя советско-американских, в том числе в период разрядки в 1970-е гг.⁹⁸ В связанной с нашим периодом и сравнительно недавно (в 2018 г.) вышедшей работе «Холодная война между СССР и США» автор уделит внимание ключевым аспектам советско-американских отношений

---

⁹⁴ Барановский, В.Г. Европейское сообщество в системе международных отношений. М., 1986; Воронцов, Г.А. США и Западная Европа. Новый этап отношений. М. 1986; Современные международные отношения и мировая политика/Под ред. А.В.Торкунова. М., 2004; Шаклеина Т.А., Печатнов В.О. США в международных отношениях. М., 2012. Косолапов Н.А. Международные конфликты: эволюция теории (вторая половина XX в.) в: Проблемы американистики. Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. М., 2001.

⁹⁵ Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза. Отв. ред. Н.К. Арбатова. М.2009.

⁹⁶ Манькин, А.С. Основы общей теории международных отношений. М., 2009.

⁹⁷ Печатнов, В.О.; Манькин, А.С. История внешней политики США. М., 2012.

⁹⁸ Батюк, В.И. Трудное партнерство. М., 2008; Батюк В.И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945-2010). Саарбрюкен,2011; Батюк,В.И.Холодная война между США и СССР (1945–1991). М., 2018.

в 1945—1991 гг., обратив особое внимание на гонку ядерных вооружений противостояние Вашингтона и Москвы в региональных конфликтах биполярной эпохи.

В контексте изучения трансатлантических отношений стоит упомянуть российского историка А.В. Пилько, который изучил явление «кризиса доверия» в НАТО в соответствующей работе⁹⁹. Проблему формирования идеологического обоснования разрыва в понимании европейских и американских элит, нашедшего выход в озвучивании концепций «атлантизма» и «европеизма» на протяжении всей второй половины XX века, достаточно детально рассмотрели Ф.Г. Войтоловский¹⁰⁰ и А. Чубарьян¹⁰¹.

В иностранной историографии проблема международных отношений в эпоху разрядки, а также трансатлантических отношений вызывала живой интерес. Особо здесь стоит упомянуть Киссинджера с его работой «Проблемное партнерство. Переоценка атлантического сотрудничества»¹⁰². В ней Киссинджер критикует современный ему (1960-е гг.) американский гегемонизм, считает его вредным в отношениях с Европой и Францией. Он противопоставляет ему «подлинно партнерские отношения», которые попытался реализовать на посту советника по национальной безопасности и госсекретаря. Занимался проблемами функционирования НАТО как каркаса трансатлантических отношений в 1960-1970-е гг. Р. Джордан¹⁰³ с его фундаментальной работой «Политическое руководство в НАТО», а также С. Дюк¹⁰⁴.

Экономический фактор международных отношений эпохи разрядки как движущую силу действий ключевых стран западного лагеря рассматривали и исследователи-неомарксисты, современники эпохи. Неореалист Уолтц, пытавшийся в 1970-е гг. построить максимально «стерильную» схему, в последних главах своей книги подходит к важности именно экономического фактора как ключевого в мощи государства. Его появление во многом обязано марксистской теории, а неомарксисты, в свою очередь, хотя и не используют в качестве ключевого фактора совокупную «мощь» и государство как единственного актора, нередко пересекаются в понятийном поле с неореалистами.

Так, исходящая из концепций британского экономиста Дж. Гобсона марксистская теория В. Ленина об империализме как высшей стадии монополистического капитализма, провоцирующего внешнюю экспансию и эксплуатацию более слабых стран, признается тем же неореалистом Уолцем достаточно изящной. Концепция «неоколониализма» позволила

⁹⁹Пилько, А.В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен. М., 2007.

¹⁰⁰Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка в 1940-2000 годы. М., 2007.

¹⁰¹Чубарьян, А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987.

¹⁰²Kissinger, H. A. The Troubled Partnership: A Reappraisal of the Atlantic Alliance. NY., 1965.

¹⁰³Jordan, S. R. Political leadership in NATO. A Study in Multinational Diplomacy. Boulder, 1979.

¹⁰⁴Duke, S. US Military forces and Installations in Europe. Oxford, 1989.

обновить концепцию «империализма», модернизировав его к реалиям мировой политики после 1945 г., сместив центр противоречий от конкуренции развитых стран к противоречиям «богатых» и «бедных», глобальных «Севера» и «Юга». Эта риторика, между прочим, использовалась Парижем в 1960-1970-е гг. в доктрине «мондиализма», игравшей на признании факта этого противоречия в претензиях на роль Франции как мирового посредника в справедливых отношениях между «центром», которым фактически были США, и постколониальной «периферией».

Неомарксисты однако усматривали в подобных стремлениях Вашингтона, Парижа и других западных государств неокOLONИализм, построенный на эксплуатации неразвитых стран. Так, норвежский левый социолог Й. Галтунг охарактеризовал в 1973 г. неокOLONИализм как «структурный империализм» западных стран, ведущих войны за безопасность «материалов и рынков». Галтунг упирал на предопределенность отношений подчинения и подчиненности государств априори уровнем их экономического и социополитического развития. У Галтунга во главу угла ставилась именно «структурность» и качества отдельных государств в складывающейся глобальной неокOLONИальной системе. Выстраивают вертикальные структуры «доминирующих» и «подчиненных» в мире, по мнению норвежского исследователя, не войны, а «асимметрия мировой торговли», что отчасти пересекается с неореалистским пониманием мощи в ее экономическом аспекте по Уолтцу. Позднее Дж. Нитцан и Ш. Бихлер уточнили феномен «нового империализма»¹⁰⁵ и вновь включили в нее военную силу, в свою очередь, пересекаясь с реалистами. Дж. Нитцан и Ш. Бихлер в своей книге «Капитал как мощь»¹⁰⁶ выделяют собственно капитал как один из видов власти и мощи [power], или, скорее, ее количественное измерение в международной политике, таким образом, вновь сближая позиции реализма и неомарксизма. Достроил же глобально экономико-политическую «системность» в неомарксистском ключе И. Валлерстайн, введший понятие капиталистической «мир-системы» с ядром и периферией¹⁰⁷.

Исключительно важны для понимания сути проблем, затрагиваемых в нашем исследовании мысли, изложенные в вышедшей в канун энергетического кризиса 1973 г. книге американского неомарксиста Г. Магдоффа «Век империализма» (1970 г.)¹⁰⁸. Исследователь обнаружил обратную взаимосвязь между растущей зависимостью ключевых

¹⁰⁵ Nitzan, J.; Bichler, S. New Imperialism or New Capitalism?, Review: A Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems and Civilizations, The Bichler and Nitzan Archives, Toronto, 2006. Vol. XXIX, Iss. 1, P. 1-86.

¹⁰⁶ Nitzan, J.; Bichler, S. Capital as Power: A Study of Order and Creorder. NY, 2009.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. М., 2016.

¹⁰⁸ Magdoff, H. The Age of Imperialism: The Economics of U.S. Foreign Policy. NY, 1969.

западных стран от поставок сырья их третьего мира. Он выяснил, что эта взаимосвязь оборачивается установлением непрямого политического доминирования США в районах критически важных месторождений минеральных ресурсов для защиты интересов американского капитала. Магдофф отмечал, что корпорации используют собственные государства как рычаги давления на более слабые страны и как инструменты конкуренции с капиталистами из стран с равным уровнем развития¹⁰⁹.

Так, как показывается в данной работе, и США, и Франция нередко приносили в жертву своим экономическим устремлениям интересы друг друга. Рассматривая соперничество двух стран на Ближнем Востоке стоит отметить, что оно было во многом соперничеством за возможность сбыта военной и технологической продукции, а также получения углеводородного сырья. Оружейное, промышленное и нефтяное лобби играло весьма значительную роль при формировании курсов Вашингтона и Парижа. Примером соперничества являются Ливия, Греция и ближневосточные арабские страны на рубеже 1960-1970-х гг. Согласно неомарксистам, неокOLONиальная эксплуатация развивающихся стран, «замораживание» их уровня развитыми странами происходит также ради поддержания экс-колоний в подчиненном положении. Ту же тенденцию эта группа исследователей видит и внутри западного лагеря между более и менее развитыми странами. Так, США экономически и политически затормаживает развитие и интеграцию своего конкурента – объединенной Европы, что ярко видно на примере дипломатической тактики США по отношению к европейским союзникам в 1973 г., в рамках «Года Европы», а также на рубеже 1973-1974 гг. на фоне борьбы с возможностью «фронды» ЕЭС во время нефтяного шока.

В 1990-е гг. в американской историографии произошло снижение интереса к эпохе разрядки и тематике трансатлантических эпохи Холодной войны на фоне прекращения биполярного конфликта и не востребованности американской элитой соответствующего опыта. В качестве исключения эпоха противостояния сверхдержав тогда была оценена в обобщающей работе историка и дипломата Р. Гартхоффа¹¹⁰. Исследователь дает подробную картину разрядки с трех сторон: американской, советской и европейской, приходя к выводу, что крах разрядки произошел по вине обеих сторон, конфликтности мышления, а также несинхронности процессов в разных регионах. По другую сторону Атлантики опыт партнерства в Холодную войну продолжили изучать некоторые европейские

---

¹⁰⁹ Magdoff, H. *Imperialism without colonies*. NY, 2003.

¹¹⁰ Garthoff R.L. *Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington, 1994.

исследователи, в первую очередь, французский историк международных отношений Ф.Бозо¹¹¹, считавший одной из причин перехода к разрядке кризис в отношениях в НАТО.

С начала 2000-х гг. на фоне того, как американская гегемония в мире была поставлена под вопрос, интерес к осмыслению итогов и исследованию перипетий биполярного противостояния в эпоху разрядки вновь становится высоким в западной академической среде. Благодаря этому интересу западная историческая наука обогатилась появлением обобщающих работ о международных отношениях конца 1960-х – начала 1980-х гг. Среди них необходимо отметить, в первую очередь, капитальный коллективный труд «Кембриджская история Холодной войны», а именно ее второй том «Кризисы и разрядка»¹¹², изданный в 2010 г. Рассматриваемые нами проблемы затрагивают в той или иной степени главы, написанные такими крупными исследователями международных отношений, как ведущий историк этого периода Дж. Гэддис, П. Ладлоу, Ф. Бозо и др.¹¹³

В 2000-е гг. даже в большем объеме, чем в 1970-1980-е гг., отчасти благодаря рассекречиванию огромных объемов архивных источников и их ввода в научный оборот, а также на фоне кризисных явлений в трансатлантических отношениях после вторжения США в Ирак 2003 г., возрос интерес к прошлому опыту налаживания межсоюзнических контактов. В центре внимания зарубежных исследователей оказалась ситуация 1973 г., а именно провозглашенного тогдашним госсекретарем Киссинджером так называемым «года Европы» в американской внешней политике. Этим явлением в 2000-е – 2010-е гг. занимался ряд западных ученых, в частности, Р. Мун¹¹⁴, К. Гамильтон¹¹⁵, А. Шеху¹¹⁶, С. Петрантонио¹¹⁷ и др. В среде западных ученых «год Европы» стал считаться отдельной

¹¹¹ Bozo, F. *Détente versus Alliance: France, the United States and the Politics of the Harmel Report (1964-1968)*// Vol. 7, No. 3, Theme Issue: Changing Perspectives on European Security and NATO's Search for a New Role. From the 1960s to the Present (Nov., 1998), P. 343-360.

¹¹²The Cambridge History of the Cold War: Vol. 2, Crises and Détente. Cambridge, 2010.

¹¹³ Gaddis, J. L. *Grand strategies in the Cold War*// The Cambridge History of the Cold War. P. 1-21; Ludlow, N. P. *European integration and the Cold War* // The Cambridge History of the Cold War. P.179-197; Bozo, F., *France, "Gaullism," and the Cold War*// The Cambridge History of the Cold War. P. 158-178; Hanhimaki J. M. *Détente in Europe, 1962–1975*// The Cambridge History of the Cold War. P. 198-218; Savranskaya S.; Taubman W. *Soviet foreign policy, 1962–1975* // The Cambridge History of the Cold War. P. 134-157; Di Nolfo Ennio *The Cold War and the transformation of the Mediterranean, 1960–1975*// The Cambridge History of the Cold War. P. 238-257; Burr, W.; Rosenberg, D. A. *Nuclear competition in an era of stalemate, 1963–1975*// The Cambridge History of the Cold War. P. 88-111; Cooper N. R. *Economic aspects of the Cold War, 1962–1975*// The Cambridge History of the Cold War. P. 44-64.

¹¹⁴ Moon R. J. *The Year of Europe: 1973/74 A Study in Alliance Diplomacy*. PhD thesis, The London School of Economics and Political Science (LSE). L., 1994.

¹¹⁵ Hamilton K., "Britain, France, and America's Year of Europe, 1973// *Diplomacy & Statecraft*, Vol. 17, No. (2006), P. 871–895.

¹¹⁶ Shehu, A. *Rethinking the Alliance: Kissinger's Year of Europe and the European Ambitions, 1972–1974*. Pisa, 2015.

¹¹⁷ Pietrantonio, S. *The year that never was: 1973 and the crisis between the United States and the European Community* *Journal of Transatlantic Studies*. Vol. 8. 2010. P.158–177.

вехой в трансатлантических отношениях и американо-французских контактах, несмотря на то, что попытка сближения США со своими европейскими союзниками была перечеркнута войной Судного дня 1973 г. и последовавшим за ней «нефтяным шоком».

Спровоцированные этими событиями системные противоречия в трансатлантических отношениях США с Францией и Западной Европой в 1973-1974 гг., отмеченные взрывным ростом цен на энергоносители первые полторы декады нашего века также, как и предшествовавшая им проблема «Года Европы», стали отдельным предметом исследования в западной историографии. Данная проблема нашла отражение в работах ряда ученых, в частности, М. Шитца¹¹⁸, Д. Пейнтера¹¹⁹, О. Гфеллер¹²⁰, Э. Бини¹²¹, Р. Графа¹²², Н. Мадурейры¹²³, Д. Пейнтера¹²⁴, А. Бельтрана¹²⁵, А. Демани¹²⁶, а также И. Перовича и Д. Кремпина¹²⁷.

Тему преодоления кризиса 1973-1974 гг. в трансатлантических отношениях, равно как и прерванной им попытки сближения — «года Европы» — продолжает разрабатывать, основываясь на неопубликованных ранее документах, американский историк Н.П. Ладлоу¹²⁸. Он считает, что именно президенту Форду удалось достичь больших успехов, чем Никсону и Картеру, в деле выстраивания диалога с Западной Европой и преодоления кризиса в трансатлантических отношениях. Вашингтон при Форде, по мнению Ладлоу, ослабил напряженность трансатлантических отношений и заложил фундамент для обновленной архитектуры межсоюзнических отношений. Вопросы попыток

¹¹⁸ Sheetz, M. Building a European Identity: France, the United States, and the Oil Shock, 1973–1974. *Journal of Cold War Studies*. Volume 16. Issue 4. Fall 2014. P.285-287

¹¹⁹ Painter, D.S. Oil and Geopolitics: the oil crises of the 1970s and the Cold War // *Historical Social Research*, No. 39. 2014.

¹²⁰ Gfeller, A. É. Building a European Identity: France, the United States, and the Oil Shock. Berghahn Books, Oxford, 2012.

¹²¹ Bini, E. A Transatlantic Shock: Italy's Energy Policies between the Mediterranean and the EEC, 1967-1974// *Historical Social Research* No. 150. Vol. 39 (2014). P. 145-165.

¹²² Graf, R. Claiming Sovereignty in the Oil Crisis. "Project Independence" and Global Interdependence in the United States, 1973/74// *Historical Social Research* No. 150. Vol. 39 (2014) 4. P. 43-70.

¹²³ Madureira, N. Luis. Waiting for the Energy Crisis: Europe and the United States on the Eve of the First Oil Shock// *Historical Social Research* No. 150. Vol. 39 (2014) 4. P. 70-94.

¹²⁴ Painter, D. S. Oil and Geopolitics: The Oil Crises of the 1970s and the Cold War// *Historical Social Research* No. 150. Vol. 39 (2014) 4. P. 186-208.

¹²⁵ Beltran, A. La question énergétique en France de 1960 à 1974 : dépendance, crise et rôle de l'État// *Georges Pompidou face à la mutation économique de l'Occident, 1969-1974* (2003), P. 189- 200.

¹²⁶ Demagny A. La présidence française face à la mutation du marché pétrolier, 1969-1974: analyses, anticipations et reactions. // *Georges Pompidou face à la mutation économique de l'Occident, 1969-1974* (2003), P. 223-241.

¹²⁷ Perović, J., Krempin, D. "The Key is in Our Hands: " Soviet Energy Strategy during Détente and the Global Oil Crises of the 1970s// *Historical Social Research*. N 9. Vol. 39 (2014) 4, P. 113-144.

¹²⁸ Ludlow, P. N. The Real Years of Europe? U.S.–West European Relations during the Ford Administration// *Journal of Cold War Studies*. Vol. 15. No. 3. (Summer 2013), P. 136-161.

восстановления трансатлантического диалога, но с упором на экономический фактор, рассматривает в своей диссертации Э. Беннинг¹²⁹.

Общей политике европейских стран на средиземноморском и ближневосточном направлении в 1960-1980-е гг. посвящен сборник «Разрядка в Европе эпохи холодной войны. Политика и дипломатия в Средиземноморье и на Ближнем Востоке» под редакцией Е. Каландри, Д. Кавиглии и А. Варсори¹³⁰. Особенно любопытны с точки зрения реконструкции формирования общей средиземноморской политики ЕЭС в 1960-1970-е гг. и сопутствовавших этому процессу проблем статьи Э. Педалиу¹³¹, Е. Каландри¹³² и Г. Мигани. Вопрос политизации экономического европейского проникновения в регион поднимает Н.Бадаласси¹³³, а попытку экономической интеграции (ассоциации) с ЕЭС арабских стран Ближнего Востока, непосредственных противников Израиля, рассматривает М. Трентин¹³⁴. В контексте изучаемой в нашей работе эффективности действий Франции на восточносредиземноморской периферии перед лицом США важны выводы этих исследователей о том, что создать полноценную средиземноморскую политику Европе мешали не только внутренние противоречия, но и американцы, не заинтересованные в формировании «третьей силы» в Средиземноморье.

II. Работы по американско-французским отношениям в 1960-1980-е гг.

Говоря об американско-французских отношениях в избранный нами период в первую очередь стоит остановиться на общих работах по внешней политике США и Франции, которые дают представления формированию и реализации внешнеполитического курса Вашингтона и Парижа. Отечественная историография советского периода на фоне укрепления франко-советских связей начиная с президентства де Голля начала активно освещать и общую внешнюю политику Франции эпохи разрядки, ее американское и

¹²⁹Benning, E. *Economic Power and Political Leadership: the Federal Republic, the West and the Re-shaping of the International Economic System, 1972-1976*. PhD thesis, The London School of Economics and Political Science (LSE). L., 2011.

¹³⁰Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A. Varsori. NY, 2012.

¹³¹Pedaliu, E. G.H. *Fault Lines in the Post-War Mediterranean and the 'Birth of Southern Europe', 1945–1979: An Overview* // //Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. Ed. by E. Calandri, D. Caviglia and A. Varsori. NY, 2012. P. 15-33:

¹³² Calandri, E. *The United States, the EEC and the Mediterranean Rivalry or Complementarity?* // //Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. Ed. by E. Calandri, D. Caviglia and A. Varsori. NY, 2012. P. 33- 48:

¹³³Badalassi, N. *Sea and Détente in Helsinki The Mediterranean Stake of the CSCE, 1972–1975*. //Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. Ed. by Elena Calandri, Daniele Caviglia and Antonio Varsori. NY, 2012. P.61- 73; Badalassi, N. *Adieu Yalta ? La France, la détente et les origines de la Conférence sur la Sécurité et la Coopération en Europe, 1965 – 1975*. Thèse de doctorat en histoire contemporaine. Université de la Sorbonne nouvelle - Paris III, 2011.

¹³⁴ Trentin, M. *The Distant Neighbours. The Cooperation Agreements between the EEC and the Mashreq, 1977*: //Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. Ed. by E. Calandri, D. Caviglia and A. Varsori. NY, 2012. P. 221 – 232.

европейское направления. Одна из первых крупных работ по этой тематике - вышедшая в 1976 г. работа И.А. Колоскова¹³⁵. В центре внимания советских исследователей была, в том числе, роль Франции как в европейской интеграции, так и в связанных с трансатлантическим сотрудничеством аспектах этого процесса. Здесь стоит упомянуть, в частности, исследователей Л.В. Дубинину, В.Ф. Лаврухина и В.Р. Шока¹³⁶.

В 1980-е гг. отечественные исследователи углубляли понимание основных направлений французской внешней политики. Тогда, в частности, впервые была предпринята попытка обобщения европейской и, отчасти, касающейся этого вопроса трансатлантической активности Парижа в президентство Помпиду, предпринятая В.Н. Васютинским¹³⁷. Эта тема также разрабатывалась Ю.А. Маевским и другими¹³⁸. Интересующие нас в первую очередь отношения Парижа с Вашингтоном, роль Франции в трансатлантических отношениях и ее действия на фоне кризисных явлений в НАТО в 1970-1990-е гг. затрагивают Г. Воронцов, С. Воронцова и В.С. Михеев¹³⁹.

В отличие от американского направления отечественной историографии, в 1990-е гг. интерес к французской внешней политике на фоне расширения и углубления европейской интеграции не ослабевал. Тому свидетельства работы В. С. Шилова¹⁴⁰, а также крупного современного российского франковеда Н.Н. Наумовой. В поле зрения Наумовой находятся, в том числе, различные проблемы французской экономической и политической интеграции, включая особенно интересные для нас попытки построения параллельной НАТО европейской военной организации в 1950-1960-е гг.¹⁴¹ В 2000-е гг. российские исследователи перешли, с одной стороны, к обобщению накопленного материала, освещающая в целом политику Франции за истекшее столетие.

¹³⁵ Колосков, И.А. Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций. М., 1976.

¹³⁶ Дубинина, Л.В. Позиции Франции по вопросам общеевропейского сотрудничества // Проблемы безопасности и сотрудничества в Европе. М., 1979; Лаврухин, В.Ф. Франция и проблема создания политического союза и региональной системы обороны Западной Европы. М., 1974; Нарочницкая Е.А. Франция в блоковой системе Европы. 1960-80-е гг. М., 1993.

¹³⁷ Васютинский, В.Н. Основные направления деятельности французской дипломатии в Европе в годы президентства Ж. Помпиду. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М., 1986.

¹³⁸ Маевский, Ю.А. Франция и «Малая Европа». Планы и реальность. М., 1987.

¹³⁹ Воронцов, Г. Американско-французские отношения в 70-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 1978. №8; Воронцова С.Б. США и Франция. Соперничество и партнерство. М., 1983; Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958-1992). М., 1993.

¹⁴⁰ Шилов, В.С. Внешняя политика и партии во Франции (1969-1981). М., 1994.

¹⁴¹ Наумова, Н.Н. История западноевропейской интеграции. М., 1998; Наумова Н.Н., Чеснова И.Е.. Франция и проблема учреждения военно-политического объединения в Западной Европе. 1950-1954 // Вестник Московского университета. Серия 8: История, издательство Изд-во Моск. ун-та, № 2. С.3-27. Атакишиева, Д.Г., Наумова Н.Н. — Эволюция интеграционной политики де Голля (середина 50-х - конец 60-х гг. XX в.) // Genesis: исторические исследования. – 2021. № 8. С. 28 - 44.

Американо-французскими отношениям уделила внимание в общем контексте французской внешней политики занимается видная современная исследовательница-франковед О.Е. Обичкина, автор фундаментального труда «Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози, (1940–2012)», охватывающего более чем 60-летний период внешнеполитической активности Парижа, как «голлистский», так и «постголлистский». Для нашего исследования, сфокусированного на начале последнего периода, важна данная О.Е. Обичкиной широкая перспектива огромного процесса в трансформации курса Парижа. Его отличала одновременно преобладание политике «величия» де Голля, стремление Франции к автономии и независимости в международных делах и, одновременно, постепенное затухание данного основателем Пятой республики «автономистского» импульса, яркими символом чего стало возвращение Франции в военную организацию НАТО при Н. Саркози в 2009 г. и участие в военной операции против Ливии в 2011 г. вместе с остальными странами альянса — по сути, разрыв с традицией де Голля. Еще один современный исследователь-франковед, чья работа является для нас весьма ценной — это Г.Н.Канинская. Она занимается как предшествующим, так и следующим после избранного нами периода: рассматривает и предпосылки, и развитие кризиса в отношениях с США при де Голле, а также внешнюю политику Ф. Миттерана и современную активность, особо останавливается и на внутренней политике страны, борьбе политических партий, в ходе которой выработывался внешнеполитический курс Парижа на международной арене, сохраняющую «родовые травмы», доставшиеся, в том числе, и от изучаемого нами десятилетия — 1970-х гг.¹⁴²

Зарубежная историография гораздо более полно, чем отечественная, в силу доступа к источникам и большей для нее актуальности темы, освещает ключевое для нас направление — американо-французские контакты в период Холодной войны и «разрядки». Одной из первых ярких работ об интересующем нас временном отрезке американо-французских отношений эпохи заката правления де Голля является работа Х. Амме «НАТО без Франции»¹⁴³, изданная еще в 1967 г., «по горячим следам» в попытке осознать новую политическую реальность в западном мире после выхода Парижа из военной организации альянса. Она отражает настроения американских и европейских интеллектуально-политических элит в момент и сразу после кризиса 1966 г.

¹⁴² Кроме упомянутых выше работ Канинской в контексте предпосылок рассматриваемого нами внешнеполитического курса Франции также см: Канинская Г.Н. Колониальные войны в Индокитае и Алжире и французское общество // Кн.3 – Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века / рук проекта и сост. О.А.Ржешевский. Науч. рук. М.Ю.Мягков/ отв. ред. Ю.А. Никифоров. М., 2008. Г.Н. Канинская Проблема трансформации стран центральной Европы в оценках Франсуа Миттерана // Электронный научно-образовательный журнал История. 2012., № 3. С. 12-13.

¹⁴³ Amme H. Jr. C. NATO without France. Stanford, 1967.

В 1980-е гг. знаковой для изучения американско-французских отношений в эпоху, предшествующую разрядке, стала работа М. Харрисона «Неохотный союзник: Франция и Атлантическая безопасность»¹⁴⁴, в которой глубоко отрефлексированы противоречия партнерских отношений Вашингтона и Парижа с 1950-1970-е гг. в их динамике отдалений и временных сближений при общих стратегических интересах. Тогда же разбирал внешнеполитический курс Парижа в своем капитальном исследовании «Внешняя политика Жискара д'Эстена» разбирал французский исследователь С. Коэн¹⁴⁵ - по сути, автор единственного крупного и глубокого обобщающего труда по международной активности Франции в этот период. В трансатлантическом контексте Коэн оценивает американско-французские отношения как отчасти восстановившиеся после кризиса 1973-1974 гг., однако Париж, по его мнению, в целом оставался привержен прежним, голлистским установкам в контактах с Вашингтоном.

Открывали новую эпоху в исследовании внешней политики Помпиду, отношений Франции с США во время войны Судного дня 1973 г., доклады, опубликованные в материалах коллоквиума под председательством экс-премьера П. Мессмера (в 1972-1974 гг.). Там цитировались не опубликованные до сих пор архивные документы и фрагменты личной переписки, интервью с тогдашними руководителями Франции¹⁴⁶. В 1990-е гг. этой тематикой занимался Ф. Костиглиола¹⁴⁷ и П. Меландри¹⁴⁸. Меландри в более поздних работах приходит к выводу о запрограммированности американско-французского антагонизма обусловленного фундаментальным различием в понимании своих ролей в западном мире, противоречием идей европеизма и атлантизма¹⁴⁹.

С 2000-х по 2010-е гг. произошел взрывной рост публикаций на тему американско-французских отношений в трансатлантическом контексте в среде американских, французских и в целом европейских исследователей. В рамках новой волны интереса к данной тематике Ж. Даллэз¹⁵⁰ переосмысливает и дает общий обзор американско-французских отношений во второй половине XX в. Этот автор ценен еще и тем, что он -

¹⁴⁴Harrison M. *The Reluctant Ally: France and Atlantic Security*. Baltimore, 1981.

¹⁴⁵Cohen, S. *La politique extérieure de Valéry Giscard d'Estang*. P., 1985.

¹⁴⁶Georges Pompidou hier et t aujourd'hui: Témoignages. Colloque 30 novembre et 1er décembre 1989 Sous la présidence de Pierre Messmer. Neuilly-sur-Seine. 1990.

¹⁴⁷Costigliola, F., *France and the United States: The Cold Alliance since World War II*, New York, 1992.

¹⁴⁸Mélandri, P. *Aux origines de la coopération nucléaire franco-américaine // La France et l'atome: Études d'histoire nucléaire*. Sous la redaction de M. Vaïsse et C. Barbier. Bruxelles, 1994.

¹⁴⁹Mélandri, P. *Une relation très spéciale: la France, les États-Unis et l'Année de l'Europe, 1973-1974//Georges Pompidou et l'Europe*. – Sous la dir. de J.-R. Bernard, F. Caron, M. Vaïsse, M. Woimant. - Bruxelles, 1995. P. 89-131; Mélandri, P. *La France et les Etats-Unis*. In: *Politique étrangère*, n°1 - 1986 - 51^eannée. P. 219-246; Mélandri P. *The Troubled Friendship: France and the United States, 1945–1989 // No End to Alliance. The United States and Western Europe: Past, Present and Future*. Ed. by Geir Lundestad. London, 1998. P. 112-133.

¹⁵⁰Dalloz, J. *La France et le monde depuis 1945*. P., 2014.

один из немногих, кто касается американско-французских отношений не только в наиболее популярные у исследователей периоды де Голля и Помпиду, но и в эпоху Жискара д'Эстена, при котором противоречия стали менее публичными, не потеряв однако своей остроты. Основанная на новых архивных материалах, вышедшая в 2000 г. монография С. Берштейна и Ж.-П. Разу впервые подробно осветила принятие внешнеполитических решений администрацией Помпиду¹⁵¹. Наиболее подробно на сегодняшний день в англо-американской историографии на эпохе американско-французских отношений при Никсоне и Помпиду в 1969-1974 гг. остановился М. Трачтенберг¹⁵². Исследователь видит причину охлаждения отношений США с Францией в стимулируемом ею строительстве «единой Европы», грозившем экономическим и политическим противостоянием ЕЭС с США, и на этот фундамент, по мнению Трачтенберга, наслоились кризисы в энергетике и на Ближнем Востоке.

Отношения администраций Никсона и Помпиду в контексте американско-европейских противоречий во Франции занимались Ж.-А. Суту¹⁵³ и крупный французский исследователь международных отношений в эпоху холодной войны М. Вайс¹⁵⁴. Вайс, в отличие от Трачтенберга, считает, что, несмотря на ряд кризисных ситуаций, Франция в начале 1970-х гг. в действительности была не соперником, а «особым партнером», привилегированным союзником США в континентальной Европе.

Упомянутые в методологическом разделе подходы М. Вайса о месте Франции в биполярной системе международных отношений и в иерархии западного лагеря в годы холодной войны развивал также и его сын, исследователь-международник Ж. Вайс, а также историк и политолог Ж.-Б. Дюразель, который, так же, как и Уолтц, отмечал тяжесть мощи и ответственности великих держав для них самих, их недолговечность и хрупкость как гегемонов систем международных отношений¹⁵⁵. Некоторые теоретические вопросы отношений великих держав в биполярную и постбиполярную эпоху поднимала также историк К. Дюрандан, дочь социального психолога Г. Дюрандана, в свою очередь,

¹⁵¹ Berstein, S.; Rioux, J-P. *The Pompidou Years 1969-1974*. Cambridge, 2000.

¹⁵² Trachtenberg, M. *The French Factor in U.S. Foreign Policy during the Nixon-Pompidou Period, 1969-1974*. *Journal of Cold War Studies* Vol. 13, No. 1 (Winter 2011), P. 4-59.

¹⁵³ Soutou, G-H. *Le Président Pompidou et les relations entre les Etats-Unis et l'Europe*// *Journal of European Integration History [JEIH]*. 2000. Vol. 6. No. 2., P. 113-141; Soutou, G-H. *La problématique de la Détente et le testament stratégique de Georges Pompidou*// *Cahiers du Centre d'études d'histoire de la défense*. 2004. No. 22. P. 32-55; Soutou, G-H. *Georges Pompidou et Valéry Giscard d'Estaing: Deux réconciliations et deux ruptures avec les États-Unis*/ G-H. Soutou // *Relations Internationales*. No. 119. 2004, P. 311-312; Soutou, G-H. *Georges Pompidou and US-European Relations*/ Soutou, G-H// *Between Empire and Alliance: America and Europe during the Cold War*. Ed. by M. Trachtenberg. NY, 2003., P. 157-187.

¹⁵⁴ Vaïsse, M. 'Les "relations spéciales" franco-américaines au temps de Richard Nixon et Georges Pompidou//*Relations internationales*. No 119. 2004. P. 345-62.

¹⁵⁵ Подробнее см.: Dusoselle, J-B. *Les relations internationales de 1968 à nos jours*. P., 1978; Dusoselle, J-B. *Tout empire périra: théorie des relations internationales*. P., 1981.

наработки последнего полезно использовать при работе с «теорией восприятия» Джервиса. Она также пыталась определить место Франции и ее статус в американоцентричном западном лагере после 1945 г.

III. Общие работы по международным процессам в зоне Восточного Средиземноморья в 1960-1980-е гг.

Переходя непосредственно к региону внешнеполитической активности рассматриваемых нами стран, стоит сказать, что о международных процессах и конфликтах в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке написано немало работ. В нашем исследовании мы постарались использовать те их них, которые дают фундаментальное представление о динамике и причинах происходившего в регионе. Их, в свою очередь, можно разделить на две группы.

Первые рассматривают крупнейшие конфликты (арабо-израильский и греко-турецкий) как отражение шедшего во всем мире биполярного противостояния и сопутствовавших ему процессов. К ним стоит отнести исследования отечественных историков международных отношений. Применительно к рассматриваемому нами периоду стоит упомянуть, в первую очередь, работу советского и российского историка О.А. Колобова¹⁵⁶, в которых он занимается политикой западных стран, в первую очередь, американской, применительно к периферии. Проблемой вмешательства западного блока в процессы региона, в первую очередь, в Персидском заливе, стали заниматься также советские ученые Р.В.Макарян¹⁵⁷, В.В. Машин, А.И. Яковлев¹⁵⁸. Ливийскую проблему как отдельный вопрос, интересовавший как супердержавы, их союзников и региональные силы, из отечественных ученых в 2000-е гг., изучал В. И. Бартенев¹⁵⁹. Проблемой влияния энергетического фактора на международные отношения на Ближнем Востоке занимались в

---

¹⁵⁶ Колобов, О.А. США и страны Ближнего Востока во времена «холодной войны». Горький, 1983; Колобов, О.А. Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины. Н.Новгород. 1993; Колобов, О.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль. и стран Западной Европы. Н.Новгород. 1993.

¹⁵⁷ Макарян, Р.В. Зона Персидского залива в планах и политике Запада. М. 1985.

¹⁵⁸ Машин, В.В.; Яковлев А.И. Персидский залив в планах и политике Запада. М., 1985.

¹⁵⁹ Бартенев, В.И. Ливийская проблема в международных отношениях в 1969-1991. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2008. Бартенев В.И. Ливийская проблема в международных отношениях в 1969-2008 гг. М. 2009. Бартенев, В.И. Политика Великобритании в отношении Ливии (1951–1969): Парадоксы избирательного вмешательства и взаимодействия с США/ В.И Бартенев// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 4. С.113-151.

1960-1980-е гг. такие ученые, как В.А. Борисов¹⁶⁰, А.М. Васильев¹⁶¹, Р.О. Инджикян¹⁶² и А.А. Фурсенко¹⁶³.

Энергетическая проблема рассматривалась ими как часть концепций империализма и колониализма, борьбы за ресурсы и рынки сбыта, конкуренции капиталистических стран и их стремления к экспансии экономической и политической в третьем мире. Из современных российских исследователей, занимавшихся проблемой энергетики в 1960-1980-е гг., особо отметить О. Н. Скороходову, осветившую и обобщившую в своей диссертации¹⁶⁴ и в вышедшей в 2021 г. монографии¹⁶⁵ такие ключевые для нашего исследования проблемы, как связанный с арабо-израильским конфликтом Энергетический кризис 1973-1974 гг. и растущую роль ОПЕК как коллективного игрока, смещивавшего карты американским стратегам. Также отдельно в своей статье¹⁶⁶ Скороходова осветила и второй энергетический кризис 1979-1980 гг., спровоцированный уже исламской революцией в Иране и ирано-иракской войной, а также реакцию на него Западной Европе и США.

Иностранная историография взаимодействия западного лагеря с зоной Восточного Средиземноморья в биполярном контексте также достаточно богата. Здесь стоит остановиться на «аналоге» Примакова, только в ближневосточной политике США — видном американском исследователе международных процессов У.Квандте, бывшем сотруднике администраций президентов Никсона и Картера. Один из современников и архитекторов тогдашнего арабо-израильского урегулирования со стороны США в эпоху разрядки, он в своих работах оценивает противоречивые итоги деятельности западных стран в процессе ближневосточного урегулирования в 1970-е гг.¹⁶⁷

Из иностранных работ конца XX — начала XXI в. стоит остановиться на работах И. Гинора и Г. Ремез¹⁶⁸, рассматривающих ближневосточный конфликт как продукт

¹⁶⁰ Борисов, В.А. Персидский залив. Большая нефть — большая политика. // Азия и Африка сегодня. №3. 1961.

¹⁶¹ Васильев, А.М. Нефть: монополии и народы. М., 1964; Васильев А.М. Факелы Персидского залива. М. 1976.

¹⁶² Инджикян, Р.О. ОПЕК в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1983.

¹⁶³ Фурсенко А.А. Нефть и политика. История и современность. //Новая и Новейшая история. №3. 1987.

¹⁶⁴ Скороходова, О. Н. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973-1986)..Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2015.

¹⁶⁵ Скороходова, О. Н. Эпоха великих потрясений: энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны. М. 2021.

¹⁶⁶ Скороходова, О. Н. Европа и Энергетический кризис 1979-1980 годов: поучительные уроки// Современная Европа. №1 (61) 2015. С.104-115.

¹⁶⁷ Quandt W. The Western Alliance in the Middle East: Problems for the US Foreign Policy// The Middle East and the Western Alliance. Ed. by. S. L. Spiegel. London 1982. P 1-9.

¹⁶⁸ Ginor, I.; Remez G. The Middle Eastern Test of Détente: The Direct Role of the USSR in the Yom Kippur War, 1973 //Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. Ed. by E. Calandri, D. Caviglia and A. Varsori. NY, 2012. P. 125-140.

«дестабилизирующего» влияния СССР на процесс разрядки, М. Керра, изучившего стратегии и поиски точек опоры США в регионе в его противостоянии с СССР, а также отношение к арабо-израильскому конфликту и как к прокси-войне с Москвой, и как к локальному конфликту¹⁶⁹, Д. Корна, рассматривающего попытки урегулирования с США в контексте американо-советских тайных переговоров¹⁷⁰, Дж. Саккаса¹⁷¹, сравнивающего кризисы 1973 и 1974 гг. в Средиземноморье с точки зрения влияния на разрядку, М. Криччо¹⁷², останавливающийся на месте Ливии в региональном конфликте на фоне биполярного противостояния, а также А. Тарока¹⁷³, исследующего вмешательство супердержав в ирано-иракскую войну.

Последний конфликт как крупную геополитическую проблему исследует также французский исследователь П. Разу в своей монографии, где он освещает как локальные, так и глобальные аспекты войны, связанные с вмешательством иностранных, нерегionalных держав — США, СССР, стран Европы¹⁷⁴. В целом в 2000-е гг. противоречивые действия стран Запада по отношению к Ираку и их интересы в этой стране исследует также Б. Ландо¹⁷⁵. Также касается влияния супердержав и великих держав на арабо-израильский конфликт А. Диекхофф¹⁷⁶.

Греко-турецкий конфликт в контексте биполярного противостояния и внутренних противоречий в западном блоке интересовал советских ученых уже в 1960-1970-е гг., в первую очередь, на фоне наблюдаемых ими кризисных явлений в НАТО, а также в контексте планов альянса в отношении Восточного Средиземноморья. Так, в книге В. Шмарова «Кипр в Средиземноморской политике НАТО»¹⁷⁷ поведение руководимого США военного блока в этой ситуации объясняется с точки зрения «реальной политики». Шмаров описывает подтверждаемые ныне на основании новейших источников планы расчленения Кипра между Грецией и Турцией с целью нейтрализовать их конфликт.

¹⁶⁹Kerr, H. M. *America's Middle East Policy: Kissinger, Karter and the future*. Beirut, 1980.

¹⁷⁰Korn, D. *US-soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan* // *The Middle East Journal*. 1990. Vol. 44. No.1. P. 37-50.

¹⁷¹Sakkas, J. *Conflict and Détente in the Eastern Mediterranean: From the Yom Kippur War to the Cyprus Crisis, October 1973–August 1974*//*Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East*. Ed. by E. Calandri, D. Caviglia and A. Varsori. NY, 2012. P. 141-154.

¹⁷²Cricco, M. *Gaddafi's Libya: From Uncertain Alignment with the USSR to Support for Arab Terrorist Movements in the Mediterranean, 1974–1986*//*Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East*. Ed. by E. Calandri, D. Caviglia and A. Varsori. NY, 2012. P. 233-240.

¹⁷³Tarock A. *Superpowers' Involvement in the Iran-Iraq War*. NY, 1998.

¹⁷⁴Razoux, P. *The Iran-Iraq War*. Harvard, 2015.

¹⁷⁵Lando. B. *Web of Deceit: The History of Western Complicity in Iraq, from Churchill to Kennedy to George W. Bush*, NY, 2007.

¹⁷⁶Diekhoff, A. *Israéliens et Palestiniens : la guerre en partage*. P., 2003.

¹⁷⁷Шмаров, В.А. *Кипр в средиземноморской политике НАТО*. М, 1982.

Другой советский исследователь, В. Шеин рассматривает¹⁷⁸ проблемы южного фланга НАТО в целом, затрагивая и Кипрский конфликт. Автор считает, что в 1970-е гг. этот фланг военного блока претерпевал определенный кризис в отношениях с США. Кипрской проблемы в контексте блокового противостояния касается работа П. Жилина «Государства НАТО и военные конфликты»¹⁷⁹.

Кипрскую проблему в рамках военных отношений с США, Грецией и с блоком НАТО освещает советский исследователь Б.М. Поцхверия в капитальной монографии «Внешняя политика Турции после Второй Мировой войны»¹⁸⁰. Автор отмечает противоречия и напряженность в отношениях союзников по НАТО, но не питает легкомысленных надежд на значительное ослабление блока, как некоторые исследователи – современники Кипрского кризиса. Работа советского исследователя А. Шевченко¹⁸¹ любопытна тем, что, будучи взглядом на состояние альянса извне, она подробно раскрывает состав армий, стратегические планы, военно-технические, мобилизационные и военно-экономические возможности членов блока, в том числе и юго-восточного фланга НАТО. Отдельно стоит упомянуть и статью российских военных исследователей А. Коряковцева и С. Ташлыкова о создании и деятельности советской Средиземноморской эскадры в 1960-1980-е гг., ставшей одним из факторов, оказывавших влияние на политику как США, так и Франции в зоне Восточного Средиземноморья применительно к обоим ключевым конфликтам макрорегиона – арабо-израильскому и греко-турецкому¹⁸².

Иностранные исследователи также пристально следили за развитием греко-турецкого конфликта в контексте проблемы целостности НАТО пытались осмыслить итоги этих процессов с дистанции нескольких десятилетий, в начале нового столетия. Из относительно ранних работ эту проблему осветил в начале 1980-х гг. С. Ларраби¹⁸³. Он затрагивает проблемы Кипра и Эгейского региона как основополагающие для данного участка альянса в описанный период. В том же ключе и в том же десятилетии уделено внимание проблеме этой части военно-политического блока НАТО в работе Дж. Алфозда «Греция и Турция. Соперники в Альянсе»¹⁸⁴. Греческий фактор в функционировании

---

¹⁷⁸Шеин, В.С. НАТО и кризис в Восточном Средиземноморье// Мировая экономика и международные отношения. 1974. №12. С.87-92. Шеин, В.С.США и Южная Европа: кризис атлантического партнерства. М., 1979.

¹⁷⁹Жилин, П. А. Государства НАТО и военные конфликты. М., 1987.

¹⁸⁰Поцхверия, Б.М. Внешняя политика Турции после Второй Мировой Войны. М., 1981.

¹⁸¹Шевченко, А.М. Армии стран НАТО. М., 1974

¹⁸² Коряковцев, А.А.; Ташлыков, С.Л. Передовой рубеж обороны на юго-западном стратегическом направлении//Военно-исторический журнал, № 7, 2017. С.5-8.

¹⁸³Larrabee, S. The Southeastern periphery: Greece and Turkey// Problems of Balkan Security: Southeastern Europe 1980's. Washington, 1990, P. 172-186.

¹⁸⁴Alfoed, J. Greece and Turkey. Adversary in Alliance. NY, 1984.

западного военного блока рассматривает Э. Педалиу¹⁸⁵, связь кипрского и ближневосточного конфликта в политике западных держав, в первую очередь, американской, освещает Дж. Саккас¹⁸⁶.

Ко **второй группе** использованных нами работ, рассматривающих конфликты в зоне Восточного Средиземноморья не как часть общемирового биполярного противостояния, а, прежде всего, как результат региональных межгосударственных социально-экономических противоречий, относятся некоторые исследования арабо-израильского конфликта советского и российского востоковеда Е.М. Примакова¹⁸⁷. Под таким углом ближневосточную проблему осветили также отечественные ученые В.В. Наумкин¹⁸⁸, Ахмедова В.М.¹⁸⁹ Генезис ирано-иракской войны как регионального противостояния, начала которой касается отчасти и наше исследование рассматривает А. Абалян¹⁹⁰.

На региональном уровне, в контексте борьбы местных центров силы, активно изучали арабо-израильский конфликт и в зарубежной историографии. Применительно к рассматриваемой нами эпохе стоит отметить статью Х. Бичара¹⁹¹, пытающегося дать взгляд на вмешательство внешних игроков со стороны арабов, считая, что их конфликт с израильтянами был первичней внесенного извне биполярного элемента. В этом же контексте стоит упомянуть труд Я.Д. Бикертон¹⁹², который уже в 2000-е гг. рассматривает эволюцию противоречий между новоприбывшим еврейским населением в Палестину и арабами от объявления Израилем независимости вплоть до интифады. Ирано-иракский конфликт не как продукт борьбы супердержав и их союзников, а как глубоко региональную проблему, следствие гегемонистских амбиций Багдада в 1970-1980-е гг. исследовал французский историк Ф. Рондо¹⁹³. Рондо также рассмотрел¹⁹⁴ локальные причины ирано-иракской войны.

¹⁸⁵ Pedaliu, E. A Discordant note: NATO and Greek Junta, 1967-1974// *Diplomacy and Statecraft*. mar. 2011, Vol. 22, P.101-120.

¹⁸⁶ Sakkas, J. The Greek dictatorship, the USA and the Arabs 1967-1974 // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. Vol. 6, No. 3 Dec. 2004, P.245-257.

¹⁸⁷ Примаков, Е.М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982; Примаков, Е.М. Египет: время президента Насера. М., 1981; Примаков Е.М. Персидский залив: нефть и монополии. М., 1985.

¹⁸⁸ Новейшая история арабских стран Азии и Африки в 2-х томах (отв. ред. Наумкин В.В.). М., 1989—1990.

¹⁸⁹ Ахмедов, В.М. (ред.) Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. М., 2002.

¹⁹⁰ Абалян, А. Причины и предпосылки ирано-иракского вооруженного конфликта 1980–1988 годов. Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 2. С.94-101.

¹⁹¹ Bichara, K. Europe and the Arab-Israeli conflict: an Arab perspective / K.Bichara // *European Foreign Policy-Making and the Arab-Israeli Conflict*. Ed.by: D. J. Allen, A. Pijpers. Hague, 1984. P.161-187.

¹⁹² Bickerton, J. J. *The Arab-Israeli Conflict. A History*. L. 2009

¹⁹³ Rondot, Ph. L'Irak: une puissance en devenir régionale/Politique étrangère. Vol. 45 No 3. P., 1980.

¹⁹⁴ Rondot, Ph. La guerre du Chatt al-Arab: les raisons de l'Irak// *Politique étrangère*. Année 1980. No 4 (45). P. 867-879.

Греко-турецкий конфликт на Кипре и в Эгейском море как, в первую очередь, локальное этно-конфессиональное и региональное межгосударственное противостояние начиная с 1960-х гг. рассматривал ряд отечественных ученых. Среди ранних исследований о роли Греции в описываемых событиях стоит упомянуть книгу В. Меньшикова¹⁹⁵. В современной российской историографии политических процессов в Греции в 1960-1970-е гг., в частности, возникновения и крушения диктатуры «черных полковников», а также прихода к власти К. Караманлиса и отчасти связи этих событий с греко-турецким конфликтом, касаются видные историки и специалисты по Греции в Новое и новейшее время Т.В. Никитина¹⁹⁶, О.Е. Петрунина¹⁹⁷, а также Е.Г. Круговая¹⁹⁸. Обобщил наработки отечественной историографии по развитию Кипрского конфликта О.Н. Бредихин¹⁹⁹. Среди западных ученых, изучавших греко-турецкий конфликт на **региональном и локальном** уровне начиная с 1960-х гг. и по 2000-е гг., стоит упомянуть очевидца и участника урегулирования кипрского конфликта Д. Битсиоса²⁰⁰, А. Стегенду²⁰¹.

IV. Работы по политике США и Франции в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья

Политику США по отношению к Греции, Турции и вспышки конфликтов между ними в 1967 и 1974 гг. активно рассматривала советская историография, однако обстановка после 1975 г и освещена ими гораздо более скупо. Одни из редких примеров разработки темы греко-турецкого конфликта во второй половине 1970-х гг. в интересующую нас эпоху является И. Смольняк, который рассматривает греко-турецкий конфликт в контексте американо-турецких отношений при администрациях Дж. Форда и Дж. Картера²⁰². Взгляды американской элиты на ведение политики в Третьем мире в условиях биполярного противостояния, в том числе, в отношении юго-восточного фланга НАТО, осветила также

¹⁹⁵Меньшиков, В.М. На стратегическом перекрестке. М., 1975.

¹⁹⁶Никитина, Т.В. Трудный путь политика (Кипрский вопрос в политике Греции 50-60-х гг. XX в.) // Родина (спецвыпуск), 2010. С. 120-122; Никитина Т.В., Степанидина В.И.// Демократизация Греции после военного режима «черных полковников» (1974-1975). Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. №10,2018. С.136-153.

¹⁹⁷Петрунина, О. Е. Национальная идея в идеологическом обеспечении военного режима в Греции В (1967-1974)// Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество) №1, 2006 г.

¹⁹⁸Круговая, Е.Г. Экономическое и политическое развитие Греции в период правления "черных полковников" 1967-1974 гг. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2002.

¹⁹⁹Бредихин, О.Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006.

²⁰⁰Bitsios S. D. Cyprus: The Vulnerable republic. Salonika, 1975.

²⁰¹Stegenga A. J. The United Nation Force in Cyprus. Columbus, 1968.

²⁰²Смольняк, И.В. Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американо-турецких отношениях, 1962-1978 гг.// Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 12. С. 42-53.

Е.Н. Глазунова²⁰³. Современная зарубежная историография политики США в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья в 1960-1980-е гг. касается таких важнейших тем, как дестабилизация обстановки в юго-восточном сегменте НАТО, выход Афин из военной структуры и практически одновременное, хотя и в разной степени, ухудшение отношений Греции и Турции с США. В целом с точки зрения двусторонних американско-турецких и американско-греческих отношений как основополагающих для юго-восточного фланга НАТО, в первую очередь стоит назвать обширный коллективный труд под редакцией американско-турецкого исследователя Б. Орана «Турецкая Внешняя Политика 1919-2003»²⁰⁴. В 1980-е гг. работу о южных и юго-восточных членах НАТО, состоянии его «южного фланга» и отношениях его «звеньев» между собой, с окружающей периферией и с США написал Дж. Чипман²⁰⁵, историей интеграции Греции в альянс и ее функционирования там до конца 1980-х гг. занимался В.Папакосма²⁰⁶.

Схожей тематикой занимается и турецкий исследователь Н. Услу, работы которого о Кипрском конфликте и турецко-американских отношениях²⁰⁷ существенно дополняют вышеназванный обобщающий труд. Отношения Вашингтона и Афин в период режима «черных полковников» освещаются Й. Кофасом²⁰⁸, а также С. Ризасом²⁰⁹. В 2000-е гг. в зарубежной историографии произошла глубокая критическая переоценка действий США в зоне греко-турецкого конфликта. Часть современных западных исследователей высказывает похожие на продвигаемые советскими учеными Шмаровым и Шиловым тезисы о причастности США к кризису 1974 г. как заинтересованной стороны. И если у И.-А. Сленгесола²¹⁰ конфликт июля-августа 1974 г. еще воспринимается как возможная «ошибка» Киссинджера, то известная среди специалистов книга «Кипрский сговор» Б.

²⁰³Глазунова, Е.Н. Либерально-консервативный консенсус в США по отношению к конфликтам на периферии биполярного мира 1945-1970-е гг. // Памяти профессора Н.Б. Сивачева. США. Эволюция основных идейно-политических концепций. М., 2004.

²⁰⁴Oran, B. Turkish foreign policy 1919-2006. Facts and Analyses with Documents. Salt Lake City, 2010.

²⁰⁵Chipman, J. NATO's southern Allies: Internal and External Challenges/ J. Chipman. – L.: Routledge, 1988. – 412p.

²⁰⁶Papacosma, V. Greece and NATO/ V. Papacosma // A history of NATO. The First Fifty Years. Ed. by G. Schmidt. - Vol. 3. NY, 2001. P. 359-374.

²⁰⁷Uslu, N. The Cyprus Question as an Issue of Turkish Foreign Policy and Turkish-American Relations, 1959-2003. Kirikkale, 2003; Uslu N. The Turkish-American Relationship Between 1947 and 2003: The History of a Distinctive Alliance. NY, 2003

²⁰⁸Kofas, J. V. Under the Eagle's Claw: Exceptionalism in Postwar U.S.-Greek Relations. L., 2003.

²⁰⁹Rizas, S. The Greek military regimes policy towards Cyprus, 1967-1974// A publication of Mediterranean Slavic and Eastern Orthodox studies. University of Minnesota Vol.18/19, 2002/2003. P. 239-252.

²¹⁰Slengesol, I-A. A Bad Show? The United States and the 1974 Cyprus crisis//Mediterranean Quarterly. 1/4/2000. P. 96-129.

О’Малли и Я. Крейга²¹¹ напрямую доказывает сознательное разжигание конфликта Вашингтоном. Схожую позицию занимают также Я. Амуссен²¹² и Г. Уоррер²¹³.

Французская политика в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья в силу объективных причин менее связанная непосредственно с НАТО, освещена гораздо меньше. В отечественной историографии нет сколько-либо значимых работ и даже частных исследований на эту тему, бедна в этом плане и зарубежная. В немногочисленных иностранных исследованиях основной акцент делается на франко-греческие отношения, как входящие в рамки политики Парижа по европейской интеграции и соперничеству с США.

Пожалуй, единственным глубоким исследователем в этой области является французский историк Р. Пласманн, издавший в 2012 г. книгу «Как в Пасхальную ночь? Франко-греческие отношения в 1944-1981 годах»²¹⁴ - первую и, насколько нам известно, пока единственную комплексную попытку реконструкции истории развития отношений Парижа и Афин в Холодную войну и эпоху «разрядки». Как частным вопросом франко-греческих отношений Пласманн занимался и греко-турецким конфликтом²¹⁵. Отдельно в вышедшей в 2020 г. статье отношений Парижа и диктатуры «черных полковников» в 1967-1974 гг. касается М. Вайс²¹⁶.

И Пласманн, и Вайс в этом плане являются первопроходцами, причем первый пользуется исключительно архивными документами, а второй – как архивными, так и лишь недавно изданными сборниками по истории французской внешней политики. Значимой во франко-греческих отношениях того периода темы прав человека в Греции и связанных с ней дипломатических скандалов между Парижем и Афинами касается В. Вардабассо²¹⁷. Еще менее разработана тема франко-турецких отношений в период Холодной войны. Крупных обобщающих работ по ней, подобной труду Пласмана, до сих пор нет. Тем не менее, есть

---

²¹¹O’Malley B, Craig I. The Cyprus Conspiracy. London, 2001.

²¹²Amussen, J. Cyprus at war. Diplomacy and conflict during 1974. L., 2008.

²¹³Warrer, G. The United States and The Cyprus Crisis of 1974// International Affairs. 1. 1. 2009 Vol. 85, P. 129-143.

²¹⁴Plassmann, L. Comme dans une nuit de Pâques? Les relations franco-grecques 1944-1981. Bruxelles, 2012.

²¹⁵Plassmann, L. De l’émérgence de la question de Chypre à la crise de 1974 : le problème chypriote dans les relations franco-grecques// Matériaux pour l’histoire de notre temps 2010/3 (N° 99) P. 98-104.

²¹⁶Vaisse, M. France and the Grec colonels // The Greek Junta and the International System: A Case Study of Southern European Dictatorships, 1967-74 Ed.by: A.Klapisis, C. Arvanitopoulos, E. Hatzivassiliou, E. G. H. Pedaliu. L. 2020. P. 27–38.

²¹⁷Vardabasso, V. Échec aux Colonels. La diplomatie parlementaire dans la crise grecque//Revue d’Histoire Diplomatique. 2013. No. 2 (127). P.179-199.

исследователи, которые задевают эту тему кратко в контексте европейской интеграции, как, например, Е. Карамузи²¹⁸ и Г. Яннопулос²¹⁹.

V. Работы о политике США и Франции в южном секторе зоны Восточного Средиземноморья

Ближневосточной политике США и Франции посвящен обширный круг работ как отечественных, так и западных ученых. Мы постарались отобрать для нашего исследования те из них, которые максимально освещали данный вопрос в период 1969-1981 гг. Говоря об отечественных работах по американской внешней политике на Ближнем Востоке в период разрядки из трудов советского периода (1970-1980-х гг.) стоит отметить, прежде всего, работы В. Кременюка²²⁰. Ю. Мельникова²²¹, Л. Медведко²²² и Р. Овинникова²²³. Оригинальными являются мысли пограничной между мемуарами, фундаментальным историческим трудом и аналитической работой книги Е.М. Примакова «Ближний Восток на сцене и за кулисами»²²⁴. Генезисом стратегического партнерства США и Израиля занимается современная исследовательница Л.Р. Хлебникова²²⁵.

Ближе всех к избранному нами ракурсу изучения внешней политики США на восточносредиземноморской и ближневосточной периферии Холодной войны подходит современный российский исследователь А. Уразов. В своей работе «Время перемен»²²⁶ он рассматривает предшествующий нашему исследованию период и взаимоотношениям США – входящего в Ближний Восток гегемона, и Великобританию – гегемона уходящего в 1950-х — середине 1960-х гг. Здесь особенно интересен процесс сначала коллегиальных решений в традиционно «британском» регионе, а потом и «передачи полномочий», зон ответственности и сфер влияния в канун официального отказа Лондона от роли главной военно-политической силы «к востоку от Суэца». Ролью США в Ирано-иракской войне занималась современный историк А. Злотникова²²⁷.

²¹⁸Karamouzi, E. Greece, the EEC and the Cold War 1974-1979: The Second Enlargement. L., 2014.

²¹⁹Yannopoulos, G. N. Greece and the EEC: Integration and Convergence. NY, 1986.

²²⁰Кременюк, В.А. Политика США в развивающихся странах: проблемы конфликтных ситуаций. 1945-1976. М., 1977; Кременюк В. А. Уроки холодной войны. М, 2015.

²²¹Мельников, Ю.М. Имперская политика США: истоки и современность. М., 1984.

²²²Медведко, Л.И. К востоку от Суэца. М. 1980.

²²³Овинников, Р.С. Зигзаги внешней политики США. М., 1986.

²²⁴Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М., 2006.

²²⁵Хлебникова, Л.Р. США и Израиль в 1960-е годы XX века: у истоков особых отношений.//Новая и новейшая история. №3, 2015.

²²⁶Уразов, А. Время перемен. Эволюция внешней политики США и Великобритании на Большом Ближнем Востоке в первые годы Холодной войны. М., 2019.

²²⁷Злотникова, А.Е. Политика США в отношении Ирака в 1980-е гг. Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2009. № 1. С.39-49.

Американская и в целом западная историография внешней политики США на Ближнем Востоке достаточно обширна, коль скоро данная тема была в центре внимания зарубежных аналитиков и историков с середины 1960-х гг. Уже к середине 1970-х гг. в зарубежной науке появились первые попытки исторических обобщений на фоне активного участия США в ближневосточном размежевании. К таким работам можно, в частности, книгу А. Брайсона²²⁸, попытавшегося проследить эволюцию американской политики на Ближнем Востоке от образования США до ухода в отставку Никсона. Интересным взглядом на оценку биполярного противостояния на Ближнем Востоке отличается американский исследователь У. Гриффитт²²⁹, активно работавший в начале 1970-х гг. Гриффитт проводит мысль о необходимости продолжения ради укрепления разрядки в целом ограниченной кооперации США и Франции с Москвой в арабо-израильском урегулировании.

Работа Гриффита является теоретическим обоснованием и оправданием необходимости уже переживавшего на тот момент кризис «четырёхстороннего формата» ближневосточного урегулирования. Гриффит настаивал, что можно найти некие параметры ситуации в регионе, которые будут в своем равновесии удовлетворительны для супердержав и их союзников. Эта статья Гриффита является отражением точки зрения той части американского руководства и интеллектуального сообщества, что поддерживала план Роджерса и даже «четырёхсторонний формат». Непосредственно участия США в урегулировании арабо-израильского конфликта, в особенности той его части, что проводилась при участии Киссинджера, а также его взглядов, методов и конкретных шагов касается Дж. Рубин²³⁰. Он позитивно оценивает действия тогдашнего госсекретаря, которые имели целью сделать США единственным возможным арбитром в регионе. По горячим следам непосредственно хронику и краткую оценку реализации соглашений по разведению конфликтующих сторон на Синае в 1974-1975 гг. при американском посредничестве разобрал Э. Шихан²³¹.

Также подробно рассмотрел действия США в центральной для нас проблеме ближневосточного урегулирования У. Квандт, разбирая «пошаговую» стратегию и тактику действий госсекретаря Киссинджера²³². Квандт в отличие от Рубина и Шихана критикует рискованную и не направленную на стабилизацию ситуации в регионе политику Киссинджера. Он считает неоправданными действия госсекретаря, направленные на

²²⁸Bryson, A. Thomas American diplomatic relations with the Middle East. 1784-1975. A Survey. NY, 1977

²²⁹Griffith, W. E. La coopération avec l'Union Soviétique au Moyen-Orient et en Afrique du nord/ // Politique étrangère. 1971. n°5-6(36^eannée). P. 687-703.

²³⁰Rubin, Z. Jeffrey. Dynamics of the third party intervention. Kissinger in the Middle East. NY, 1981

²³¹Sheehan, E. R.K. The Arabs, Israelis and Kiissinger. NY, 1976.

²³²Quandt, W. Decade of Decisions: American Policy toward the Arab-Israeli Conflict. 1967-1976. Berclly, 1977/

максимизацию мощи США и ее демонстрацию в регионе через «ненужное», по мнению Квандта, давление на Израиль. Квандт критикует «персоналистский», «авантюрный» стиль Киссинджера. Последующие действия Вашингтона после ухода госсекретаря с политической арены Квандт оценивает как более взвешенные и системные²³³. С похожей критикой, хотя и более умеренной, по отношению к действиям Киссинджера в арабо-израильском урегулировании, в частности, к тактике «челночной дипломатии», относится и Г. Матти²³⁴.

На фоне перемен, которые произошли в регионе после Кэмп-Дэвида и Исламской революции в Иране, в начале 1980-х гг. очередную попытку написать обобщающей работу по послевоенному состоянию Ближнего Востока и роли США в происходивших там процессах сделал У. Стиверс²³⁵. Он представил историю действий Вашингтона в регионе с начала Холодной войны до 1983 гг. как борьбу с различными вызовами его национальной безопасности – глобальными в лице СССР и местными, но не менее значимыми. В 2000-е гг. появляются новые яркие критические работы по взаимоотношениям Вашингтона с его региональными партнерами. Особенно глубокой является выше упомянутая работа двух видных теоретиков международных отношений, представителей двух школ реализма Дж. Мершаймера и С. Уолта «Израильское лобби и внешняя политика США»²³⁶.

Также американо-израильские отношения в эпоху Никсона и Киссинджера рассмотрены в их эволюции к моменту и во время войны «Судного дня» А. Донио²³⁷, выводы исследователя схожи с мыслями Уолта и Мершаймера. Поставки современной авиатехники после шестидневной войны как веху в американо-израильских отношениях, а затем и как рычаг влияния Вашингтона на Тель-Авив и наоборот отмечает Д. Родман²³⁸. Еще одним ярким исследованием американской ближневосточной политики является книга²³⁹ американского исследователя международных отношений Р. Джервиса, где разбираются причины провала политики США в отношении Ирана в конце 1970-х гг. Джервис пришел к выводу о критической неосведомленности американского руководства о внутренней ситуации в союзном Иране. По его мнению, это не дало Вашингтону вовремя и в

²³³ Quandt, W. *The Western Alliance in the Middle East: Problems for the US Foreign Policy.* // *The Middle East and the Western Alliance* Ed. by. Steven L. Spiegel. London 1982. Pp 1-9.

²³⁴ Matti, G. *The Secret Conversation of Henry Kissinger: Step-by-step diplomacy in The Middle East.* NY, 1976.

²³⁵ Stivers, W. *America's Confrontation with Revolutionaiy Change in the Middle East, 1948-1983.* L., 1986

²³⁶ Mearsheimer, J., Walt Stephen M.. *Israel Lobby and U.S. Foreign Policy.* NY, 2007.

²³⁷ Donno A. *The American–Israeli ‘Special Relationship’ in the Nixon–Kissinger Years.*// *Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East.* Ed. by E. Calandri, D. Caviglia and A. Varsori. NY., 2012. P. 105-116.

²³⁸ Rodman, D. *Phantom Fracas: The 1968 American Sale of F-4 Aircraft to Israel.* *Middle Eastern Studies.* Vol. 40, No. 6 (Nov. 2004), P. 130-144.

²³⁹ Jervis, R. *Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War.*, NY, 2010.

достаточной степени отреагировать на события в Тегеране, чтобы спасти союзный режим от свержения и появления на Ближнем Востоке нового и враждебно настроенного игрока, не вписывающегося в логику биполярного противостояния.

Политика Франции в южном секторе зоны Восточного Средиземноморья в эпоху разрядки исследовалась советскими учеными с конца 1970-х гг., одной из первых крупных работ на эту тему стала книга Т. Пархалиной «Франция и Средиземноморье»²⁴⁰. Смежной тематикой в рамках активности Парижа в странах Третьего мира в 1980-е гг. занимался В.Н. Чернега²⁴¹. На рубеже 1990-х гг. понимание французской внешней политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке в последние две декады Холодной войны обобщено в диссертации российского исследователя С. Акимова²⁴². Позже, в 2000-е гг. эта проблематика разрабатывалась в работах А. Афоньшиной и А. Корнилова²⁴³. Непосредственно вовлеченности Парижа в события Шестидневной войны касался известный отечественный специалист М.М. Наринский²⁴⁴.

В зарубежной исторической науке тема французской ближневосточной политики эпохи разрядки изучалась во многом в контексте анализа ближневосточного конфликта в целом. В частности, в 1970-1980-е гг. иностранные ученые на фоне бума оружейной торговли западных стран с государствами Ближнего Востока особенно заинтересовались французским оружейным экспортом, в том числе, как инструментом расширения влияния Парижа на Ближнем Востоке. В разработку этой тематики внесли вклад Л. Бадель²⁴⁵, Ж. Клейн²⁴⁶, С. Ганиззо²⁴⁷, А. Колодзей²⁴⁸ и Дж. Сторк²⁴⁹. Впервые отдельно исследовал поведение Франции в ближневосточных конфликтах в 1960-1980-е гг. Дж. Маркус²⁵⁰. В

²⁴⁰Пархалина, Т.Г. Франция и Средиземноморье. М., 1987.

²⁴¹Чернега, В.Н. Развивающиеся страны во внешней политике Франции (70-е годы) // Советская ассоциация политических наук. Ежегодник. 1986. М., 1987.

²⁴²Акимов, С.Н. Политика Франции на Ближнем Востоке в 1974 -1986 гг. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Л., 1990.

²⁴³Афоньшина А. И. Корнилов, А. А. Развитие политики Франции на Ближнем востоке и в Южном Средиземноморье: опыт президента Ш. де Голля и президентов – неоголлистов. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. N. 5. 2018. С10.

²⁴⁴Наринский М.М. Франция и арабо-израильская война 1967 года// Новая и новейшая история. 2017. №02. С. 13-27.

²⁴⁵Badel L. Diplomatie et grands contrats. L'Etat français et les marchés extérieurs au XXe siècle, P., 2010

²⁴⁶Clein, J. Commerce des armes et politique : le cas français// Politique étrangère. Année 1976. Vol. 41. Numéro 6. P. 563-586.

²⁴⁷Cannizzo, C. The Gun Merchants: Politics and Policies of the Major Arms Suppliers. L., 1980.

²⁴⁸Kolodziej A. E. Making and Marketing Arms: The French Experience and Its Implications for the international system. Princeton. 1987.

²⁴⁹Stork, J. Paul, J. Arms Sales and the Militarization of the Middle East/ J. Stork, J. Paul//Middle East Research and Information Project Reports. jan/feb 1983. No 112. P. 5-15.

²⁵⁰Marcus, J. French Policy and the Middle East Conflicts: Change and Continuity// The World Today/ Vol. 42, No. 2 (Feb., 1986), P. 27-30.

целом подход Франции к арабо-израильскому конфликту в эпоху разрядки в 1980-е гг. углубленно осветили работы К. Импераля и П. Агат²⁵¹.

Однако наиболее интенсивно французскую политику на Ближнем Востоке в Холодную войну в зарубежной историографии стали изучать уже в 1990-е гг. Так, в начале этого десятилетия появилась фундаментальная работа А. Нуши «Франция и арабский мир с 1962 года». Нуши проведен крайне детальный обзор этого направления внешней политики Парижа от Эвианских соглашений до президентства Ф. Миттерана. Автор подробно касается многих аспектов арабской политики Франции – энергетической, торговой, касающейся арабо-израильского урегулирования и военно-технического сотрудничества²⁵². Эти годы также отмечены глубокими исследованиями контактов Франции с Ираком в Холодную войну крупным английским исследователем международных отношений на Ближнем Востоке Д. Стайаном. Он посвятил этой тематике свою книгу «Франция и Ирак: нефть и оружие»²⁵³. В ней оцениваются усилия Парижа по закреплению в этой стране и использованию как своего плацдарма влияния на Ближнем Востоке. Кроме того, в 1990-е гг. отдельным вопросом на стыке экономики, обороны и стратегических соображений – участием и сотрудничеством Франции в иракской ядерной программе на рубеже 1970-1980-х гг. вплоть до уничтожения реактора «Осирак» под Багдадом израильтянами занимался Ж.-П. Дерэ²⁵⁴ и ряд других исследователей. О ядерном сотрудничестве Франции и с Израилем, и с Ираком в годы холодной войны, а также о роли занимавшего в 1970-е гг. пост премьер-министра Ж.Ширака в выстраивании связей с Багдадом, Триполи и другими арабскими странами писал П.Пеан²⁵⁵.

2000-е гг. отмечены углублением исследования ряда узких тематик французской активности в регионе в период Холодной войны и «разрядки». Так, продолжается изучение двусторонних связей Франции с отдельными ближневосточными странами, а также участие европейского сообщества с главенствующей ролью Франции в Евро-арабском диалоге. Эти явления описаны в книгах и статьях Б. Тимо, Ж.Даллэза, Ж.Фремо, А. Гфеллер²⁵⁶. Данные

²⁵¹Imperiale, C., Agate, P. National Approaches to Arab-Israeli Conflict: France //European Foreign Policy-Making and the Arab-Israeli Conflict. Ed.by: D. J. Allen, A. Pijpers. Hague, 1984. P.1-18.

²⁵²Nouschi, A. La France et le monde arabe depuis 1962 mythes et realites d'une ambition. P., 1994.

²⁵³Styan, D. France and Iraq: Oil, Arms and French Policy-Making in the Middle East. L. 2006.

²⁵⁴Derai, J-P. "Opération Osirak": agression ou légitime défense?//Cahiers de la Méditerranée, n°56. 1. 1998. Regards sur la Méditerranée. P. 175-190.

²⁵⁵Péan, P. Les Deux bombes, comment la France a donne la bombe à Israel et à l'Irak. P., 1982; Péan, P. L'inconnu de l'Elisée. P. 2007.

²⁵⁶Behr T. France, Germany and Europe's Middle East dilemma: the impact of national foreign policy traditions on Europe's Middle East policy. Baltimore, 2009; Frémeaux, J. La France et les exportations d'armements au Proche Orient de la fin de la Guerre d'Algérie à la première guerre du Golfe//Revue historique des armées 246 (2007); Allen, D., Hauri.Andrin The Euro-Arab dialogue, the Venice declaration and beyond. The limits of distinct EC

авторы в основном поднимают тему взаимоотношений Европы и арабского мира в целом в 1970-е гг., но, так как основным двигателем евро-арабских инициатив была Франция, неизбежно описывается и ее поведение в данном вопросе. Роль Франции, супердержав и других великих держав в крупнейшем региональном конфликте заката биполярного противостояния— Ирано-иракской войне —изучена у Стайана в 1990-е гг., а также в работах А.Тарока и К.Р. Тиммермана²⁵⁷. Эти авторы сходятся во мнении, что Вашингтон политическими и экономическими мерами подталкивал мечтавший о ближневосточной гегемонии Багдад к войне с бывшими американским союзником Ираном и стимулировал иракцев в первый год войны, однако, тем не менее, не считал необходимым полное военное поражение Тегерана и, в принципе, был удовлетворен тем, что конфликт довольно быстро принял затяжной характер. Влияние энергетического фактора, в частности, в плане зависимости от поставок нефти из региона, на ближневосточную политику Франции в дни войны Судного дня 1973 г. и вскоре после нее рассматривает П. Перец²⁵⁸. Она продвигает тезис о том, что именно в этой зависимости кроется причина проарабской политики Парижа и ряда других европейских стран, а не в борьбе за лучшее положение в иерархии коллективного Запада или некие расчёты на маневр между супердержавами в условиях биполярного противостояния.

***

Таким образом, отечественная и иностранная историография по отдельным вопросам, являющимися факторами американско-французских отношений в зоне Восточного Средиземноморья составляет солидный фундамент для нашего исследования, которое должно заполнить лакуну в отечественных разработках, не исследовавших непосредственно взаимодействие США и Франции на восточносредиземноморской площадке. Благодаря наработкам предшественников и опираясь на ранее не задействованный корпус источников, мы можем реконструировать динамику взаимодействия Вашингтона и Парижа на восточносредиземноморской и ближневосточной периферии биполярной системы международных отношений в 1969-1981 гг. Это поможет нам достичь поставленной цели, решив основные задачи исследования и доказав корректность выносимых на защиту положений.

---

policy 1974-1989//European-American Relations and the Middle East: From Suez to Iraq. Ed. by D. Möckli, V. Mauer. L., 2011. P. 93-100.

Gfeller, A. É. Building a European Identity: France, the United States, and the Oil Shock. NY., 2012

²⁵⁷ Timmerman, K. R. The Death Lobby: How the West Armed Iraq. NY, 1991.

²⁵⁸ Peretz, P., "La France et la Guerre du Kippour"//Revue d'histoire diplomatique. No. 2. 2006, P.12–25.

Глава 1. Сотрудничество и соперничество: взаимодействие США и Франции в Восточном Средиземноморье в 1969-1973 гг.

1. Реакция Вашингтона и Парижа на изменение геополитического ландшафта в зоне Восточного Средиземноморья в результате Шестидневной войны 1967 г.

В конце 1960-х гг. зона Восточного Средиземноморья переживала серьезную трансформацию. Ключевым фактором, усиливавшим нестабильность региона, было превращение Средиземного моря из надежно защищенного «подбрюшья» Европы в очередное поле противостояния США и СССР. Взрывоопасные противоречия, накопленные в регионе в течение предыдущего периода, оказались гальванизированы растущим американско-советским соперничеством. Они получили свое выражение в первую очередь в очередной эскалации арабо-израильского конфликта – Шестидневной войне июня 1967г.

Этот сложный многоуровневый конфликт оказал влияние на геополитическую обстановку во всем Восточном Средиземноморье. Он запустил цепную реакцию нестабильности, нарушил старые балансы сил и заставил внести коррективы в политику как обеих супердержав, так европейских союзников американцев, в первую очередь, Франции. Эти изменения усилили разлад и внутри западного лагеря, по линии Европа-США и Франция-США.

Ответственность за рост нестабильности в зоне Восточного Средиземноморья отчасти лежит на Западе, еще со времен Суэцкого кризиса, когда неудачная военная интервенция Англии и Франции в 1957 г. и двусмысленная позиция США толкнула Египет в объятия СССР. Однако дальнейшие действия Москвы также стали одним из ключевых факторов в развитии ситуации. Они очевидно имели целью еще более усилить стратегические позиции на периферии биполярного противостояния, центр тяжести которого перемещался в Третий мир. Это неизбежно расшатывало хрупкий баланс сил в зоне Восточного Средиземноморья. Москва действительно в 1960-е гг. активно поддерживала экономически, военно-политически и дипломатически режимы, ставившие целью построение так называемого арабского социализма в Египте (Г. А. Нассера) и Сирии (А. аль-Хафеза, а с 1966 г. – Х. аль-Ассада), чьими приоритетами во внешней политике был панарабизм и уничтожение Израиля, стремительно обретавшего статус стратегического союзника США в Восточном Средиземноморье²⁵⁹.

---

²⁵⁹ Griffith, W. E. Op.cit. P. 690.

СССР оказывал этим арабским странам поддержку также с тактической, чисто военной целью закрепить в этом важнейшем мировом регионе и создать дополнительный периметр безопасности от удара в уязвимое, населенное и промышленно развитое юго-западное европейское «подбрюшье». С 1965 г. в Средиземном море регулярно появлялись советские военные корабли (в составе 1-й Смешанной эскадры кораблей Черноморского флота²⁶⁰). Их целью была не только демонстрация военного присутствия, но и возможность нанесения удара по находящимся там кораблям НАТО, снабженным ядерным оружием, в случае начала глобальной войны. Этим кораблям требовались базы, и предоставить их могли в первую очередь арабы. Постоянное наличие соединения ВМС СССР, пусть даже в незначительном поначалу объеме и без опорных пунктов, беспокоило и американцев, и европейцев²⁶¹.

США и большинство их европейских союзников по НАТО довольствовались сохранявшимся почти до 1967 г. status quo в зоне Восточного Средиземноморья. Страны в южной и восточной части средиземноморской акватории были форпостами военно-политического присутствия и контроля. Ливия, Греция, Турция и Израиль были абсолютно лояльны непосредственно США. Находившиеся на их территории американские базы заключали акваторию Средиземного моря в своеобразный «периметр безопасности», а британские базы – в той же Ливии, а также на Мальте и Кипре, только укрепляли американское господство на важнейших коммуникациях. Страны Магриба (кроме Алжира) и Ливия оставались полностью подконтрольными западным державам источниками и перевалочными пунктами перекачки природных ресурсов из еще не до конца сформировавшегося постколониального Третьего мира на Запад.

В своей ближневосточной политике американцы, в середине 1960-х гг. ввязавшиеся в войну во Вьетнаме, хотя и делали ставку в первую очередь на Израиль (с президентства Дж. Кеннеди еврейское государство получило статус «стратегического союзника» Вашингтона), меньше всего были заинтересованы в том, чтобы подрывать стабильность в Восточном Средиземноморье. Они не оказывали чрезмерной военно-политической помощи Тель-Авиву, более того, с подозрением относились к его опытам с ядерными технологиями²⁶². Вашингтон опасался ухудшать отношения с арабами, хотя отошел от нарочито проарабской позиции администрации Эйзенхауэра уже в президентство Кеннеди²⁶³.

---

²⁶⁰Chipman, J. Op.cit., P. 319.

²⁶¹Ibid.

²⁶²Donno, A. Op.cit. P. 105.

²⁶³Ibid. P. 106.

Сближение с еврейским государством было осторожным, оно не должно было повредить балансу уже между самими союзниками американцев: не зря Израиль постепенно становился лишь одним из трех столпов американского влияния на Ближнем Востоке, часть которого входит в зону Восточного Средиземноморья²⁶⁴. До Кеннеди в Вашингтоне опасались, что поддержка Тель-Авива может поставить под угрозу интересы американских нефтяников в арабских странах²⁶⁵. В частности, например, в 1953 г. Тель-Авиву приостановили экономическую помощь из-за его попыток отвести воду из Иордана для своих нужд – больше так резко действовать в отношении израильтян американцы себе не позволяли²⁶⁶.

С усилением советской помощи Египту, Сирии и Ираку израильтяне, «заслуживающие» стать буфером для советского влияния²⁶⁷, постепенно вводились как дополнительный противовес в американской ближневосточной архитектуре. В этой конструкции также были Саудовская Аравия и Иран, сильнейшие страны региона (Иран называли «полицейским Персидского залива»), но он в рассматриваемый нами регион не входит) и крупнейшие (в сумме до 50%) производители нефти в рамках ОПЕК. Но если Тегеран был дружески настроен по отношению к Израилю, то Эр-Рияд не питал теплых чувств ни к израильтянам (из арабской солидарности), ни к иранцам (из-за напряженности в зоне Персидского залива).

Так Вашингтон «диверсифицировал» ресурсы для обеспечения своих позиций в регионе, одновременно поддерживая зависимость от себя этих потенциальных региональных противников. Иран и Саудовская Аравия рассчитывали на американское оружие и помощь в модернизации. Израиль впервые получал от американцев дополнительную гарантию своего физического существования финансовой подпиткой, дипломатической поддержкой и, опять же, поставками современных вооружений. В 1962 г. Кеннеди уже заявил Г. Меир, что обе страны связывают «особые отношения на Ближнем Востоке подобно тем, что имеются с Великобританией в широком спектре мировых проблем»²⁶⁸. Таким образом, Тель-Авив был впервые объявлен главным союзником США в регионе.

Последним препятствием, признаком меньшего, чем к другим стратегическим партнерам, доверия, было отношение к разработке Тель-Авивом ядерного оружия. В последний раз комиссия США проверяла израильских ученых на предмет подобных

---

²⁶⁴Donno, A. Op.cit. P. 106.

²⁶⁵Mearsheimer J. Op.cit. P. 51.

²⁶⁶Mearsheimer J., Walt, S. M. Op. cit. P. 25.

²⁶⁷Ibid. P.51.

²⁶⁸Ibid. P. 26.

технологий именно при Кеннеди²⁶⁹. Однако после прихода на пост президента Джонсона в 1963 г. тренд на дальнейшее сближение с Тель-Авивом только усиливается. Ядерную программу Тель-Авива новый американский президент молчаливо одобрил, прекратив проверки несмотря на сообщения ЦРУ, что Израиль уже обладает ядерным зарядом²⁷⁰. Вашингтон на тот момент потерял надежду на отрыв Египта – ключевого противника Израиля – от СССР, а советские военные корабли появились в Средиземноморье, проникнув в «подбрюшье НАТО» и на ключевые коммуникации перевозки энергоресурсов²⁷¹. Отражением политики на сближение с Израилем стали первые массированные поставки оружия — ракет ПВО Hawk в 1963 г., 200 танков М48А в 1964 г., и первый из череды американо-израильских «меморандумов о взаимопонимании» 1965 г.²⁷², которые затем обновлялись не реже раза в десятилетие. Но вплоть до Шестидневной войны США не подчеркивают публично на международной арене свою произраильскую позицию.

Франция, номинально американский союзник, также была заинтересована в сохранении стабильности в регионе²⁷³. Она опасалась, что эскалация ближневосточного конфликта только укрепит советское влияние в регионе, выдавит с ее позиций в бывших колониях Магриба и Африки, и даже вызовет глобальный конфликт по аналогии с Кубинским кризисом. Но действовал Париж противоречиво и на деле скорее расшатывал имевшийся баланс. Например, он, на фоне кризиса в отношениях с США и в стремлении оторваться от их главенства, сам внес вклад в ослабление южного фланга НАТО, выведя французский флот из подчинения командования блока еще в 1958 г. — за восемь лет до выхода из военной организации альянса²⁷⁴, задолго до того, как была сформирована Средиземноморская эскадра ВМС СССР.

Противоречивые тренды проявлялись также в отношении к двум ключевым антагонистами региона: арабским государствам и Израилю. Париж все 1960-е гг. являлся ключевым поставщиком военной техники для Тель-Авива, таким образом, выполняя взятые вместе с Вашингтоном еще в 1957 г., после Суэцкого кризиса, обязательства гарантировать территориальную целостность и безопасность еврейского государства. Уже при де Голле французы, по сути, заложили основу израильской ядерной программы, поставив в 1962 г. реактор в научный центр Димона²⁷⁵. Наконец, Франция была важным торговым партнером

²⁶⁹Mearsheimer J., Walt, S. M. Op. cit. P. 35.

²⁷⁰Ibid. P. 36.

²⁷¹Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 312.

²⁷²Mearsheimer, J., Walt, S. M. Op. cit. P. 26.

²⁷³Koiodziej, E. French international policy under de Gaulle and Pompidou. P. 390.

²⁷⁴Pedaliu, E. G.H. Fault Lines in the Post-War Mediterranean and the 'Birth of Southern Europe'. P. 23

²⁷⁵Donno, A. Op.cit. P. 106.

Израиля. Однако после окончания в 1962 г. Алжирской войны Париж стал обращать все большее внимание именно на арабские страны зоны Восточного Средиземноморья. Причиной такого поворота мысли было понимание необходимости переориентироваться с Магриба как сырьевого придатка, где французские позиции после деколонизации серьезно ослабли. Так, появилась угроза потерять не только привилегированное положение на нефтяном рынке Алжира (до конца 1960-х гг. – главного поставщика нефти для французской экономики) и других стран региона, но и саму возможность эксплуатировать местные месторождения. Между тем в арабских странах с середины 1960-х гг. активно обсуждалась идея национализации иностранных добывающих активов.

Поэтому де Голль еще в 1960 г. выступил с концепцией сотрудничества, где Франция провозглашалась посредником между развитыми (преимущественно европейскими) и развивающимися странами без вмешательства в этот диалог США²⁷⁶, заложив новые основы не только для поддержания поставленного под сомнение великодержавного статуса Парижа, но и его «глобальной ответственности». Одновременно Франция завязывала отношения с крупнейшими производителями нефти из числа стран Машрика – как прозападной Саудовской Аравией, так и с радикальным Ираком. Говоря о «глобальной ответственности» французов стоит сказать, что Париж при де Голле начинал свою арабскую политику²⁷⁷ не только в желании компенсировать «потерю» Магриба, но и в стремлении бросить вызов мировой «американской гегемонии»²⁷⁸. Последняя идея, дополняя концепцию «глобального посредника», стала идеологическим стержнем внешней политики Франции с 1958 г. Но она вступала в противоречие с поддержанием военно-политической стабильности в Восточном Средиземноморье, основанной на главенстве США. Накануне эскалации напряженности в зоне Восточного Средиземноморья Франция решила на открытый разрыв с американцами — выход из военной организации НАТО в феврале 1966 г.²⁷⁹ «Советская угроза» показалась голлистам в итоге меньшим злом, чем необходимость следовать во внешнеполитическом фарватере Вашингтона.

С таким пониманием региональной ситуации, своих интересов и действий в нем США и Франция подошли к эскалации арабо-израильского конфликта, которая назревала уже со второй половины 1966 г., после военного переворота в Сирии. Тогда новый лидер страны Х. аль-Ассад договорился о военном союзе с Г.А. Нассером против Израиля. Напряженность стремительно усиливалась с апреля по май как на сирийско-израильской,

²⁷⁶ De Gaulle, Ch. *Memoires d'espoir*. P. 198.

²⁷⁷ Афоньшина, А. И.; Корнилов, А. А. Указ. Соч С10.

²⁷⁸ Pedaliu, E. G.H. *Fault Lines in the Post-War Mediterranean and the 'Birth of Southern Europe'*. P. 23

²⁷⁹ Подробнее см.: Пилько, А.В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен (1956-1966), М., 2007.

так и на египетско-израильской границе²⁸⁰. 17 мая 1967 г. миротворцы ООН покинули Синайский полуостров и сектор Газа, где находились с 1957 г.²⁸¹, несмотря на то, что США пытались это предотвратить. Париж же поддержал право Каира потребовать вывода «голубых касок» со своей территории и Париж, впервые ярко обозначив свою оппозицию Вашингтону в вопросе ближневосточного урегулирования.

Израильтяне, столкнувшись с угрозой войны на два фронта, обратились к Вашингтону. Тот заверил Тель-Авив, что в случае конфликта он «не останется один»²⁸², однако предостерег от упреждающего удара²⁸³: американцы опасались прослыть пособниками агрессора и растратить созданный Суэцким кризисом позитивный образ в регионе. 17 мая президент Джонсон напрямую заявил премьеру Израиля Л. Эшколю, что не будет брать ответственность за несогласованные с США действия израильтян, которые могут привести к конфронтации с Москвой²⁸⁴.

Однако после перекрытия египтянами судоходства в Тиранском проливе 22 мая Тель-Авив потребовал от Вашингтона уже не возврата к статус-кво, а жестких и публичных гарантий защиты от арабской атаки. Французы ответили отказом на просьбу израильтян оказать им военную поддержку, подобную 1956 году и вместо этого предложили²⁸⁵ 2 июня в качестве способа решения конфликта мирную инициативу четырёх великих держав (Франции, США, Великобритании и СССР)²⁸⁶, на что не согласились уже Тель-Авив и Москва²⁸⁷. Более того, в ответ на дальнейшую эскалацию напряженности Париж, в значительной мере снабжавший Тель-Авив современным оружием (почти вся боевая авиатехника израильтян, главный козырь в борьбе с арабами, была французской²⁸⁸) 2 июня ввел частичное эмбарго на поставки оружия в Израиль, повысив свою репутацию в арабском мире. Кроме опасности глобальной войны де Голля беспокоило то, что даже

²⁸⁰ FRUS. 1964-1968, Vol. XVIII, Doc.402. P.790.

²⁸¹ Yost, Ch. «How it began». // Foreign affairs. 1967 no. 2 P. 304-320.

²⁸² FRUS. 1964-1968, Vol. XIX, Doc.7. P.10.

²⁸³ Ibid.

²⁸⁴ FRUS.1964-1968, Vol. XIX, Doc. 8. P. 11.

²⁸⁵ Politique étrangère de la France: Textes et documents. 1967-1985. 1967. P. 108.

²⁸⁶ Cohen, S. De Gaulle, les gaullistes et Israel. P. 41.

²⁸⁷ Ближневосточный конфликт. Т 2. С. 565.

²⁸⁸ BBC Израиль к июню 1967 года включали 15 французских легких бомбардировщиков Vautour, 65 истребителей Mirage различных модификаций, 25 истребителей Super Mystère, 25 бомбардировщиков Mystère IVA и 50 бомбардировщиков Ouragan. Английская и американская авиатехника была представлена исключительно транспортными самолетами и вертолетами. При Кеннеди был подписан контракт на поставку ракет ПВО HAWK, и только в 1966 году Вашингтон согласовал первую крупную партию легких американских штурмовиков A-4 Skyhawk, которые начали поступать в распоряжение израильских летчиков только через полгода после Шестидневной войны — в декабре 1967 года, уже через год после нее Тель-Авив обладал 48 такими машинами различных модификаций. Подробнее см.: Military Balance 1967, P.21.; Military Balance 1968 3. 27.

локальное столкновение США и СССР на Ближнем Востоке могло изолировать Францию от участия в урегулировании.

Не получив от Вашингтона ничего, кроме формального осуждения американцами египетской блокады²⁸⁹, Тель-Авив начал сам готовиться к упреждающему удару и нанес его 5 июня. Внезапной атакой израильские ВВС уничтожили почти всю авиацию Египта, Сирии и Иордании, разбили армии трех арабских государств и за шесть дней оккупировали Голанские высоты (у сирийцев), Синайский полуостров и Сектор Газа (у египтян), а также Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим (у иорданцев). Еврейское государство получило стратегическую глубину для обороны своей территории, хотя и не решило проблему угрозы своему существованию. Но победа израильтян не была стратегической: за арабами стояла Москва, готовая восполнить их потери в технике и реорганизовать армии с помощью военных советников, делая попытку реванша Каира и Дамаска неизбежной.

Опасения французов, убеждавших Израиль не начинать войну и отказывавшие ему, оправдались: советское военно-политическое присутствие в Восточном Средиземноморье выросло. Поставки советских вооружений в Египет и Сирию увеличились многократно²⁹⁰: их стоимость составила к 1969 г. \$5 млрд²⁹¹. Спустя месяц после угасания боевых действий, 14 июля 1967 г., в Средиземном море на постоянной основе была официально сформирована 5-я оперативная эскадра ВМС СССР²⁹². Годом позже она фактически получила в качестве пунктов технического обслуживания и обеспечения египетские порты Александрию и Порт-Саид, где формировались запасы топлива и снаряжения для постоянного дежурства в регионе²⁹³. Таким образом, положение США в регионе и западного блока ухудшилось: американцы в арабских странах отныне стойко ассоциировались с союзником «агрессора»²⁹⁴. СССР же получил базы в Египте и Сирии, а позиция «умеренных» арабов прозападной ориентации была дискредитирована.

Но Белый дом не считал эту партию проигранной. Наоборот, администрация американского президента Джонсона по результатам конфликта окончательно уверилась,

²⁸⁹Public Papers of the Presidents. Johnson. P. 344.

²⁹⁰Machairas, D. The strategic and political consequences of the June 1967 war.// Cogent Social Sciences Volume 3, 2017 - Issue 1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cogentia.com/article/10.1080/23311886.2017.1299555> (дата обращения 1.07.2020)

²⁹¹ Savranskaya, S.; Taubman, W. Op.cit. P.153.

²⁹² Коряковцев, А.А.; Ташлыков, С.Л. Передовой рубеж обороны на юго-западном стратегическом направлении//Военно-исторический журнал, № 7, 2017. С.5-8.

²⁹³ Там же, С.6.

²⁹⁴ Vaisse, M. La puissance ou l'influence? P.360–76.

что единственная верная ставка в «сдерживании» СССР на Ближнем Востоке – это ставка на Израиль и мощь его армий²⁹⁵.

Отражением этого мнения стал рост объемов финансовой помощи Тель-Авиву с 1967 г. до \$102 млн ежегодно (до войны - \$63 млн в год)²⁹⁶. «Умеренные» арабские режимы в Ливии, Иордании и Саудовской Аравии в целом остались лояльны Вашингтону, а обстановка в этих странах, сопровождавшаяся взрывом антиизраильских и антиамериканских настроений в обществе, хоть и казалась администрации Джонсона нестабильной, но не критической. Наконец, объявление арабскими нефтедобывающими странами нефтяного эмбарго в отношении США, Великобритании и ФРГ 6 июня 1967 г.²⁹⁷ принесло больше ущерба самим арабам. Это укрепило уверенность администрации президента Джонсона в правильности ставки на Израиль. Поражение арабов от израильтян, как отмечают Мершаймер и Уолт, воспринималось в Вашингтоне подрыв репутации СССР²⁹⁸. Поэтому летом-осенью 1967 г. американцы усилили дипломатическую поддержку Израиля²⁹⁹. США, зная непримиримость арабов, де-факто старались зафиксировать создавшееся положение – оккупацию Синая, Газы, Голан и Западного берега реки Иордан³⁰⁰. Цементировала создавшийся тупик декларация «трех нет» на конференции арабских стран в Хартуме 1 сентября 1967 г.: «нет признанию Израиля, нет переговорам с Израилем, нет миру с Израилем».

Победа израильтян и их растущее сотрудничество с американцами при очевидности дипломатического тупика, разрушение баланса сил и стабильности в Средиземноморье при усилении СССР окончательно толкнули французов в их ближневосточной политике в сторону проарабского курса. Арабы также впервые увидели в Париже единственную влиятельную западную силу, альтернативную США, сохраняющую автономию в западном блоке и независимую от СССР. И хотя де Голль подчеркивал «нейтралитет», арабы через короля Иордании Хуссейна уже 6 июня просили именно Францию, объявившую эмбарго на поставки оружия Тель-Авиву, вмешаться и уговорить США, Великобританию и СССР выступить совместно, чтобы прекратить израильское наступление³⁰¹. Это был своеобразный ответ со стороны арабского мира на высказанное де Голлем в канун войны предложение о «четырёхсторонней мирной инициативе».

²⁹⁵ Donno, A. Op cit. P. 106.

²⁹⁶ Mearsheimer, J., Walt. S. M. Op. cit. P. 26.

²⁹⁷ Ергин, Д. Указ. соч. С. 586

²⁹⁸ Mearsheimer, J., Walt S. M. P.51.

²⁹⁹ Ближневосточный конфликт. Том 2. С. 561.

³⁰⁰ Public Papers of the Presidents. Jonson. P. 128.

³⁰¹ FRUS.1964-1968, Vol. XIX, Doc.174.P. 389.

Юридическим оформлением позиций США и Франции по итогам шестидневной войны стала наконец согласованная 22 ноября 1967 г. резолюция №224 Совета Безопасности в ООН³⁰². Она призывала к немедленному прекращению всех агрессивных действий, состояния войны, к признанию суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех государств региона. Несмотря на то, что текст документа был единым, позиции сторон различались в нюансах: в английском варианте, где речь шла о требовании к Израилю очистить оккупированные территории, перед словом «территория» стоит неопределенный артикль (то есть какую-то оккупированную территорию), в то время как во французском — определенный, подразумевая, что все они должны быть эвакуированы, таким образом, набирая очки в арабском мире.

В 1968 г. — последнем году у власти — команды Джонсона и де Голля занимались фиксацией создавшихся после Шестидневной войны позиций в Восточном Средиземноморье в рамках «оружейной дипломатии». Точкой отсчета, в первую очередь, стало отношение Вашингтона и Парижа к Израилю. Франция продолжала в этом плане дистанцироваться от становившегося ключевым американским союзником в регионе государства³⁰³. Вслед за временным эмбарго на поставки вооружений Тель-Авиву во время военной фазы арабо-израильского конфликта Париж полностью с 1 января 1969 г. пресек любое снабжение Тель-Авива боеприпасами, снаряжением военной техникой и запчастями к ней³⁰⁴ после того, как Израиль атаковал стоящие на земле арабские самолеты в аэропорту ливанской столицы Бейрут 28 декабря 1968 г. (операция «Дар»)³⁰⁵. Решение де Голля было особенно болезненно для Тель-Авива по двум причинам: его ударная авиатехника — основной козырь в войне с арабами — была французского производства, и с прекращением снабжения запчастями она могла утратить боеспособность. Более того, оказывался замороженным контракт на поставку 50 новых истребителей Mirage, уже оплаченных Тель-Авивом.

Напротив, американский президент Джонсон, несмотря на то, что США ранее не были ключевым поставщиком вооружений для Тель-Авива, еще до тотального французского эмбарго, но предчувствуя его³⁰⁶, 9 октября 1968 г. решил продать

---

³⁰² DDF. Vol. 32, 1967-II, Doc. 257.

³⁰³ Хотя стоит заметить, что в плане торговли долгое время наблюдалась другая картина, в силу инерционного развития экономических контактов между Францией и Израилем: на фоне ухудшения политических отношений товарооборот между странами продолжал расти. Например, между 1967 и 1968 годом французский экспорт в Израиль возрос с \$66 млн до \$99 млн. Сыграло свою роль соглашение об ассоциации с Общим рынком, подписанное до Шестидневной войны. Подробнее см.: Kolodziej E. French International Policy under de Gaulle and Pompidou. P. 500.

³⁰⁴ DDF. Vol.35, 1969-I, Doc. 20.

³⁰⁵ DDF. Vol.34, 1968-II, Doc. 219.

³⁰⁶ FRUS. 1964-1968, Vol XX Doc. 243 P.544.

израильтянам 50 новейших истребителей-бомбардировщиков F-4E Phantom³⁰⁷ «чтобы эффективно сдерживать арабскую агрессию»³⁰⁸. В декабре того же года, уже после французского эмбарго, контракт был подписан³⁰⁹ на условиях поставки в 1969-1970 гг. Впрочем, забегаая вперед, стоит сказать, что фактическое исполнение этого контракта будет долго оттягиваться уже администрацией следующего президента Никсона в надежде, что Израиль будет идти навстречу усилиям его администрации урегулировать арабо-израильский конфликт.

Французы, отдаляясь от Израиля, тем временем демонстративно развивали контакты с арабами, которые как раз в это время усиливали свою координацию не только в рамках Лиги арабских государств, но и создали политико-экономическое ядро в рамках Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) — в 1968 г. была организована Организация арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК), на которую приходилось 52% разведанных к 1969 г. запасов³¹⁰. Поэтому неудивительно, что Париж выбрал среди приоритетов укрепление отношений с богатым нефтью, хотя и активно антиизраильски настроенным Ираком, где к власти сначала в 1963 г., а потом вновь в июле 1968 г. пришли националисты из партии Баас. Парижу удавалось поддерживать с Багдадом теплые отношения: в отличие от англичан и американцев, ему удалось спасти от национализации 1961 г. одним из иракских диктаторов, генералом Кассемом, долю CPF в Iraq Petroleum Company (IPC)³¹¹.

В периоды иракского «междоусобия» после Шестидневной войны де Голль также поддерживал теплые отношения с диктатором А. Р. Арефом — именно при нем, 8 февраля 1968 г. правительство Ирака заключило с компанией Elf соглашение о режиме благоприятствования, согласно которому Багдад возмещал ей расходы на разведку и ввод в строй новых нефтяных месторождений³¹². Кроме того, Ирак еще в ноябре 1967 г. предоставил³¹³ право разведки и добычи на своем крупнейшем нефтегазовом месторождении — Румейле — французским компаниям Total (бывшая CFP) и Elf-ERAP, окончательно уточнив параметры соглашения уже в 1968 г.³¹⁴ В итоге к 1970 г. Ирак обеспечивал до 15 млн тонн сырой нефти или 20 % от годовой потребности французской

---

³⁰⁷ FRUS. 1964-1968, Vol XX Doc. 275 P.548.

³⁰⁸ FRUS. 1964-1968, Vol XX Doc. 275 P.549.

³⁰⁹ Rodman, D. Op.cit. P. 130.

³¹⁰ OAPEC. Secretary General's Forth Annual Report. P.14.

³¹¹ Nouschi André. Op. cit. P. 124.

³¹² DDF. Vol 33. 1968-I, Doc. 78.

³¹³ DDF. 1967-II, Doc. 261.

³¹⁴ DDF. Vol 33. 1968-I, Doc. 112.

экономики в углеводородах³¹⁵, а в обмен французы заняли седьмое место по импорту промышленных товаров в страну³¹⁶.

Вслед за «нефтяной» дипломатией Парижа шла «оружейная»: 6 апреля 1968 г. была подписана предварительная договоренность на поставку Багдаду нескольких десятков истребителей Mirage³¹⁷. Ирак, таким образом, мог получить первым из арабских стран современную французскую авиатехнику, смещая в опасном для Израиля военный баланс в регионе. Однако у иракских властей возникли трудности с оплатой³¹⁸: несмотря на гигантские запасы энергоресурсов, после череды переворотов 1963 и 1968 гг. финансы страны пришли в полное расстройство. Багдад не мог отдать деньги за самолеты и предлагал французам бартер в виде бесплатных поставок сырой нефти, которую добудет французская геологоразведочная и нефтедобывающая компания ERAP³¹⁹. Французы на такой вариант не соглашались, и в итоге уже подписанная сделка 1968 г. по истребителям все больше становилась фантомной, хотя иракцы и в следующем, 1969 г., несмотря на то, что подписывавший договор диктор Арефа был свергнут Ахмедом Хасаном Бакром, неоднократно пытались договориться о бартере (истребители в обмен на нефть)³²⁰. Тем не менее, это было первой пробой французского ВПК по продаже боевых самолетов врагам Израиля после фактически закрытия израильского рынка из-за эмбарго. Здесь сходились как геополитические амбиции де Голля по созданию французского плацдарма в арабских странах, так необходимость восстановить и даже увеличить долю Парижа на оружейном рынке Ближнего Востока.

Второй попыткой французов серьезно закрепиться в арабских странах зоны Восточного Средиземноморья стала Ливия, события в которой, окончившиеся свержением в сентябре 1969 г. проамериканского режима короля Идриса, оказались последним аккордом для формирования нового status quo в регионе, чуть отсроченным последствием Шестидневной войны и подъема антиамериканизма в арабском мире. Ливия со времени своего появления в качестве независимого государства в 1951 г. была прочно связана с США и Великобританией. В этой стране безраздельно властвовали американские и голландско-британские нефтяники³²¹.

В Вашингтоне и Лондоне придавали большое внимание контролю над страной не только с экономической, но и с военно-стратегической точки зрения: американские и

---

³¹⁵DDF. Vol 36. 1969-II, Doc. 161.

³¹⁶DDF. Vol 36. 1969-II, Doc 135.

³¹⁷DDF. Vol 33. 1968-I, Doc. 79.

³¹⁸DDF. Vol 33. 1968-I, Doc. 190.

³¹⁹DDF. Vol 35. 1969-1, Doc. 342.

³²⁰DDF. Vol 36. 1969-II, Doc. 73.

³²¹FRUS. 1969-1976, Vol. XXIV, Doc. 98, P.146.

британские базы в Киренаике (Бенгази, Эль-Адем, Вилус) запирали Восточное Средиземноморье³²² и не давали возможность СССР «обойти» юго-восточный фланг НАТО, проникнуть в Африку, одновременно как бы «пристегивая» страну к альянсу³²³. Кроме прямого военного присутствия США и Великобритании обучали и полностью экипировали ливийскую армию как для поддержки собственных баз в возможном региональном или глобальном конфликте с Москвой. Бронетехнику поставляли британцы, авиатехнику — американцы³²⁴, причем последние обязались в ближайшие 10 лет полностью модернизировать ливийские ВВС и ПВО, и в августе 1968 г. поставили первые 10 истребителей F-5³²⁵.

Однако положение американцев и британцев в Ливии в конце 1960-х гг. было на деле непрочным: и без того слабую социальную базу режима короля Идриса сильно расшатала Шестидневная война. Летом 1967 г. по всей стране прошли массовые забастовки на нефтяных предприятиях и антиамериканские протесты в городах, которые были во многом спровоцированы заявлениями египетского лидера Насера о том, что военнослужащие США и Великобритании помогали израильтянам с баз Ливии в июне 1967 г. Королю Идрису, опасаясь восстания, пришлось заставить британцев сократить свое военное присутствие, выведя войска из Бенгази, в особенности после Хартумской декларации сентября 1967 г. Наконец, Триполи, в отличие от начала 1960-х гг., на фоне его растущих нефтяных доходов больше не нужна была экономическая помощь со стороны США — только военная³²⁶.

Королевское правительство понимало, что контакты с США и Великобританией все больше дискредитируют его в глазах собственного народа (хотя и являются одновременно одной из опор его власти) и могут стать поводом для революции — благо, пример соседнего Египта, где военные свергли монархию, был свеж. Поэтому Идрис решил постепенно, не порывая связей со старыми союзниками, найти более нейтрального представителя западного мира, который бы мог, в первую очередь, обеспечить бесперебойные поставки современного оружия, если под давлением арабского мира придется полностью разорвать связи с Вашингтоном и Лондоном. Такой альтернативой показался Париж, который уже начал свою «оружейную дипломатию» в арабском мире.

Франция также обратила внимание на ситуацию в Ливии и на появившуюся возможность проникнуть на традиционно американо-британский рынок. Летом 1969 г. французы передали кабинету министров Идриса, что Франция «терпит большие издержки

---

³²² International Affairs. Oct. 1970. P.44.

³²³ Бартенев, В.И. Политика Великобритании в отношении Ливии (1951–1969). С 120.

³²⁴ Military Balance 1967 P. 70.

³²⁵ FRUS. 1969-1976, Vol. XXIV, Doc. 97, P.145.

³²⁶ FRUS. 1969-1976, Vol. XXIV Doc. 98, P.549.

из-за объявленного Израилю оружейного эмбарго» в отсутствие сопоставимых покупателей, и в принципе «надеется на то, что арабы оценят занятую ею позицию в ближневосточном конфликте»³²⁷. В Триполи поняли намек и в том же году подписали крупный контракт в Лондоне на покупку средств ПВО³²⁸, также предложили также широкий список того, что хотели бы купить у Парижа: истребители Mirage V Jaguar, вертолеты Alouette, броневые автомобили AML 60 и Panhard Asmat, танкодесантные корабли типа Trieux³²⁹. Правда, договориться королевское правительство смогло лишь о танкодесантных кораблях и вертолетах³³⁰. Париж пока был не готов под носом у американцев и британцев столь нагло покушаться на их вотчину.

Ситуация резко переменилась после переворота в Ливии 2 сентября 1969 г., когда группа офицеров во главе с полковником М. Каддафи свергла короля Идриса. Изначально новые ливийские власти, боясь вмешательства расквартированных американских и британских войск³³¹ поспешили заверить Вашингтон и Лондон в преемственности внешнеполитического курса³³². Но как только США и Великобритания отказались помочь королю³³³ и признали новое революционное правительство, политика Триполи быстро приняла антиамериканскую направленность, стараясь порвать со всякими следами внешней опеки. Уже 29 сентября ливийцы заявили, что не будут продлевать соглашение о присутствии иностранных войск на своей территории после его окончания в 1972 г.³³⁴ В ноябре в Триполи настаивали на эвакуации американских военных уже до 1971 г.³³⁵, и, наконец, 23 декабря обязали США очистить базу Вилус до июня 1970 г., а Великобританию — уйти из Эль-Адема до 1 апреля 1970 г.³³⁶

Французы поначалу не пришли в восторг от переворота. Появление революционного режима могло спровоцировать политические перемены и в Магрибе, от которого Париж экономически продолжал зависеть, в частности, французы были озабочены вероятностью революции в Тунисе, где внутривосточная обстановка была очень похожа на ливийскую³³⁷. От становившегося все более явным антиамериканизма ливийцев французы

³²⁷ DDF. Vol 36. 1969-II Doc.44.

³²⁸ Бартнев, В.И. Политика Великобритании в отношении Ливии (1951–1969). С 142.

³²⁹ DDF. Vol 36. 1969-II Doc.63.

³³⁰ Ibid.

³³¹ С 1968 г. военные США и Великобритании изучали возможность поддержки королевского режима в Ливии со своих баз в Киренаике в случае государственного переворота. В итоге, незадолго до переворота, был сделан вывод, что вооруженное вмешательство иностранных военных ускорит падение режима. Подробнее смотрите: Бартнев В.И. Политика Великобритании в отношении Ливии (1951–1969). С 145.

³³² FRUS. 1969-1976, Vol. E-5 Pt.2 Doc. 37 P.2

³³³ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 127.

³³⁴ FRUS. 1969-1976, Vol. E-5, Pt.2, Doc. 42, P.5.

³³⁵ FRUS.1969-1976, Vol. E-5, Pt.2, Doc. 43, P. 7.

³³⁶ FRUS. 1969-1976, Vol. E-5, Pt.2, Doc. 49, P. 27.

³³⁷ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 127.

тоже были не в восторге. Ориентация Триполи могла оказаться просоветской (французы знали, что в Москве позитивно восприняли ливийскую революцию, хотя и не руководили ей³³⁸), что «может изменить весь баланс сил в Средиземноморье»³³⁹. Их страхи не были беспочвенны: советское влияние уже проникало в их бывшую колонию Алжир через экономическую и военную помощь³⁴⁰, так что вся Северная Африка от Марокко до Израиля в глазах Парижа могла стать одним большим советским плацдармом в «подбрюшье» Европы и НАТО.

Париж оказался первым на Западе, кто установил отношения с новыми властями в Триполи. В благодарность революционный режим поспешил успокоить французов. По иронии судьбы новое правительство в действительности продолжило курс королевского режима на сближение страны с Францией, так как ощутило еще большую потребность в партнере на Западе, но не связанным с США слишком тесным партнерством. Этим партнером могла стать только Франция, как раз искавшая возможность продавать свое оружие и закупать нефть на случай дальнейших трудностей с Алжиром — основным поставщиком (30% в 1969 г.), ставящим все более неприемлемые условия продажи энергоресурсов и продолжающим национализацию французских добывающих компаний в счет «урона от колониальной эксплуатации»³⁴¹. Революционное правительство Ливии тоже запустило национализацию, но для французских компаний было сделано исключение. Это начало раздражать американских и британских нефтяников, чьи активы перешли к ливийскому правительству³⁴².

В октябре Каддафи заявил французским дипломатам, что «скорбит из-за того, что Франция была на задворках политических приоритетов прошлого режима, несмотря на свою позицию в отношении Израиля», но «теперь все будет по-другому», и немедленно запросил Париж поставить Триполи истребители, напомнив, что французы уже вели подобные переговоры и с Ираком, и с прежними ливийскими властями. В частности, ливийский лидер интересовался, почему франко-иракские договоренности окончились ничем, спрашивал, нельзя ли перекупить так и не отправленные Багдаду самолеты и распространится ли эмбарго на тех, кто присоединится к вооруженной борьбе с Израилем, не гранича с ним³⁴³.

---

³³⁸ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc.180.

³³⁹ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 127.

³⁴⁰ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 165.

³⁴¹ За 1968 г. правительство Алжира национализировало 56 французских компаний, работающих в нефтегазовом секторе. Подробнее см: DDF. 1969-I, Doc. 173.

³⁴² Бартенев, В.И. Ливийская проблема в международных отношениях в 1981-1991 гг. С. 94.

³⁴³ DDF. Vol. 36, 1969-II, Doc. 234.

Французы на тот момент отвечали уклончиво, опасаясь реакции британцев и американцев, но не исключали самой возможности. Тем не менее, де-факто переговоры начались, в тайне даже от США. В Елисейском дворце уже готовили оправдание, что таким образом они «не дают советскому оружию и политическому влиянию обосноваться в Ливии»³⁴⁴. В Париже видели, что новая Ливия, в отличие от королевского правительства, не только настойчиво просит оружие, но и активно втягивается в ближневосточный конфликт: одним из первых, с кем связался Каддафи после прихода к власти, стал глава ООП Я. Арафат. Но в Париже уже последовательно шли на блокировку с ярыми врагами Израиля — после Ирака к ним прибавилась и новая Ливия несмотря на то, что последовательный борец с «американской гегемонией» и ее пособниками генерал де Голль уже сошел с политической арены, а в Вашингтоне также пришли к власти люди, более склонные к диалогу и сотрудничеству.

События 1967-1969 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке коренным образом поменяли расстановку сил в регионе и окончательно разделили США и Францию в плане того, чьи интересы обе страны собирались поддерживать на новом витке арабо-израильского конфликта. Американцы полностью потеряли опору на южном берегу Средиземного моря с переворотом Ливии, их авторитет сильно упал в арабских странах, зато они приобрели гораздо более ценного союзника — Израиль, сохранив в качестве опоры в регионе также Иорданию и Саудовская Аравию. Французы, напротив, стремительно теряли Израиль как политического партнера, опору в регионе и рынок оружия, взамен укрепляли связи с арабскими странами: занимали место американцев и британцев в Ливии. Париж встал на идентичные советским позициям по урегулированию арабо-израильского конфликта, и это влекло за собой изменение восприятия роли Франции в регионе. Неудивительно, что с приходом к власти нового президента Ж. Помпиду в 1969 г. Париж модифицирует свою «арабскую политику» в доктрину «Средиземноморской политики». В ее рамках Франция намеревалась продолжать выделять Средиземноморье как самостоятельный регион, а также попытается интегрировать его экономически в Европу и «оставить Средиземноморье средиземноморским странам», выведя регион из биполярного противостояния. Таким образом Вашингтон и Париж подготовились к новому этапу развития ситуации в южном секторе зоны Восточного Средиземноморья.

---

³⁴⁴ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 218.

2. Взаимодействие США и Франция в процессе ближневосточного урегулирования в 1969-1972 гг.: неудачный опыт сотрудничества.

В конце 1968 г. — первой половине 1969 г. в США и Франции происходили важные внутривнутриполитические перемены, которые неизбежно должны были оказать существенное влияние на внешнеполитический курс и взаимоотношения двух стран, в частности, на Ближнем Востоке. Американские выборы в ноябре 1968 г. выиграл Никсон, приведший в Белый дом новую команду.

В Париже после событий мая 1968 г., показавших кризис десятилетнего правления де Голля, тоже назревали кадровые перемены и начиналась подготовка к «транзиту» власти внутри голлистской верхушки, поэтому тон французской риторики в отношении «американского гегемонизма» был уже менее категоричен. Высшее французское руководство, скорее критически оценив неоднозначные, не очень высоко эффективные итоги политики «величия» и выхода из военной организации НАТО, решило взять тайм-аут в отчуждении с американцами и скорее искало точки соприкосновения с новой администрацией в США. Такой точкой могло стать ближневосточное урегулирование, прогресс в котором мог дать политические очки как администрации вновь избранного Никсона, так и де Голлю и его вероятным и скорым преемникам, подтвердив статус Франции как великой державы и укрепив ее мощь.

Команде Никсона доставалось трудное наследство: предыдущая администрация Джонсона, не имевшая надежд в новом избирательном цикле, не могла, да и сознательно не хотела сдвинуть с мертвой точки ни деградировавший за 1960-е гг. американо-французский и в целом американо-европейский диалог, ни начать реальное участие в урегулировании на Ближнем Востоке. Новое руководство поначалу считало, что такое положение подрывало репутацию американцев как союзника в рамках западного бока, где еще со времен Карибского кризиса и принятия доктрины «гибкого реагирования»³⁴⁵ наблюдался «кризис доверия»³⁴⁶. Также это вредило позициям США в Третьем мире в целом и грозило, как казалось тогда в Вашингтоне, проигрышем в глобальном противостоянии с СССР³⁴⁷.

Поэтому в новой американской администрации в первую очередь намеревались наладить отношения с Францией³⁴⁸, поскольку это значило, как ранее в своей теоретической работе выразился советник Никсона по национальной безопасности Киссинджер, «иметь дело с Западной Европой в целом»³⁴⁹. Киссинджер и до пришествия в Белый дом, и в начале

³⁴⁵ Подробнее см. Мельников В.О. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974.

³⁴⁶ Подробнее см: Пилько А.В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен. М., 2007..

³⁴⁷ Bozo, F. *Détente versus Alliance*. P. 344

³⁴⁸ Trachtenberg, M. *Op. cit.* P. 4.

³⁴⁹ Kissinger, H. A. *Troubled Partnership*, P. 72; and Kissinger, *White House Years*, P. 109.

своего пребывания там выступал за более сбалансированный подход в отношениях с Парижем, за отход от «избыточной концентрации США на своей роли как старшего партнёра в союзнических отношениях»³⁵⁰. Об этом были осведомлены в окружении де Голля, коль скоро взгляды Киссинджера были публично изложены в его научных трудах за три года до этого. Решимость улучшить отношения с Парижем в Вашингтоне подкреплялась еще и тем, что там с недоверием получали сведения о готовящемся налаживании отношений экономического соперника французов — Бонна — с Берлином и Москвой, о том, что с приходом к власти В. Брандта, тогда занимавшего пост главы западногерманского МИД, получит название «Восточной политики»³⁵¹. Во многом именно страх смещения баланса сил в Западной Европе, пусть и подопечной США, в сторону немцев, стал тем импульсом, толкнувшим французов к американцам.

В то же время на ближневосточном направлении готовилась ревизия американской политики. Это не значило, что команда Никсона собиралась отказываться от поддержки Израиля. Наоборот, новая администрация по заслугам оценивала роль Тель-Авива как барьера на пути советского проникновения. Но теперь Вашингтон собирался действовать более тонко, коль скоро в новой администрации считали Ближний Восток одним из приоритетных направлений. Если при Джонсоне ставка на Израиль была скорее самым простым решением для периферийного направления во внешней политике, то теперь Тель-Авиву предстояло быть одним из козырей Вашингтона в ближневосточной игре. Приоритетным ближневосточное направление в политике США стало, во-первых, из-за бесплодности усилий в направлении азиатском — все более прорастающей перспективы военного поражения во Вьетнаме³⁵².

Это совпало с растущим после 1967 г. интересом американской элиты к Ближнему Востоку: регион стал рассматриваться как важный для государственных интересов США во взаимосвязанных вопросах как биполярного противостояния, так и экономической, энергетической безопасности³⁵³. Неслучайно именно в 1970 г. вышла и работа видного неомарксиста Г.Магдофа, который верно оценил складывавшиеся в американском истеблишменте тенденции к стремлению доминировать в ключевых для Запада регионах, богатых сырьем, на фоне растущей зависимости от их поставок, и необходимости защитить в этих регионах интересы американского капитала и компаний³⁵⁴. На этом фоне Конгрессе прямо озвучивались сомнения в необходимости продолжения прежнего курса на

---

³⁵⁰ Ibid, P. 233.

³⁵¹ Trachtenberg, M. Op. cit. P. 5.

³⁵² Kissinger, H. A. White House Years. P. 352-355.

³⁵³ Мельников, Ю.М. Указ. соч. С.124.

³⁵⁴ Magdoff, H. Op.cit. P.25.

безоговорочную поддержку Тель-Авива, поскольку это могло навредить как интересам нефтедобывающих компаний, так и стратегическим позициям американцев в арабских странах, не входящих в сферу влияния СССР³⁵⁵.

Эти факторы повлияли на особое выделение ближневосточного направления в внешнеполитических планах администрации Никсона. В них ролью США становилось деятельное посредничество в урегулировании арабо-израильского конфликта. Чтобы запустить новую политику, предстояло разделить арабов на «дружественных» и «недружественных»³⁵⁶, чтобы первые заключили с Израилем мир, а вторые были бы принуждены к миру или изолированы. В обоих случаях влияние СССР в регионе должно было, по мысли вашингтонских стратегов, снизиться. Такой подход к ближневосточной проблеме американский исследователь М. Керр назвал «регионалистским». Его сторонники рассматривали регион Ближнего Востока без связи с другими внешнеполитическими проблемами США, например, вьетнамской. Его основной целью было действительное решение арабо-израильского конфликта, стабилизация баланса сил в регионе и обеспечение безопасности ключевого союзника — Израиля³⁵⁷. Но в администрации Никсона обсуждали и другой подход, условно названный Керром «подход холодной войны». В нем Левант понимался лишь как одно из полей глобальной битвы с СССР, где урегулирование регионального конфликта не было самоцелью. Здесь постулировалась идея продолжать поддерживать всеми силами надежного союзника — Израиль, в противовес арабам, часть из которых была советской клиентурой, а другая могла потенциально ею стать³⁵⁸.

Новый госсекретарь Роджерс, выбрал компромиссную тактику: продолжать делать ставку на Израиль, как делали и при Джонсоне, но стараться подталкивать его к уступкам и диалогу с арабами, ведя в направлении урегулирования. Эту идею поддержал и Никсон, который нашел в примирении арабов и израильтян возможность дипломатического прорыва на фоне вьетнамской проблемы, испортившей рейтинги его предшественнику и угрожавшей его собственному президентству³⁵⁹. Команде Никсона оставалось найти формат, платформу, на которой можно будет конструировать арабо-израильское урегулирование в первую очередь как пропагандистскую акцию, демонстрирующую миротворческий потенциал Вашингтона, одновременно помогающую наладить отношения с Парижем и сковывающую действия Москвы в Восточном Средиземноморье. В

³⁵⁵ The Near East conflict: hearings before subcommittee on the Near East on Foreign Affairs/ House of Representatives 91st Congress 2nd Session. P. 61.

³⁵⁶ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток. С. 133.

³⁵⁷ Kerr, H. M. Op. cit. P. 10.

³⁵⁸ Ibid. P. 12-13.

³⁵⁹ Никсон, Р. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. С. 289.

Вашингтоне вспомнили о французском предложении³⁶⁰ времен Шестидневной войны 1967 г. о посредничестве четырех великих держав, имеющих жизненные интересы в Средиземноморье (США, Великобритании, Франции и СССР), постоянных членов СБ ООН, которое было проигнорировано президентом Джонсоном. «Четырехсторонняя инициатива», вновь внесенная французами, не зря надеявшимися на коррекцию внешнеполитического курса Вашингтона после перемен в Белом доме, уже в январе 1969 г., оказалась востребована администрацией Никсона. И, хотя серьезного влияния такой схемы на ближневосточное урегулирование американскими стратегами изначально не предполагалось. Вашингтон поспешил заявить об одобрении идеи де Голля.

Однако в команде Никсона не все безоговорочно поддерживали такой инструмент ближневосточного урегулирования и улучшения отношений с Францией. Госдепартамент не видел ощутимой пользы от четырехстороннего формата, его представители выражали опасения президенту, как бы к общей франко-советской позиции по немедленной эвакуации израильских войск с Синайского полуострова не присоединились и британцы. Ведь их, как и французов, с арабским миром чувствительно связывали экономические интересы. В таком случае, по мнению Госдепартамента, декоративный пропагандистский формат мог обернуться для США дипломатической ловушкой³⁶¹.

Чтобы не дать козырей СССР и не ухудшить отношения с Израилем, в начале февраля 1969 г. госсекретарь Роджерс и его заместитель Дж. Сиско рекомендовали Никсону «развести» четвёрку: вести приоритетные консультации с СССР, как с «патроном» радикальных арабских режимов, а в ООН — с присоединением к супердержавам Франции и Великобритании, уже после того, как на ключевых направлениях переговоров американцы смогут найти точки соприкосновения с советской стороной³⁶². Сиско должен был быть переговорщиком с СССР в Вашингтоне и давать инструкции постпреду США в ООН Ч. Йосту, который бы не имел права выхода за рамки данных инструкций. Французы ухватились за воскрешенную американцами их собственную идею «четырёхстороннего формата» по Ближнему Востоку и активно ее продвигали, почувствовав заинтересованность Вашингтона. Тем более, что такой формат с вовлечением не только двух бывших колониальных держав и ключевых партнеров по НАТО, но и СССР отвечал курсу администрации Никсона на разрядку с Москвой не только в проблеме стратегических вооружений, но и в минимизации шансов военного столкновения через союзников в

³⁶⁰ Politique étrangère de la France: Textes et documents. 1967-1985. 1967. P. 108.

³⁶¹ Korn, D. Op cit. P. 39.

³⁶² Kissinger, H. A. Op. cit. P. 353.

странах Третьего мира³⁶³. Уже 14 февраля советник по национальной безопасности Киссинджер информировал Никсона о том, что Франция изложила примерные параметры работы «четырёхсторонней инициативы» и свое место в ней. де Голль заверил, что Париж верен союзническим обязательствам, не будет блокироваться в «четверке» с СССР, несмотря на близость позиций по ближневосточному конфликту, и всячески выступает за гарантии безопасности Израиля³⁶⁴. Французский президент подчеркивал, что, даже если эта инициатива не сработает, она поможет «хотя бы канализировать энергию арабов в прения, а не в эскалацию на фронте»³⁶⁵.

Французы заявили, что готовы сотрудничать с США в «четверке» по двум направлениям: немедленному снижению напряженности на Ближнем Востоке и совместному поиску международных гарантий для противоборствующих сторон, которые не подпадут под советское вето. Париж настаивал, чтобы формат стал официальной международной площадкой. Американцы понимали, что публичность «четырёхсторонней инициативы» нужна де Голлю, чтобы поддержать убывающую после майских протестов 1968 года популярность внешнеполитическими акциями, в особенности демонстрацией того, что Вашингтон уважает мнение Парижа в ближневосточном вопросе³⁶⁶.

Но в Вашингтоне действительно были настроены на скорейшее начало консультаций. Причиной тому стал лидер Египта Насер. Опасаясь потерять авторитет в арабском мире после поражения в Шестидневной войне, он в начале месяца объявил об окончании наступившего в ноябре 1968 г. прекращения огня и возобновлении тянущейся с июля 1967 г. так называемой позиционной «Войны на истощение» с Израилем. Каир постоянными артиллерийскими налетами на Синае и угрозой начать наступление надеялся, как минимум, экономически подорвать потенциал Тель-Авива из-за необходимости постоянно держать под ружьем значительную часть активного мужского населения³⁶⁷.

На фоне обострения на Синае Никсон 28 февраля в рамках своего европейского турне встретился с де Голлем в Париже и устно согласился на четырехсторонний формат³⁶⁸. Американский президент заверил генерала в том, что отныне США будут вести с Францией исключительно равные, партнерские отношения³⁶⁹, однако настаивал, что основная работа должна вестись спецпредставителем генсека ООН Г. Яррингом. «Четверке» же

---

³⁶³ Gaddis J. L. *Op.cit.* P.15.

³⁶⁴ Memorandum for the president from Hendry A Kissinger. February 14. 1969. Reel 5. jan-oct 69. RSC RNNSF.

³⁶⁵ Memorandum for the president from Hendry A Kissinger. February 14. 1969. Reel 5. jan-oct 69. RSC RNNSF.

³⁶⁶ Memorandum for the president from Hendry A Kissinger. February 14. 1969. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

³⁶⁷ Memorandum for the Record. February 15. 1969. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

³⁶⁸ Public Papers of the President Nixon. Richard Nixon: 1970: containing the public messages, speeches, and statements of the president. Ann Arbor. 2005. P. 210.

³⁶⁹ Kissinger, H.A. *White House Years*, P. 81–82.

предлагалось ограничиться стимуляцией к переговорам враждующих сторон. Позже американцы через Сиско уточнили французам круг вопросов, которые они были согласны поднимать в данном формате: 1) определение границ; 2) создание демилитаризованной зоны по обе стороны от будущей границы; 3) присутствие в ней сил ООН; 4) юридические гарантии мира и безопасности сторонам конфликта. Помощник госсекретаря заверил Париж, что понимает важность четырёхстороннего формата для Франции, а пункты, предложенные ей, пригодятся, чтобы «размыть» вопрос об эвакуации израильских войск³⁷⁰.

Уточнив последние детали во время встречи Никсона с французским премьер-министром Шабаном-Дельмасом 20 марта³⁷¹, 24 марта 1969 г. США официально предложили начать четырехсторонние консультации. 3 апреля в Нью-Йорке начались ближневосточные встречи постоянных представителей СССР, США, Англии и Франции в Совете Безопасности³⁷². Выработанные великими державами решения предполагалось доносить до противоборствующих сторон через спецпредставителя ООН на Ближнем Востоке Г. Ярринга, который бы выступал посредником между арабскими странами и Израилем, отказывавшимися вести прямые переговоры. Стоит заметить, что Тель-Авив был против «четырёхсторонней инициативы», так как опасался, что великие державы, вместе с СССР, смогут надавить на него и заставить действовать в ущерб собственной безопасности.

Формат был запущен, но в команде американского президента уже оформились и два различных подхода к тактике действий в нем. СнБ и Киссинджер выступали за откровенный саботаж «четверки», чтобы не допустить ущерба интересам Израиля³⁷³. Внешнеполитическое ведомство и его глава Роджерс, наоборот, предпочитали поддерживать иллюзию тесного сотрудничества с Францией. Администрация Никсона в первые месяцы своей работы придерживалась тактики Госдепартамента и старалась продемонстрировать если не сотрудничество, то, по крайней мере, желание прислушиваться к французам в «четверке». Американцы старались сохранить четырехсторонний формат. Они призывали израильтян если не саботировать, то хотя бы не требовать от США выхода из него³⁷⁴. В разговоре с израильским премьером А. Эвеном Никсон просил «помощи, понимания и сотрудничества» в том деле, в которое ввязался Вашингтон³⁷⁵. Впрочем, не стоит сомневаться, что американский президент здесь не переставал быть прагматиком. Существование «четверки» ему нужно было именно в тот

³⁷⁰ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. March 7. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

³⁷¹ Memorandum of conversation. 1969. March 20. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

³⁷² DDF. Vol. 35,1969-I. Doc. 273.

³⁷³ Memorandum from Kissinger to the President, 13 February 1969, in US National Archives and Records Administration NARA, NSC Files.

³⁷⁴ Antonio, D. The American–Israeli ‘Special Relationship’ in the Nixon–Kissinger Years. P. 107.

³⁷⁵ Memorandum of Conversation, 17 March 1969, in NARA, NPMP, NSC Files.

конкретный момент для улучшения отношений с Парижем. Публичная приверженность всеобъемлющему ближневосточному урегулированию и давление на Израиль были скорее пропагандистскими трюками для внешней арены, так как, по выражению Р. Арона, Никсон «предусматривал, что идеология и двусторонние отношения государств могут не пересекаться»³⁷⁶. В приоритете у американского лидера была все же безопасность союзника³⁷⁷.

Во Франции тем временем также начиналась смена высшего руководства, что могло повлиять на дальнейшую динамику американо-французских отношений. В конце апреля де Голль, «отец» четырехстороннего формата, после провала референдумов об административной реформе, ушел в отставку³⁷⁸. В предвыборной гонке за кресло президента Франции в конце июня 1969 г. победил голлист Ж. Помпиду, впрочем, к тому моменту разошедшийся с генералом из-за более компромиссного подхода к вопросам как внутренней, так и внешней политики³⁷⁹.

Поэтому американцы считали, что теперь Париж улучшит отношения с Тель-Авивом, смягчит оружейное эмбарго, а также попытается теснее сотрудничать с США³⁸⁰. Но одновременно с рокировкой политического руководства в Париже четырехсторонний формат впервые оказался под угрозой. В середине мая СССР, чья позиция по конфликту была почти идентична французской, отказывался рассматривать другие вопросы, пока проблема эвакуации израильтян с арабских территорий не начнет решаться. Французы пытались заверить американцев, что СССР не собирается срывать встречу «четверки» 13 мая³⁸¹. В администрации Никсона это качнуло чашу весов в сторону курса СНБ на сворачивание четырехсторонней инициативы. Сменивший в конце июня 1969 г. в Елисейском дворце де Голля президент Помпиду считался в Вашингтоне гораздо более слабой и покладистой фигурой, в отношении с которой можно было не бояться жесткого ответа на пренебрежение³⁸².

Вашингтон официально заморозил едва начавшиеся переговоры, так как демарш Москвы шел вразрез с американским требованием «безопасных и признанных границ»³⁸³. Параллельно Киссинджер решил сблизить позиции СНБ и Госдепартамента в оценке параметров сотрудничества с французами, а точнее подчинить дипломатов своему

³⁷⁶ Aron, R, Richard Nixon and the Future of American Foreign Policy.// Daedalus, vol.101/4 (Fall, 1972), P.23.

³⁷⁷ Donno, A. P. Op.cit. P. 107.

³⁷⁸ Figaro. Le 28 avril, 1969.

³⁷⁹ Обичкина Е.О. Указ. соч. С. 145.

³⁸⁰ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1969. May. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

³⁸¹ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1969. May. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

³⁸² Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1969. May. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

³⁸³ Newsweek 24.3.1969.

видению. Советник по национальной безопасности убеждал высшее руководство, что французы пытаются использовать себя как посредника между СССР и США в «четверке», что американцам вовсе не нужно, и предлагал направить энергию Франции на принуждение израильтян к переговорам, чего самим американцам не хотелось³⁸⁴. Но французы боялись публичного сотрудничества с Тель-Авивом и подчеркивали свой «нейтрализм».

Все лето Франция потратила на то, чтобы «разморозить» формат «четверки» и убедить американцев быть более активными³⁸⁵. Вашингтон отвечал Парижу, что вина за дипломатический тупик лежит на СССР, который будто бы не оказывает достаточного давления на Египет и предлагает оставлять на усмотрение Каира свободу судоходства по Суэцкому каналу, что неприемлемо для Израиля³⁸⁶. В августе они будто бы уступили и согласились на встречу и подписании документа по ее итогам³⁸⁷. В сентябре прошел так долго откладывавшийся саммит «четверки» — Франции удалось продавить проведение хотя бы этого мероприятия. Результатом полугодных прений четырех держав стало коммюнике, которое не содержало никаких точных формулировок, повторяя, по сути, тезисы резолюции №242³⁸⁸. Единственное, что придавало бумаге хоть какой-то вес — это подписи представителей СССР, США, Франции и Великобритании.

После этого американцы вновь охладели к формату «четверки» и предложили подождать результатов выборов в Израиле, намеченных на 28 октября³⁸⁹. Французы попытались подогреть их интерес своими сепаратными переговорами с советской стороной, так как американцы сами вели усиленные консультации с СССР — в июле Сиско побывал в Москве. Французы сошлись с советскими дипломатами в том, что идеи, изложенные Сиско, «несерьезны». Он, в частности, предлагал организовать демилитаризованные зоны не по обе стороны государственных границ, а по обе стороны линии фронта, которой стал Суэцкий канал, то есть исключительно на арабской территории.

Париж донес до Вашингтона неприемлемость таких предложений и общность понимания ситуации с Москвой³⁹⁰. Опасаясь все же излишнего сближения французов с Москвой, в декабре американцы выразили французам неохотное согласие продолжить четырехсторонние консультации, таким образом, на время отложив в сторону позицию СНБ на явный саботаж сотрудничества в «четверке». Однако администрация Никсона решила подменить инициативой Госдепартамента (тем, что позже назовут «планом

³⁸⁴ FRUS. 1969-1976. Vol. XLI. Doc 131. P. 479.

³⁸⁵ DDF. Vol. 36, 1969-II, Doc 80.

³⁸⁶ DDF. Vol. 36, 1969-II, Doc.33.

³⁸⁷ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1969. August 4. Reel 6 nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

³⁸⁸ L'Année politique, économique, sociale et diplomatique en France. 1970. P.212.

³⁸⁹ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1969. October 6. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

³⁹⁰ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 55, P. 126.

Роджерса») уже наделенную мандатом ООН миссию Ярринга – элемент, который по изначальной задумке был проводником решений «четверки», ее рычагом давления на конфликтующие стороны и посредником в их будущих переговорах³⁹¹.

В «плане Роджерса» предлагалось прекратить на трехмесячный срок все вооруженные действия на границах между Израилем, с одной стороны, и Иорданией и Египтом с другой стороны³⁹². Ярринг же, по мысли американцев, должен был возобновить свою миссию по обеспечению условий выполнения резолюции № 242. Одновременно американцы все же пообещали Израилю, что ни один его солдат не уйдет с оккупированных территорий до подписания соглашения, что и сыграло ключевую роль. Это арабы принять не могли. Французский МИД предрек этой инициативе провал из-за позиции СССР, так как «документ под вывеской «сделано в США» обречен»³⁹³, и поэтому, оставив американскую суть, предложили его «переупаковать», как французскую инициативу³⁹⁴. Податливость Парижа в таком безнадежном деле в администрации Никсона объяснили только одним – надеждой на успех визита Помпиду в Нью-Йорк, и действительно, в Елисейском дворце считали, что встреча на высшем уровне имеет шансы сдвинуть ближневосточные переговоры с мертвой точки³⁹⁵. Аналитики Госдепартамента с иронией замечали, что Франция «разрывается между желанием показать себя с хорошей стороны нам и одновременно дистанцироваться от нас ради Советов и арабов»³⁹⁶. Шуман же действительно предлагал «нащупать золотую середину» между арабским требованием немедленного ухода израильских войск и требования гарантий мира со стороны Израиля³⁹⁷.

В декабре 1969-январе 1970 г. Франция, завязнув в бюрократических процедурах «четверки», внезапно обостряет отношения с американцами, угрожая своими действиями нарушить военно-политический баланс в арабо-израильском противостоянии продажей истребителей Mirage Ливии. Это были именно те самые самолеты, которые предназначались для Израиля, и передача которых была заморожена в 1968 г. И, хотя выше уже говорилось, что как королевский режим, так и революционное правительство задолго до декабря 1969 года интересовались покупкой ударных самолетов у Франции, Париж вел переговоры с Триполи медленно, и неизвестно, сколько бы они продлились, если бы не действия самого Тель-Авива. Благодаря инциденту в Шербуре в декабре 1969 г. позиции Франции в ее диалоге с американцами приобретали больший вес: по крайней мере, в

³⁹¹ Медведко, Л. И. Указ. соч. С. 132.

³⁹² Там же.

³⁹³ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. January 10. Reel 6. nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

³⁹⁴ Ibid.

³⁹⁵ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 174.

³⁹⁶ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. January 10. Reel 6. nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

³⁹⁷ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. January 22. Reel 6. nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

Вашингтон проявил реальную озабоченность действиями Парижа, угрожавшими безопасности его ключевого союзника – Израиля.

Инцидент уходил корнями в историю франко-израильского технического сотрудничества. Согласно заключенным перед Шестидневной войной контрактам, кроме 50 боевых самолетов Франция должна была передать Израилю также ракетные катера и запчасти к военной технике. После наложения эмбарго Тель-Авив конфиденциально интересовался у нового правительства Помпиду насчет возможности все-таки выполнить оплаченные еще в 1965 г. заказы (партия истребителей стоила израильской казне \$65 млн). Кроме того, попадание этих самолетов в руки арабов могло серьезно ухудшить стратегическую ситуацию³⁹⁸. Французы допускали, что согласятся на сделку, но лишь в случае, если израильтяне согласятся на подчинение системе по контролю за вооружениями на Ближнем Востоке под эгидой США и СССР³⁹⁹ (проект последней обсуждался в «четверке»), а также если Израиль непосредственно присоединится к «четырёхсторонним переговорам». Этот формат Тель-Авив отчаянно игнорировал, не желая давать публичные обязательства арабам, находясь с ними в состоянии войны⁴⁰⁰.

Израильтяне считали подобные предложения шантажом, однако убеждались в непоклонности французов. Нуждаясь в оружии прямо сейчас, израильское руководство пошло на рискованный шаг. В ночь на католическое рождество (25 декабря 1969 г.) заказанные им корабли без предупреждения покинули Шербур и через несколько недель оказались в израильской Хайфе благодаря умелым действиям «Моссад», хотя официально израильтяне до последнего уверяли французов о непричастности к этому⁴⁰¹. В результате репутация Франции в арабском мире как претендующей на способность решить ближневосточный конфликт и способной влиять на военный баланс в регионе, оказалась под угрозой. Французской стороне пришлось подтвердить курс на эмбарго в отношении Израиля, похоронив надежды как американцев, так и израильтян на поставку «Миражей» Тель-Авиву в обозримом будущем⁴⁰².

Согласно официальной версии произошедшего, Париж теперь ничто не удерживало от форсирования переговоров с Триполи. Американцы и сами израильтяне пытались удержать французов от резких действий, в частности, продажи арабам находящихся под эмбарго самолетов⁴⁰³, заверяя, что оказавшиеся в Хайфе катера будут использоваться Тель-

---

³⁹⁸ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc 174.

³⁹⁹ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1969. May 23. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

⁴⁰⁰ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1969. July 11. Reel 5. jan-oct 69. RNNSF RSC.

⁴⁰¹ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 400.

⁴⁰² Le Monde, Le 2 janvier.1970.

⁴⁰³ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 392.

Авивом только для охраны побережья и зон геологоразведки на шельфе. В Вашингтоне допускали, что в ответ Париж захочет действовать именно в Ливии, зная об усилившихся после сентябрьского переворота контактах с Триполи, и уверяли французов, что рады видеть в этой стране французское влияние вместо советского, однако советовали все же воздержаться от массивных поставок вооружений, обещая не давать в прессу осуждающих французскую политику материалов⁴⁰⁴. Впрочем, французы действовали без уведомления американцев даже по конфиденциальным каналам, поэтому даже сейчас сложно наверняка установить, когда политическое руководство Франции решилось на продажу «Миражей» Ливии: до угона катеров, или после, была ли израильская операция причиной или поводом.

В пользу версии о том, что именно французы сделали в этом процессе первый шаг, говорит та информационная война, которая развернулась вокруг ливийского контракта с двух сторон. Что примечательно, тема возможной поставки Ливии танков и самолетов Францией обсуждалась еще 19 декабря⁴⁰⁵, за 6 дней до угона катеров в статье *The New York Times* и в канун решения Триполи о досрочной эвакуации американских войск со своей территории. В публикации также говорилось, что Ливия уже договорилась с Египтом о передаче этих самолетов для войны с Израилем, а французский МИД уже выступал посредником. Это вскоре станет главным страхом и Вашингтона, и Тель-Авива. 31 декабря в *Washington Post* вышла статья «Новая дипломатия канонерок»⁴⁰⁶, в которой Париж обвинялся в намеренных поставках оружия «арабским радикалам», якобы сознательно подстроив инцидент в Шербуре, дав израильтянам угнать катера и теперь с чистой совестью разрушая военный баланс в Средиземноморье.

Французские дипломаты в Вашингтоне беспокоились, что эта статья – дело рук израильского лобби⁴⁰⁷, которое может испортить отношения с США в канун визита Помпиду в Нью-Йорк, так как официально американцев о близости сделки с ливийцами французы не уведомляли⁴⁰⁸. В ответ во французской прессе, в свою очередь, появились⁴⁰⁹ статьи с предположениями о том, что Вашингтон был на самом деле извещен заранее и согласовал поставку истребителей Ливии, что теперь могло дискредитировать уже американцев в глазах как Тель-Авива, так и еврейской общины США. 1 января в *Washington Star* вышла новая, очевидно произраильская статья, которая критиковала также и

---

⁴⁰⁴ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 403.

⁴⁰⁵ *The New York Post*, December 19, 1969.

⁴⁰⁶ *The Washington Post*, December 31, 1969.

⁴⁰⁷ DDF. Vol. 36, 1969-II, Doc. 402.

⁴⁰⁸ DDF. Vol. 36, 1969-II, Doc. 404.

⁴⁰⁹ *Le Monde*, le 2 janvier, 1970.

инициированное Францией посредничество великих держав на Ближнем Востоке как «устаревший и нерабочий формат»⁴¹⁰.

Официальный Вашингтон реагировал на разворачивающуюся в прессе дискуссию поразительно равнодушно. Однако этому есть объяснение: американцы оказывались в затруднительном положении. С одной стороны, им угрожала ссора с Тель-Авивом, который уже неофициально выражал беспокойство ситуацией и возможностью трансфера «Миражей» в Египет⁴¹¹, с другой — публичное выяснение отношений с французами, с которыми, напротив, пытались удержать отношения в позитивном ключе, запущенные с приходом Никсона в Белый дом. Посол США в Париже С. Шрайвер в начале января озабоченно докладывал в Госдепартамент, что отсутствие публичного осуждения переговоров французов с ливийцами может создать впечатление, будто американцы не против сделки⁴¹². Вашингтон однако делать официальных заявлений не стал, опасаясь скандала. и связался с Парижем конфиденциально. Французы заверили, что их действия не несут угрозы американским интересам⁴¹³, хотя прекрасно знали, что Триполи наладил отношения с Каиром и уже прорабатывает вопросы военно-технической кооперации⁴¹⁴.

Госдепартамент решил скрывать от общественности факт своей осведомленности, коль скоро ЦРУ успокоительно докладывало, что франко-ливийская сделка в первую очередь — коммерческое предприятие, не имеющее целью изменить военный баланс в Восточном Средиземноморье в ущерб Израилю, ибо даже если трансфер самолетов в Египет произойдет, арабы не успеют их быстро ввести в строй⁴¹⁵. Впрочем, израильтяне американцы поспешили заверить, что французы гарантируют невозможность передачи самолетов третьей стороне разрывом в таком случае контракта и прекращением поставок. В Вашингтоне понимали, что Тель-Авив хочет в числе прочего использовать ливийскую сделку как предлог, чтобы ускорить поставку американских истребителей вместо французских, упирая на ухудшение военного баланса в регионе.

Французская сторона наконец решила успокоить американцев: Помпиду в письме Никсону 14 января назвал, по его словам, «точную» номенклатуру поставок, причем неприятно удивив Вашингтон тем, что самолетов будет не 50 (партия, назначавшаяся Израилю), а в два раза больше и поставляться они будут до 1974 г.⁴¹⁶ Впрочем, французский

⁴¹⁰ The Washington Star, January 1, 1970.

⁴¹¹ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. January 8. Reel 6 nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

⁴¹² Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. January . Reel 6 nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

⁴¹³ Ibid.

⁴¹⁴ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc.351.

⁴¹⁵ CIA Intelligence Memorandum French Arms Sales to Lybia and Their Impact on The Middle East 14 January 1970. P. 1.

⁴¹⁶ Как позже выяснило ЦРУ по своим каналам, в итоге Париж поставлял Триполи не 100, а 108 самолетов. Такие «неточности» не добавили доверия к французам. Чтобы успокоить американцев, Помпиду заявил, что

президент заверял, что, как и хотели американцы, Париж таким образом не дает появиться в Ливии советскому оружию и советскому влиянию⁴¹⁷. Помпиду также подтвердил, что готов разорвать сделку, если такие самолеты внезапно окажутся у Каира⁴¹⁸. 21 января вопрос поставки «Миражей» перестает быть слухами и стал достоянием общественности: глава минобороны Франции Мишель Дебре официально анонсировал в дебатах по бюджету в Национальной Ассамблее намерение правительства подписать контракт с Ливией⁴¹⁹. Таким образом, Париж дал понять, что намерен стойко преследовать собственные интересы в Ливии, даже если они де-факто могут повредить арабо-израильскому урегулированию, от которого Францию к тому моменту США оттесняли.

Тем не менее, французы начали поиск решения, которое бы сгладило негативный эффект от сделки, очевидно менявшей баланс сил в регионе. Париж использовал для неформальных консультаций с США в качестве посредника американского бизнесмена французского происхождения А. Мейера (фирма Frère Lazare). Тот передал в Париж предложение американцев, в качестве компромисса, продав 50 самолетов Ливии, продать столько же и Израилю - то есть, снять эмбарго с уже оплаченного заказа и таким образом выполнить замороженный в 1968 г. контракт с Тель-Авивом, «сохранив военный баланс в регионе». Но в Париже, побоявшись дискредитировать себя в глазах арабов, отказались от такого варианта⁴²⁰. В итоге США и Франция подходили к заранее спланированной еще в декабре 1969 г. встрече Никсона и Помпиду в Нью-Йорке со скорректированными ливийским скандалом позиций. Она состоялась 24-27 февраля 1970 г. Французский президент полагал, что после истории с «Миражами» его положение укрепилось, и Белый дом возобновит переговоры по ближневосточной проблеме в рамках «четверки», а также вспомнит о французской идее создать систему контроля за вооружениями на Ближнем Востоке, коль скоро с продажей французских истребителей Ливии и продолжающихся массивных поставках советского оружия Египту и Сирии соотношение сил может начать угрожать безопасности Израиля.

Однако, хотя Никсон льстил Помпиду во время визита словами о том, что американцы «нуждаются в лучшем балансе на Западе» и «ситуация лишь с двумя супердержавами в мире нездорова», а французский президент заявил, что США — самый

самолеты не могут долететь на одной заправке до Израиля и значит ему не опасны, если Триполи захочет присоединиться к вооруженному конфликту. Подробнее см.: Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. February 3. Reel 6 nov 69- jan 70. RNNSF RSC

⁴¹⁷ Memorandum from Henry Kissinger for the president, 1970. January 24. Reel 6 nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

⁴¹⁸ Ibid

⁴¹⁹ Projet de loi de finances pour 1970, Crédits militaires et budget annexe des essences et des poudres. Assemblée nationale IVe législature. TABLES GÉNÉRALES des DOCUMENTS et DÉBATS parlementaires établies par le Service des Archives de l'Assemblée nationale. 11 juillet 1968 - 1er avril 1973. 2e PARTIE TOME II. P. 3863.

⁴²⁰ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. February 9. Reel 6 nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

старый друг французского народа»⁴²¹, его косвенное признание Израиля агрессором в Шестидневной войне⁴²², рассчитанная на арабов критика Тель-Авива, а также постоянные отсылки к резолюции №242 вызвали бурю негодования в произраильских кругах, очень влиятельных в США. Скандал с «Миражами» тоже не усилил позиции французов, а скорее подорвал доверие к ним американского руководства, сильно зависившего и от мнения Тель-Авива, и от еврейской общины, давая Вашингтону лишний раз повод упрекнуть Париж в непрозрачности. Французскому президенту дали понять, что Вашингтон не намерен сейчас форсировать переговоры в «четверке» якобы из-за «упорства и отказа СССР давать конструктивные предложения»⁴²³. Помпиду, стараясь сохранить четырехсторонний формат, предложил новый механизм работы «четверки»: составить два списка положений ближневосточного урегулирования. Первый, по которым позиции великих держав сходятся и второй - где существуют разногласия. Но администрация Никсона оказалась невосприимчива к доводам французского лидера⁴²⁴. Таким образом, завершившийся в начале марта визит Помпиду в США не смог «реанимировать» «четверку»: американцы показали французам, что не видят особого смысла в этом формате и не нуждается в участии Франции в переговорном процессе. Подход ШНБ и Киссинджера, по сути, на тот момент победил. Команда Никсона в марте сосредоточились на дальнейшем продвижении «плана Роджерса», но уже исключительно в консультациях с СССР через его посла в Вашингтоне Добрынина и советскую миссию при ООН⁴²⁵.

Французы в марте в ответ тоже сконцентрировались на контактах с СССР, начав сепаратно прорабатывать с ним вопрос предложенного Помпиду «каталогизирования» компромиссных и конфликтных пунктов. Вскоре французы составили список «согласованных» пунктов, который включал постоянное действие «четверки» как гаранта выполнения резолюции №242, всеобъемлющий характер соглашения и включение в него, кроме Египта, Иордании и Сирии, пункта о безопасных и признанных границах, а также наличие демилитаризованных зон по обе их стороны с нахождением там миротворцев ООН, и, наконец, возвращение беженцев⁴²⁶. Но американцы, обещая рассмотреть этот список, в итоге старались не упоминать о нем до апреля. Помпиду в итоге переоценил угрозу Израилю от ливийской сделки в тот конкретный момент: США считали обстановку на линии арабо-израильского соприкосновения благоприятной для себя: за март 1970 года

⁴²¹Pompidou, G. Entretiens et discours. Т. II., P., 1984. P. 9.

⁴²² Le Monde, Le 26 Mars, 1970.

⁴²³ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. February 26. Reel 6. nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

⁴²⁴ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. February 27. Reel 6. nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

⁴²⁵ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. March 12. Reel 6. nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

⁴²⁶ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. March 27. Reel 6. nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

израильские ВВС в «войне на истощение» вновь практически уничтожили египетскую ПВО и авиацию у Суэцкого канала, а французские самолеты только начали прибывать в Триполи.

Однако уже в апреле контакты американцев с французами по ближневосточной тематике возобновились. Виной тому стало изменение обстановки для Израиля на Суэце в худшую сторону. Ответом на успехи израильской авиации стала операция «Кавказ», в рамках которой СССР перебросил в Египет свои собственные части ПВО и истребительную авиацию. С 1 апреля 1970 г. советские военнослужащие несли боевое дежурство вдоль линии канала, а также вокруг Каира и Асуана. Налеты израильской авиации перестали быть столь безнаказанными, а под прикрытием советских ракетчиков и с помощью советских специалистов египтяне начали активно восстанавливать свои вооруженные силы⁴²⁷. Тональность американских заявлений в отношении французов сразу же изменилась. На фоне того, что ВВС Израиля начали нести урон от советских ракет на Синае, Вашингтон внезапно вспомнил о предлагавшихся Помпиду в марте «каталогах» компромиссных и конфликтных проблем и вновь объяснил затухание «четверки» упорством СССР и его «желанием посеять хаос в регионе. В Париже, впрочем, отметили, что Москва, напротив, заявляла им о решимости продолжать переговоры и как раз с советской стороны французы постоянно находятся в контакте⁴²⁸.

На фоне накаляющейся обстановки на Синае США в мае 1970 г. проявили желание к кооперации с Францией и в вопросе «ливийской сделки». На фоне все более ухудшающейся обстановки на Синае до Вашингтона дошли сведения, что Триполи все-таки заинтересовался покупкой МиГ-21 у Югославии: это с одной стороны реализовывало страхи о советском влиянии в Ливии, а с другой – о том, что для воюющего с Израилем Египта создается дополнительный резерв советских боевых машин, благо ни Белград, ни СССР не обязывались противодействовать трансферу авиатехники из Триполи в Каир. Поэтому американцы пошли навстречу⁴²⁹ просьбе французов о временном возвращении в Ливию технических специалистов, раньше обучавших ливийцев работе на американской технике (основу ливийских ВВС, пока не прибыли французские самолеты, до сих пор составляли истребители F-5⁴³⁰, но квалификации местных техников для их поддержания не хватало). В свою очередь, Париж создавал для Вашингтона иллюзию контроля ситуации с французскими самолетами – ибо на глазах американских авиатехников их точно не станут немедленно перегонять в Египет. Вашингтон же обязался пока не передавать «Фантомы» и

---

⁴²⁷ DDF. Vol 36, 1969-II, Doc. 235.

⁴²⁸ Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1970. April 10. Reel 6. nov 69- jan 70. RNNSF RSC.

⁴²⁹ Jewish Telegraphic Agency, June 9, 1970.

⁴³⁰ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. May 21. Reel 7. feb-sept 70. RNNSF RSC.

«Скайхоуки» Израилю, чтобы не повышать эффективность действий Тель-Авива на Синае, хотя и подчёркивал, что ситуация ухудшается и он может поменять свое решение в любой момент⁴³¹.

В начале лета «Война на истощение» между Египтом и Израилем на Синае достигает апогея. Израиль нес значительные потери: за первую неделю июня советские ракетчики сбили 10 «Фантомов» над Суэцким каналом. Эскалацию конфликта использовали американцы, чтобы вновь реанимировать «план Роджерса». Тогда же они передали французам, что по неофициальным каналам арабы сигнализировали о готовности подписать мир, признать право Израиля на существование, и что «четверка» (а именно СССР, Франция и Великобритания) вновь нужна, чтобы убеждать арабов проявить сдержанность⁴³².

Эти вбросы информации использовались как приманка для французов: администрация Никсона обещала использовать «четверку» как «передаточный механизм урегулирования»⁴³³, но настаивала, чтобы все действия Парижа шли «тихо, через неофициальные дипломатические каналы»⁴³⁴, в то время как французы были, как раз-таки, заинтересованы в публичности своей активности в роли посредника. Американцы обещали им, что, когда кризис будет преодолен, наступит и официальная часть, которая так важна для репутации Франции⁴³⁵. Вашингтон убеждал Париж, что не заинтересован в продвижении «плана Роджерса» под «американской вывеской», и выступает за демонстрацию ключевой роли Франции в мирном урегулировании⁴³⁶. Однако, как только французам удалось добиться от арабов неофициальных гарантий согласия на американскую инициативу, американцы объявили о мирной инициативе как об исключительно своем детище⁴³⁷.

Французы были возмущены таким поведением американцев: 23 июня генеральный секретарь МИД Франции Э. Альфанд выразил через американское посольство протест Вашингтону «в связи с тем, как была подана американская инициатива» и как она нанесла удар по французскому престижу на международной арене. Американцы заявили, что, во-первых, они не обязаны были извещать о том, как подадут ранее обговоренную инициативу, во-вторых, что они сделали то, о чем и СССР, и Франция так долго просили — принудили

⁴³¹ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. May 21. Reel 7. feb-sept 70. RNNSF RSC.

⁴³² Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1970. June 20. Reel 7. feb-sept 70. RNNSF RSC.

⁴³³ Ibid.

⁴³⁴ Ibid.

⁴³⁵ Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1970. June 20. Reel 7. feb-sept 70. RNNSF RSC.

⁴³⁶ Ibid.

⁴³⁷ The Washington Post, June 23, 1970.

Израиль участвовать в урегулировании⁴³⁸, а также отказаться от требований Тель-Авива немедленно поставить им американские истребители, заодно остудив пыл арабов⁴³⁹. Понятно, что французов эти доводы не убедили. Следом за Альфандом к госсекретарю Роджерсу, обратился с упреками и глава МИД М. Шуман. Но американцы решили, что «французы, несмотря на первую реакцию, не будут, не решатся саботировать нашу инициативу»⁴⁴⁰. Расчет Вашингтона оказался верным.

Американцы действительно достигли успехов в плане перемирия: 7 августа, было подписано соглашение о прекращении огня между Египтом и Израилем, завершившее трехлетнюю «войну на истощение». Таким образом, администрация Никсона добились крупного дипломатического успеха своими силами (при консультациях с СССР). Отныне она более не нуждалась во Франции и собиралась работать в плане ближневосточного урегулирования в фарватере «плана Роджерса». Однако теперь перед администрацией Никсона стоял вопрос о том, как, не обостряя отношений с Парижем, вывести его из процесса ближневосточного урегулирования.

Формально Франция все еще была вовлечена в этот процесс, но практически ей не давали предпринять каких-либо самостоятельных шагов. Например, Париж попытался вынести на обсуждение «четверки» политический кризис в Иордании – события так называемого «черного сентября» 1970 г.⁴⁴¹, когда ООП попыталась свергнуть королевский режим⁴⁴². Но администрация Никсона тактично уклонилась от коллегиального решения проблемы, которую она считала исключительно делом американцев и их союзника⁴⁴³. Этот кризис Вашингтон скорее рассматривал как личную проверку своих дипломатических и силовых рычагов, которые неизбежно должны были понадобиться в обозримой перспективе уже на линии соприкосновения вдоль Суэцкого канала. Недопуск к «черному сентябрю» французов также был очередной своеобразной «тренировкой» возможностей ограничить союзника от участия в подобных решениях и красноречивым сигналом Парижу.

Тем не менее, французы в последний раз попытались привлечь американцев, попытавшись расшатать достигнутые ими успехи. Убедившись, что шантаж сепаратными переговорами с СССР больше не работает. Франция решила поднять болезненный вопрос,

⁴³⁸ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. June 23. Reel 7. feb-sept 70. RNNSF RSC.

⁴³⁹ Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1970. June 27. Reel 7. feb-sept 70. RNNSF RSC.

⁴⁴⁰ Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1970. June 25. Reel 7. feb-sept 70. RNNSF RSC.

⁴⁴¹ Подробнее о вмешательстве США в иорданский кризис см.: De Luca, D. *The Gods of War were Inspecting their Armaments: The United States and the 1970 Jordan Crisis.*// *Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East.* Ed. by E. Calandri, D. Caviglia and A. Varsori. NY, 2012 P. 117–124.

⁴⁴² The New York Times, September 23, 1970.

⁴⁴³ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. September 23. Reel 7. feb-sept 70. RNNSF RSC.

который американцы старались избегать в рамках «плана Роджерса» – палестинский. Они назвали палестинцев «политическим фактом», таким образом, признавая за различными неподконтрольными признанным арабским правительствам группировками политическую самостоятельность. Франция настаивала на том, чтобы палестинцев включили в промежуточное соглашение⁴⁴⁴. Это было особенно тревожно для американцев на фоне того, что третий вариант «плана Роджерса», подразумевавший свободу навигации в Суэцком канале и отвод войск, провалился, будучи отвергнут и арабами, и Израилем.

И хотя в последний раз, но французам вновь удалось реанимировать формат «четверку»: американцы обязались возобновить консультации⁴⁴⁵. Временно тактика Киссинджера и СНБ была положена под сукно, а изначальный осторожный подход Госдепартамента к отношениям с французами возвращен к жизни. Париж хотел провести четырехстороннюю встречу в начале декабря, так как срок перемирия на Синае истекал уже в феврале. Французы надеялись именно на этом саммите наконец реализовать то, зачем еще де Голль придумывал этот формат в 1967 г. — а именно утвердить гарантии со стороны четырех великих держав для территориальной целостности и безопасности государств арабов и израильтян, таким образом, официально вводя Париж в состав гарантов безопасности на Ближнем Востоке наравне с США и СССР⁴⁴⁶. Но и декабрьская встреча не принесла французам этого результата⁴⁴⁷. Париж попытался продвинуть другую идею — послать на Синай и в другие оккупированные израильтянами районы миротворцев из состава «четверки», то есть, кроме американских, советские, британские и французские войска. Но американцы объяснили им, что израильтяне отдадут предпочтение контингенту из состава малых, нейтральных стран, и в последнюю очередь ждут советских или французских военных у своей границы⁴⁴⁸.

Французские инициативы вызвали сильное недовольство в Вашингтоне. Встреча «четверки» в итоге окончилась безрезультатно, а американцы твердо решили сворачивать формат. В этой мысли сходились теперь уже и СНБ, и Госдепартамент. В качестве предлога для разрыва американцы начали ставить в вину французам, что те «слишком часто» поддерживали в рамках «четверки» советские предложения⁴⁴⁹. В итоге, несмотря на

⁴⁴⁴ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. October 19. Reel 8. Oct 70 – Dec 71. RNNSF RSC.

⁴⁴⁵ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. October 19. Reel 8. Oct 70 – Dec 71. RNNSF RSC.

⁴⁴⁶ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. November 27. Reel 8. Oct 70 – Dec 71. RNNSF RSC.

⁴⁴⁷ The Washington Post. January 5. 1970.

⁴⁴⁸ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1970. December 17. Reel 8. Oct 70 – Dec 71. RNNSF RSC.

⁴⁴⁹ Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1971. March 10. Reel 8. Oct 70 – Dec 71. RNNSF RSC.

продление перемирия, Тель-Авив 21 февраля 1971 г. заявил, пользуясь позицией США как опорой, что Израиль не отойдет к линиям, существовавшим до 5 июня 1967 г.⁴⁵⁰

Позиция США позволила Израилю отклонить самую возможность многосторонних гарантий. В марте 1971 г. премьер-министр Г. Меир заявила: «Мы не желаем, чтобы кто-либо присматривал за нами и был ответственен за нашу безопасность»⁴⁵¹. На фоне этого американцы в том же году увеличили финансовую помощь израильтянам со \$102 млн до \$634,5 млн ежегодно, причем доля военной финансовой помощи увеличилась в этой сумме с 5% в 1967 г. до 85% в 1971 г.⁴⁵² Это, по мнению Мершаймера и Уолта, ясно демонстрировало то, как видят свои приоритеты в регионе американцы, не без участия израильского лобби в Конгрессе и других структурах: израильскую военную мощь в качестве стратегического ближневосточного актива вместо комбинаций уступок и взаимодействий с европейскими союзниками в рамках дипломатических маневров.

В то же время, по мнению упомянутых исследователей, именно после прекращения «войны на истощение» на Синае начала складываться тенденция вымогательства Израилем дополнительной помощи от США вне зависимости от того, идет ли он на реальные (а не условные) уступки в деле мирного процесса, когда оружие и деньги от Вашингтона переставали де-факто быть рычагом влияния на Тель-Авив, а становились составной частью их отношений⁴⁵³. Впоследствии американцы, несмотря на угрозы снизить помощь во время переговорных тупиков, ни разу не исполнили этой угрозы, напротив – повышали ее объемы с каждым новым этапом. Ярким последствием всего вышеизложенного стало подписание в 1972 г. нового «меморандума о взаимопонимании», в котором помощь поставками танков и истребителей оговаривалась как «постоянная», вне зависимости от дипломатических перипетий⁴⁵⁴.

После этого о возобновлении формата четырехсторонних встреч ни Вашингтон, ни Париж не упоминали, хотя никто пока не решался объявить его исчерпанным. Точку в этой главе американо-французских отношений поставил Вашингтон: 9 сентября 1971 г. новый постоянный представитель США в ООН, известный техасский консерватор Дж. Буш-старший заменил упрекаемого в недостаточно произраильской позиции Ч. Йоста и заявил, что американская сторона более не готова обсуждать какие-либо гарантии

---

⁴⁵⁰ Israel's foreign relations, 1947-1974, Vol. 2. Jerusalem, 1976. P. 911.

⁴⁵¹ Ibid. P. 911.

⁴⁵² Mearsheimer, J., Walt, S. M. Op. cit. P. 26.

⁴⁵³ Ibid, P.38.

⁴⁵⁴ Ibid, P. 43.

ближневосточного урегулирования. На этом четырёхсторонние консультации были прекращены навсегда⁴⁵⁵.

Обнаружив, что формат «четверки» уже невозможно реинкарнировать при подобном отношении администрации Никсона, французы решили начать параллельные, независимые от США действия в ближневосточном и средиземноморском направлении, только не с СССР, а со странами Западной Европы – членами ЕЭС и НАТО⁴⁵⁶. Определенный задел для европейской координации уже существовал. Еще в июне 1967 г., после Шестидневной войны с подачи де Голля была создана Ассоциация Европа-Ближний Восток, которая обратилась с инициативой поддержать ассоциацию арабских стран с ЕЭС и дать им финансовую помощь при условии, что они признают существование Израиля и установят с ним мир. Таким образом, с помощью экономических рычагов европейцы надеялись потушить арабо-израильский конфликт⁴⁵⁷. Подобные инициативы еще тогда вызывали настороженное отношение со стороны США⁴⁵⁸.

Весной 1970 г. на саммите ЕЭС западноевропейские страны (тогда – «шестерка») договорились о начале разработки механизма координации взглядов в отношении Средиземноморья и налаживании политического диалога с «умеренными» арабскими странам (Ливия в их число не входила, там были персональные интересы Франции, как и в Магрибе, в который она старалась не пускать остальных европейцев)⁴⁵⁹. В то же время построить скоординированную политику в Средиземноморье мешали противоречивые представления французов о нем: желая построить противовес США, Париж в то же время не хотел зависеть от некоего наднационального европейского консенсуса в тех странах и вопросах, где имел глубокие национальные интересы. В качестве компромисса Франция в кооперации с Италией предложила создать общеевропейскую Рабочую группу, где предлагалось разрабатывать не общую Средиземноморскую политику, а отдельные «Средиземноморские проблемы». Помпиду мотивировал такой подход тем, что у Парижа «уже есть собственная» политика в отношении региона, опасаясь, что общеевропейская, особенно если в ней будут затронуты вопросы безопасности, неминуемо вовлечет участие НАТО, где, как известно, главенствуют США⁴⁶⁰.

Одной из таких отдельных «Средиземноморских проблем» был арабо-израильский конфликт. В мае 1971 г. Париж впервые инициировал общеевропейские предложения по

---

⁴⁵⁵ L'Année politique, économique, sociale et diplomatique en France. P., 1971. P. 234.

⁴⁵⁶ Vansse, M. La puissance ou l' influence? P. 370.

⁴⁵⁷ Calandri, E. The United States, the EEC and the Mediterranean. Rivalry or Complementarity? P. 33.

⁴⁵⁸ Ibid. P. 41.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 42.

⁴⁶⁰ Calandri, E. The United States, the EEC and the Mediterranean. Rivalry or Complementarity? P. 44.

ближневосточному урегулированию, которые вошли в историю как формула «территория в обмен на мир»⁴⁶¹, Франции удалось найти понимание у Бельгии, ФРГ, Люксембурга, Италии и Нидерландов. Но, к сожалению Парижа, к конкретным дипломатическим шагам в русле французской точки зрения были готовы лишь Бельгия и ФРГ⁴⁶². В декабре 1971 г. Рабочая группа окончательно решила вообще не касаться арабо-израильского конфликта⁴⁶³. На этом этапе Париже не удалось создать конкурирующий с США союз стран, готовый к координированному ввязыванию в ближневосточную тематику, в том числе из-за собственной неоднозначной позиции. Тем не менее, эта идея вскоре будет вновь воскрешена и уже на более высоком уровне взаимодействия между европейскими странами.

3. Отношение США и Франции к диктатуре «черных полковников» в Афинах и развитию греко-турецкого конфликта в 1967-1973 гг.

Еще один очаг напряженности образовался практически синхронно с эскалацией арабо-израильского конфликта в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья. 21 апреля 1967 г. в Афинах произошел военный переворот, следствием которого стало усиление противоречий между двумя союзниками по НАТО – Грецией и Турцией, конфликтовавших в Эгейском море и из-за ситуации на Кипре. Растущая нестабильность юго-восточного фланга альянса, еще недавно прочно запиравшего прямой выход СССР в Восточное Средиземноморье, становилась головной болью американцев. Она пересекалась с теми изменениями в регионе, которые спровоцировала Шестидневная война июня 1967 г.

Эти изменения повлияли на позиции США и Франции в регионе и внесли определенные коррективы в американо-французские отношения. С одной стороны, Афины, и Анкара еще до вхождения в альянс в 1952 г. были тесно связаны с США⁴⁶⁴, и у Франции было не так много шансов укрепить свое влияние в обоих странах. Однако глубинные греко-турецкие противоречия, давняя историческая вражда, вовлеченность Афин и Анкары в тлеющий с 1960 г. внутренний конфликт на Кипре, курс греческой военной диктатуры на «воссоединение» острова с Грецией, а также неприятие западным миром антидемократического характера военного правительства (хунты) «черных полковников» давали возможность Парижу, искусно маневрируя, усилить свои позиции на юго-восточном

⁴⁶¹ Le Monde, le 10 juillet, 1971.

⁴⁶² Möckli, D. The EC-nine and transatlantic conflict. P.79.

⁴⁶³ Migani, G. Re-Discovering the Mediterranean First Tests of Coordination among the Nine. P.52.

⁴⁶⁴ Подробнее о процессе принятия Греции и Турции в НАТО и их первых годах в Альянсе на фоне вопроса о независимости Кипра см.: Chorhoulis, D. The Southern Flank of NATO, 1951-1959. Military Strategy or Political Stabilisation. L., 2015.

фланге НАТО, вбить клин между США и их партнерами, усилить контакты с одним из антагонистов.

До военного переворота 1967 г. отношения Греции с США и Францией были крайне дружественными. Причем неформальные политические связи были крепче даже в большей степени с Парижем — это подтвердилось в 1963 г. во время визита де Голля в Афины, когда французского лидера принял на тот момент уже в третий раз ставший премьер-министром К. Караманлис. Теплыми отношения были и с греческим монархом Константином II. В геополитическом смысле и в реалиях холодной войны Франция рассматривала членство Греции в НАТО как позитивный фактор, укрепляющий стабильность в Европе и Восточном Средиземноморье, даже после собственного выхода из военной организации альянса в 1966 г.⁴⁶⁵

В экономическом плане Париж также деятельно поддерживал ассоциацию Греции с ЕЭС в 1959-1961 гг.⁴⁶⁶ США, щедро наделявшие Грецию экономической и военной помощью, были обеспокоены нарастающей политической нестабильностью в стране. Ее общественная жизнь стремительно «левела». В Вашингтоне, равно как и в правых кругах Афин, в особенности в армии, помнили борьбу с коммунистами во время гражданской войны. Неумелое вмешательство молодого и амбициозного короля Константина II в политическую жизнь, как считали и в Париже⁴⁶⁷, и в Вашингтоне, создавало угрозу того, что левые придут к власти в 1967 г. уже законным путем⁴⁶⁸. США, недавно ввязавшимся в рамках доктрины «сдерживания» в войну во Вьетнаме, вряд ли нравилась перспектива появления «красного» режима у одного из своих стратегических союзников, в непосредственной близости от Дарданелл.

До сих пор нельзя сказать точно, какова была роль американцев в захвате власти военными в Афинах 21 апреля 1967 г. Однако известно, что почти все участники заговора «полковников» были связаны с ЦРУ еще с 1950-х гг. Вашингтоне заблаговременно получили информацию о подготовке переворота с участием военных⁴⁶⁹, но не передали ее законному правительству, так как считали, что руководить процессом будет сам король⁴⁷⁰. Опасность гипотетического коммунистического путча была «предотвращена», однако открытая поддержка людей, свергнувших легитимное, демократическое правительство, очевидно, дискредитировала США. Поэтому Вашингтон в 1967 г. не признал хунту, в

⁴⁶⁵ Vaisse, M. France and the Greek colonels. P. 115.

⁴⁶⁶ Ibid.

⁴⁶⁷ DDF. Vol.31, 1967-I, Doc. 166.

⁴⁶⁸ Подробнее о хронологии политического кризиса 1965-1967 гг. в Греции и его оценке в США см.: FRUS.1964-1968, Vol. XVI, Doc.194-217, 243-272.

⁴⁶⁹ FRUS. 1964-1968, Vol. XVI, Doc.273. P.581.

⁴⁷⁰ Ibid.

особенности после неудачного мятежа и затем бегства короля Константина в декабре того же года в Италию, а президент Джонсон даже наложил частичное эмбарго на поставки тяжелого оружия Афинам (под предлогом того, что произведенные в США танки и броневики использовались во время антидемократического переворота⁴⁷¹), в то время как подавляющее большинство техники было как раз американского производства⁴⁷².

Деголлевская Франция, как и все европейцы, восприняли политические перемены в Афинах в штыки и сократили контакты со страной до минимума⁴⁷³. Французские дипломаты первый год правления хунты воздерживались от любых встреч с представителями нового режима⁴⁷⁴. Во французском парламенте социалисты и коммунисты требовали у исполнительной власти ни в коем случае не признавать хунту⁴⁷⁵, а к осени 1967 г. под давлением парламентариев Елисейский дворец принял решение сократить все гуманитарные контакты с греками⁴⁷⁶.

Но в итоге позиция Франции оказалась сбалансированной и осторожной, если не сказать, «половинчатой». Так, чтобы полностью не разрывать дипломатических отношений с Афинами, Париж признавал короля Константина II главой греческого государства, причем даже после того, как он бежал из страны и не демонстрировал больше никакой воли к борьбе за власть⁴⁷⁷, по принципу «мы не признаем правительство⁴⁷⁸, но признаем страну»⁴⁷⁹. Однако, Франция ничего не сделала для того, чтобы предотвратить замораживание соглашения об Ассоциации Греции с ЕЭС. Знаковым было также и то, что бывший премьер Греции К. Караманлис, хорошо знакомый с де Голлем и отправившийся в добровольную эмиграцию еще в 1963 г. именно во Францию⁴⁸⁰, хотя не провозглашал себя в качестве главы правительства в изгнании, но развил общественную и политическую активность, став центром притяжения для многих оказавшихся за рубежом греков, настроенных против диктатуры. Переворот в Греции разделил общественное мнение во Франции, ряд известных журналистов и политиков, в большинстве левых, заявляли о поддержке греческого экс-премьера, критиковали и саму хунту⁴⁸¹, и де Голля, занимавшего,

⁴⁷¹ FRUS. 1964-1968, Vol. XVI, Doc.276. P. 584.

⁴⁷² Подробнее об оснащении и численном составе греческой армии к моменту переворота 1967 года см.: The Military Balance, 1967 P. 23.

⁴⁷³ DDF. Vol.31, 1967-I, Doc. 153.

⁴⁷⁴ DDF. Vol.31, 1967-I, Doc. 160.

⁴⁷⁵ Le Monde, le 8 mai. 1967.

⁴⁷⁶ Le Monde, le 28 octobre. 1967.

⁴⁷⁷ DDF. Vol. 34, 1968-2, Doc. 265.

⁴⁷⁸ Хотя новое правительство заверяло в том, что его «верность королю незыблема», стало быть, и оно само легитимно. Подробнее см.: FRUS Vol. XVI Doc.281 P. 592.

⁴⁷⁹ Vaisse, M. France and the Greec colonels. P. 89.

⁴⁸⁰ Караманлис уехал во Францию после того, как проиграл выборы 1963 г.

⁴⁸¹ Le Figaro, le 29 avril, 1970.

по их мнению, недостаточно суровую позицию к диктатуре. Официальный Париж провозгласил принцип невмешательства во внутренние дела Греции, никак официально не поддерживая деятельность Караманлиса.

США, в отличие от Франции, несмотря на внешние проявления неприязни и ограничения в поставках вооружений, де-факто сразу наладили тесные контакты с греческой хунтой. Первой проверкой афинского режима на лояльность Вашингтону стали события Шестидневной войны, когда греческая диктатура предоставила свои аэродромы для американского «воздушного моста» в Израиль. После этого в администрации Джонсона поняли, что с новым правительством Афин можно работать — они будут крепкой опорой американцев в Восточном Средиземноморье. Роль «тыла» для поддержки Израиля в его конфликте с арабами была не единственной, в которой в США рассматривали теперь Грецию. В Вашингтоне ряд политиков считал, что с военным режимом, который прямо заявлял о необходимости «воссоединить» (греч. «энозис») Кипр с Грецией, будет проще договориться об урегулировании греко-турецкого конфликта на острове по американскому плану, озвученному еще в 1964 г.⁴⁸², таким образом, погасив очаг нестабильности на юго-восточном фланге альянса⁴⁸³. Деголлевская Франция, наоборот, всячески дистанцировалась от кипрского конфликта и единственной ее позицией по существу было неприятие «энозиса» — поглощения суверенного Кипра Грецией или «полюбовного» раздела его с Турцией⁴⁸⁴.

Кипр был важен для американцев из-за своего стратегического положения: это был «непотопляемый авианосец» у берегов Леванта на случай обострения противостояния с СССР в Восточном Средиземноморье. Британские базы были оснащены прекрасными аэродромами и могли стать надежной опорой как для НАТО, так и для помощи Израилю. Пока невозможно было строительство крупной спутниковой группировки, американцы использовали британские РЛС на Кипре для отслеживания ракетных пусков на значительной части территории Советского Союза⁴⁸⁵, тем более что Москва в конце 1960-х гг.⁴⁸⁶ вышла к ракетно-ядерному паритету с США⁴⁸⁷.

⁴⁸² Американский план урегулирования ситуации на Кипре, предложенный в момент первого обострения греко-турецкого конфликта в 1964 году бывшим госсекретарем США Дином Ачесоном. Он подразумевал «воссоединение» греческой части острова с Грецией в обмен на создание в турецкой части постоянной турецкой военной базы как гаранта безопасности турецкого населения. Фактически это был бы раздел суверенного государства между двумя членами НАТО. Тогда план не был принят, однако в Вашингтоне считали этот план осуществимым еще многие годы спустя в различных модификациях. Подробнее см:

⁴⁸³ FRUS. 1964-1968, Vol. XVI, Doc.283. P. 598.

⁴⁸⁴ Plassmann, L. De l'émergence de la question de Chypre à la crise de 1974. P. 101.

⁴⁸⁵ Подробнее о военно-стратегическом значении Кипра для США см.: O'Malley, B.; Craig I. The Cyprus Conspiracy. London, 2001. P. 165; Шмаров, В.А. Кипр в средиземноморской политике НАТО. М., 1982. С. 30.

⁴⁸⁶ Burr, W. Rosenberg, D. A. Op. cit. P. 88.

⁴⁸⁷ Подробнее см.: Арбатов, А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М., 1984.

Наконец, Кипр находился на важнейших морских коммуникациях перевозки нефти из стран Ближнего Востока в Западную Европу. Такой ценный с логистической и военной точки зрения актив, считали в Вашингтоне, мог быть потерян из-за неоднозначной политической ориентации президента Кипра Макариоса⁴⁸⁸, греко-турецкого межобщинного конфликта, а сам этот конфликт - вызвать войну между Грецией и Турцией и крушение юго-восточного фланга НАТО. США были заинтересованы в том, чтобы «натофицировать» остров, а раздел его между двумя членами альянса решал, как казалось ряду политиков в Вашингтоне, не только конфликт между его членами, но и делал совершенно законным превращение острова в передовой форпост блока в регионе и снимал опасность того, что он подпадет под влияние СССР, как подпала когда-то Куба. Поэтому настрой греческой военной диктатуры нравился администрации Джонсона. Оценивая перспективы соглашения о разделе острова и вероятность свержения Макариоса, в Белом доме были «готовы согласиться с любым решением, приемлемым для заинтересованных сторон, Кипром и тремя державами-гарантами (Великобритания, Греция и Турция)», то есть, по сути, считали благоприятным переворот в Никосии⁴⁸⁹.

Случай проверить свои надежды на разрешение кипрской проблемы с помощью «черных полковников» американцам скоро представился: в августе 1967 г. американцы организовали первую тайную встречу греческих и турецких представителей⁴⁹⁰. Несмотря на ее провал, Вашингтон и Афины собирались продолжать переговоры с Турцией в духе фактического раздела острова. В противоположность одностороннему присоединению острова к Греции, «энозисом», этот план называли «двойным энозисом» — воссоединением греческих и турецких общин Кипра с «материнскими» странами⁴⁹¹.

Очередной раунд переговоров о Кипре состоялся на греко-турецкой границе по реке Эврос в сентябре 1967 г. Хунта шла на переговоры ещё и потому, что после прихода к власти считала «энозис» выполнимым политическими методами⁴⁹². И лишь сопротивление кипрского правительства в лице архиепископа Макариоса, а также недостаточная решимость предыдущего руководства Греции по отношению к Никосии, по мнению хунты, были причиной неудач в прошлом. Поэтому кроме базы на Кипре (которая бы, по мысли американцев, входила в структуру НАТО) греческая хунта с ведома американцев также

---

⁴⁸⁸ Макариос активно отстаивал право Кипра на «неприсоединение» и не отказывал себе в связях с соцстранами, из-за чего в Вашингтоне его называли не иначе, как «Средиземноморским Кастро», в Афинах — «предателем эллинизма» из-за отстаивания суверенитета острова и отказа «воссоединиться» с Грецией, а в Анкаре критиковали его за ущемление политических прав турок-киприотов

⁴⁸⁹ FRUS. 1964-1968, Vol. XVI, Doc. 295. P. 623.

⁴⁹⁰ FRUS. 1964-1968, Vol. XVI, Doc. 299. P. 630.

⁴⁹¹ Rizas, S. Op.cit. P. 240.

⁴⁹² Ibid, P. 239

предлагала туркам заодно свергнуть и несговорчивого Макариоса. Эта фигура, без сомнения, была неудобна всем заинтересованным сторонам. Вплоть до ноября шел торг. Казалось, устранения Макариоса был уже решен. Требования премьер-министра Турции С. Демиреля росли: теперь турки хотели сразу две натовские базы с турецкими контингентами на в придачу к 10% его территории. Американцы в принципе соглашались, но Афины сочли подобные требования чрезмерными и решили пойти ва-банк, хотя и используя третью силу.

Переговорный процесс нарушил очередной кризис. 15 ноября 1967 г. отряды греко-киприотской радикальной националистической группировки ЭОКА (сторонники «энозиса») под руководством знаменитого в прошлом борца с британским колониализмом Г. Гриваса⁴⁹³, тесно контактировавшего с Афинами, напали на турецкие поселения, попутно разоружив часть миротворцев ООН и британских войск. Анкара отреагировала жестко: призвав ООН немедленно вывести лишние греческие войска с острова (об их нахождении они были осведомлены, как и об участии многих кадровых греческих офицеров в отрядах ЭОКА), разоружить ЭОКА и передать это оружие миротворцами, она привели в боеготовность самолеты в Инджирлике (база НАТО), запустила облеты острова авиацией и накапливала войска на греческой границе во Фракии. Турецкий парламент принял резолюцию о разрешении использования вооруженных сил «вне Турции»⁴⁹⁴, и в турецких портах Александретты и Мерсина, лежащих напротив Кипра, были замечены десантные корабли⁴⁹⁵. Кроме того, вооруженное столкновение двух союзников по НАТО могло быть более чем реальным на суше, во Фракии, чего Вашингтон допускать не собирался.

Для урегулирования греко-турецкого конфликта, беспокоившего Вашингтон на фоне окончившееся полугодом ранее Шестидневной войны, американский президент Джонсон назначил своего посредника – экс-главу Пентагона С. Вэнса, дополнительно задействовав и административный ресурс НАТО в лице его генсека М. Брозио⁴⁹⁶. Вэнс полетел непосредственно в Никосию – к Макариосу, а Брозио отправился в Афины и Анкару для доработки уже сделанных Вэнсом предложений⁴⁹⁷. В итоге Афины испугались прямого конфликта с Турцией и согласились при посредничестве американцев, хотя и не

---

⁴⁹³ Парамилитарная террористическая структура греков-киприотов ЭОКА была создана в 1950-е годы Гривасом для борьбы за независимость от британского колониального владычества. Она организовывала нападения на британских военных, чиновников, а также сотрудничавших с ними турок-киприотов. Кроме свержения колониальных властей организация ставила целью воссоединение с Грецией. После получения независимости Кипром в 1960 году ЭОКА стала идти ко второй цели, постоянно вступая в конфликты с подобными формированиями турецкой общины острова. Гривас с 1950-х годов поддерживал тесные контакты с руководителями греческой армии и подолгу жил в Греции в 1960-е годы.

⁴⁹⁴ Jordan, S. R. Op.cit. P.210.

⁴⁹⁵ Rizas, S. Op.cit. P.240.

⁴⁹⁶ FRUS. 1964-1968, Vol. XVI, Doc. 307, P. 643.

⁴⁹⁷ The New York Times. November 27, 1967.

без задержек, на требования как турок, так и Макариоса вывести с острова к январю 1968 г. лишние греческие войска, которые в Анкаре считали одной из причин обострения из-за связи греческих военных с греко-кипрскими националистами⁴⁹⁸.

В 1968 г. под эгидой ООН начались долгие переговоры между греческой и турецкой общинами острова, без особого результата продолжавшиеся следующие шесть лет. Важнейшим последствием обострения стало постепенное разочарование американцев в возможности «двойного энозиса» в виде разных вариаций плана Ачесона, и в увязывании урегулирования кипрского конфликта с базами НАТО на острове⁴⁹⁹. Несмотря на то, что на Лиссабонской встрече Североатлантического совета 1971 года⁵⁰⁰, а затем и в ходе греко-турецких консультаций в 1972-1973 гг. продолжал тайно обсуждаться «двойной энозис», и Гривас был заключен под стражу, все наталкивалось на противодействия кипрского президента, не желавшего поступиться суверенитетом страны, и каждый раз переговоры оканчивались ничем⁵⁰¹. Тем более что на Кипре позиции Макариоса, воспринимавшегося греческим населением острова как спаситель от турецкого вторжения, усилились — архиепископ выиграл президентские выборы в апреле 1968 г. у сторонника «энозиса» Эвдокаса.

Еще одним последствием кризиса на Кипре 1967 г. было ухудшение американо-турецких отношений. Турция, представляя вторую по численному составу армию НАТО, была еще и одной из важных опор американского присутствия в Восточном Средиземноморье — например, 6-й флот получал в турецких портах до 20% горючего и припасов. На территории Турции размещался ряд американских военных баз в рамках НАТО. Они и попали под удар: в 1969 г., на фоне массовой антиамериканской кампании турецкой общественности, которая выразилась, в том числе, в виде протестов против прихода американских военных кораблей в Измир, было подписано соглашение. По нему в военное время объем контингентов и вооружений США в Турции могли увеличиваться лишь с согласия центрального командования НАТО⁵⁰², а Анкара могла определять их состав и сроки нахождения⁵⁰³, а также требовать отчетности от американцев⁵⁰⁴. В целом в 1968-1970 гг. Турция заставила на треть сократить количество американских военных на

⁴⁹⁸ Греция, вместе с Турцией и Великобританией, согласно Лондонскому договору 1960 года, была гарантом независимости острова и безопасности греческой общины, поэтому имела право держать на острове своих военных. После прихода к власти «черных полковников» в Афинах греческий контингент на Кипре вырос до 10 000 человек.

⁴⁹⁹ Slengesol, I-A. Op.cit. P. 98.

⁵⁰⁰ Asmussen J. Op.cit, P. 15.

⁵⁰¹ O'Malley B. Craig I. Op.cit .P. 130.

⁵⁰² Oran, B. Op.citю P. 439.

⁵⁰³ Duke, S. Op.cit. P. 277.

⁵⁰⁴ Поцхверия, Б.М. Указ соч. С. 91.

своей территории⁵⁰⁵. Дискуссия по поводу целесообразности нахождения в НАТО в турецком парламенте в декабре 1969 г. однако завершилась победой «атлантистов», указывавших на советскую угрозу – стратегически более опасную, чем действия греческой хунты⁵⁰⁶.

Поэтому американцы, оценивая Турцию выше Греции в плане боеспособности армии и ценности для НАТО, а также в благодарность за сохранение «атлантической солидарности» несмотря на обиды от итогов кипрского кризиса 1967 г. приоритетно снабжали военной техникой Анкару в ущерб Афинам⁵⁰⁷. Например, тяжелыми танками М-48 были укомплектованы четыре бронетанковые бригады Турции против одной греческой, а новые бронетранспортеры М-113 турки получили уже в 1970 г.⁵⁰⁸, в отличие от греков, к которым они были направлены лишь в 1972 г.⁵⁰⁹ Безвозмездная денежная военная помощь тоже отправлялась США в первую очередь Анкаре (\$300 млн ежегодно), а уже потом – Афинам (\$100 млн).⁵¹⁰

Французы не имели ничего равноценного американским ресурсам в плане поддержания боеготовности Анкары. В кипрском вопросе Париж мог позволить себе максимум отрицание возможности «энозиса» острова с Грецией как суверенного государства, что, впрочем, ценилось Турцией, так как входило в противоречие с планами греческой хунты⁵¹¹. Но укреплять кипрский суверенитет чем-то более материальным, чем декларации, Париж опасался. Несмотря на просьбы президента Кипра Макариоса, он всячески избегал утвердительного ответа на просьбы о поставках вооружений для кипрской Национальной гвардии. Ее лидер острова хотел сделать боеспособной армией, чтобы не опасаться ни ЭОКА, ни турецких формирований «самообороны», ни возможной интервенции Афин и/или Анкары. Уклонялись в Елисейском дворце и от политического союза с Никосией, которая хотела заручиться поддержкой государства, независимого в своем курсе ни от греческой хунты, ни от турок, ни от США. Чтобы смягчить горечь от такого поведения и в подтверждение того, что она ценит суверенитет Кипра, Франция заверяла о готовности помочь заключить соглашение об Ассоциации с ЕЭС⁵¹².

⁵⁰⁵ Поцхверия, Б.М. Указ соч. С. 91.

⁵⁰⁶ Ogan, B. Op.cit, P. 440.

⁵⁰⁷ Данные ЦРУ о военных потенциалах стран мира в 1966-1975 годах дают представление об объемах оборонных ассигнований Греции (\$372 млн в 1967 и \$596 млн в 1970) и Турции (\$580 и \$747 млн соответственно). Подробнее см.: World military expenditures and arms transfers 1966-1975 CIA. US Arms control and disarmament department. Washington, 1976. P.50.

⁵⁰⁸ The Military Balance 1968, P. 27.

⁵⁰⁹ The Military Balance 1972, P. 21.

⁵¹⁰ O'Malley B., Craig I. Op.cit. P. 157.

⁵¹¹ Plassmann, L. De l'émergence de la question de Chypre à la crise de 1974. P. 101.

⁵¹² DDF. Vol. 36, 1969-2, Doc. 401.

Французы однако могли делать туркам, как и киприотам, экономические авансы, увидев пусть и небольшой, но разлад американско-турецких отношений. В октябре 1968 г. Анкару посетил де Голль, заверяя в продолжении углубления ассоциации Турции с ЕЭС, предлагал Анкаре сотрудничество для осуществления таких инфраструктурных проектов, таких, как строительство метро в Стамбуле⁵¹³. Попытки Франции экономически привязать Турцию к Европе продолжились и при преемнике де Голля Помпиду. Так, до 15 тыс. турецких рабочих получили право на проживание во Франции, для них было создано специальное миграционное бюро в Стамбуле для вербовки трудовых мигрантов. При Помпиду, яром стороннике «оружейной дипломатии», Париж сделал практически невозможное раньше на сугубо американском оружейном рынке — смог продать Анкаре ряд вооружений – например, ракетные катера, вооруженные ракетами Exocet⁵¹⁴. Тем не менее, французы в приоритетах Турции оставались на тот момент даже не на вторых после американцев ролях – их обгоняли немцы не только в поставках вооружений, но и в экономических вопросах.

Зато французы могли предложить кое-что ценное до сих пор находящимся под американским оружейным эмбарго, находящимся в дипломатической изоляции в Европе Афинам. В Париже решили, что, несмотря на неудачу кипрской авантюры, режим в Афинах «имеет прочный фундамент»⁵¹⁵. Греческая хунта, в свою очередь, как могла, подталкивала Париж к сближению, угрожая наладить контакты с соперниками французов. В конце февраля 1968 г. посол в Афинах Байен передавал что, по его сведениям, в кругах греческих военных и политиков, близких к американским и британским дипмиссиям, распространяются слухи, что на фоне отсутствия публичных контактов из Франции в Грецию тайно была отправлена специальная миссия, и якобы сам лидер хунты Г. Пападопулос заявлял, что «если его утомят американцы, он сядет на самолет и улетит к французам». Байен считал, что слухи отчасти отражают латентный антиамериканизм в армии, но в большей степени все же являются специальным маневром хунты, чтобы подстегнуть США к большому сотрудничеству⁵¹⁶. В подтверждение второй версии вскоре выяснилось, что, после нормализации американско-греческих отношений, эти слухи перестали циркулировать⁵¹⁷.

Однако сближение Парижа с греческим режимом, хотя и осторожное, происходило. В июне 1968 г. французский посол Байен, которому до этого в течение года разрешалось

⁵¹³ Billion, D. Op.cit P. 88.

⁵¹⁴ Ibid. P. 90

⁵¹⁵ DDF. Vol. 36, 1969-2, Doc. 401.

⁵¹⁶ DDF. Vol.33, 1968-1, Doc.155.

⁵¹⁷ Vaisse, M. France and the Grec colonels. P. 30.

контактировать только с министром экономической кооперации⁵¹⁸, не замешанном в перевороте 1967 г., наконец встретился с ключевым его членом – на тот момент премьер-министром военного правительства Г. Пападопулосом — во время церемонии открытия нового французского завода Alsthom. Такая встреча означала хоть и не де-юре, но де-факто признание Францией режима «черных полковников».

Но дружественный жест со стороны правительства де Голля был весьма умеренным: из Парижа никто не приехал на церемонию – ни чиновники отвечающих за коммерцию и промышленность ведомств, ни представители самой компании. Посол объяснял это греческому премьеру тем, что во Франции до сих пор насторожены по отношению к режиму и стараются лишней раз не демонстрировать на международной арене кооперацию с Афинами⁵¹⁹. Пападопулос, кадровый офицер, интуитивно старался нащупать болевые точки генерала де Голля, а именно, его стремительно тающую былую популярность внутри Франции и ослабление авторитарного режима.

Так, в разговоре с французским послом несколько недель спустя открытия завода он, сетуя на излишнюю осторожность французского лидера в отношениях с Грецией, одновременно передавал тому свои соболезнования в связи с майскими беспорядками и политическом кризисе мая 1968 г. в Париже, где против де Голля выступал левый спектр политических сил. Греческий премьер проводил параллели с переворотом 1967 г. в Афинах – якобы он, как «старый борец с марксизмом», решил сам лишиться вместе с соратниками левых шанса на приход к власти, и теперь они к ней рвутся в Париже⁵²⁰.

Пришедший к власти в конце июня 1969 г. Помпиду руководствовался прагматическими интересами и считал, что отношения с Грецией помогут в его замысле сместить в ЕЭС баланс от Германии к югу — к Средиземноморью и Франции⁵²¹. Ради этого можно было и дальше продолжать наметившуюся в последний деголлевский год тенденцию — осторожно усиливать контакты с пусть и недемократическим, но явно ищущим в Европе французской поддержки режимом «черных полковников». Летом 1969 г. в Париж, несмотря на критику правительства Помпиду со стороны левых партий, стали регулярно приезжать высшие лица военного греческого режима: в июне – министр экономической координации Н. Макарезос, и ранее бывший *persona grata*. В июле Франция впервые приняла главу МИД «недемократической» Греции⁵²², показав, что встречей посла и Пападопулоса сближение не ограничится. Принимая на авиасалоне в Ле Бурже греческого

⁵¹⁸ Plassmann, L. *Comme une nuit de Pâques*. P. 112

⁵¹⁹ DDF. Vol.33, 1968-1, Doc. 333.

⁵²⁰ DDF. Vol.33, 1968-1, Doc. 379.

⁵²¹ Vaisse, M. *France and the Greec colonels*. P. 32.

⁵²² DDF. Vol. 36,1969-II, Doc. 23.

министра 13 июня 1969 г., глава Минобороны Франции М. Дебрэ писал послу в Афинах, что «мы должны поддерживать нормальные отношения с Грецией, потому что мы имеем в этой стране серьезные интересы и хотим их развивать»⁵²³.

Тем не менее, Помпиду был недоволен тем, как «неохотно и медленно» осторожный французский МИД налаживает отношения с диктатурой⁵²⁴ и просил кроме организации визитов в Париж форсировать вопрос восстановления соглашения об ассоциации Афин с ЕЭС⁵²⁵. Секретарь МИД Франции Альфанд был солидарен с президентом, что экономические и политические вопросы взаимосвязаны, и нужно постепенно решать первые ради развития вторых⁵²⁶. Поэтому французское внешнеполитическое ведомство в августе 1969 г. вместо регулярно жаловавшегося на политические ошибки хунты Байена отправило в Афины нового посла Б. Дюрана. Это был знак того, что новый представитель Парижа будет более открытым к контактам в отличие от предшественника, коммуницировавшего только с единственным гражданским министром Макарезосом. В инструкции Дюрану говорилось, что, хотя Париж продолжает считать главой греческого государства короля Константина, для контактов с регентом и другими должностными лицами отныне нет никаких ограничений, лишь бы это не транслировалось публично⁵²⁷. По сути, французы пришли к той же самой модели отношений с хунтой, которую практиковали американцы практически с дней переворота 21 апреля 1967 г. Но у темпов франко-греческого сотрудничества были объективные препятствия в виде внутривнутриполитической ситуации в Греции.

Хотя «эмбарго» на встречи французских дипломатов с представителями греческого режима, как было сказано выше, сняли еще в последний год правления де Голля, лоббировать интересы Афин на европейской арене, в частности, в вопросе соглашения об ассоциации, Парижу было сложно из-за продолжающегося преследования хунтой инакомыслящих и политических репрессий. Даже новый посол Дюран, отправленный с установкой всячески расширять сотрудничество, несмотря на обещания Афин либерализовать политическую жизнь ради облегчения двусторонних отношений, в отчете «Греция после трех лет под властью диктатуры» передавал, что военный режим «продолжает пользоваться всем арсеналом репрессивных мер», и, несмотря на кажущуюся

⁵²³ DDF. Vol. 35, 1969-I, Doc. 421.

⁵²⁴ Vaisse, M. France and the Greek colonels. P. 32.

⁵²⁵ Ibid.

⁵²⁶ Ibid.

⁵²⁷ DDF. Vol. 36, 1969-2 Doc. 105.P 247.

стабильность и пассивность греческого общества, у него «могут возникнуть проблемы в связи с недовольством людей»⁵²⁸.

Несмотря на усилия французского правительства лишней раз не поднимать вопрос соблюдения прав человека в Греции, иногда он затрагивал двусторонние отношения. Примером тому стал процесс над демократическим журналистом И. Старакисом, ярким критиком хунты, обладавшим и греческим, и французским гражданством. В Афинах его обвиняли в создании оппозиционной «террористической сети». Его арестовали в августе 1969 г., а в марте 1970 г. приговорили к 18 годам тюрьмы, что вызвало бурю возмущения французской общественности. В Национальной Ассамблее прошли дебаты по ситуации в Греции 28 апреля 1970 г.⁵²⁹ Помпиду пришлось лично вмешиваться в этот вопрос, чтобы спасти как свою политическую карьеру, так и надежду на продолжение контактов с греческим режимом. В апреле 1970 г. Старакиса освободили из тюрьмы и, лишив греческого гражданства, выслали во Францию⁵³⁰. Этот и другие⁵³¹ политически мотивированные судебные процессы в Греции спровоцировали атаку на нее со стороны стран Скандинавии и Голландии в Совете Европы.

Франция столкнулась перед дилеммой: необходимостью защищать свои интересы в Греции и возможностью имиджевых издержек и возможной изоляции со стран ЕЭС, если она так поступит. Посол Греции В. Маркопулиотис на встречах с французскими дипломатами просил поддержки от Франции, чтобы отчет о правах человека в итоге не вышел. Французы действительно считали, что очередное публичное осуждение режима на европейской арене приведет только к его радикализации и закреплению дистанции между Афинами и остальным Западом⁵³². Но Париж ставил условием своей поддержки снятие обвинений или освобождение французского гражданина Старакиса. После того, как тот получил тюремный срок, Помпиду стало ясно, что надежд на либерализацию режима мало. Франция, после того, как ФРГ склонилась к скандинавской позиции, а американо-греческие отношения улучшились, старалась держать нейтральную позицию — не осуждать и не оправдывать состояние прав человека в Греции. Париж был юридически защищен от упреков в попустительстве нарушениям прав человека в Греции тем, что он, хоть и подписал, но так и не ратифицировал на тот момент соответствующую конвенцию о правах человека и имел право просить о том, чтобы Афины не наказывали. Наконец, Афины сами вышли из Комиссии по правам человека, и их членство в Совете Европы было окончательно

⁵²⁸DDF. Vol.37, 1970-1, Doc. 276.

⁵²⁹DDF. Vol.37, 1970-1, Doc. 210.

⁵³⁰DDF. Vol.37, 1970-1, Doc. 193.

⁵³¹DDF. Vol.37, 1970-1, Doc. 151.

⁵³²Vaisse, M. France and the Greec colonels. P 50.

заморожено⁵³³. Хунта решила пожертвовать ради сохранения привычных методов удержания власти возможностью выйти из дипломатической изоляции и быстрее углублять отношения с Францией⁵³⁴.

США в последний год администрации Джонсона, несмотря на разочарование от конфликта на Кипре и соблюдение установленного весной 1967 г. оружейного эмбарго, в 1968 г. пытались защищать Грецию от нападков других членов НАТО, коль скоро хунта поторопилась заявить о своей приверженности «атлантической солидарности», объясняя свой приход к власти именно стремлением сохранить альянс от «проникновения коммунизма» и распада⁵³⁵. Наиболее последовательным противником «черных полковников» была Дания (бежавший греческий король был родственником датской царствующей фамилии). Вместе с Норвегией и Голландией она продвигала вопрос об оружейном эмбарго против Афин со стороны всего НАТО в целом⁵³⁶. Хунта ответила на подобные действия угрозой выхода из НАТО (к тому моменту Греция была исключена из Совета Европы, а ассоциация с Евросоюзом была заморожена), и США для урегулирования конфликта подключили генерального секретаря альянса Брозио. В итоге вопрос о дальнейших поставках оружия в Грецию оказался отложен до Римской встречи Североатлантического совета в мае 1970 г., и, в конце концов, военная помощь Афинам со стороны других членов НАТО не прервалась. Генсек НАТО Брозио победил коалицию Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии, которые, однако, не оставляли надежды изолировать Грецию.

В декабре 1971 г. на встрече Североатлантического совета в Брюсселе Норвегия выступила против Греции и Португалии, а следующем декабре — опять против Греции. Стоит сказать, что большинство стран-членов НАТО (кроме Великобритании и США) не признали правительство Пападопулоса, что создавало очевидные трудности для Афин, несмотря на их бравату — хунта грозила не присутствовать на заседаниях совета, и даже уйти из НАТО. Новый генеральный секретарь, Й. Лунс (с октября 1971 г.), который до своего назначения был противником нахождения Греции в НАТО, также занял позицию на смягчение к ней отношения союзников. В декабре он посетил Афины⁵³⁷, а на встречах Совета в Лиссабоне (уже неприятной для скандинавов из-за политического режима в Португалии), а затем в Брюсселе 1971 г. защищал Афины от нападков Дании и Норвегии⁵³⁸.

---

⁵³³Vardabasso V. Op.cit. P. 180.

⁵³⁴Ibid.

⁵³⁵Ibid.

⁵³⁶Pedaliu E. A Discordant note, P.105

⁵³⁷Pedaliu E. A. Op.cit. P. 114.

⁵³⁸Pedaliu E. A. Op.cit. P. 113.

Точкой окончательного перелома в отношении США к греческой хунте стал переворот М. Каддафи в Ливии в конце 1969 г. Как уже упоминалось выше, после его прихода к власти англо-американские военные контингенты были выведены с ливийской территории, и 6-й флот США потерял одну из своих опорных баз у стратегического коридора в Восточное Средиземноморье. Турки, давая возможности технического обслуживания американских кораблей, никогда даже не намекали на возможность постоянного базирования⁵³⁹. В итоге греческая хунта ухватила за подобный шанс, благо в Вашингтоне в 1969 г. в Белый дом пришла команда Никсона, который, как уже отмечалось выше, по словам Р. Арона, был гораздо более склонен руководствоваться принципами *realpolitik*, нежели правами человека. Обсуждение всех деталей перевода 6-го флота в Пирей затянулось из-за противодействия Конгресса: ряд сенаторов отказывался согласовывать размещение базы ВМС с непризнанным и недемократическим правительством⁵⁴⁰. Никсону в конце сентября 1970 г. удалось, однако, даже в таких условиях продать вопрос о контракте на продажу Греции истребителей Phantom. Но после того, как афинский режим был признан Конгрессом легитимным в апреле 1971 г.⁵⁴¹, еще почти через год, 8 февраля 1972 г., переговоры о базе, наконец, завершились. 6-й флот США появился в древней гавани Пирея 9 августа 1972 г.⁵⁴². Также американцы получили авиабазу Суда на Крите и ракетные полигоны⁵⁴³.

Таким образом, американцы смогли получить новую прочную точку опоры для своего военно-политического влияния вместо потерянной Ливии, так же запирающую вход в Восточное Средиземноморье, только уже с севера. Благодаря этому в Вашингтоне старались не затрагивать тему нарушения прав человека в Греции, а обращение Караманлиса, желавшего ради обсуждения этой проблемы встретиться с Никсоном в Париже во время европейского турне главы государства в начале 1973 г., было Белым домом проигнорировано. Афинское военное правительство было слишком ценным активом для США на тот момент, ведь, заменяя потерянную Ливию, в отличие от даже королевского режима в Триполи, оно являлось более управляемым и зависимым от американцев — у греческой хунты не было сверхдоходов от нефти, и они продолжали находиться в изоляции от своих европейских союзников по НАТО.

В Париже ревностно следили за постепенным официальным потеплением отношений между США, Великобританией и режимом «черных полковников» в 1970 г.

---

⁵³⁹Ibid. P. 115.

⁵⁴⁰Ibid. P. 114.

⁵⁴¹Testimony before the House of Representatives Committee on Foreign Affairs, 27 April 1971.

⁵⁴²Меньшиков, В.М. Указ. соч., С. 113.

⁵⁴³O'Malley, B.; Craig, I. Op. cit. P. 136.

Отличавшаяся более маккиавеллистским представлением о возможности взаимодействия с недемократическими режимами администрация Помпиду, как показано выше, не без оснований опасалась, что ее могут опередить новые, консервативные правительства США и Великобритании, для которых стратегические союзы в противостоянии с СССР были гораздо важнее соблюдения прав человека⁵⁴⁴. Поэтому Париж решил действовать. Если режим не становится более демократичным, но взаимодействовать с ним необходимо, в этом можно себя убедить. Так, в конце апреля 1971 г. посол в Афинах Дюран доказывал своему начальству в Париж, что диктатура все-таки либерализуется: он сообщал, что частота репрессий и общее количество политзаключенных в Греции сократилось⁵⁴⁵. Знаком, что Франции пора действовать аналогично США, чтобы быть хотя бы вторыми на Западе и первыми в Европе, стал визит в Афины американского вице-президента Спиро Агню в октябре 1971 г. Это был жест, показывающий, что Вашингтон признал хунту легитимным правительством весной того же года отнюдь не формально. Месяцем позже появилась информация и о тайных британо-греческих встречах на высоком уровне, включая глав МИД и оборонных ведомств, которые должны были предварять публичные⁵⁴⁶.

Помпиду, хотя и выждал паузу в несколько месяцев⁵⁴⁷, когда стало известно, что даже Бонн собирается отправить Греции военную помощь, все же отправил в Афины, несмотря на опасность осуждения в ЕЭС, сопоставимую с Агню по весу политическую фигуру – своего заместителя по международным делам Ж. де Липковски в конце января 1972 г. Подчеркивая необратимый характер улучшения франко-греческих отношений, он заявил на пресс-конференции, что «...мы помним, что Греция и Франция когда-то воевали плечом к плечу, имеют особенные интересы в Средиземноморье, у них общее понимание идеи суверенитета, им необходимо обсуждать проблемы региона и двусторонних отношений»⁵⁴⁸. Более того, Липковски обозначил де-факто мнение Франции, что режим в Афинах либерализуется и уже лучше соблюдает права человека, напомнив, что «греки и французы всегда сражались за свободу»⁵⁴⁹. И хотя американцы опередили французов в знаках внимания по отношению к греческому режиму, визит Липковски был важным событием, показывавшим, что Франция менее предвзято настроена к Греции в отличие от остальных стран Общего рынка. Хунта оценивала такие жесты по достоинству, так как воспринимала свою внешнеполитическую позицию как унижительный и недальновидный

---

⁵⁴⁴ DDF.1970-2. Doc. 220.

⁵⁴⁵ DDF. 1971-1. Doc. 189.

⁵⁴⁶ Plassmann, L. Comme une nuit de Pâques. P.271.

⁵⁴⁷ Ibid. P. 273.

⁵⁴⁸ Le Monde, le 29 janvier 1972.

⁵⁴⁹ Le Monde, le 1 février 1972.

«карантин» со стороны лицемерных европейских демократий, которых она защитила от коммунистов⁵⁵⁰.

Французские власти старались развить успех и подчеркивали, хотя и не слишком публично, свое желание сотрудничать с хунтой. Табу на контакты с ее представителями уже остались в прошлом, теперь настало время заявлений. Так, принимая 15 июня 1972 г. нового посла Афин в Париже И. Камбриотиса, секретарь МИД Франции Альфанд заявил, что теперь отношения между двумя странами находятся в «сердечном согласии», «...даже если политика французского правительства не понимается до сих пор значительной частью общественного мнения собственной страны». Французский дипломат также вновь подчеркнул, что Помпиду верен принципу невмешательства во внутренние дела Греции, гарантируя, что Франция, в которой действует Караманлис, не намерена поддерживать смену режима⁵⁵¹.

Правительство Помпиду в своих отношениях с греческой диктатурой подчеркивало, что это преимущественно торгово-экономические связи, которые можно расширять, коль скоро «режим демократизируется». Хунта же для укрепления своей социальной опоры в бизнес-среде, по аналогии с тем, что происходило параллельно в Чили, была заинтересована в экономическом росте, принимая во внимание что греческая торговая и промышленная элита была заинтересована в экономической открытости, частью которой были тесные торговые отношения с Парижем⁵⁵². С другой стороны, это отвечало и целям политики президента Помпиду, слоганом которого «участие Франции в модернизации стран по всему миру», а в Третьем мире, в особенности в рамках африканской экспансии, Париж уже давно помогал строить экономику правительствам, далеко превосходящих греческое в методах удержания власти⁵⁵³. В одном из внутренних отчетов МИД Франции от сентября 1972 г. растущие контакты с Грецией более цинично объяснялись тем, что «интересы и проекты, которые мы ведем в Греции, заслуживают быть принятыми во внимание как определение нашей политики к их правительству»⁵⁵⁴. Красноречиво и публично заявление заместителя президента Липковски во время визита в Афины в январе 1972 г. о том, что Франция «ведет торговлю со всеми режимами»⁵⁵⁵.

В результате такой политики кабинета Помпиду Франция продолжила поставлять оружие греческому режиму на фоне сохранения американского эмбарго. С 1969 по 1972 г.

⁵⁵⁰DDF. Vol. 42, 1972-1, Doc. 262.

⁵⁵¹DDF. Vol. 42, 1972-1, Doc. 307.

⁵⁵²Vaisse, M. France and the Greec colonels. P. 142.

⁵⁵³Ibid.

⁵⁵⁴DDF. Vol. 41, 1972-2, Doc 89.

⁵⁵⁵Times, January 31, 1972.

объем торговли между двумя странами увеличился в два раза. В 1972 г. Франция стала третьим экспортером и пятым импортером для Греции, благодаря поставке подводного кабеля, оружия (60 танков AMX, также шли переговоры про «Миражи» как соперничество с США и «Фантомами») и других товаров. Франция инвестировала в производство алюминия и удобрений в Греции, открыла заводы Peugeot и Renault. Начались переговоры о строительстве французскими специалистами метро в Афинах, аэропорта Спата госпиталей, авиаремонтного завода⁵⁵⁶, причем в последнем случае за его строительство конкурировали франко-греко-американское совместное предприятие (Dassault-Lockheed-Onassis) с американскими компаниями и, а также ряда ТЭЦ — в 1972 г. Франция обеспечивала 69% поставок оборудования для электростанций⁵⁵⁷.

Таким образом, можно заключить, что главной точкой активности как США, так и Франции в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья была Греция. Американцы хотя и ответили резко на переворот и даже ввели оружейное эмбарго, активно старались укрепиться в этой стране, где и без того имели сильные позиции, особенно после военного переворота в Ливии, когда антидемократический характер режима в Афинах стал меньшим риском, чем стратегические расчеты для контроля над Средиземноморьем в биполярном противостоянии. В целом США успешно упрочили свое военно-политическое положение в регионе благодаря получению базы для 6-го флота в Пирее, компенсировав потерю баз в Киренаике. Менее успешно шли попытки примирить Грецию с Турцией из-за Кипра, однако, хотя ситуация, хотя и находилась на грани эскалации, а отношения с Турцией ухудшились, чем даже робко попытались воспользоваться французы, Вашингтону удавалось сохранять целостность юго-восточного фланга НАТО.

Французы оказались в неоднозначном положении: им пришлось пройти путь от официального отрицания военной диктатуры в Греции к тесному сначала неофициальному, а затем и открытому сотрудничеству с Афинами, так как в Париже чувствовали, что любая ошибка американцев может стоить им определённой доли сферы влияния в Греции. Примечательно, что Франция впервые попыталась воспользоваться американским эмбарго в отношении собственного союзника, и довольно активно действовала в области оружейных поставок. Этот путь будет в будущем опробован в Елисейском дворце неоднократно.

⁵⁵⁶DDF. Vol. 41, 1972-2. Doc.90.

⁵⁵⁷Plassmann, L. Comme une nuit de Pâques. P.277.

Парадоксально другое: при очевидном соперничестве США и Франции за Грецию обе страны, официально отрицая режим «черных полковников», в то же время старались привязать его к западному миру: по сути Вашингтон и Париж были единственными сначала неофициальными, а потом и открытыми адвокатами греческого военного правительства на Западе. Таким образом, конкуренция за изолированный от остального западного сообщества режим выполняла де-факто задачу ни в коем случае не оборвать связь Афин с Западом и НАТО, что было как раз-таки задачей Белого дома, с которым конкурировал Елисейский дворец. Доказательств какой-либо координации американцев и французов в этом процессе нет, так что можно заключить, что соперничество выливалось в фактическое сотрудничество без желания как США, так и Франции.

Глава 2 США и Франция в Восточном Средиземноморье в период обострения нестабильности в 1973-1974 гг.

1. Активность Вашингтона и Парижа в арабских странах накануне войны Судного дня в 1972-1973 гг.

К началу 1972 г. Вашингтон, изолировав Францию от решения ближневосточного вопроса, готовился стать единоличным арбитром арабов и израильтян. Ключевая роль в этом процессе принадлежала советнику Никсона по национальной безопасности Киссинджеру, замыкавшему все больше руководство уже всей американской внешней политикой с Госдепартаментом на СНБ⁵⁵⁸. Еще в 1969 г., в ответ на провалившийся «План Роджерса», Киссинджер предложил так называемую «доктрину затягивания» и теперь собирался претворить ее в жизнь⁵⁵⁹. Она заключалась в сознательном поддержании нерешенности арабо-израильского конфликта. Его тупиковое состояние должно было убедить арабские страны в бессмысленности ориентации на СССР и заставить обратиться за помощью к американцам как к единственной силе, способной выбить у Израиля. Рычагом давления тут были критически важные поставки американских военных самолетов — F-4 Phantom и A-4 Skyhawk вместо удержанных Францией и проданных Ливии Mirage.

В администрации Никсона понимали необходимость демонстрации умеренно-проарабской ориентации в желании оказать давление на Израиль. Тем более, что о необходимости такого образа действий стали говорить уже и «умеренные» арабские режимы, в первую очередь, союзный Эр-Рияд⁵⁶⁰. Кроме того, росла зависимость американцев от арабской нефти, увеличивалась их уязвимость в случае эмбарго по сравнению с ситуацией 1967 г. Первый план действий на случай такого поворота событий Белый дом создал в 1972 г. на фоне начала волны национализаций западных нефтяных активов в арабских странах. Первой стала Ливия в 1969 г., в 1972 г. то же самое произошло в Ираке, наконец, даже «союзница» Саудовская Аравия объявила государственной собственностью американские 25% в Агамсо. В марте 1973 г. Дж. Я. Акинс, специалист по нефтяным ресурсам Госдепартаментa, представил доклад о том, что к 1980 г. американская экономика будет на 35% зависеть от арабских энергоносителей⁵⁶¹. В апреле того же года Никсон объявил о национальной энергетической политике⁵⁶². Хотя «нефтяная война» с

⁵⁵⁸ Kissinger, H. A. Op. cit. P. 196.

⁵⁵⁹ Bickerton, J. Op. cit. P. 221.

⁵⁶⁰ The Washington Post, February 1, 1973.

⁵⁶¹ Bryson, A. T. Op. cit. P.261.

⁵⁶² PPPUS. Special Message to the Congress on Energy Policy. 1973. April 18. [Эл. ресурс] URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-energy-policy> (дата обращения: 18.05.2020).

«союзниками» считалась маловероятной, в Вашингтоне все же решили к ней подготовиться.

Киссинджер считал, что «затягивание» при сближении с арабами в ситуации «ни мира, ни войны» не вредило и отношениям США с Израилем – последний мог сколь угодно долгое удерживать оккупированные территории. Так советник по национальной безопасности начал приводить в движение механизмы, противоречившие прежней генеральной линии госдепартамента, в первую очередь, госсекретаря Роджерса⁵⁶³. Происходило возвращение к ближневосточной политике администрации Джонсона, в которой сотрудничеству с Францией не было места. «Затягивание» решения арабо-израильского конфликта и «придерживание» поставок военной техники Израилю было только первым этапом в плане Киссинджера. Он не предлагал США стать посредником для всех арабов одновременно, а хотел выделить самого важного антагониста Израиля, оторвать его от Москвы и радикалов, способствовать сепаратному миру с Тель-Авивом, раздробив лагерь его врагов.

Ключевым кандидатом для решения этой задачи оказался Египет, хотя быстрее всего склонить к переговорам с израильтянами американцам удалось бы своего клиента — Иорданию. Амман ежегодно получал от США только экономической помощи на \$830 млн⁵⁶⁴, не считая вооружений. Но, будучи умеренной, Иордания была и крайне слабой, в том числе и внутривнутриполитически после событий «черного сентября» 1970 г. — попытки свержения монарха палестинскими группировками. Поэтому иордано-израильское соглашение было отложено до примирения Каира и Тель-Авива⁵⁶⁵. Египет же на тот момент он являлся хотя и не самым лояльным (как Дамаск), но самым ценным союзником Москвы в Восточном Средиземноморье. Каир дал Москве базы для флота в Александрии и Порт-Саиде, а также был ключевым покупателем советского оружия. Египет являлся одной из самых густонаселенных (что важно в военно-мобилизационном плане) и промышленно развитых арабских стран и, до 1967 г. — витриной «арабского социализма». Выход его из советской зоны влияния был бы серьезным репутационным и военно-стратегическим ударом для СССР.

Предпосылки для этого появились уже в 1970 г., когда умершего Насера сменил новый лидер — Садат. Он публично продолжал просоветскую риторику и угрожал уничтожением Израилю, но американской разведке было известно, что на деле Садат разочарован ориентацией на СССР как на фоне поражения в Шестидневной войне, так и из-

⁵⁶³ Quandt, W. Decade of Decisions. P.265.

⁵⁶⁴ Bryson, A. T. Op. cit. P. 259.

⁵⁶⁵ FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc 8, P.12.

за неудач попыток модернизации египетской экономики по советской модели при советской же помощи. В обществе зрело недовольства. Садату нужен был альтернативный источник финансовой помощи и поставок оружия, равного по характеристикам имеющемуся у израильтян - американскому. Наконец, только американцы *могли* заставить Тель-Авив увести войска с Синая. Поэтому египетский лидер искал контакта с США для тайных переговоров с Израилем.

Примаков утверждает, что первые осторожные попытки наладить связь Садат начал уже в 1970 г. через руководителя разведки Саудовской Аравии К. Ахдама⁵⁶⁶, кроме того, Эр-Рияд был ключевым кредитором Египта. Никсон поддержал инициативу создания прямого канала связи с египетским президентом Садатом ради вытеснения СССР из Египта. Работа по установлению такого контакта велась заранее — еще с октября 1971 г. Она увенчалась уклончивым, но согласием Тель-Авива на начало тайных консультаций⁵⁶⁷. Египтянам было выставлено условие о постепенном отказе от советской военно-технической поддержки⁵⁶⁸, в особенности после визита Садата в Москву в конце октября 1971 г., где эта помощь был, напротив, публично подтверждена⁵⁶⁹. По свидетельству Е. Примакова, тогда же конфиденциально допустил контакты и Тель-Авив⁵⁷⁰. Это подтверждается и документами: к середине ноября 1971 г. израильтяне считали себя готовыми для организации встречи представителей двух стран инкогнито в Нью-Йорке, если вопрос о передачи новейших американских самолетов ВВС Израиля будет решен быстрее⁵⁷¹. Этого требовала месяцем позже и израильский премьер-министр Г. Мейир во время визита в Вашингтон.

В январе 1972 г. американцы так и не получили от израильтян окончательного согласия на тайные переговоры⁵⁷². Только после того, как в 17 февраля была достигнута договоренность о поставке 42 самолетов Phantom и 82 самолетов Skyhawk⁵⁷³, Тель-Авив дал добро. Публично Израиль демонстрировал недоговороспособность: продолжал игнорировать обсуждение ближневосточного кризиса в ООН и деятельность миссии Ярринга. Госсекретарь Роджерс был недоволен поведением израильтян, «дискредитировавших» посредничество США⁵⁷⁴. Но Киссинджер, наоборот, находил провокационный курс Тель-Авива удобным для Вашингтона, так как провал миссия

⁵⁶⁶Примаков, Е.М. История одного сговора. С. 15.

⁵⁶⁷FRUS. 1969-1976, Vol. XXIII, Doc.261, P.931.

⁵⁶⁸Kissinger, H. A. Op.cit. P. 205.

⁵⁶⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXIII, Doc. 263. P. 939.

⁵⁷⁰Примаков Е.И. История одного сговора. С. 37.

⁵⁷¹FRUS. 1969-1976, Vol. XXIII, Doc.265, P.944.

⁵⁷²FRUS. 1969-1976, Vol. XXIII, Doc. 276, P. 997.

⁵⁷³FRUS. 1969-1976, Vol. XXIII, Doc. 280, P. 987.

⁵⁷⁴FRUS. 1969-1976, Vol. XXIII, Doc. 283, P. 992.

Ярринга лишний раз показывал тупиковость старого, всеобъемлющего подхода к решению арабо-израильского конфликта.

Параллельно запуску контактов с Садатом с неофициальной инициативой примирения с Израилем выступила Иордания: она сообщила США, Франции, Великобритании и ряду арабских стран о намерении заключить мир, если ей будет передан Западный берег реки Иордан. Киссинджер упоминает, что Амман в качестве запасного варианта также предлагал обменять эту территорию на Газу⁵⁷⁵. А 23 марта секретную даже от амеркианцев, но безрезультатную встречу по возможности мирных переговоров провели израильский премьер Меир и иорданский король Хусейн. Но Меир не хотела слышать о возвращении к «границам 1967 года»⁵⁷⁶. Сторонам конфликта становилось ясно, что без посредничества США подобные инициативы обречены на провал. Хусейн запоздало отправился получить одобрение своего плана в Вашингтоне и даже сделал его достоянием прессы⁵⁷⁷, но Никсон и Киссинджер в итоге признали его нереализуемым⁵⁷⁸. Белому дому не нужна была исходящая от Аммана скороспелая инициатива. Американцы видели ключ к достижению своих интересов на Ближнем Востоке в Каире.

Тем временем Садат получил последний повод склониться к американцам. В феврале он встретился с советским лидером Л. Брежневым, попросив дополнительных поставок оружия и финансовой помощи, но получил по сути отказ. СССР не был настроен давать Египту новейшие танки и самолеты, так как это бы выглядело как агрессивный жест на фоне переговоров с США об ограничении наступательных вооружений (ОСВ-1). Поэтому в апреле 1972 г. неофициальный канал связи между американцами и египтянами наконец был установлен⁵⁷⁹. После официального подписания американо-советского договора ОСВ-1 в мае — краеугольного документа процесса разрядки⁵⁸⁰ — Садат заявил о высылке большей части советских военных советников к 18 июля. Так он выполнил условия американцев для начала тайных сепаратных переговоров с Израилем. Египетский лидер не случайно выбрал именно этот момент. Садат сделал себе алиби, притворяясь, что договор США и СССР, ослаблявший напряженность между супердержавами, стал «предательством» и, будучи подписан «за его спиной» с «патроном» Израиля, «угрожает безопасности его страны»⁵⁸¹. Тем не менее, несмотря на недружественный демарш с

⁵⁷⁵Kissinger, H. A. The Years of Upheaval. P. 220.

⁵⁷⁶FRUS, 1969-1976, Vol. XXIII, Doc. 286, P. 997.

⁵⁷⁷The New York Times, March 29, 1972.

⁵⁷⁸FRUS. 1969-1976, Vol. XXIII, Doc. 284.P. 994.

⁵⁷⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 3, P.4.

⁵⁸⁰Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969-1976: сборник документов / М-во иностранных дел Российской Федерации, Гос. Департамент США. М., 2007 Т. 1, Кн. 2: 1969-май 1972. Кн. 2., январь-май 1972. С. 546,

⁵⁸¹Sadat, A. Op. cit. P. 228-231.

советниками, Садат еще оставался в формальном союзе с Москвой, и в письме к Брежневу египетский лидер убеждал СССР отказываться от любых переговоров с Израилем или от мысли о том, что Египет может такие переговоры начать⁵⁸².

Тем временем весна и лето 1972 г. также были отмечены последними искрами американо-французского взаимодействия в зоне арабо-израильского конфликта. Тогда пришла к концу тянущаяся с 1970 г. эпопея с ливийскими «Миражами». В апреле 1972 г. израильская разведка установила, что самолеты, которые Париж продал Триполи, перебрасываются на восток Ливии и частью уже попали в Египет. Американский посол в Каире Уотсон 14 апреля 1972 г. срочно связался с главой МИД Франции Жобером и потребовал объяснений. Жобер ответил, что «прямых доказательств» нет, подтвердив, что «если они будут, то Париж прекратит передачу самолетов Триполи, как ранее было обещано»⁵⁸³. Французы со ссылкой на ливийцев сообщили, что переброски в Египет не было, а самолеты переведены на авиабазу Тобрук на востоке страны, недалеко от египетской границы, «в рамках рассредоточения авиапарка на случай внезапной израильской атаки»⁵⁸⁴.

Но ни американцы, ни израильтяне уже не поверили объяснениям ливийцев и передающих их французов. Как стало известно полтора года спустя, после событий Войны Судного дня октября 1973 г., значительная часть самолетов была переправлена именно в эти месяцы, задолго до эскалации конфликта. У американцев уже в 1972 г. было больше смысла доверять израильской разведке и вскоре подтвердившимся косвенным сообщениям ЦРУ. Париж так и не признал Вашингтону даже конфиденциально факт трансфера «Миражей» из Ливии в Египет. Этот эпизод лишний раз подтвердил для администрации Никсона правильность курса на отказ от сотрудничества с французами в Восточном Средиземноморье и дополнительным обоснованием алгоритма американских действий на Ближнем Востоке, продвигаемого Киссинджером⁵⁸⁵. Эта ситуация также давала Вашингтону еще один козырь в его принуждении Израиля к переговорам: стратегический военный баланс в регионе с попаданием «Миражей» в Ливию мог склониться к арабам, и только продолжение американской военной помощи могло поддержать неуязвимость Израиля. А помощь можно было форсировать или задерживать в зависимости от выполнения Тель-Авивом требований, касающихся арабо-израильского урегулирования.

⁵⁸²FRUS. 1969-1976, Vol. XXIII. Doc. 289.P. 1003.

⁵⁸³Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1972. April 14. Reel 9. aug 72- apr 73. RNNSF RSC.

⁵⁸⁴Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1972. April 19. Reel 9. aug 72- apr 73. RNNSF RSC.

⁵⁸⁵Kissinger, H. A. White House Years. P. 591

Вслед за окончанием скандала с «Миражами» Франция, без согласования с американцами, восприняла высылку большей части советских военных специалистов из Египта летом 1972 г. как ситуацию, подобную ливийской революции. В Париже думали, что Вашингтон не станет патронировать ярого врага Израиля. Франция послала в Каир пробную миссию в попытке договориться об укреплении сотрудничества с возможностью заместить СССР в поставках вооружений, инфраструктурных проектах и посредничестве в конфликте с Израилем. Также французы рассчитывали, что администрация Никсона, отвлечена предвыборной кампанией 1972 г. и не успеет среагировать на активность французов в Египте.

Однако выяснилось, что Москва еще крепко держалась в стране: часть военных советников выполняла свои функции, египетско-советский договор о дружбе продолжал действовать. За лето Париж не смог ничего добиться от египтян, и в октябре 1972 г. Франция конфиденциально признала за США принципиальную роль в подготовке ближневосточного урегулирования, таким образом, временно перестав требовать отношения к себе как к равному партнеру в этом вопросе⁵⁸⁶. На это также повлияла неспособность Парижа сформировать проарабскую общеевропейскую политику после теракта на Олимпиаде в Мюнхене 6 сентября 1972 г.⁵⁸⁷ В Париже продолжали смотреть на ЕЭС как на возможный рычаг давления на ситуацию с арабо-израильским урегулированием, но до конца 1972 г. посчитали несвоевременным напоминать европейцам о своей идее.

Американцы наконец получили гарантии того, что французы не будут им связывать руки на Ближнем Востоке. Аналитики Госдепартамента успокаивающе подтверждали, что Париж отныне нацелился на улучшение отношений с арабскими странами в двустороннем формате, не пытаясь выступить «третьей силой» и посредником в ближневосточном конфликте, а также на претворение в жизнь соглашений ЕЭС об ассоциации со средиземноморскими странами как цементирующее существующие отношения. Американцы рассудили, что, хотя Франция окончательно не отступилась от идеи играть одну из ведущих ролей на Ближнем Востоке, но в ближайшее время не будет более связывать руки Израилю лишним давлением⁵⁸⁸. С этих пор вплоть до войны Судного дня окончательно прерывается и двустороннее взаимодействие США и Франции по решению ближневосточной проблемы, чего так долго добивалась администрация Никсона, сама

⁵⁸⁶Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1972. October 12. Reel 9. aug 72- apr 73. RNNSF RSC

⁵⁸⁷DDF. Vol.42, 1972-II, Doc. 91.

⁵⁸⁸Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1972. October 12. Reel 9. Aug 72 – apr 73. RNNSF RSC.

инициировавшая его тремя годами ранее. Уверившись в отсутствии у французов интереса к вмешательству в урегулирование на Ближнем Востоке, заручившись твердым желанием Садата дистанцироваться от Москвы, а также организовав начало обмена информацией между Каиром и Тель-Авивом, американцам нужно было создать атмосферу, в которой был бы возможен плавный переход от тайных израильско-египетских переговоров к явным. Возглавляемый Роджерсом Госдепартамент, не отступая от своего обыкновения постоянно действовать на Ближнем Востоке, инициировал попытку решить вопрос судоходства в Суэцком канале, к чему неизбежно подключались и Египет, и Израиль⁵⁸⁹.

Кроме того, Вашингтон решился на еще один публичный шаг: открыть секцию интересов в Каире⁵⁹⁰ — эрзац диппредставительства в качестве фундамента для будущих переговоров (полноценные дипломатические отношения с США Египет разорвал в 1967 г.)⁵⁹¹. Для отвлечения внимания Вашингтон продолжал демонстрировать на международной арене волю к всеобъемлющему урегулированию ближневосточного конфликта и даже послал в Москву очередной проект соглашения, которое бы могли подписать Израиль с одной стороны и Египет, Сирия и Иордания — с другой⁵⁹². Было выпущено общее советско-американское коммюнике, где и Москва, и Вашингтон публично заявляли о намерении содействовать скорейшему выполнению резолюции СБ ООН №224 и всеобъемлющему урегулированию на Ближнем Востоке.

Хотя это был не до конца блеф: Госдепартамент, продолжавший действовать в зоне арабо-израильского конфликта в духе «плана Роджерса» и его модификаций, был скупос посвящен в проекты Киссинджера. Это привело к очередной вспышке конфликта между ним и Роджерсом. Первый не давал полной информации СНБ о встречах с советскими и израильскими дипломатами, а второй крайне скупос отчитывался Госдепартаменту по поводу секретных египетско-израильских переговоров и канала связи с Садатом⁵⁹³. Наконец, и сам Киссинджер не был до конца уверен, что удастся держать египетского лидера на коротком поводке. Он не отрицал возможности, что Садат все-таки захочет попытаться счастья в военном плане и, спровоцировав конфликт, заставить СССР поддержать себя⁵⁹⁴.

⁵⁸⁹FRUS. 1969-1976, Vol XXIII, Doc. 287, P.999.

⁵⁹⁰Секция интересов – присутствие дипломатов в стране без открытия посольства или консульства, в отсутствие официальных двусторонних отношений, часто на территории посольства дружественного государства, имеющего эти отношения.

⁵⁹¹FRUS. 1969-1976, Vol XXIII, Doc. 288, P.1002.

⁵⁹²FRUS. 1969-1976, Vol XXIII, Doc. 291, P.1005.

⁵⁹³FRUS. 1969-1976, Vol XXIII, Doc. 291. P.1005.

⁵⁹⁴FRUS. 1969-1976, Vol XXIII, Doc. 300. P.1026.

С июня по ноябрь американцам пришлось взять временную паузу в египетском вопросе в связи с упоминавшейся выше предвыборной кампанией Никсона. На выборах 7 ноября 1972 г. Никсон уверенно обошел кандидата от демократов Дж. Макговерна. Переизбравшись, американский президент наметил основные задачи для американской дипломатии на Ближнем Востоке на 1973 г. и дальнюю перспективу. Они содержали элементы подходов как Роджерса, так и Киссинджера: 1) обеспечить формальное разведение воюющих сторон в зоне Суэцкого канала; 2) поддерживать неформальный канал связи с египтянами; 3) сохранять возможность совместного решения ближневосточного конфликта с СССР ради поддержания разрядки. В этой стратегии не было места никакому взаимодействию с французами⁵⁹⁵.

В новом, 1973 г. американцы интенсифицировали усилия по навязыванию Садату переговоров с Израилем. В начале января в Каир прибыл эмиссар от короля Иордании Хусейна, который убеждал египетского лидера возобновить отношения с Амманом и двигаться в направлении мирного договора с Тель-Авивом. Садат, как передавала американская разведка, в общем принял эти предложения благосклонно, что лишний раз убеждало Вашингтон в настрое египетского политического руководства на мир с Израилем в обозримой перспективе. Поэтому в Вашингтоне не восприняли в серьез и решение собравшегося в Каире 27 января 1973 г.⁵⁹⁶ Объединенного Арабского Совета Безопасности, давшего И. Ани (министру обороны Египта) пусть и символические, но тем не менее красноречивые полномочия на командование объединенными вооруженными силами Иордании, Египта и Сирии. Не слишком озаботило Вашингтон и то, что союзная им страна намерена была восстановить дипломатические отношения с Египтом и Сирией⁵⁹⁷. Другим демонстративным ходом Египта, не принятым американцами всерьез, было заявление премьер-министра Египта А. Сибки от 11 февраля 1973 г. о сворачивании социальных программ в пользу наращивания ассигнований на армию⁵⁹⁸.

Тем не менее, Каир был недоволен медлительностью американцев в деле давления на Израиль. Через установленный Киссинджером канал связи с советником Садата по национальной безопасности Х. Исмаилом египтяне угрожали обратиться к посредничеству СССР. 25 января 1973 г. Садат провел первые за полгода консультации с советским послом В. Виноградовым⁵⁹⁹. Советская сторона, по словам Киссинджера (и вопреки мнению

⁵⁹⁵ FRUS. 1969-1976, Vol. XLI, Doc 7, P.9.

⁵⁹⁶ FRUS. 1969-1976, Vol XXV, Doc. 5 P.7.

⁵⁹⁷ FRUS. 1969-1976, Vol XXV, Doc. 5 P.7.

⁵⁹⁸ The New York Times, 29 January, 1973.

⁵⁹⁹ FRUS. 1969-1976, Vol XXV, Doc. 10, P. 14

Примакова⁶⁰⁰), осведомленная о тайных контактах египтян с американцами, отговаривала Каир от сепаратного соглашения с Израилем. По мнению Киссинджера, Москва, хотя и не поставляла наступательного вооружения для «большой войны», надеялась на эскалацию и прямое вмешательство американцев, что нанесло бы им репутационный удар в арабском мире. Киссинджер откладывал встречу с Х. Исмаилом в Лондоне до завершения договоренностей по Вьетнаму в Париже. В результате египетская делегация сначала отправилась в Москву. 23 февраля 1973 г. Исмаил прибыл вместо Лондона уже в Вашингтон. Никсон устно пообещал надавить на Израиль, если Египет «проявит гибкость». Каир, в свою очередь, был готов предоставить гарантии безопасности Тель-Авиву в случае его ухода с Синае, однако Исмаил настаивал, чтобы соглашение было заключено до конца 1973 г., а израильтяне вернулись к границам 1967 г. на всех направлениях.

Киссинджер, несмотря на заверения Исмаила в сугубой конфиденциальности его визита в американскую столицу, в своих мемуарах подозревает египтян в постоянных консультациях с Москвой. Кроме того, даже такой демонстративный антисоветский жест, как высылка военных специалистов трактуется им как, в том числе, предлог для Москвы «умыть руки» в грядущей египетской атаке⁶⁰¹. Однако, видя, что американцы верны киссинджерской «доктрине затягивания», Садат пошел на обострение. В марте 1973 г. информация о тайных американо-египетских переговорах попала через Саудовскую Аравию к британским дипломатам, а затем вызвала скандал в Госдепартаменте, так как ни госсекретарь Роджерс, ни американский посол Грин в Каире не имели информации об установленном канале связи.

Мало того, в том же месяце Садат подтвердил это в своем интервью журналу «Ньюсвик» 9 апреля, пригрозив между делом и «нефтяной войной» арабского мира против Запада, если конфликт не будет решен ни дипломатически, ни на поле боя⁶⁰². Киссинджеру пришлось признаться в факте переговоров с Каиром⁶⁰³. Несмотря на еще две встречи Киссинджера с Исмаилом – в феврале в Вашингтоне и в мае во Франции – прогресса не наступило. Только внятные гарантии решения вопроса о Синае могли предотвратить надвигающуюся катастрофу. Египет хотел не предлагаемого Роджерсом разграничения, а переговоров, которые должны закончиться твердым соглашением. Ни Роджерс, ни Киссинджер, сменивший его на посту госсекретаря в сентябре 1973 г., таких гарантий дать не могли⁶⁰⁴. Киссинджер впоследствии утверждал, что независимо от результатов

⁶⁰⁰Примаков, Е.И. Указ. соч. С. 36

⁶⁰¹Quandt, W. Op. cit. P. 267.

⁶⁰²Newsweek, April 9, 1973.

⁶⁰³Kissinger, H.A., Op. cit. The Years of Upheaval. P. 224.

⁶⁰⁴Ibid.

переговоров, египтяне готовили войну как сложный рычаг давления на США. Тем не менее, нельзя не заметить, что «доктрина затягивания» сыграла свою роль в начале конфликта. Однако, что любопытно, уже в сентябре 1973 г. Киссинджер встретился с представителями арабских стран в ООН и намекнул о бесперспективности и оторванности от реальности резолюции №242, предложив идею «пошагового» разрешения ближневосточного конфликта – таким образом, наряду с «доктриной затягивания» (которая не предполагала войны) уже сформировался тот подход, который будет бороться уже с последствиями Октябрьской войны⁶⁰⁵.

Примечательно, что вопрос египетско-израильских переговоров в 1973 г. вновь привлек Францию, которая, после почти двух лет отстранения от ближневосточной проблемы, надеялась играть в урегулировании хоть какую-то роль, пусть и в тесной кооперации с американцами. О крупных инициативах, вроде «четырёхстороннего формата» речи уже не шло. «Напрашиваясь» в связку с американцами, французы хотели повысить свою привлекательность в глаза египтян, с которыми в 1972 г. не удалось установить тесного партнерства. Но любые предложения французов по вопросу форсирования мирного процесса, пусть и в кооперации с американцами, игнорировались или отменялись Вашингтоном, что отнюдь не делало Париж привлекательным партнером для Каира. Так, 1 июня 1973 г. на американо-французской встрече, где присутствовали Помпиду, Никсон, Роджерс, Жобер, Шульц и Киссинджер, в числе многих вопросов двусторонних отношений французский министр иностранных дел настаивал на том, чтобы «заставить Египет и Израиль прийти к соглашению» совместной демонстрацией политической воли США и Франции. Ведь обострение ситуации в регионе напрямую грозило функционированию французской экономики.

Госсекретарь Роджерс, раздраженный неудачами своих мирных инициатив, ответил, что «никто не может заставить Египет и Израиль сотрудничать», даже если они ждут третьей силы, а что касается предложения Жобера о совместных действиях, то для «этого есть формат НАТО, которую Ближний Восток не касается»⁶⁰⁶. Таким образом, Роджерс в довольно оскорбительном тоне указал Франции границы ее компетенции. Что характерно, сам Киссинджер в своих мемуарах утверждает обратное: якобы, за 6 месяцев до войны Судного дня он предлагал европейским правительствам, в особенности французскому, выработать общий с американцами подход к ближневосточному конфликту. Но европейцы, по его словам, ушли от ответа, сославшись на сложности выработки единой и

---

⁶⁰⁵Rubin, Z. J. Op. cit. P. 79.

⁶⁰⁶FRUS. 1969-1976, Vol E-15, Part-2, Doc. 311, P. 950.

коррелирующей с американской позиции. На самом деле, как считает Киссинджер, они, включая и Францию, опасались выступать на общей с американцами платформе. Ведь в глазах арабов это автоматически означало бы молчаливую поддержку Израиля и ставило под угрозу энергетические интересы ЕЭС на Ближнем Востоке⁶⁰⁷. Удивительно, но при фактическом провале на египетском направлении как в политическом (в рамках ближневосточного урегулирования), так и экономическом плане (Франция занимала всего лишь 4,5 % во внешнеторговом обороте Египта (после СССР, США, ФРГ, Индии и даже Румынии)⁶⁰⁸, французскому ВПК удалось добиться от Египта контракта на поставку 38 «Миражей» в самый канун Войны Судного дня — в сентябре 1973 г.⁶⁰⁹ Впрочем, это могло быть маскировкой для применения уже находившихся в Египте ливийских самолетов, дабы до последнего момента скрыть наличие современной западной техники, равной по характеристикам израильской, на фоне полностью советского авиапарка Каира.

Пока американцы в 1972-1973 гг. готовили почву для сепаратных израильско-египетских переговоров и продолжали отодвигать Францию от любых попыток вновь оказывать влияние на ближневосточное урегулирование, администрация французского президента Помпиду сосредоточила свою деятельность в арабских странах региона на двух направлениях. В Елисейском дворце решили наращивать двусторонние экономические связи как с «радикальными», так и с «умеренными» нефтедобывающими арабскими режимами, сбывая им современное оружие в обмен на энергоресурсы. Через «оружейную дипломатию» Париж надеялся получить плацдарм для возвращения в ближневосточное урегулирование, попутно вытесняя американский и британский ВПК. Как раз к тому моменту сформировались инструменты этой политики - крупнейшие объединения французского ВПК (SNECMA, Thompson, Aérospatiale, Dassault), ориентированные на экспорт вооружения в страны Третьего мира (с 1970 г. по 1973 г. поставки за границу увеличились с 19 до 30% всего произведенного оружия)⁶¹⁰. Во-вторых, Франция намеревалась возобновить попытки сформировать устойчивые связи ЕЭС с арабским миром и выработать некий общий план действий европейских стран в зоне Восточного Средиземноморья.

Замысел заключался в закреплении за Парижем главенства в регионе и с помощью этого положения перетянуть центр тяжести ЕЭС на юг, в противовес динамично

⁶⁰⁷Kissinger, H.A, Op. cit. P. 716.

⁶⁰⁸Nouschi, A. Op.cit. P. 234.

⁶⁰⁹Kolodziej A. E. Op. cit. P. 85.

⁶¹⁰Frémeaux, J. Op. cit. P.110. В то же время, французы поставляли орудие преимущественно туда, где конкуренция с США была небольшой. Подробнее см.: Clein J. Commerce des armes et politique: le cas français. P. 570.

развивающейся ФРГ. Средиземное море — это главная транспортная артерия для энергоносителей, доставляемых в Европу. «Оседлав» этот маршрут, Париж усилил бы свои позиции в Общем рынке⁶¹¹. Кроме того, временное отстранение Франции от ближневосточного урегулирования не означало того, что она не намерена в него вернуться. Новый глава внешнеполитического ведомства в администрации Помпиду Жобер, в 1973 г, за полгода до войны Судного дня, настаивал, что, кроме двусторонних контактов с арабскими странами Парижу также следует: 1) примирить французскую и советскую политику на Ближнем Востоке, (в пику американцам, а также получить преимущество среди условно советских союзников в борьбе за рынок вооружений, для США очень ограниченный из-за поддержки ими Израиля); 2) критиковать про-израильскую политику США в регионе; 3) тем не менее, оставаться в рамках Западного мира, лидер которого — Америка, и не обострять ситуацию в тех вопросах (в основном безопасности), где Париж был слишком зависим от заокеанского союзника⁶¹².

Фаворитами французской арабской политики оставались Ирак и Ливия. Отношения с Багдадом стремительно развивались. После некоторого недопонимания в связи с провалом контракта 1968 г. на поставку «Миражей», Париж в 1971-1973 гг. стремился интенсифицировать военно-техническую кооперацию с Багдадом. Там основным контактным лицом французов стал вице-президент и замглавы Совета революционного командования Ирака С. Хусейн, сосредоточивший к тому моменту практически неограниченную власть и оттеснявший от дел внешней политики формального главу государства, генерала аль-Бакра. В области коммерции и энергоресурсов отношения продолжали развиваться поступательно. Так, ежегодный объем торговли между Францией и Ираком повысился со 100 млн франков в 1968 г. до 194 млн франков к началу 1972 г.⁶¹³ Париж стал третьим торговым партнером Багдада после СССР и Великобритании⁶¹⁴.

В 1972 г. франко-иракские связи упрочились. Договор о дружбе с СССР, подписанный Ираком в апреле 1972 г., не оставлял для Багдада других партнеров на Западе, кроме Франции⁶¹⁵, и в отношении американцев и британцев иракские власти проводили все более жесткую политику. Так, национализация Iraq Petroleum Company (IPC) 14 июня 1972 г. больно ударила по американским и британским акционерам, но практически не затронула 25% доли Compagnie Française des Pétroles (CFP)⁶¹⁶. Во время происходившего параллельно

⁶¹¹Пархалина, Т.Г. Указ. соч. С.19.

⁶¹²Styan, D. France and Iraq: Oil, Arms and French Policy-Making in the Middle East. P.110.

⁶¹³DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 262.

⁶¹⁴Ibid.

⁶¹⁵Colard, D. Op. cit. P. 286.

⁶¹⁶DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 31.

этим событиям визита вице-президента Хусейна в Париж (14-17 июля) вновь зашла речь о переподписании контракта на поставку «Миражей» для иракских ВВС⁶¹⁷, так как Багдаду приходилось готовиться как к борьбе с курдскими сепаратистами, так и к возможной войне с Ираном. Вопрос самолетов и другой военной техники начал обсуждаться еще в июне⁶¹⁸, и французы надеялись, что обновленное иракское руководство в этот раз справится с вопросом финансирования подобной покупки.

Франция подчеркивала прогрессивность иракского правительства и особенно его вице-президента — «модернизатора» Хусейна. Тот отвечал взаимностью и пытался найти параллель в политической идеологии голлизма, баасизма и в принципе общность «республиканских», «революционных» взглядов Парижа и Багдада. Так, на пресс-конференции во время визита во Францию Хусейн заявил, что «...мы выбрали Францию. Мы светские, как и вы, мы якобинцы. И у нас уже есть общее прошлое — в Iraq Petroleum Company. Мы нуждаемся в вас как в противовесе на Западе»⁶¹⁹.

В сущности, со взглядами Хусейна были согласны и в администрации Помпиду. Правда, в самом французском истеблишменте находились голоса против чрезмерного сближения с Ираком. Рупором этих кругов был министр финансов и будущий президент Жискард д'Эстен, известный на тот момент своей американофильской ориентацией. Вовремя визита Хусейна он настаивал на том, что Франция не готова к поставкам вооружений в Ирак и вообще к экспорту любых товаров в эту страну. В большинстве правящим кругам Франции казалась выгодной ставка на Багдад. Французские аналитики, основываясь на темпах роста Ирака, на протяжении всех 1970-х гг. прочили его экономике рывок, не менее головокружительный, чем у соседнего Ирана⁶²⁰. Это открывало превосходные перспективы для тех, кто бы подключится к его колоссальным инфраструктурным и промышленным проектам (ирригация, нефтепереработка, строительство дорог и аэропортов)⁶²¹. Растущая изоляция Ирака как от западных стран, так и от арабских государств, была, как казалось Парижу, залогом отсутствия конкуренции⁶²².

Динамично продолжали развиваться и франко-ливийские отношения, несмотря на скандал с «Миражами» и повышение Триполи в 1971 г. налогов с прибыли иностранным добывающим компаниям с 50% до 55%. Французские нефтедобывающие компании в Ливии получили режим благоприятствования. За три года сотрудничества с режимом Каддафи

⁶¹⁷DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 31.

⁶¹⁸DDF. Vol.41,1972-I

⁶¹⁹Цит. по: Nouschi André. Op. cit. P. 116.

⁶²⁰Razoux, P.Elliot, N. The Iran-Iraq war. London. P. 41.

⁶²¹Rondot, Ph. Op. cit. P.99.

⁶²²Ibid. P. 100.

Франция уже вплотную подходила к четвертому месту по потреблению ливийской нефти⁶²³ (она составляла 99% в импорте Франции из страны и 17% от ее общего потребления углеводородов⁶²⁴). Несмотря на то, что в франко-ливийских торговых отношениях наблюдался дефицит в 1,2 млрд франков к концу 1972 г. из-за перекося в сторону закупок ливийских углеводородов, поставки французских товаров в Ливию быстро росли: со 150 млн франков в 1968 г. до 545 млн франков к 1973 г.⁶²⁵ Наконец, осознавали французы и связь энергетического сектора с политикой. Аналитики администрации Помпиду подсчитали, что к 1980 г. Ливия может оказаться источником 70% природного газа, потребляемого Европой⁶²⁶. Привилегированное положение Франции в этой стране могло, как тогда казалось, повысить ее роль и в ЕЭС. Ливийцы сами предлагали французам более тесное сотрудничество в энергетической сфере: а именно, создавать совместные предприятия по добыче нефти, чтобы потом распространить эту модель на все арабские страны и не опасаться национализации, как это происходило с американскими и британскими компаниями⁶²⁷.

Почти двойной рост добычи нефти с 1969 г. давал революционному правительству Ливии огромные доходы (\$700 млн ежегодно⁶²⁸), которые оно могло потратить на военную технику и модернизацию экономик⁶²⁹. В Париже подсчитали, что на это Триполи собирается потратить до 70% бюджета, что открывало огромные возможности как для французского ВПК, так и для промышленности в целом. Франция по поставкам оружия в 1969-1973 годах уверено вытеснила из Ливии ранее приоритетные США и Великобританию. До 1973 г. кроме 100 скандально известных «Миражей» французы успели поставить Триполи также десятки легких вертолетов Alouette III и Super Frelon, броневедомостей Shorland и Ferret⁶³⁰. Парк бронетехники у Триполи еще оставался британского и американского производства, обновить его предлагал СССР, но ливийцы заверяли французов, что даже в плане бронетехники отдадут приоритет в будущем французским производителям⁶³¹.

Участвовали французские военные специалисты также в подготовке бывшей американской базы Вилус (переименована Каддафи в Окбу) к приему «Миражей» — переучивали техников, переделывали ангары, системы сигнализации, хотя и опасались

⁶²³Баргенов, Б.Е. Ливийская проблема в международных отношениях в 1981-1991 гг. С. 94.

⁶²⁴DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 19.

⁶²⁵DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 192.

⁶²⁶DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 19.

⁶²⁷DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 218.

⁶²⁸DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 36.

⁶²⁹DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 19.

⁶³⁰Military Balance. 1973. P.37.

⁶³¹DDF. Vol. 41, 1972-I, Doc. 218.

наращивать контингент советников, чтобы лишний раз не провоцировать Вашингтон⁶³². Париж и Триполи также вели переговоры о создании специалистами фирмы Tompson «зонтика» ПВО над ключевыми экономическими и военными центрами Ливии, страхуясь от возможных дальних налетов ВВС Израиля⁶³³. Речь шла о покупке на первом этапе как минимум четырех комплексов ПВО⁶³⁴.

Кроме того, в ноябре 1972 г. Ливия просила Францию содействовать перезапуску авиазавода в Египте, который до 1967 г. производил немецкие тренировочные самолеты, а теперь мог по лицензии собирать МиГ-21. Триполи просил прислать французских инженеров, которые создали бы «лучший» советско-французский гибрид (по аналогии с тем, как израильтяне в эти годы работали над «Супер-Миражом»: самолетом с собранным из запасов запчастей французским корпусом и авионикой и американским двигателем). Это был щекотливый вопрос, так как здесь Франция соприкасалась бы косвенно с ВПК «фронтального» государства, и совместное египетско-ливийское производство самолетов не могло преследовать иной цели, кроме как наращивание потенциала против Израиля⁶³⁵.

Франция в лице президента Помпиду в итоге вежливо отказалась от данного предложения. Наконец, Триполи собирался обновить свой флот за счет французских судов. Экипажей и командного состава для крупных судов у Ливии не было, равно как и инфраструктуры (ее, впрочем, предлагал построить СССР, чтобы иметь базу также для своей эскадры⁶³⁶), поэтому у Парижа были куплены хотя и 6, но патрульных, малых судов⁶³⁷. Наконец, Франция активно участвовала в строительстве жизненно важной инфраструктуры в Ливии, что щедро оплачивалось нефтяными доходами страны. В 1971 г. французскими компаниями были реализованы крупные ирригационные проекты (на 35 млн франков), построены и оснащены современным оборудованием госпитали в Бенгази (22 млн франков), проведены геологоразведочные работы (7 млн франков), а также осуществляла модернизацию гражданских аэропортов страны. В 1972 г. французы начали строительство ТЭЦ в Триполи (стоимость контракта — 350 млн франков)⁶³⁸.

Кроме «радикалов» — Ливии и Ирака — Франция также пыталась наладить отношения с важнейшим государством региона, крупнейшим экспортером нефти и, что немаловажно, одной из опор американского присутствия в регионе — Саудовской Аравией. Париж принял решение ориентироваться на преимущественные закупки нефти у Эр-Рияда

⁶³²DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 21.

⁶³³DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 21.

⁶³⁴Ibid.

⁶³⁵DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 218.

⁶³⁶DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 21.

⁶³⁷Ibid.

⁶³⁸DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 192.

в 1971 г., после того, как прежний основной поставщик, Алжир, национализировал свои месторождения⁶³⁹. И если в 1971 г. импорт нефти из Саудовской Аравии составлял 18%⁶⁴⁰, то уже через два года, в 1973 г., саудовское королевство стало главным источником нефти для Франции — она получала у саудитов чуть меньше 50% всей используемой нефти⁶⁴¹. Эр-Рияд параллельно с получением места главного поставщика углеводородов облегчил режим работы для французских компаний, которые, несмотря на менее льготные условия, чем у американцев, британцев и даже итальянцев, наращивали свое присутствие в стране⁶⁴².

Хотя Эр-Рияд пользовался в основном американским и британским вооружением, после Шестидневной войны у французского ВПК появился шанс занять часть столь перспективного рынка, так как саудовские власти считали качество предлагаемого им Вашингтоном оружия худшим, чем у потенциального противника любого арабского государства — Израиля. Уже в 1968 г. французский консул в Джидде заявил главе МИД М. Дебре, что саудиты (принц Науаф ибн Абдель Азиз, брат короля и его советник), несмотря на давление американцев и британцев, были бы рады получить содействие французов в оборудовании своих баз ВМС в Красном море и Персидском заливе⁶⁴³. В январе 1972 г. Эр-Рияд отозвался с резкой критикой о характеристиках американского истребителя Lightnings 104G⁶⁴⁴ и заявил, что хочет заменить его на французский Mirage III⁶⁴⁵. Впрочем, это было скорее прощупывание почвы для получения самых современных на тот момент американских машин - F4 Phantom II, которые уже поставлялись Израилю. В канун Октябрьской войны в сентябре 1973 г., Париж посетил король Саудовской Аравии — Фейсал, который интересовался возможностью предоставления арабским странам технологий и вооружений, а также дипломатической поддержки⁶⁴⁶. По его итогам, наконец, было заключено предварительное соглашение о поставке 38 самолетов Mirage V, что вызвало некоторую озабоченность в США⁶⁴⁷.

Обратила Франция внимание также на новые нефтедобывающие государства Персидского залива. Они постепенно получали независимость после объявленного Г. Вильсоном в 1967 г. курса на сворачивание присутствия Великобритании «к востоку от

⁶³⁹DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 190.

⁶⁴⁰DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 307.

⁶⁴¹Cohen, S. Op. cit. P. 355.

⁶⁴²Ibid. P. 368

⁶⁴³DDF. Vol. 33, 1968-I, Doc. 382.

⁶⁴⁴ Состоявший на вооружении стран НАТО и США в частности, этот самолет отличился высокой аварийностью и в мирное, и в военное время (Вьетнамская кампания). В американских ВВС он получил прозвище Widowmaker («Вдоводел»).

⁶⁴⁵FRUS. 1969-1976, Vol. XIV, Doc. 137, P. 439.

⁶⁴⁶Nouschi, A. Op.cit, P. 259.

⁶⁴⁷FRUS. 1969-1976, Vol XXV, Doc. 95, P. 281.

Суэца» в связи с финансовыми трудностями и невозможностью содержать военную инфраструктуру на Ближнем Востоке⁶⁴⁸. Такими государствами стали Катар (1971 г.), Бахрейн (1971 г.), Объединенные арабские эмираты (ОАЭ, 1971-1972 гг.). Заместить Лондон в военно-политическом плане Париж не мог, британские офицеры продолжали командовать армиями новопровозглашенных эмиратов, военная база в Шардже, ОАЭ, объекты в Омане тоже оставались под контролем бывшей метрополии⁶⁴⁹), на рынке вооружений своих бывших протекторатов тоже прочно осели британцы⁶⁵⁰, а доля британских промышленных товаров в потреблении стран Персидского залива составляла 60%⁶⁵¹. Также незыблемы, в отличие от Ливии и Ирака, были позиции британских нефтяников в монархиях Залива: British Petroleum имела половину доли в государственном нефтяном консорциуме Кувейта, 66% — в Абу-Даби (ОАЭ), 23% в Катаре и 85% в Омане⁶⁵². Национализаций Лондон не опасался. Для французской Total здесь не было места. Поэтому французы решили действовать сначала в области гражданской инфраструктуры, где британцы за время протектората себя не проявили, а уже затем на рынке оружия и промтоваров. В Катаре французские промышленники появились практически сразу после провозглашения независимости страны и начали строительство опреснительных заводов на сумму 36 млн франков⁶⁵³. При участии французских инженеров также была построена современная столица Кувейта и эмирата Абу-Даби⁶⁵⁴. Весной 1973 г. Париж почувствовал себя уже настолько уверенно, что начал затрагивать в разговорах с дипломатами из монархий Персидского залива, в частности, Кувейта и Омана, возможность поставок своего оружия, что начало настораживать американцев⁶⁵⁵.

Параллельно с укреплением двусторонних отношений с арабскими странами администрация Помпиду попыталась вновь задействовать в 1972 г. ЕЭС как инструмент для дальнейшей интеграции зоны Восточного Средиземноморья в европейский рынок. Соответствующая работа, как мы писали выше, воплотилась в создании годом ранее Рабочей группы по проблемам Средиземноморья. В феврале 1972 г. она утвердила документ об основных принципах кооперации с неевропейскими странами региона. Тогда же появилось предложение разработать так называемую Глобальную Средиземноморскую

⁶⁴⁸Cooper, N. R. Op.cit. P. 59.

⁶⁴⁹DDF. Vol. 42, 1972-II. Doc. 73.

⁶⁵⁰О вооружениях армий «новых» стран Персидского залива в начале 1970-х годов подробнее см: Military balance 1972.

⁶⁵¹DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 73.

⁶⁵²DDF. Vol. 42, 1972-II, Doc. 73.

⁶⁵³DDF. Vol. 40, 1971-II, Doc. 114.

⁶⁵⁴Gfeller, A. É. Building a European Identity. P. 78.

⁶⁵⁵FRUS, 1969-1976, Vol. E-15. Part-2. Doc. 308. P. 945.

политику Сообщества. В ноябре 1972 г., на Парижском саммите ЕЭС, она была одобрена и определялась как «совокупность политики всех стран сообщества с государствами бассейна Средиземного моря, с которыми заключены или будут заключены соглашения об Ассоциации»⁶⁵⁶. Франция добилась, чтобы приоритетными направлениями экономической активности стран ЕЭС стали Северная Африка и Ближний Восток. И хотя вопросы, относящиеся к политике, не вошли в текст документа, во время работы над ним были приняты такие решения, как наращивание европейского присутствия в Ливии (чтобы не допустить там распространения советского влияния)⁶⁵⁷. Кроме того, бывшие колониальные страны старались выбить торговые привилегии для своих бывших колоний⁶⁵⁸. В рамках Глобальной Средиземноморской политики было решено, что соглашения об Ассоциации будут подписаны в 1973 г. со странами Магриба (это было в интересах Франции) и с Израилем⁶⁵⁹. В рамках ЕЭС также начала разрабатываться в 1973 г. и единая энергетическая политика, а раз энергоресурсы шли в основном в Европу из Северной Африки и с Ближнего Востока, то эта энергетическая политика неизбежно должна была стать ступенью к консолидации единой политической позиции в отношении арабо-израильского конфликта⁶⁶⁰.

Таким образом в 1971-1972 гг. всякое взаимодействие США и Франции в ближневосточном вопросе практически сошло на нет. Американцы приступили к реализации своей стратегии на отрыв Египта от СССР через подготовку сепаратного мира между Каиром и Тель-Авивом при своем посредничестве. Франция после провала «четырёхсторонней инициативы» решила наращивать двусторонние отношения с арабскими нефтедобывающими странами, закреплялась на рынке оружия, чтобы через прочные договоренности на рынке углеводородов иметь возможность влиять на зависимую от ближневосточных поставок Европу. Париж также старался форсировать формирование Средиземноморской политики ЕЭС, чтобы через нее подвести Западную Европу к осознанию своей политической самостоятельности. Тестом как для американской, так и для французской стратегии стали события очередного арабо-израильского конфликта — войны Судного дня 1973 г.

---

⁶⁵⁶Guia, M. Op.cit. P.53.

⁶⁵⁷Ibid. P. 58.

⁶⁵⁸Calandri, E. Op.cit. P. 46.

⁶⁵⁹Ibid. P. 40.

⁶⁶⁰Implementations of the Guidelines and Priority Actions for Community Energy Policy, Information Memo P=42/73. 1973 August. [Электронный ресурс] URL: <http://aei.pitt.edu/30192/> (дата обращения 18.05.2020).

2. Взаимодействие Вашингтона и Парижа во время войны Судного дня 1973 г. «Атлантическая солидарность» США против «европеизма» Франции.

Параллельно с подготовкой сепаратных переговоров между Израилем и Египтом администрация Никсона задумалась об улучшении отношений с Европой, деградировавших в предыдущее десятилетие. Наиболее ярким маркером этого процесса стал выход Франции из военной организации НАТО в 1966 г. Демарш Парижа из альянса не повлиял серьезно ни на биполярный военный баланс сил, ни на баланс сил внутри западного лагеря – как отмечает К.Уолтц, послевоенный миропорядок не смог поколебать даже уход Китая из сферы влияния сначала Вашингтона, а потом и Москвы. Однако поведение французов осознавалось американцами как симптом другой, более глубокой опасности. Становилась все более очевидна диспропорция: США оставались военно-политическим гегемоном западного мира и оправдывать такое положение «атлантической солидарностью»⁶⁶¹ перед лицом «советской агрессии». Но в его рамках рос второй центр силы, пока экономический, но уже задумывавшийся о своей политической самостоятельности — объединенная Европа (ЕЭС)⁶⁶². Он значительно усиливался с вхождением в Сообщество Великобритании, Ирландии и Дании в начале 1973 г. Политическим локомотивом европейской интеграции на тот момент был Париж, надевшийся таким образом укрепить статус великой державы, а также получить дополнительные политические и экономические инструменты. Франция продвигала идею «европеизма» — способности Западной Европы формировать собственную, автономную политику как в вопросах экономики, так и безопасности на условиях равноправия с США⁶⁶³.

Подогревали желание автономии советско-американские переговоры о разрядке международной напряженности в 1969-1972 гг., где европейцы, находившиеся на переднем крае противостояния двух блоков, не принимали участия, хотя в случае глобального конфликта стали бы его первыми жертвами⁶⁶⁴. Недопуск европейцев к глобальным соглашениям, касающихся их же безопасности (ОСВ-1 и начавшиеся в Вене переговоры о сокращении конвенциональных вооруженных сил в Европе⁶⁶⁵) давал возможность Парижу

⁶⁶¹О формировании атлантизма как идеологии западных стран см. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка в 1940-2000 годы. М., 2007.

⁶⁶²Подробнее о европейской интеграции в 1960-1970-е годы см.: Наумова Н.Н. История западноевропейской интеграции. М., 2009.

⁶⁶³Об эволюции европеизма см.: Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987.

⁶⁶⁴Подробнее об отношениях СССР и США на этапе «разрядки» см. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М., 2012; Богатуров А. Д. Системная история международных отношений. Т.3. М., 2003.

⁶⁶⁵Переговоры о «Сбалансированном и взаимном сокращении сил в Европе» (Mutual and Balanced Force Reductions (MBFR) между НАТО и ОВД, а фактически между США и СССР. начались в январе 1973 года.

говорить об угрозе мирового «советско-американского кондоминиума». Соглашения преподносились французами как «сговор» сверхдержав, где голос всех остальных стран, не учитывался, а они сами являлись разменными монетами, а не союзниками⁶⁶⁶. Эта критика была одновременно и заявкой на создание третьего – европейского полюса в системе международных отношений. Говоря о кондоминиуме, французы были отчасти правы – Москва и Вашингтон к тому моменту действительно привыкли решать вопросы глобального характера тет-а-тет, без привлечения союзников.

На это накладывалась изоляция европейцев от решения ближневосточного конфликта, способного оказать прямое воздействие на экономическое развитие Европы, получавшей их арабских стран до 60% нефти в начале 1970-х гг.⁶⁶⁷, а также вывод части американских контингентов из Европы в середине 1960-х гг. для участия во Вьетнамской войне. У европейцев создавалось неприятное впечатление: их судьба зависела от договоренностей супердержав, в то время «старший союзник» демонстративно ставил их безопасность ниже по важности, чем собственная война в Индокитае⁶⁶⁸. Европейцев пугала и перспектива улучшения экономических американо-советских отношений, так как они воспринимали себя как ключевых торговых партнеров СССР на Западе⁶⁶⁹. И хотя эта угроза была нивелирована поправкой Джексона-Вэника, тем не менее, европейцам никто не гарантировал, что ее не отменят. Наконец, между США и Западной Европой были напряженные экономические отношения после глобального валютного кризиса 1969-1973 гг., отправной точкой которого стала девальвация Парижем франка⁶⁷⁰.

Таким образом, в первой половине 1973 г. удержавшаяся у власти на новый срок администрация Никсона хотела решить последовательно три задачи. Во-первых, завершить участие во Вьетнамской войне (Парижские соглашения с Северным Вьетнамом были подписаны 27 января 1973 г.⁶⁷¹), во-вторых, начать решение ближневосточного конфликта и вытеснение из региона СССР. И, наконец, перезапустить трансатлантические отношения с европейскими союзниками, спрягая этот процесс с разрядкой⁶⁷². Никсон еще в первый свой президентский срок, в 1970 г., выступил с концепцией «зрелого партнерства» с

Они продолжались все 1970-е годы и привели к незначительному сокращению контингентов враждующих блоков (2-3%) в 1976 году. В 1979 году они были остановлены СССР под предлогом размещения в Европе американских ракет средней дальности, а окончательно упразднены в 1989 году. На основе опыта взаимодействия в 1970-е годы был заключен Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 года между НАТО и ОВД.

⁶⁶⁶FRUS, 1969-1976, Vol. E-15, Part-2, Doc. 2. P. 4.

⁶⁶⁷Шилов, В.С. Указ соч. С. 43.

⁶⁶⁸Kaplan, S.L. Op. cit. P. 125.

⁶⁶⁹DDF, Vol. 42, 1972-II. Doc. 246.

⁶⁷⁰Costigliola, F. Op.cit. P. 173.

⁶⁷¹FRUS, 1969-1976, Vol IX, Doc. 341, P. 1183.

⁶⁷²Воронцов, Г.А. Указ. соч. С. 43.

Европой, в которой, впрочем, никаких особенных новшеств не содержалось: ключевым элементом «атлантической солидарности» провозглашалась НАТО при руководящей политической роли США⁶⁷³. Такое «партнерство» не устраивало ни Францию, ни даже ФРГ, которая именно тогда запустила свою «восточную политику»⁶⁷⁴. Поэтому в январе 1973 г. в Белом доме задумались о новой концепции отношений с европейцами. Команда Никсона, после дипломатических успехов с СССР, Китаем, и, как ей казалось, с Вьетнамом, объявила 1973 г. «годом Европы»⁶⁷⁵. В то же время одним из аргументов для европейцев в пользу улучшения отношений с США были их успехи в разрядке и снижении опасности «советской угрозы». Союзники не были довольны тем, что не участвовали в переговорах, но были не против снижения конфликтности на европейском континенте. Этим, по мысли Вашингтона, можно было воспользоваться, чтобы закрепить контроль над партнерами⁶⁷⁶.

Большую часть 1973 г. США предпринимали попытки наладить отношения с европейскими союзниками по НАТО. Основой стратегии был упор на двусторонние отношения с каждой из европейских стран, как в торговых вопросах, так и в вопросах безопасности. Киссинджер, классический реалист в том, что касается международных отношений, считал для США вредным говорить с Европой как с целостным игроком. Он считал ЕЭС потенциальной новой великой державой, пока не имеющей соответствующих политических атрибутов и появления которых следовало бы избежать в принципе. Недопустимость для США появления «третьего полюса» в виде объединенной Западной Европы в 1970-е гг. ощущал ряд американских теоретиков международных отношений, в частности, К.Уолтц. Однако, добавляет исследователь, логика событий отчасти подталкивала к повлечению этого центра: избавив европейцев от вековой розни, и накрыв «зонтиком безопасности». Американцы, будучи военным гегемоном, создали условия для экономического объединения, после чего насущным стал вопрос и политической координации. А коль скоро такой полюс возникнет, теоретиками не исключался даже и его крен в сторону СССР для уравновешивания самого сильного полюса - США. Поэтому Уолтц так же, как Киссинджер, настаивал на исключительно двусторонних отношениях с европейцами для их разобщения и для того, чтобы они, не имея возможность объединиться друг с другом, больше бы склонялись к союзу с Вашингтоном⁶⁷⁷.

В начале 1970-х гг. Киссинджер и остальные вашингтонские стратеги считали, что объединяющим каркасом трансатлантического единства все равно должен был оставаться

⁶⁷³Печатнов, В.О.; Манькин, А.С. Указ. соч. С. 445.

⁶⁷⁴Там же. С. 445.

⁶⁷⁵FRUS. 1969-1976, Vol. E-15. Part-2. Doc. 5. P. 19.

⁶⁷⁶Барановский, В. Указ. соч. С. 25.

⁶⁷⁷Waltz, K. Op.cit. P. 201.

альянс, в котором главенствуют американцы (по Уолтцу, это не союз равных или система коллективной безопасности, а система обязательств США по защите своих союзников⁶⁷⁸), хотя использовать этот инструмент в Белом доме думали отныне осторожнее. Поэтому Вашингтон прилагал активные усилия для перезапуска трансатлантического сотрудничества, в первую очередь, с Парижем, и к началу октября вел с французами активные консультации по поводу согласования содержания новой «атлантической декларации»⁶⁷⁹. В повестку американо-французского взаимодействия вновь, после двухлетнего перерыва, постепенно входило даже и обсуждение урегулирование арабо-израильского конфликта⁶⁸⁰, так как американцы на примере скандала с ливийскими «Миражами» убедились в способности французов, третьих экспортеров оружия, даже будучи отстраненными от непосредственно политических процессов, влиять на позиции игроков на Ближнем Востоке⁶⁸¹.

Возобновление сотрудничества с Парижем имело вполне ясную политическую цель. США не переставал видеть во Франции инициатора строительства не только экономического, но и политического конкурента в виде единой Западной Европы. Именно эта мысль прозвучала на совещании Никсона с экономическими советниками в марте 1973 г.⁶⁸² Теперь Парижу, стержню евроинтеграции, Белым домом отводилась роль «тройного коня» в ЕЭС. В августе 1973 г., после визита французской военной миссии в Вашингтон по вопросу о совместных разработках в области ядерного оружия и двигателей для военных самолетов (проект перспективного бомбардировщика В-1 в кооперации General Electric-Snecma), Киссинджер на встрече с высшим американским военным руководством утверждал, что, усилив сотрудничество с Парижем, «мы сможем использовать их, сломать европейское единство, и потом разобратся с остальными европейцами»⁶⁸³ как в вопросах политических, так и экономических, в особенности особенно актуальных тогда валютных после фактического краха Бреттон-Вудской системы⁶⁸⁴. При этом, как пишет Обичкина, на деле Помпиду с подозрением относился к усиленным двусторонним контактам американцев с отдельными европейскими странами⁶⁸⁵.

На словах Киссинджер в мае 1973 г. уверял Помпиду, что США «заинтересованы в сильной Европе, равно как и в сильном Китае», чтобы сдерживать СССР, а в Европе

⁶⁷⁸ Waltz, K. Op.cit. P. 169.

⁶⁷⁹ Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1973. October 2. Reel 10. Apr-dec 1973. RNNNSF RSC.

⁶⁸⁰ FRUS. 1969-1976, Vol. E-15. Part-2. Doc. 311. P. 950.

⁶⁸¹ FRUS. 1969-1976, Vol. E-15. Part-2. Doc. 307. P. 936.

⁶⁸² FRUS. 1969-1976, Vol. XXXI, Doc.16. P. 69

⁶⁸³ FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 319, P. 955.

⁶⁸⁴ Cooper, N. R. Op.cit. P. 60.

⁶⁸⁵ Обичкина Е. О. Указ. соч. С. 155-157.

«Франция будет играть ключевую роль», так как она экономически и психологически невосприимчивей к «советскому давлению» в отличие от ФРГ»⁶⁸⁶. Новый госсекретарь США надеялся использовать недоверие Помпиду к канцлеру ФРГ Вилли Брандту из-за «восточной политики» последнего⁶⁸⁷. При де Голле ключевым «переговорщиком» с соцблоком в Западной Европе считалась Франция. Рост дипломатического влияния Бонна был не в интересах Парижа на фоне французских усилий по евроинтеграции. Это подпитывалось архетипическим страхом французского руководства перед любым политическим усилением немцев. «Немецкий» фактор Киссинджер рассчитывал использовать как дополнительное средство для американо-французского сближения и, одновременно, раздробления европейского единства, не допуская углубления сотрудничества Парижа и Бонна.

В качестве «пряника» для дальнейшего улучшения отношений американцы, в частности, в январе 1973 г. предложили французам помощь в разработке и обмене технической информацией по поддержанию и увеличению боеготовности стратегических ядерных ракет, а в мае — также информацию по моделированию советского ядерного потенциала⁶⁸⁸. В августе того же года в Вашингтон направилась военная делегация из Франции во главе с министром обороны Р. Галлей. Но этот опыт уже был неудачным: американцы потребовали доступа к сведениям, которые французы разглашать не пожелал⁶⁸⁹, и сотрудничество в сфере ядерного оружия, не остановленное полностью, было существенно сокращено до лета 1974 г. Реанимация отношений с Францией достигла своего «потолка».

Но окончательно американо-французскому сближению и более широким планам нейтрализации Западной Европы через «французский фактор» помешала неожиданная даже для великих держав новая арабо-израильская война. События трех недель октября 1973 г. на Ближнем Востоке и их непосредственные экономические и политические последствия показали ту пропасть, которая пролегла между США и Европой, между США и Францией, то неравенство отношений и остающиеся гегемонистские замашки американцев в отношении с союзниками.

---

⁶⁸⁶Trachtenberg, M. Op.cit. P. 6.

⁶⁸⁷Shehu, A. Op.cit. P.17. В то же время Ф.Бозо считает, что Помпиду, напротив, во многом воспринимал «восточную политику» Брандта позитивно, как часть процесса «разрядки», хотя и с подозрением относился к тому, что конечной целью она имела объединение Германии. Подробнее см.: Bozo, Frédérique, France, “Gaullism,” and the Cold War. P. 176.

⁶⁸⁸Shehu, A. Op.cit. P. 26.

⁶⁸⁹Mélandri, P. Aux origines de la coopération nucléaire franco-américaine. P. 250–251.

По словам Киссинджера, начало пятой арабо-израильской войны застало его, как и все американское руководство, врасплох⁶⁹⁰. В конце сентября воинственные жесты Садата, арабских радикалов и даже Саудовской Аравии о том, что они будут закупать у СССР наступательное оружие для передачи его Египту, равно как и обещание египетского президента воспользоваться \$800 млн. кувейтской помощи на военные нужды, не потревожили бдительности Вашингтона⁶⁹¹. В Госдепартаменте надеялись, что в ближайшие два месяца перспективы для начала переговоров между Египтом, Сирией и Израилем будут только возрастать⁶⁹². В апреле американская разведка успокоительно говорила об исключительной слабости египетской армии⁶⁹³. Хотя еще в мае 1973 г. ЦРУ выяснило, что Каир разработал план переправы через Суэцкий канал, 30 сентября, в канун египетской атаки, разведка американцев расценила усиленные передвижения египетских войск в районе как блефом⁶⁹⁴. Регулярные сообщения о концентрации сирийских войск у Голанских высот стали приходить в Вашингтон от израильских военных с 3 октября. 5 октября американскому руководству поступили сообщение об активности военно-транспортной авиации СССР в Сирии и Египте. Но американцы недооценили желание египетского лидера военного выхода из политического тупика. Тупик же заключался в непримиримости двух пунктов: 1) невыполнимости мирного ухода Израиля, не имеющего твердых гарантий своей безопасности, к границам 1967 г.; 2) невозможности временного разведения израильтян и египтян на Синае для Каира, так как в этом случае египтяне вновь будут вынуждены отойти от зоны разграничения, будучи на своей территории.

Но когда за считанные часы до атаки подготовка к реальным военным действиям стала очевидна для американцев, Киссинджер потребовал объяснений от израильской стороны. Поверенный в делах в Вашингтоне М. Шалев заверил Киссинджера, что его страна не готовится к превентивному удару, как в 1967 г. Директор ЦРУ У. Колби, по словам Киссинджера, также твердо высказался, что это будет «...первая война за 20 лет, которую начал не Израиль». В то же время М. Зият, посол Саудовской Аравии, созвонился с Садатом и представил американцам египетскую версию — боевые действия — это ответ на израильскую провокацию с высадкой морского десанта. Министр иностранных дел Израиля А. Эвен сообщил американцам, что египетская информация является ложью. Премьер-министр Израиля Г. Меир ночью предупредила американцев по

---

⁶⁹⁰Kissinger, H. A. Op.cit. P. 450.

⁶⁹¹FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 90, P.272.

⁶⁹²Kissinger, H. A, Op. cit. P. 451.

⁶⁹³Ibid.

⁶⁹⁴FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 50, P.149.

конфиденциальным каналам, что арабы в их атаке обречены на проигрыш⁶⁹⁵. Киссинджер, еще не зная наверняка о масштабе военных действий, собрал представителей Госдепартамента и сообщил им об угрозе отпадения от Вашингтона «умеренных» Иордании и Саудовской Аравии (они боялись равно и победы, и поражения арабов на фронте)⁶⁹⁶. Впервые был обсужден вопрос возможной задержки поставок нефти в Европу и, в свою очередь, попыток давления европейцев на США⁶⁹⁷. Киссинджер также предупредил Амман и Эр-Рияд о возможном близком обострении ситуации, чтобы удержать союзников от военной истерии⁶⁹⁸. В своих мемуарах он отмечал, что поставил, основываясь на отрывочной информации с Ближнего Востока 6 октября следующие задачи перед американской дипломатией: 1) Заверить Израиль в том, что его существование не находится под угрозой, 2) удержать «умеренных» арабов от сближения с «радикалами», 3) шантажировать СССР угрозой конца разрядки⁶⁹⁹.

Боясь рассердить арабов, Киссинджер рекомендовал своему военному помощнику генералу А. Хейгу в публичной плоскости дистанцироваться от Израиля, однако не давать повода Москве подумать, что израильтян «бросили». И если только советская сторона проявит свою деятельность — поставками вооружений, публичными заявлениями и даже прямым военным участием — тогда американцам стоит проявить твердость⁷⁰⁰. Единственное, на что согласились в первый день американцы — это посылать с 8 октября из Турции самолеты U-2, которые бы передавали разведывательные сведения израильтянам⁷⁰¹. В плане ответственности СССР за войну Киссинджер не имел однозначного мнения. Когда он созвонился ранним утром с Добрыниным, тот заверил его в своей неосведомленности. Киссинджер отмечал, что не верил в неожиданность войны для Москвы. Ведь 18 сентября 3 тыс. советских военных советников были выведены из Сирии⁷⁰², а 3 октября - из Египта⁷⁰³. 5 октября суда советской Средиземноморской эскадры покинули Александрию и Порт-Саид. Было ли это сигналом для американцев, или это были прост меры предосторожности, Киссинджер так и не смог понять⁷⁰⁴. По его мнению, СССР прямо не хотел войны, но и не убеждал арабов отказаться от нее. Москва делала дежурные заявления об опасности эскалации конфликта, и, в рамках разрядки считала такие

⁶⁹⁵FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc 98, P.285.

⁶⁹⁶Kissinger, H. A. Op. cit. P. 467.

⁶⁹⁷Ibid, P. 465.

⁶⁹⁸FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc 102, P.293.

⁶⁹⁹Kissinger H.A. Op. cit. P. 467.

⁷⁰⁰FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc 106, P.309.

⁷⁰¹FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc 121, P. 352.

⁷⁰²Bryson, A. Op. cit. P. 262.

⁷⁰³FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 121 P. 352.

⁷⁰⁴Kissinger, H.A. Op. cit. P. 468

предупреждения достаточными для американцев. Так, уже 12 октября глава МИД СССР Громыко утверждал, что прямо предупреждал американцев: 13 и 23 сентября⁷⁰⁵, причем последний раз — в связи с воздушным боем в районе сирийской Латакии.

Утром 6 октября на встрече рабочей группы, в которую вошли представитель Госдепартамента, Пентагона, Объединенного комитета начальников штабов и ЦРУ. американской разведке была поставлена задача разработать ответные меры на случай нефтяного эмбарго, а военным – провести ревизию сил в Средиземноморье для эвакуации американских граждан из арабских стран⁷⁰⁶. Рассматривалась даже возможность ограниченной вооруженной экспедиции в Ливию, в случае взятия находящихся там американцев в заложники⁷⁰⁷. Еще одной причиной для военного вторжения американцев был возможный нефтяной шантаж Европы Каддафи — Ливия давала европейцам до четверти потребляемой нефти, задержка в поставках могла вызвать панику у американских союзников и заставить их начать сепаратные переговоры с арабами⁷⁰⁸. Киссинджер утром 6 октября еще надеялся локализовать ситуацию на линии разграничения на Синае и установить перемирие. Он связался с советским послом в Вашингтоне Добрыниным и поделился своим предложением⁷⁰⁹ и предложил заключить перемирие в обход ООН, так как в при публичном обсуждении представители США и СССР перейдут к пропагандистской риторике, и возможность остановить войну исчезнет.

Созыв экстренного заседания Совета Безопасности ООН американцы планировали отложить до 8 октября (понедельника). Израиль просил отложить заседание до 11 октября, когда он будет готов к контратаке⁷¹⁰. За это время американцы надеялись прояснить поведение СССР и его готовность к совместному замораживанию конфликта. Кроме того, Киссинджер надеялся, что арабы будут разбиты за срок от 48 до 72 часов⁷¹¹, поэтому даже задержал движение американского 6-го флота в Восточное Средиземноморье до окончания учений⁷¹², так как надеялся на ограниченные военные действия. Так, израильская авиация не производила бомбардировок крупных египетских и сирийских городов вплоть до следующей недели. Поэтому, считал госсекретарь, Тель-Авив можно еще удержать от

⁷⁰⁵FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 151, P. 435.

⁷⁰⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 112, P. 321.

⁷⁰⁷Rubin, Z. J. Op. cit. P. 34.

⁷⁰⁸Ibid. P. 34.

⁷⁰⁹Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 268.

⁷¹⁰FRUS 1969-1976 Vol. XXV Doc. 115 P. 340.

⁷¹¹Kissinger, H.A. Op. cit. P. 469.

⁷¹²FRUS. 1969-1976 Vol. XXV Doc. 107 P.313.

массированного наступления, которое может привести к эскалации уже на уровне супердержав⁷¹³.

К вечеру первого дня войны Киссинджер узнал, что Москва настаивала на выполнении резолюции №242 и остановке боевых действий⁷¹⁴, а Добрынин, согласно доказывал главе американского внешнеполитического ведомства, что другая позиция нанесет Москве репутационный урон⁷¹⁵. Советский посол заявил о готовности советской стороны работать над установлением перемирия, но Киссинджер настаивал на *status quo ante*, а Добрынин допускал фиксацию лишь настоящей линии фронта, «так как мы не можем указывать арабам отступить на своей собственной территории»⁷¹⁶. 7 октября Киссинджер получил официальное письмо от советского лидера Брежнева с изложением общеизвестной позиции Москвы, которая транслировалась ею с 1967 г.⁷¹⁷ Но и это давало надежду на скорое начало переговоров, так как и Садат вновь начал контактировать по тайным каналам связи с американцами⁷¹⁸. Х. Исмаил намекнул на готовность к миру, хотя и не на израильских условиях «территория в обмен на мир»⁷¹⁹. Египтяне были еще оглушены своим неожиданным успехом и хотели от Израиля неприемлемых уступок сразу. В Вашингтоне еще были несколько обескуражены тем, что арабы до сих пор наступают⁷²⁰. Армия Израиля еще не была отмобилизованы, особую роль сыграл фактор внезапности нападения в религиозный праздник Йом Киппур.

К 8 октября Киссинджер понял, что надежд на молниеносный разгром арабов по аналогии с 1967 г. нет. Но он был уверен, что «во вторник они будут нас молить [о перемирии] на коленях». На встрече рабочей группы Киссинджер заметил, что и СССР не выгодна победа арабов: «я уверен, что они хотят, чтобы израильтяне преподали им урок», так как, «русские вывели советников вопреки воле арабов»⁷²¹. Несмотря на активное египетское наступление до 11 октября, и в США, и в Европе мало верили в военную победу арабов. Однако и те, и другие осознавали: как только египтяне и сирийцы начнут терпеть поражение, их соплеменники введут в действие более грозное, чем танки, оружие — нефтяное эмбарго. Американцы опасались, что перебои поставок нефти вобьют клин между ними и европейскими союзниками по НАТО, заставит последних начать сепаратные

⁷¹³FRUS. 1969-1976 Vol. XXV Doc 111 P. 318.

⁷¹⁴Добрынин, А.Ф. Указ. Соч. С. 269.

⁷¹⁵Kissinger, H.A. Op. cit. P. 470.

⁷¹⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc 111, P. 319.

⁷¹⁷Добрынин, А.Ф. Указ. Соч. С. 269.

⁷¹⁸Примаков, Е.М. Указ. Соч. С. 55.

⁷¹⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc.118, P. 345.

⁷²⁰FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 121, P. 353.

⁷²¹FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 122, P. 362.

переговоры с арабами⁷²². Уже 8 октября Министерство финансов США представило план действий на случай нефтяного эмбарго⁷²³, о котором европейцам не сообщили, чтобы не вызвать у них панику. Было также оговорено, что Никсон в ближайшие двое суток объявит о необходимости созыва СБ ООН. Садат, пока его войска наступали, конфиденциально передал американцам через Иран предложение о перемирии с израильтянами в обмен на полный вывод израильских войск с Синая⁷²⁴. Но Израиль, готовивил через четыре дня начало контрнаступления и не принял предложение Египта. Посол Израиля в Вашингтоне Динитц отверг даже возвращение к довоенной ситуации: «...нужно полностью уничтожить египетский военный потенциал, иначе они так и уйдут невредимыми за канал»⁷²⁵. Египетский лидер также отказался договариваться на условиях статус-кво⁷²⁶.

Но в Вашингтоне опоздали: уже 9 октября Франция, предчувствуя, как и остальные страны Западной Европы, скорое эмбарго⁷²⁷, внятно и публично изложила свою официальную про-арабскую позицию, в ряде пунктов схожую с советской. Французский премьер П. Мессмер так высказался в национальном Собрании: «Я бы сказал, что ситуация на Ближнем Востоке ... была предсказуема. Как можно было представить, что нации [египетская, сирийская]...будут терпеть оккупацию своей территории, без какой-либо надежды на справедливое разрешение ситуации? ...Наше мнение – нужно не просто окончить насилие, но добиться справедливого территориального размежевания»⁷²⁸. Для американцев это был тревожный сигнал — вслед за французами могли в таком ключе начать высказываться и другие их европейские союзники. Днем позже в Вашингтоне был примерно известен план арабов по использованию «нефтяного оружия»: король Саудовской Аравии был намерен сокращать добычу на 5% каждый месяц начиная с октября, пока Израиль не покинет оккупированные территории⁷²⁹. 10 октября Киссинджеру, по его словам, удалось негласно договориться о поведении СССР, Египта и Израиля в СБ ООН⁷³⁰. Госсекретарь скоропалительно назвал Никсону согласие советской стороны «триумфом нашей дипломатии»⁷³¹. Однако в этот же день министр иностранных дел Франции Жобер, перед отправкой в Нью-Йорк в штаб-квартиру ООН подтвердил

⁷²²FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 122, P. 362.

⁷²³Ibid.

⁷²⁴FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 122, P. 362.

⁷²⁵FRUS. 1969-1976 Vol. XXV Doc. 125 P. 369.

⁷²⁶FRUS. 1969-1976 Vol. XXV Doc. 124 P. 368.

⁷²⁷Peretz, P., Op.cit, P. 25.

⁷²⁸Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. Comptes Rendus Des Debats au cours de la Ve législature (1973-1978). Compte rendu intégral de 8 seanse. 9 octobre 1973. P. 4202.

⁷²⁹FRUS, 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 210, P. 577.

⁷³⁰FRUS, 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 126, P. 370.

⁷³¹Ibid.

противоречащую планам американцев позицию Парижа, а также добавил, что «...в первую очередь мы за мирное урегулирование конфликта. Что касается оккупированных в 1967 году территорий, то наша позиция давно известна»⁷³².

Американцы, готовые помочь израильтянам, но рассчитывавшие, что те справятся сами без привлечения внимания к Вашингтону как к пособнику «поджигателя войны», к 10 октября убедились, что пора начинать массированные поставки оружия. Из Тель-Авива сообщали, что потеряли уже 500 танков и 49 самолетов в боях с двумя арабскими государствами. ЦРУ также убеждало помочь израильтянам, так как те имеют запасов снарядов и запчастей «только на 14 дней войны»⁷³³. С 10 октября «нефронтовые» арабские страны начали перебрасывать свои контингенты на помощь Египту и Сирии и слать им оружие. Алжир, Ирак, Судан, Ливия, даже Иордания, хотя и союзная США, начала мобилизацию, чтобы не быть обвиненной в предательстве «арабского дела»⁷³⁴. Однако при реализации давно спланированного «воздушного моста» в Израиль США столкнулись с неожиданными неприятностями: европейцы, кроме Португалии, Испании, Великобритании (включая базы на Кипре)⁷³⁵ и, отчасти, Греции⁷³⁶, закрыли из страха арабского нефтяного эмбарго свое воздушное пространство для американских транспортов в Тель-Авив⁷³⁷. Режим «черных полковников» в Афинах, возглавляемый Пападопулосом предоставил свои аэродромы транспортам для дозаправки США тайно, публично объявив свое воздушное пространство закрытым, хотя дипломатически и экономически был изолирован от остальной Европы, и его выживание целиком зависело от американской финансовой и дипломатической помощи⁷³⁸. Даже обычно покладистый Бонн запретил американцам передавать израильтянам оружие и запчасти со складов баз США в ФРГ⁷³⁹. Киссинджер в своих мемуарах поражается подобному поведению, подчеркивая, что советским военным транспортам, летящим в Сирию и Египет, позволялось «безнаказанно» пользоваться воздушным пространством стран НАТО (видимо, имелась в виду Турция)⁷⁴⁰.

В этот критический момент о себе заявила Франция. Приехавший в Нью-Йорк на заседание СБ ООН Жобер заявил, что его страна «...могла бы сделать предложение, чтобы способствовать мирному процессу, но только в случае, если этого захотят все стороны»⁷⁴¹,

⁷³²L'Humanité, le 9 octobre, 1973.

⁷³³FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 135, P. 398.

⁷³⁴FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 144, P. 424.

⁷³⁵Rubin Z. J. Op.cit. P.50.

⁷³⁶Sakkas, J. The Greek dictatorship. P. 257.

⁷³⁷Pedaliu, E. A Discordant note. P.105.

⁷³⁸Ibid. P.106.

⁷³⁹Kissinger, H.A. Years of Upheaval, P. 714.

⁷⁴⁰Ibid, P. 714.

⁷⁴¹L'Humanité, Le 11 octobre, 1973.

таким образом, позиционируя Париж как посредника и третью сторону, независимую от американцев и СССР. Арабы при поддержке Москвы и, фактически, Франции, на дебатах в ООН, опираясь на положение резолюции ООН №224, настаивали на отходе израильтян к позициям на 5 июня 1967 г. Американцы предлагали status quo ante – то же, что и ранее конфиденциально⁷⁴². Но Израиль не хотел брать на себя обязательств, так как готовил контрнаступление⁷⁴³, а арабы вновь собирались наступать⁷⁴⁴. Однако во время встречи с Киссинджером в кулуарах штаб-квартиры ООН 11 октября Жобер признался, что антиамериканская позиция Франции во многом вынужденная: другое поведение поставит ее в неловкое положение перед арабами, кроме того, если Париж попытается блокироваться с Вашингтоном в этом вопросе, американцам это не принесет никакой пользы. Глава МИД Франции упрекал Киссинджера, что американская пресса подала его высказывания превратно и в излишне конфронтационном с США ключе. Киссинджер парировал, что позиция Франции, представленная ее министром, действительно была «двусмысленной», и тем самым сделала Жобера «арабским героем»⁷⁴⁵.

В частном порядке Жобер признался, что в Париже, несмотря на публичную готовность к посредничеству, на деле не разработали четкого плана действий в сложившейся ситуации и в принципе готовы к тесному сотрудничеству с США. «Мы сделаем все, что вы попросите», — убеждал Жобер, и это резко расходилось с его публичной критикой американцев на Ближнем Востоке. Франция, по его словам, была готова вести переговоры по поводу урегулирования со всеми сторонами конфликта, но тайно. Глава МИД Франции пообещал, что подыграет американцам и тайно, и публично. Это Жобер предложил сделать, как только израильтяне обратят в свою пользу положение на сирийском фронте, «так как в этой войне не может быть двух проигравших». По его словам, жертвой должна была стать Сирия, на тот момент гораздо больше связанная с СССР, чем Египет, и стратегически менее ценная для Запада в силу своего географического положения⁷⁴⁶.

⁷⁴²LETTER DATED 7 OF OCTOBER 1973 FROM THE PERMANENT REPRESENTATIVE OF THE UNITED STATES OF AMERICA TO THE UNITED NATIONS ADDRESSED TO THE PRESIDENT OF THE SECURITY COUNCIL [Эл. ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N73/198/66/PDF/N7319866.pdf?OpenElement> (дата обращения 1.05.2020).

⁷⁴³FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 129, P. 377.

⁷⁴⁴Security Council official record. 1745 th meeting: October 11 1973. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/GL0/362/11/PDF/GL036211.pdf?OpenElement> (дата обращения 1.03.2020).

⁷⁴⁵Memorandum of conversation between secretary Henry Kissinger and minister Mishele Jobert. 1973. October 11. Reel 10. Apr-dec. 1973. RNNSF RSC.

⁷⁴⁶Memorandum of conversation between secretary Henry Kissinger and minister Mishele Jobert. 1973. October 11. Reel 10. Apr-dec. 1973. RNNSF RSC.

Так, по сути, Жобер помогал плану Киссинджера на отрыв Египта от СССР, обещая помочь в подготовке условий для наименее болезненного окончания войны для Каира⁷⁴⁷. Киссинджер затронул в разговоре с Жобером тему грядущего эмбарго и национализации нефтяных компаний, а также поведения США и Франции в этом случае. Он заявил, что пора прекратить практику, когда в случае национализации собственности нефтяников одной из стран на ее место мгновенно приходит другая, как недавно сделал Париж в Ливии, где американцы лишились своих активов после прихода к власти Муаммара Каддафи. Киссинджер заметил Жоберу, что как минимум повышение цен на нефть неизбежно и не связано с идущими боевыми действиями: арабы готовят этот процесс уже несколько лет, так что в случае сокращения добычи нефти ни Франции, ни всем европейцам в целом не стоит паниковать, а США уже давно держат ситуацию на контроле и имеют некий план. Жобера, впрочем, это не успокоило и гарантий координации в энергетическом вопросе он Киссинджеру не дал⁷⁴⁸.

К 13 октября наступательный порыв египтян на Синае иссяк. Израильцы сменили тактику: теперь они активно использовали против египетских танков, шедших в лобовую атаку, подвижные моторизованные группы пехоты с ПТРК, в то время как египетская пехота отстала, а авиация египтян больше не находилось под «зонтиком» собственной ПВО вдоль Суэцкого канала. Подавив сирийское наступление на Голанах, израильские войска перебрасывались на помощь своей синайской группировке для контрудара. Садат предчувствовал разгром и заранее обратился за помощью к Кувейту, Ираку, Катару, Абу-Даби, Ливии, Тунису, Алжиру, Ливии и Марокко. Эти страны начали оказывать давление на Саудовскую Аравию как на самый ценный для Запада актив в арабском мире. Королю Фейсалу пришлось подчиниться и пообещать своим соплеменникам оказать давление на США. Каир начал последнюю попытку наступать, чтобы пробиться к перевалам Милта и Гиди, после которых местность позволяла наступать вплоть до самого Израиля. Началось кровопролитное трехдневное встречное сражение: израильцы тоже начали наступление. Киссинджер, наблюдая этот критический момент, впервые предложил общие черты плана перемирия и разграничения на Синае генсеку ООН К. Вальдхайму — с примерными зонами отвода сил сторон и нахождения миротворцев (этот план и будет осуществлен впоследствии)⁷⁴⁹. В последней надежде предотвратить начало «нефтяной войны» госсекретарь направил саудовскому королю Фейсалу письмо, в котором объяснял начало

⁷⁴⁷Memorandum of conversation between secretary Henry Kissinger and minister Mishele Jobert. 1973. October 11. Reel 10. Apr-dec. 1973. RNNNSF RSC.

⁷⁴⁸Kissinger, H.A. White House Years. P.710.

⁷⁴⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc 174, P. 486.

массированных поставок вооружений Израилю аналогичными действиями советской стороны в отношении Египта и Сирии, обаяая «остановить «воздушный мост», как только СССР прекратит поставки Каиру и Дамаску»⁷⁵⁰. Но король Фейсал воспринял такие объяснения как оскорбление: арабы были возмущены, так как, по их мнению, для прекращения войны Вашингтон должен был не поставлять оружие израильтянам, а заставить их отойти к «границам 1967 года»⁷⁵¹. Госсекретарь был поражен таким ответом. По его словам, заявление Эр-Рияда «казалось, игнорирует все предыдущие обмены мнениями в плане совместной с Израилем борьбы с проникновением коммунизма в регионе»⁷⁵².

Но израильтянам 15 октября удалось обойти египетские войска и устремиться с боями к Суэцкому каналу. Администрация Никсона, не дожидаясь согласия Конгресса, уже отправила Тель-Авиву первые транспорты с оружием и боеприпасами. Наметился перелом в войне, который, впрочем, сулил американцам новые неприятности. Внимательно следящие за ситуацией на фронте, и осознающие скорый «нефтяной шок», 16 октября французы попросили американцев дать им возможность поучаствовать в качестве представителя Европы в крупном международном форуме по урегулированию арабо-израильского конфликта⁷⁵³.

Париж также предложил использовать свои войска как буфер между противоборствующими сторонами. Американцы, правда, сразу же увидели в этом попытку реанимировать угасший в 1972 г. «четырёхсторонний формат» и постарались уйти от ответа⁷⁵⁴. Кроме того, Вашингтон расценил такие действия Парижа как угрожающий симптом неповиновения, который может сделать всех европейцев неуправляемыми. США хотели заставить союзников сверять свои действия с ними, используя для этого структуру НАТО. 17 октября представитель США в альянсе Д.Рамсфельд подчеркнул, что «Ближний Восток является также зоной интересов НАТО», а значит поведение членов НАТОа, включая Францию, в этом регионе должно подчиняться общим целям (читай – целям США) в противостоянии с СССР.

В Вашингтоне знали, что европейцы в действительности хотят, чтобы вопросы трансатлантической солидарности, НАТО и ситуация на Ближнем Востоке не пересекались,

⁷⁵⁰FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 216, P. 594.

⁷⁵¹Ibid.

⁷⁵²Ibid.

⁷⁵³Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1973. October 16. Reel 10. Apr-dec. 1973. RNNSF RSC.

⁷⁵⁴Ibid.

а США бы отводилась лишь почетная роль «защитников Европы». Но Никсон и Киссинджер находили такую позицию союзников «абсурдной»⁷⁵⁵.

США прекрасно понимали, что их ближневосточная политика экономически «серьезно ущемляет интересы Японии и Западной Европы». Но Госдепартамент в отчете по проблемам энергетической безопасности отмечал, что интересы американских партнеров «в значительной степени мешают присутствию Соединенных Штатов в этом регионе как в вопросе экономики, так и безопасности», поэтому в Вашингтоне считали справедливым принудить европейцев с помощью альянса действовать во благо американцам и в ущерб собственным интересам⁷⁵⁶. Впрочем, в Вашингтоне также планировали редложить «разделить бремя» энергетической войны, а именно сократить всему Западу потребление нефти на 6%. Это при том, что планировавшийся первоначально рост цен, не считая эмбарго, сокращал потребление европейцев на 14%, а американцев только на 1,6%, то есть они рассчитывали «принести себя в жертву» ради союзников, лишь бы они не мешали им на Ближнем Востоке⁷⁵⁷.

Но реакция европейцев оказалась обратной той, которую ожидали американцы. Вместо подчинения субординации Париж выразил публичное неприятие демонстрации «американского гегемонизма», выставившего Европу в глазах арабов марионетками США. 17 октября, в день заявления Рамсфельда в НАТО, на встрече стран ОПЕК в Кувейте было принято решение о снижении добычи нефти на 5% и введении эмбарго на ее поставки в страны, поддержавшие Израиль. И хотя формально из европейцев под удар «нефтяного оружия» попали только Португалия, Дания и Нидерланды, через порты последней страны проходила значительная доля поставок всей Европы, в частности, Франции⁷⁵⁸. Европейцы де-факто оказывались на голодном пайке: при текущем уровне потребления им хватало нефти на 60 дней⁷⁵⁹.

Несмотря на то, что Киссинджер попытался представить французам заявление Рамсфельда как заботу «об общем благосостоянии американцев и европейцев в экономической и политической сферах», после демарша США в НАТО и объявления ОПЕК авансы Жобера о координации в ближневосточном урегулировании оказались забыты и Франция пошла на конфронтацию. Примечательно, что европейско-американской конфронтации под воздействием «нефтяного оружия» желали и в Эр-Рияде, как прямо

⁷⁵⁵ Kissinger, H. A. *Years of Upheaval*, P. 932.

⁷⁵⁶ FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 212, P. 578.

⁷⁵⁷ FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 213, P. 581.

⁷⁵⁸ Скороходова, О.Н. Роль нефтяного фактора в международных отношениях. С. 62.

⁷⁵⁹ FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 214, P. 586.

говорится в отчете ЦРУ тех дней, то есть в Вашингтоне были осведомлены, что ключевой союзник США в арабском мире действовал, по сути, в интересах СССР⁷⁶⁰.

Для усиления противостояния с американцами арабы готовили дополнительную почву: комментируя заявление ОПЕК, глава саудовской разведки Ш. Адхам заявил, что любая страна, которая согласится «помочь» арабам, «гарантированно получит нефть», намекая Франции на необходимость начала массированных продаж оружия «фронтным странам»⁷⁶¹. По конфиденциальным каналам американцам передавали, что южноевропейские государства рассматривают вопрос о временном отказе снабжения топливом кораблей 6-го флота США в Средиземном море, чтобы не попасть под арабские санкции⁷⁶², тем более, что даже французам, не заявленным арабами как цель их «нефтяного оружия», уже пришлось запланировать сокращение потребления на 14% и ожидать корректировки до этого профицитного бюджета⁷⁶³.

18 октября крупные силы израильтян пересекли Суэцкий канал по понтонной переправе и направились к Исмаилии — громить египетские тылы и, в частности позиции ПВО, чтобы полностью расчистить небо для своих бомбардировщиков к западу от канала. Конгресс тогда же дал согласие на военную помощь Тель-Авиву (хотя к этому моменту из американской армии уже изъяли и успели передать израильтянам 150 танков М-60 и 16 самолетов «Фантом») в размере \$2,2 млрд и 100 военных советников, что двумя днями позже стало достоянием прессы⁷⁶⁴. В этот момент, когда, казалось, Египет скатывается в военную катастрофу и арабы в ответ уже начали «нефтяной контрудар», глава внешнеполитического ведомства Франции, вопреки ранее данным Киссинджеру обещаниям, продолжил защищать прежнюю позицию своего правительства по поводу оккупированных территорий: «На Ближнем Востоке есть оккупированные территории, на которые арабы имеют право вернуться, так как воспринимают их своими»⁷⁶⁵. Он добавил, что США и СССР несут равную ответственность за продолжение войны, «посылая оружие противоборствующим сторонам»⁷⁶⁶.

В тот же день последовал ответ французов на поступившие еще 15 октября претензии американцев и израильтян по поводу участия ливийских «Миражей» в боевых действиях в Египте в обход установленного оружейного эмбарго. Жобер, который перед войной уверял американцев, что проданные Парижем самолеты ни в коем случае не будут

⁷⁶⁰FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 2228, P. 637.

⁷⁶¹FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 218, P. 599.

⁷⁶²FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 219, P. 603.

⁷⁶³FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 2223, P. 622.

⁷⁶⁴The New York Times, October 20, 1973.

⁷⁶⁵L'Humanité, 18 octobre 1973.

⁷⁶⁶Ibid.

использоваться Каиром, теперь заявил, что ни «...Ливия, ни Саудовская Аравия не являются сторонами конфликта», поэтому ничто не мешает Парижу продавать этим странам современное оружие. А куда и кому они его направят потом — «уже не дело Франции»⁷⁶⁷. После заявлений Жобера 18 октября Киссинджер передал французскому правительству, что находит формулировки заявлений главы французского МИД «оскорбительными и неуместными». Госсекретарь подчеркнул, что США приложили «огромные усилия, чтобы сохранить мир на Ближнем Востоке», от чего СССР якобы уклонился⁷⁶⁸.

Тем временем на театре военных действий на арабов надвигалась катастрофа. К 19 октября израильтяне, окончательно окружили основную группировку противника на Синае, уничтожив ПВО египтян. США бросили все усилия на достижение перемирия и начали усиленные консультации с арабами, израильтянами и СССР одновременно⁷⁶⁹. В Вашингтоне не хотели поражения Тель-Авива, но в сложившихся условиях чрезмерный успех израильтян мог вызвать катастрофические последствия для американской политики. Как отмечает М.Трачтендерг, «ключевой частью стратегии Вашингтона было капитализировать зависимость Израиля», так как на арабов в вопросе эмбарго можно было влиять только демонстрируя рычаг давления на Тель-Авив⁷⁷⁰. 20 октября Саудовская Аравия объявила эмбарго на экспорт нефти своему союзнику — США. Ливия также прекратила поставки нефти американцам, Катар сократил добычу нефти на 10%. В Белом доме поняли, что пора решать ближневосточный конфликт без посредников, в ручном режиме и напрямую с «патроном» арабов. Киссинджер вылетел в Москву, чтобы провести переговоры с Брежневым. Советское руководство решило пойти навстречу американцам⁷⁷¹. Любопытно, что руководство Франции и Великобритании узнало об итогах встречи Киссинджера с Брежневым раньше Никсона — на тот момент Уотергейтский скандал, по сути, парализовал работу президентской администрации⁷⁷².

В подобной ситуации США не хотели отвлекаться на Францию. После попытки жёстко контролировать французов и остальных европейских союзников, в Вашингтоне решили умиротворить Париж. 20 октября американцы попытались убедить французов, что текущая арабо-израильская война — это стресс-тест для американо-советской разрядки и европейской безопасности, и «у европейцев такие же ставки, как и у США». Они

⁷⁶⁷L'Humanité, 18 octobre 1973.

⁷⁶⁸Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1973. October 18. Reel 10. Apr-dec 1973. RNSF RSC.

⁷⁶⁹Добрынин, А.Ф. Указ соч. С. 271.

⁷⁷⁰Trachtenberg, M., Op.cit. P. 45.

⁷⁷¹Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 271

⁷⁷²Kissinger, H. A. Years of Upheaval. P. 712.

посоветовали подождать итогов визита Киссинджера в Москву⁷⁷³. Параллельно Вашингтон внушал Парижу, что его проарабская позиция деструктивна: если терпящие поражение арабы будут связывать перемирие с выводом израильских войск, то «переговоры никогда не начнутся»⁷⁷⁴. 23 октября, пока израильтяне продолжали двигаться к Каиру, СБ ООН принял новую резолюцию, призывавшую к немедленному прекращению огня⁷⁷⁵. В тот же день Париж открыто высказал Вашингтону свое неудовольствие ссылаясь на атлантическую солидарность НАТО и разрядку как ограничители в ближневосточной политике европейских государств, в то же время, не посвящая союзников в ход переговоров с СССР. Франция заявила США, что здесь не будет идти в фарватере американского курса. Американцы парировали, что им пришлось использовать НАТО, так как угроза открытого вмешательства СССР в конфликт на Ближнем Востоке сохраняется, а это уже затрагивает вопросы, ключевые для выживания западного мира⁷⁷⁶.

Американцы в попытке привязать ЕЭС к себе в момент обострения обстановки на Ближнем Востоке попытались перезапустить нарушенный войной процесс подписания «атлантической декларации». Обнаружив, что рычаг НАТО не работает, американцы решили сблизить европейские позиции со своими на основе двусторонних договорённостей. Консультации проводились в Копенгагене⁷⁷⁷. Однако американской делегации не удалось тогда включить в документ положения о «взаимозависимости» и «партнерстве» между ЕЭС и США⁷⁷⁸. В связи с продолжением боевых действий 23 октября 1973 г. СБ ООН принял новую резолюцию, призывающую к немедленному прекращению огня и посылке наблюдателей ООН на Суэц для контроля за соблюдением прекращения огня⁷⁷⁹. Брежнев в телефонном разговоре с Никсоном в тот же день требовал от американского президента надавить на Израиль⁷⁸⁰. Видя, что израильтяне продолжают наступление, Брежнев предложил Никсону направить совместный воинский контингент и сначала пригрозил, а затем начал действовать односторонне.

Так, СССР 24 октября официально предупредил Израиль «...о самых тяжелых последствиях»⁷⁸¹ продолжения наступления. Советские военно-транспортные корабли

⁷⁷³Kissinger, H. A. Years of Upheaval. P. 712.

⁷⁷⁴Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1973. October 20. Reel 10. Apr-dec 1973. RNNSF RSC.

⁷⁷⁵Резолюция СБ ООН №339 от 23 октября 1973 г. [Эл. ресурс] URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/339\(1973\)](https://undocs.org/ru/S/RES/339(1973)) (Дата обращения 18.05.2020).

⁷⁷⁶Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1973. October 23. Reel 10. Apr-dec. 1973. RNNSF RSC.

⁷⁷⁷Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1973. October 24. Reel 10. Apr-dec. 1973. RNNSF RSC

⁷⁷⁸Ibid.

⁷⁷⁹Резолюция СБ ООН № 339 от 23 октября 1973 г. [Эл. ресурс] URL <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/288/66/IMG/NR028866.pdf?OpenElement> (дата обращения 11.11 2016)

⁷⁸⁰Примаков, Е.М. Указ. соч. С. 164.

⁷⁸¹Правда, 25 октября, 1973.

появились на рейде Порт-Саида, готовясь высадить десант для обороны города, а американцы привели в боевую готовность ядерные ракеты и стратегическую авиацию. Киссинджер заявил, что «...не допустит односторонних действий любой великой державы, отправку сил на Ближний Восток под любым предлогом»⁷⁸². Хотя Примаков говорит о том, что американцы позже объяснили мотивы своих действий внутривосточной обстановкой, а не желанием действительно запугать СССР⁷⁸³, (Никсон якобы сказал Добрынину, как следует из его мемуаров, что «Возможно, в ходе кризиса я [Никсон] погорячился. Замечу, но не в порядке оправдания, что я подвергаюсь сейчас постоянной осаде со стороны оппозиции...»⁷⁸⁴). Однако подобная акция была довольно болезненно воспринята как Москвой, так и союзниками США. Европейцы выразили публичное недовольство отсутствием консультаций по линии НАТО при принятии решений, способных спровоцировать глобальный конфликт и поставить под угрозу их существование⁷⁸⁵.

Хотя относительно «ядерной тревоги» позиция французов на самом деле не была столь однозначна. Как и в случае с резкими высказываниями по поводу права арабов вернуть свои территории в начале конфликта, в кулуарах посол Ж. Костюшко-Моризет выражал от лица Парижа Киссинджеру понимание принятия Вашингтоном решения о приведении ядерных сил в боевую готовность без консультаций с европейскими союзниками «Франция понимала необходимость быстрых действий при объявлении тревоги в сложившихся обстоятельствах, у французов нет никаких претензий на этот счет»⁷⁸⁶. Понимание и одобрение в сам момент кризиса американцам выражал и министр обороны Франции Р. Галлей. В разговоре с послом США Ирвином он отметил, что «Американское руководство действовало правильно, объявив боевую готовность, чтобы не дать советским десантникам разместиться вдоль Суэцкого канала», и что односторонние действия США соответствовали мнению де Голля о том, что использование американских сил будет определяться самими американцами, добавив: «Мы, французы, не возражаем. Вы играете свою роль именно так, как мы и ожидали. Вы в первую очередь американцы, и это правильно»⁷⁸⁷.

Стоит подчеркнуть, что официального, публичного одобрения на уровне послов, министров и тем более главы государства Франция американцам не выражала.

⁷⁸²The Washington Post, October 26, 1973.

⁷⁸³Примаков, Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 163.

⁷⁸⁴Добрынин, А.Ф. Указ. соч. С. 274.

⁷⁸⁵Bryson, A. T. Op.cit. P. 282.

⁷⁸⁶Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris, 31 November 1973, Reel 10; Apr-dec 1973. RNNNSF RSC.

⁷⁸⁷Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC. 1973. October 30. Reel 10; Apr-dec 1973. RNNNSF RSC.

Конфиденциальных высказываний и оценок самого Помпиду доступные исследователям архивные источники не приводят. Однако позже стало известно, что Помпиду, несмотря на натянутые отношения с командованием НАТО и выходом из военной организации блока семью годами ранее, приказал привести в повышенную боевую готовность и французские части, стоявшие ФРГ, а также временно предоставить на время ядерной тревоги право военным самолетам членов альянса, в первую очередь, американским, проходить через воздушное пространство Франции в уведомительном порядке, без предварительного согласования⁷⁸⁸. И это – на фоне публичного закрытия воздушного пространства на протяжении предшествующих недель для американского «воздушного моста» с оружием и снаряжением для Израиля.

Эскалации конфликта на уровне супердержав удалось избежать в последний момент. 25 октября египетские и израильские офицеры на 101 км шоссе Каир – Суэц договорились о прекращении огня. К тому моменту европейцы, а, в особенности, Франция, убедились, что их полностью вытеснили из ближневосточного урегулирования и даже перестали оповещать о ходе переговоров с Москвой. Американцы, в свою очередь, отчаявшись в попытках заставить Париж и других европейских союзников следовать в своем фарватере, сосредоточились на урегулировании кризиса в одиночку, в «ручном режиме». Европейцы в целом были обескуражены отведенной им ролью статистов в канун возможной Третьей мировой войны, в которой они могли стать первой жертвой, как уже стали жертвой «нефтяного эмбарго». Хотя Киссинджер в итоге признавал, что недовольство европейцев отсутствием консультаций во время конфликта было лишь поводом. Как он писал в своих мемуарах, истинной причиной «было столкновение в политических перспективах, которое никакие консультации не смогли бы устранить»⁷⁸⁹. Он подчеркивал, что «Европа хотела вести сепаратную от нас политику в вопросе Ближнего Востока и объективно находящуюся в конфликте с нами»⁷⁹⁰. К тому же, как оправдывался госсекретарь 26 октября 1973 г. в разговоре с послом ФРГ Б. фон Штаденом, что «когда фундаментальная позиция европейцев была либо слегка, либо открыто враждебна», они вряд ли находились в положении «настаивать на праве консультаций»⁷⁹¹.

Однако к моменту прекращения огня на Синае США были в полной уверенности, что от «атлантической солидарности» успех их ближневосточных маневров никак не зависит. На следующий день после завершения основных боевых действий Вашингтон,

⁷⁸⁸Подробнее см.: Georges Pompidou hier et t aujourd'hui: Témoignages. Colloque 30 novembre et 1er décembre 1989 Sous la présidence de Pierre Messmer Neuilly-sur-Seine Editions Breet 1990, P. 221.

⁷⁸⁹Kissinger, H. A., Years of Upheaval, P. 720.

⁷⁹⁰Ibid., p. 716

⁷⁹¹Цит. по: Trachtenberg M., Op.cit. P. 45.

через Киссинджера официально оповестил Париж, что отныне будет советоваться с ним только по вопросам общей обороны, а по остальным, в особенности по Ближнему Востоку, кооперацию прекращает⁷⁹². Остальным союзникам Вашингтон пригрозил, что будет вынужден провести переоценку отношений в рамках НАТО, так как партнеры по военному союзу вели себя как «враждебные страны»⁷⁹³, испытывая «пределы нашей доброй воли»⁷⁹⁴. В свою очередь, 31 октября Помпиду призвал к объединенной европейской политике в отношении ближневосточного конфликта, где Европе будет отведена роль «большая, чем простого статиста»⁷⁹⁵. Он подчеркнул, что советско-американское противостояние делает европейские страны «заложниками амбиций супердержав». В своей речи в Совете министров он отметил, что Франции «приходится констатировать, что в свете последних событий прекращение огня и попытки начать переговоры проводятся без какого бы то ни было участия Европы».

В части американского истеблишмента также были недовольны тем, как Белый дом взаимодействовал с европейскими союзниками, в первую очередь, с Францией. Американская пресса получила еще один повод для упрека администрации Никсона, и так уже начавшей погрязать в Уотергейтском скандале. Так, *The New York Times* писала о провале провозглашенного Киссинджером «Года Европы», «неспособности Вашингтона консультироваться с европейцами даже по таким критическим вопросам, как ядерная военная тревога с СССР»⁷⁹⁶. И действительно, 6 ноября 1973 г. в Брюсселе открылся саммит ЕЭС, а 9 ноября по его итогам страны Общего рынка решили отказаться от американского проекта «атлантической декларации»⁷⁹⁷. Кроме того, ЕЭС впервые выразил мнение по ближневосточному конфликту, провозгласив необходимость установления мира под эгидой ООН и очищения Израилем оккупированных территорий⁷⁹⁸.

Таким образом, тактика американцев в их взаимоотношениях с Францией в разгар ближневосточного конфликта свелась к купированию возможности автономных действий Парижа, способных помешать попыткам Вашингтона «в ручном режиме» справиться с кризисом. Для этого в ход шли сначала призывы и обещания сотрудничества, а затем – инструменты принуждения: структура НАТО и двусторонние отношения с ЕЭС. В целом действия американцев можно считать эффективными именно в сам момент эскалации:

⁷⁹²Telegram from SecState WashDC to AmEmbassy Paris. 1973. October 26. Reel 10. Apr-dec 1973. RNN SF RSC.

⁷⁹³Цит. по Trachtenberg M., Op.cit. P. 47.

⁷⁹⁴Ibid.

⁷⁹⁵Цит. по: Teyssier J-P Op.cit. P. 481.

⁷⁹⁶The New York Times, October 31, 1973.

⁷⁹⁷The New York Times, November 9, 1973.

⁷⁹⁸Declaration des Neuf du 6 novembre 1973 concernant la situation au Moyen-Orient [Эл. ресурс]URL; www.doc.diplomatie.gouv.fr/BASIS/epic/www/doc/DDD/1107165185.doc дата обращения 1.04.2020)

Париж удалось нейтрализовать, в настоящем моменте это было тактической победой. С СССР удалось договориться, конфликт был заморожен. Но действия американцев одновременно абсолютно обесценивали их же собственные усилия на сближение с европейскими союзниками, перезапуск трансатлантических отношений. Столкнувшись с Францией, грубо изолировав ее и весь ЕЭС от решения ближневосточного конфликта, Вашингтон действовал вопреки плану разобщения европейцев.

С началом нефтяного эмбарго они получали лишний стимул для консолидации, с Парижем как «точкой сборки». Этот провал тем более глубок, что американцы могли нейтрализовать Францию даже в дни конфликта, путем сотрудничества. Париж был готов на неформальное подчинение при декоративной антиамериканской риторике и учете его интересов в регионе. Он ставил атлантические интересы во время «ядерной тревоги» выше своих. Но Вашингтон поставил французов в ситуацию «игры с нулевой суммой». Париж не мог публично идти в фарватере политики США на Ближнем Востоке из-за энергозависимости от арабских стран. Но теперь в рамках ближневосточного урегулирования французы могли заниматься только саботажем американских усилий. И хотя оценки ситуации, озвучиваемые представителями США и Франции в кулуарах, были близки. Киссинджер уже позже, в декабре 1973 г., встречаясь с Помпиду, называл дипломатическую позицию Израиля «ведущей к суициду»⁷⁹⁹. Вашингтон пренебрег этим. В такой ситуации США и Франция уже больше не являлись партнерами на Ближнем Востоке. Вспыхнувший параллельно с ближневосточной войной энергетический кризис и первые попытки американцев решить и его послужили спусковым крючком для борьбы за лояльность европейцев между Вашингтоном и Парижем. Именно здесь пролегла основная линия конфронтации, здесь Франция имела надежды на победу.

3. Столкновение США и Франция во время заморозки конфликта на Ближнем Востоке и «нефтяного шока» 1973-1974 гг.

Несмотря на далеко идущие планы по вытеснению СССР из региона, первоочередной целью Киссинджера на Ближнем Востоке после окончания 25 октября 1973 г. активной фазы боевых действий на Синае стало снятие нефтяного эмбарго в отношении США и американских союзников⁸⁰⁰. И хотя в соответствующем докладе ЦРУ от 19 октября говорилось об относительной «пользе» энергетического кризиса «именно осенью 1973 г., а не осенью 1980 г., когда зависимость США от арабской нефти достигнет 21-22%»⁸⁰¹,

⁷⁹⁹Kissinger-Pompidou Meeting, 20 December 1973. Digital National Security Archive (DNSA), опубликован сайтом Университета Лос-Анджелеса [Эл. ресурс] URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/trachtenberg/ffus/00968.pdf> (дата обращения 26.01.2021).

⁸⁰⁰Foreign Policy, 22. 1976. P. 12.

⁸⁰¹FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 223, P. 621.

ситуация была непростой. Американская экономика уже начала страдать если не от дефицита, то от роста цен на топливо.

Чтобы снять эмбарго, каждый день которого усугублял экономическую ситуацию, нужно было сначала заморозить и частично разрешить конфликт, а уже затем решать более глобальные задачи по вытеснению СССР из региона. Для этого американцы, по довольно циничному замечанию Киссинджера, оказались на Ближнем Востоке «в наилучшем положении со времен образования еврейского государства». Вашингтон по итогам войны Судного дня получил больше рычагов давления на Израиль: он больше не располагал альтернативными США источниками поставок оружия. Потери, понесенные в войне (около 7 тыс. человек) красноречиво говорили Тель-Авиву, что «время эффектных и быстрых побед прошло, в войне на истощение со всем арабским миром без поддержки американцев израильтяне не имеют ни единого шанса выжить»⁸⁰². Госсекретарь поручил представителям американских нефтяных компаний донести арабским правительствам, что США ради своих экономических интересов серьезно возьмутся за решение арабо-израильского конфликта⁸⁰³. В США понимали, что нужно было как можно скорее выйти из ситуации, где временно совпадали интересы Европы, нефтедобывающих арабских стран и СССР. А в ЦРУ, например, уже 25 октября считали, что, хотя в Эр-Рияде и настроены на максимальное унижение Израиля, но не ценой усиления влияния Москвы и ослабления Вашингтона⁸⁰⁴.

Поэтому первоочередной задачей стало разведение воюющих сторон. Чтобы побудить из к первым шагам, Киссинджер решил обсудить вопрос с обменом пленными перед вылетом на Ближний Восток. 1 ноября госсекретарь встретился с министром иностранных дел Египта Исмаилом Фахми в Вашингтоне. Тот настаивал, что обмен пленными может быть произведен только при возврате к предвоенной линии. Кроме того, Исмаил настаивал на открытии снабжения окруженной на Синае 3-й египетской армии продовольствием и медикаментами⁸⁰⁵. Киссинджер согласился в вопросе невоенного снабжения, но отказался гарантировать возврат к довоенным позициям⁸⁰⁶. Садат, наоборот, по тайному каналу заверил, что сможет повлиять на Фейсала в вопросе об эмбарго, если американцы смогут сделать израильтян более договороспособными⁸⁰⁷.

Киссинджер 7 ноября отправился на Ближний Восток с двойной целью: убедить Садата начать переговоры и нанести визиты в Иорданию и Саудовскую Аравию для

⁸⁰²FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 230, P. 650.

⁸⁰³FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 230, P. 650.

⁸⁰⁴FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 228, P. 638.

⁸⁰⁵Rubin, Z. J. Op. cit P. 40.

⁸⁰⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc 306, P.835.

⁸⁰⁷FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 241, P. 680.

зондирования почвы в вопросе снятия эмбарго⁸⁰⁸. Прибыв в Каир с четкой задачей заставить военных двух стран прекратить огонь, госсекретарь был неприятно удивлен требованием Садата предоставить палестинцам (то есть — ООП и Я. Арафату) место на мирной конференции которая, по уверениям Киссинджера, должна была произойти в ближайшее время. Кроме того, Садат, до войны столь гибкий, вновь настаивал на выполнении резолюции №242, так как не чувствовал себя побежденным. Ни то, ни другое требование не соответствовали ни тактическим, ни глобальным задачам Киссинджера.

Но этот визит все же позволил начать переговоры между военными двух стран на 101 километре трассы Суэц-Каир. Киссинджер заверил Садата, что американцы будут способствовать уступкам израильтян на начальном этапе. На совещании рабочей группы в Вашингтоне 1 ноября госсекретарь заявил собравшимся о недопустимости того, чтобы Израиль определял внешнюю политику США в регионе, так как Тель-Авив давал ложные сведения о своих намерениях. Так, например, во время броска на Исмаилию израильтяне обещали принять прекращение огня немедленно, однако продолжали атаковать окруженную на Синае 3-ю египетскую армию и уничтожать объекты ПВО в дельте Нила. Только после поной блокады египетских войск они закончили боевые действия. Но теперь США должны «предложить умеренную программу, которая устроит всех, снимет нефтяное эмбарго и уменьшит влияние СССР в регионе». Эту задачу нужно было решить за счет израильских уступок, раз Саудовская Аравия — основной поставщик энергоресурсов — связала свое поведение с исходом египетского вопроса⁸⁰⁹.

Чтобы неудовольствие Израилем, а также решимость сопротивляться израильскому лобби в Конгрессе были понятны, помощник Киссинджера Сиско заявил в интервью «The New York Times», что для США сейчас важнее «...нефтяные и стратегические интересы. Я убежден, что Конгресс, несмотря на израильское лобби, начинает видеть ситуацию более ясно. Настроения склоняются в сторону американской благосклонности по отношению к арабам»⁸¹⁰. Еще раньше стало известно, что Израиль согласился на переговоры, обеспокоенный, как ему казалось, начавшимся разворотом американцев к арабам⁸¹¹.

Визит Киссинджера в Египет 7 ноября должен был послужить знаком всем арабам о том, что США будут бороться за их права. После Каира Киссинджер направился к своим арабским союзникам в Амман и Эр-Рияд. Однако с королем Фейсалом диалог не продвинулся: Киссинджер отказался давать конкретные обещания и сообщить детали по

⁸⁰⁸Foreign Policy № 22 (1976). P. 5.

⁸⁰⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXV, Doc. 308, P.841.

⁸¹⁰The New York Times, November ,19 1973.

⁸¹¹The New York Times, November 9, 1973.

ближневосточному урегулированию, а саудовский монарх — снимать нефтяное эмбарго или повышать добычу нефти⁸¹². Однако Фейсал намекнул, что не только Садат, но и просовтский Асад в Дамаске, также получающий помощь от саудитов, ожидает визита госсекретаря. К 9 ноября в переговорах по первичному разграничению наметился тупик: израильтяне были согласны отойти на линию 5 октября, однако египтяне, чувствуя поддержку арабского мира в виде нефтяного эмбарго, настаивали на отходе израильтян к перевалам Милта и Гиди и освобождении зоны канала. В конфиденциальном разговоре Киссинджер отказался давать главе Минобороны Израиля М. Даяну гарантии безопасности в обмен на уход войск с западного берега канала⁸¹³.

Чтобы разрешить тупик Садат и Киссинджер 11 ноября сформулировали так называемые «6 пунктов»⁸¹⁴, которые, последовательно выполняясь, должны привести к началу мирных переговоров: 1) наблюдение за соблюдением перемирия с двух сторон; 2) соглашение о разведении сторон под эгидой ООН; 3) обеспечение жителей зоны Суэцкого канала едой, водой и другими благами и медикаментами; 4) постоянный гуманитарный коридор снабжения 3-й армии; 5) ООН будет контролировать все блокпосты на дороге от Каира до Суэца; 6) должен быть произведен обмен пленными⁸¹⁵. США призвали к конференции в Женеве, целью которой заявлялось урегулирование конфликта, а на самом деле — лишь разграничение воюющих сторон, согласно замыслам Киссинджера. Датой конференции ориентировочно было назначено 18 декабря. Саудиты пообещали американцам аванс: в неофициальном сообщении принца Фахда говорилось, что, если Вашингтон обеспечит разграничение с отводом израильских войск на промежуточные рубежи к востоку от Суэцкого канала, то возможно «облегчение нефтяного бойкота»⁸¹⁶. Впрочем, о полном снятии эмбарго, повторился Фахд, речь могла идти только после полного ухода израильтян с Синая⁸¹⁷. Но госсекретарь не собирался идти на поводу у Эр-Рияда или, как он выразился в письме в посольство в Джидде, «основывать нашу политику на интересах европейцев или стран Третьего мира». Киссинджер считал, что именно Вашингтон должен дать понять арабам: надеяться на прогресс в урегулировании, невозможно без ослабления эмбарго, а также отказа от энергетического шантажа и попыток разделить американцев и европейцев⁸¹⁸.

⁸¹²Bryson, A. T. Op. cit. P. 285.

⁸¹³Kissinger, H. A. Op. Cit. P. 1014.

⁸¹⁴Kissinger, H. A. Op. Cit. P. 1014.

⁸¹⁵The New York Times, November 10, 1973.

⁸¹⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 246, P. 695.

⁸¹⁷Ibid.

⁸¹⁸FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 248, P. 702.

Киссинджер в ходе подготовки к разграничению уже сформулировал два уровня ближневосточной дипломатии США на среднесрочную перспективу: 1) Сдерживать (не решать) ближневосточный конфликт; 2) заставить арабов перейти на американские технологии (этим он покупал время для решения первой задачи). Американский историк и теоретик международных отношений У. Квандт, в тот момент один из сотрудников Госдепартамента, замечает, что в какой-то степени даже послевоенные действия Киссинджера были направлены на поддержание статус-кво и шли отчасти в русле доктрины «затягивания»: политический процесс должен был показать арабам, что альтернатива войне есть, но в координации с тем, что израильтяне готовы были принять. В более широком смысле политика в регионе сводилась к чередованию предложения оружия арабам, Израилю и дипломатическим ходам⁸¹⁹. Американцы должны были, по замыслу Киссинджера, не пускать туда европейцев, в первую очередь французов, а, во-вторых, попробовать перетянуть в плане потребления технологий Сирию и Ирак на свою сторону, в идеале — вырвать их из советской зоны влияния.

Киссинджер 7 декабря встретился с израильским послом в США Динитцем и уступил ему по поводу того, что палестинцы будут присутствовать в Женеве в составе не самостоятельно, а как часть иорданской делегации. Садат 15 декабря выразил разочарование по поводу отказа представить ООП как отдельную сторону, но от участия в конференции не отказался⁸²⁰. Американский исследователь Дж. Рабин считает этот момент точкой невозврата, когда США упустили возможность заняться самым проблемным вопросом урегулирования – палестинским⁸²¹. 15 декабря, после визита в Каир, Киссинджер встретился с саудовским министром планирования Х. Назером, который хотел получить помощь в проектах ирригации и промышленности. Так госсекретарь приступил к реализации второго пункта программы – предложения американских технологий⁸²². Сирийский лидер Асад отказался от присутствия Дамаска на конференции до разграничения сторон, что могло сорвать ее открытие⁸²³. Тем не менее, она все же началась 21 декабря, хотя без сирийцев и палестинцев, под эгидой СССР и США. Номинальным председателем, как того требовали израильтяне, стал генсек ООН К. Вальдхайм. От согласившихся участвовать в конференции стран присутствовали делегации, возглавляемые главами МИД. Ради участия Израиля Киссинджер направил Тель-Авиву

⁸¹⁹Quandt, W. Decade of Decisions. P. 251.

⁸²⁰Kissinger, H. A. Op. Cit. P.1016.

⁸²¹Rubin, Z. J. Op. cit. P. 42.

⁸²²Golan, M.Op.cit. P. 89.

⁸²³Kerr, H. M. Op. cit. P. 29.

новый «Меморандум взаимопонимания», где обещал исключить участие «невовлеченных» сторон в конференцию — Западной Европы и ООП⁸²⁴.

Но арабы сомневались в эффективности формата. Премьер-министр Иордании З. аль-Рифаи высказался о Женевской конференции как о «...не имеющей ни повестки, ни правил, ни процедуры». По его мнению, масштабы встречи под председательством двух супердержав не соответствовали ее ограниченным целям. Так же думали и остальные арабы. Поэтому на встрече ОПЕК 25 декабря ими было принято решение возобновить поставки нефти в Западную Европу, но не в США⁸²⁵. Это был дополнительный «клин» в трансатлантических отношениях, демонстрировавший «правильность» политики европейцев. В ответ глава Пентагона Дж. Шлезингер в интервью «Нью-Йорк Таймс» заметил, что США могут применить даже силу, чтобы возобновить поставки энергоносителей⁸²⁶. Поэтому Киссинджер перед новой командировкой на Ближний Восток провел организационные мероприятия по подготовке энергетической конференции, на которой западные страны и Япония должны были выработать меры по противодействию последствиям действий ОПЕК⁸²⁷.

12 января Киссинджер встретился с Садатом, а затем в тот же день – с Меир⁸²⁸. Израильцы соглашались отойти к перевалам Милта и Гиди при условии открытия Суэцкого канала для израильских судов и гарантии ненападения со стороны египтян. Египет начал требовать отвода войск и с перевалов⁸²⁹. Переговоры были зашли в очередной тупик, но Киссинджер решил ввести в дело посредническую роль США: он предложил, чтобы обе стороны получают детали в письменном виде от американских представителей, таким образом, каждый сохранял лицо. В итоге усилиями американцев военные двух стран 18 января 1974 г. подписали соглашение на 101 км трассы Каир-Суэц. Израиль отходил на 15 км на восток от занятых к 25 октября 1973 г. позиций. В первой зоне стороны обязывались не держать более 7 тыс. военнослужащих.

Так Киссинджеру удалось показать ключевую роль американцев, почти не прилагая усилий: израильцы были утомлены войной. Каждый день активных боевых действий обходился Израилю в октябре в \$250 млн, и возобновление полномасштабной боев могло привести к экономическому коллапсу. Садат хотел сохранить свой главный козырь, окруженную 3-ю армию на восточном берегу канала, что не давало бы повода арабским

⁸²⁴Kissinger, H.A. Op. cit. P. 1017.

⁸²⁵The New York Times, December 26, 1973.

⁸²⁶The New York Times, January 10, 1974.

⁸²⁷Golan, M. Op. cit. P. 90.

⁸²⁸Меир, Г. Указ. соч. С. 187.

⁸²⁹Bryson, A T. Op. cit.P. 289.

лидерам упрекнуть его в поражении, так как он все-таки отвоевал часть территории⁸³⁰. Когда разграничение египтян и израильтян произошло, Киссинджер начал постепенно сворачивать формат Женевской конференции. Связка Каира и Вашингтона крепла — демонстрацией этого стало восстановление дипломатических отношений между странами 28 февраля 1974 г.⁸³¹ В вопросе Сирии обозначился тупик, и его демонстрация не входила в планы госсекретаря.

Асад был недоволен сепаратным соглашением Садата. Киссинджер мог бы не обращать внимания на мнение Дамаска, но нерешенность сирийского разграничения стала угрожать национальной безопасности США: Саудовская Аравия и Кувейт поставили условием снятия эмбарго только израильско-сирийское соглашение⁸³², несмотря на протесты госсекретаря⁸³³. В итоге сигнал был им принят. Киссинджер форсировал диалог теперь уже между Дамаском и Тель-Авивом - влияние эмбарго на американскую экономику нарастало. За март 1974 г. на фоне последствий энергетического кризиса в США было уволено более 250 тыс. работников промышленных предприятий и сферы услуг⁸³⁴. Наконец, уже задобренный Садат пообещал Киссинджеру уговорить глав нефтедобывающих государств снять эмбарго, хотя Асад настаивал на его продолжении. В итоге 18 марта О(А)ПЕК на встрече в Триполи авансом сняло нефтяное эмбарго в отношении США, с оговоркой, что в случае отсутствия прогресса в израильско-сирийском разграничении решение может быть изменено⁸³⁵.

В конце апреля Киссинджер вновь посетил Ближний Восток. Садат уговорил Асада принять интерпретацию госсекретаря в вопросе разграничения. Однако 2 мая 1974 г. Киссинджер в Иерусалиме опять уперся в позицию израильтян, которые не желали видеть разграничения кроме как на территориях, оккупированных ими в Сирии в октябре, отодвигая линию от той, которая существовала с 1967 г.⁸³⁶ Израильтяне настаивали через своего начальника Генерального штаба М. Гура, что Голанские высоты необходимы Израилю для обеспечения безопасности. Киссинджер заметил, что «...строительство поселений на Голанах является крупнейшей ошибкой евреев за последние 2500 лет»⁸³⁷. Он настаивал, чтобы израильтяне отдали сирийцам Кунейтру — центр провинции, захваченный в октябре, иначе американцы подумают о пересмотре военной и

⁸³⁰Kissinger, H. A. Op. cit. P. 1018.

⁸³¹Time, March 11, 1974.

⁸³²The New York Times, 5 February, 1974.

⁸³³The New York Times, 7 February, 1974.

⁸³⁴Stayan, A. T. Op. cit. P. 290.

⁸³⁵The New York Times, 19 March, 1974.

⁸³⁶Economist May 6, 1974.

⁸³⁷Kissinger, H.A. Op. Cit. P. 1020.

экономической помощи Тель-Авиву. Как замечает Квандт, поддержка Израиля виделась американцами как рычаг давления на него в переговорном процессе⁸³⁸. В итоге израильтяне через М. Даяна предложили американцам «компромисс»: поделить город на три части, которые бы контролировались бы ими, войсками ООН и сирийцами. Однако и Киссинджер, и Садат отвергли это предложение⁸³⁹.

23 мая 1974 г. Киссинджер встретился одновременно с представителями Сирии, Израиля и Египта. Сирийцы выступали за наличие в буферной зоне наблюдателей ООН, израильтяне – международного миротворческого контингента. В итоге 29 мая соглашение было достигнуто: так же, как и на Синае, подразумевался 5-ти фазовый отвод частей, хотя линия разграничения находилась дальше позиций 5 октября 1973 г.⁸⁴⁰ Рассматривая тактику Киссинджера в вопросе разведения сторон, М. Голан отмечает, что она была крайне неэффективной и времязатратной: «...дело с Кунейтрой иллюстративно. Решение сдать Кунейтру было принято Меир и Даяном давно. Но было решено давать улицу за улицей, и за каждую улицу Асад должен был заплатить»⁸⁴¹. Стоит добавить, что за каждую улицу должны были заплатить и американцы — в вопросе обещаний предоставления израильтянам американской военной и экономической помощи. Бывший коллега и подчиненный Киссинджера У. Квандт также отмечает, что для демонстрации эффективности дипломатии США велась «не самая эффективная работа»⁸⁴².

Франция, как и остальная Европа, с недоверием следила за ходом Женевской конференции. По Киссинджеру, европейцы были убеждены, что война произошла именно по вине американцев, так как те не оказали давления на Израиль. 31 октября Помпиду призвал к объединенной европейской политике в отношении ближневосточного конфликта, где Европе будет отведена большая, чем роль простого статиста⁸⁴³. Он заявил, что советско-американское противостояние на Ближнем Востоке делает Европу «заложницей» амбиций супердержав. В своей речи в Совете министров он отметил, что «в свете последних событий, прекращение огня и попытки открыть переговоры проводятся без какого бы то ни было участия Европы»⁸⁴⁴. ЦРУ уже в начале ноября 1973 г. сообщало в Белый дом о неизбежности консолидации европейцев и их дистанцировании от США ради смягчения арабами условий эмбарго⁸⁴⁵.

⁸³⁸Quandt, W. Decade of Decisions. P. 165

⁸³⁹Quandt, W. Decade of Decisions. P.168.

⁸⁴⁰Stivers, W. Op.cit. P. 145.

⁸⁴¹Golan, M. Op.cit. P. 211.

⁸⁴²Quandt, W. Op. cit. P. 170.

⁸⁴³Teysier, J-P. Op. cit. P. 481.

⁸⁴⁴Цит. по: Teysier J-P. Op. cit. P. 487.

⁸⁴⁵FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 232, P. 661.

Разведка также предупреждала, что сближение с арабами «отдаст в руки европейцам арабские капиталы» и сделает более затруднительным давление на ЕЭС и его изоляцию от решения ближневосточного вопроса, так как «у них в руках будет большая часть арабских вложений»⁸⁴⁶. И действительно: 6 ноября 1973 г. в Брюсселе начался саммит ЕЭС. По его итогам страны Общего рынка решили отказаться от включения слов о «взаимозависимости» и «партнерстве» в декларацию об отношениях ЕЭС и США⁸⁴⁷. Кроме того, 6 ноября ЕЭС впервые выразил свое мнение по ближневосточному конфликту, где провозглашалось установление мира под эгидой ООН, необходимость очищения Израилем оккупированных территорий⁸⁴⁸. На совещании СНБ в этот же день заместитель главы Пентагона У.Клеменс резонно отметил, комментируя заявления стран ЕЭС, что «это только начало», и «наши прежние проблемы в НАТО покажутся незначительными, когда европейцы, оказавшись без нефти этой зимой, начнут закрывать свои заводы и школы»⁸⁴⁹. Но думать о дефиците топлива приходилось и в США. Никсон 7 ноября обратился к американцам с доктриной энергетической независимости, ради которой призвал сократить потребление нефти в транспорте и на промышленности, переведя то, что возможно, на альтернативные источники энергии — ядерной, угольной и возобновляемой⁸⁵⁰.

12 ноября, на фоне слухов о том, что в Женеве намечается конференция по ближневосточному урегулированию, но без европейцев, Жобер заявил, что «...Европа оставлена забытой жертвой конфликта»⁸⁵¹. Но арабы обнадежили французов: на встрече министров нефти ОПЕК 19 ноября было решено, что поставки нефти в Западную Европу (кроме поддержавших Израиль Нидерландов) не будут сокращаться⁸⁵². Это было авансом европейцам за проявление антиамериканской, и, стало быть, антиизраильской активности в ближайшее время. Американцы с сожалением признавали, что, если европейцы пойдут на поводу у арабов, это, в свою очередь, поспособствует дальнейшей радикализации арабов и усилению голоса таких стран, как Ливия и Ирак, и еще больше радикализирует самих европейцев в антиамериканизме⁸⁵³. Тем более, что нефтяное эмбарго могло не только ударить по экономике США, но и уже ухудшило на тот момент положение американских войск в Европе. 23 ноября компания Еххон заявила, что приостанавливает поставки топлива частям США в Великобритании, Германии и Италии, чтобы в арабских странах не

⁸⁴⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 232, P. 661.

⁸⁴⁷The New York Times, November 9, 1973.

⁸⁴⁸Declaration des Neuf du 6 novembre 1973 concernant la situation au Moyen-Orient. [Эл. ресурс]URL: www.doc.diplomatie.gouv.fr/BASIS/epic/www/doc/DDD/1107165185.doc (дата обращения 1.03.2020)

⁸⁴⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 236, P. 673.

⁸⁵⁰Public Papers: Nixon, 1973, P. 916–922.

⁸⁵¹Цит. по: Möckli, The EC-nine and transatlantic conflict. P. 112

⁸⁵²The New York Times, November 20, 1973

⁸⁵³FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 234, P. 684.

прекратили ее деятельность⁸⁵⁴. К декабрю американские военные в Западной Европе недополучили до 70% поставок бензина и дизельного топлива, в Юго-Восточной Азии подвоз вообще прекратился⁸⁵⁵, благо, в регионе армия США на тот момент перестала вести активные боевые действия.

В сообщении американского посла в Париже от 29 ноября 1973 г. содержались успокоительные ноты. Дипломат рекомендовал Вашингтону продолжать оказывать давление на Париж в рамках НАТО, чтобы не допустить объединения Европы и ее вмешательства во главе с Францией в арабо-израильское урегулирование. Но несмотря на пренебрежительный тон по отношению к возможностям Парижа, по мнению посла, более всего стоило опасаться итогов саммита ЕЭС в Брюсселе 14 декабря 1973 г., и по возможности не допустить формирования общей позиции у европейцев⁸⁵⁶. Французы тем временем сформировали четыре направления, по которым они собирались отстаивать свое право на участие в судьбах региона: 1) формирование общеевропейской позиции по отношению ближневосточному конфликту и налаживание с арабами отношений в обход американцев; 2) саботирование американских усилий по втягиванию европейцев в совместную борьбу с последствиями экономического кризиса и нефтяного эмбарго; 3) тесные двусторонние отношения с арабами 4) использование палестинского фактора, дестабилизирующего американские усилия по заморозке арабо-израильского конфликта как средство выхода из изоляции от решения ближневосточного урегулирования⁸⁵⁷.

Палестинский вопрос будет более тщательно разработан уже администрацией Жискара д'Эстена. Первые же два пункта были тесно взаимосвязаны, и деятельность по их реализации Париж развернул вскоре после окончания войны Судного дня, в последние месяцы срока и жизни Помпиду⁸⁵⁸. Сам Киссинджер назвал ситуацию потенциальным «Суэцем наоборот», когда СССР и, отчасти, американцы, не поддержав своих союзников, не дали разобраться с Насером Великобритании и Франции. Теперь же европейцы потенциально могли смешать карты американцам⁸⁵⁹. Вашингтон был в известной мере парализован Уотергейтом, стремлением сохранить разрядку и арабским нефтяным эмбарго. Французский проект Евро-Арабского диалога потенциально мог сильно усложнить жизнь американцам ситуацию⁸⁶⁰. Киссинджер в своих мемуарах признал, что исключение Франции из Женевской конференции стало унижительно для нее. Однако он находил

⁸⁵⁴FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 245, P. 694.

⁸⁵⁵FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 249, P. 704.

⁸⁵⁶FRUS. 1973-1976, Vol. E-15, Part 2, Doc. 317. P. 979.

⁸⁵⁷Gfelle, A. É. Building a European Identity. P. 39.

⁸⁵⁸Teyssier, J.-P. Op. cit. P. 489.

⁸⁵⁹Möckli, D. Op.cit. P. 89.

⁸⁶⁰Cohen, S. Op.cit. P. 350.

несовместимой ее позицию «не незаинтересованной стороны», которая была бы отвергнута Израилем и задушила бы переговоры в зародыше⁸⁶¹. 9 декабря 1973 г. госсекретарь во время саммита НАТО в Брюсселе встретился за неформальным ужином с представителями Франции, Великобритании и ФРГ. Там он заявил союзникам, что ситуация на Ближнем Востоке не касается НАТО, и, соответственно, его европейских членов, а в ответ выслушал упреки из-за отсутствия консультаций с европейцами во время «ядерной тревоги»⁸⁶².

12 декабря 1973 г. Киссинджер выступил в Лондоне с предложением создать так называемую «Рабочую группу по энергетике», чтобы объединить Запад перед лицом арабского нефтяного эмбарго, а именно создать в ответ на действия «картеля производителей» (ОПЕК, а именно ее арабская часть — ОАПЕК) «картель потребителей» (США—Запаная Европа—Япония)⁸⁶³. Практически одновременно с мероприятиями госсекретаря по консолидации европейцев и американцев перед лицом энергетического кризиса первые стали вести свою игру: Лондонская речь госсекретаря не произвела на большинство из американских союзников должного впечатления. Неприятной неожиданностью для Киссинджера оказалось приглашение министров иностранных дел арабских стран (Алжира, Туниса, Судана и ОАЭ) на саммит ЕЭС в Копенгагене 14-15 декабря 1973 г. Арабы хотели, чтобы европейцы тоже оказали давление на Израиль, как самая зависимая от арабской нефти сторона. Помпиду на этой встрече, не отрицая полностью идею объединенных действий совокупного Запада, все же упирал, что в первую очередь нужно объединиться Европе и затем уже всем вместе вести переговоры с арабами в рамках Евро-Арабского диалога, предложенного Парижем чуть раньше. Итогом саммита в Копенгагене стала декларация об «Европейской идентичности» — призыв к трансатлантическим отношениям, основанным «на равенстве и дружбе» при решимости ЕЭС действовать как независимый актор на мировой арене, в том числе, на Ближнем Востоке⁸⁶⁴.

Париж также настоял, чтобы вместо нерегулярных саммитов политика ЕЭС отныне регулировалась новым постоянным органом — Европейским советом. Этот недвусмысленный ответ на Лондонскую речь Киссинджера был как раз тем, чего меньше всего хотели американцы, запуская десятью месяцами ранее «год Европы». В официальном ответе ЕЭС на предложение войти в Рабочую группу по энергетике от 9 января были не

⁸⁶¹Kissinger, H. A. Op.cit. P. 726.

⁸⁶²Ibid

⁸⁶³FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVIII, Part 1, Doc. 24, P.120.

⁸⁶⁴The Copenhagen Summit 1973. December 14. [Эл. документ] URL: <https://ec.europa.eu/dorie/fileDownload.do;jsessionid=1KGyQ1tKtTpNjBQwQh6cwgC2yLn7BJMymvTrDq5s2rD3JYR9RfGQ!243197488?docId=203013&cardId=203013> (дата обращения 12.05.2020).

менее удручающие для Вашингтона предложения включить в МЭА также и производителей нефти⁸⁶⁵, или решить спор с ОПЕК через Комитет по нефтяным делам ОЭСЭР. Это разрушало конфронтационную логику создания США «картеля потребителей», который бы привел и арабов, и европейцев к покорности, ликвидировав энергетический кризис уверенной победой Вашингтона⁸⁶⁶. Европейцев же стимулировали арабы: уже 25 декабря, поставки нефти в Европу, в отличие от США, возобновились.

В телефонном разговоре между Киссинджером, интересовавшимся этим неожиданным появлением арабов в Копенгагене, и Жобером французский министр, по словам госсекретаря, похвалил его «поэтапную» логику в урегулировании, однако заявил, что «Франция должна присутствовать на Ближнем Востоке», в то время как вся Европа оказалась оттесненной от решения арабо-израильского вопроса. Киссинджер же с нескрываемым ехидством спросил, что бы Европа смогла сделать в регионе сама⁸⁶⁷. Киссинджер подозревал, что приглашение арабов было инициативой Жобера⁸⁶⁸. 25 февраля 1974 г. советник госдепартамента Г. Соммерфельд перед отбытием в Париж на встречу с Помпиду вызвал французского посла в Вашингтоне и выразил ему недовольство политикой французов в ЕЭС по выстраиванию контактов с арабскими государствами⁸⁶⁹. Еще 20 декабря 1973 г. Помпиду заявил, что Франция не имеет интересов на Женевской конференции и заодно отказался от участия в Рабочей энергетической группе⁸⁷⁰. Франция уже настроилась на саботаж усилий американцев создать консорциум потребителей нефти в противовес ОПЕК. В телефонном разговоре с Киссинджером французский президент подчеркнул, что его страна не станет угрожать своим поставкам или делать шаги, которые на Ближнем Востоке воспримут как враждебные — а именно участвовать в американских инициативах⁸⁷¹.

Франция пыталась сколотить европейскую оппозицию США. И хотя в рамках провозглашённого по ее инициативе Евро-Арабского диалога дистанцировалась от решения политических вопросов в его формате, но в тайне по французской же инициативе 10 января 1974 г. в Бонне начались консультации ЕЭС и арабских внешнеполитических ведомств⁸⁷². Жобер продолжал саботаж конференции по энергетике, намеченной на

⁸⁶⁵Coordination with the United States in the Field of Energy. Communication from the Commission of the Council 1974. January 9. [Электронный документ] URL: <http://aei.pitt.edu/12606/1/12606.pdf> (дата обращения 23.05.2020).

⁸⁶⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXXVI, Doc. 259, P.725.

⁸⁶⁷Kissinger, H.A. Op. cit. P. 728.

⁸⁶⁸Ibid. P. 898.

⁸⁶⁹FRUS. 1973-1976, Vol. E-15, Part 2, Doc. 318, P. 983.

⁸⁷⁰Kissinger, H.A. Op.cit. P. 728.

⁸⁷¹Цит. по: Nouschi, A. Op. cit. P. 85.

⁸⁷²Kissinger, H.A. Op. cit. P. 899.

февраль 1974 г., надеясь, что его примеру последуют и остальные страны Общего рынка, боясь осложнить отношения с арабами, и будут активнее участвовать в Евро-Арабском диалоге⁸⁷³. 18 января глава МИД Франции написал письмо на имя Никсона, где отказывался прибыть на конференцию, из-за присутствия Японии как азиатской страны, а также из-за некорректного формата представления европейских государств, где председателем делегации ЕЭС стала ФРГ. Жобер предложил свое видение формата встречи — трехстороннего, на котором должны были быть представлены и производители, и потребители, и развивающиеся страны. Помпиду, в свою очередь, предложил идею встречи стран ЕЭС и арабов по энергетическому вопросу: 24 января 1974 г. он заявил, что «...мы, потребители и производители, должны встретиться и понять друг друга. Поэтому нужно встретиться двусторонне на европейском уровне, а не на глобальном»⁸⁷⁴. 30 января 1974 г. Киссинджер заявил, что перед любыми контактами с арабами европейцы должны консультироваться с Вашингтоном. Однако уже 1 февраля произошла конфиденциальная встреча ближневосточных экспертов ЕЭС, о которой Вашингтон узнал только через представителей ФРГ⁸⁷⁵. 6-7 февраля произошла еще одна встреча в том же формате, где Франция предложила собрать отдельную конференцию глав МИД стран ЕЭС для контактов с арабами⁸⁷⁶.

В начале февраля Жобер предупредил Вашингтон, что не приедет на конференцию по энергетике, если только это не будет сугубо консультативное мероприятие, за которым не последуют конкретные решения. Большая часть европейцев также уклонялась от посещения конференции, хотя на нее были приглашены ключевые европейские страны: ФРГ, Италия, Голландия, Норвегия, Великобритания. Но, выбирая между Парижем и Вашингтоном, европейцы выбрали один за другим Вашингтон⁸⁷⁷. В отместку американцам и идя наперекор призывам Вашингтона не вести двусторонние переговоры с арабами в одиночку, Помпиду отправил Жобера на Ближний Восток для заключения бартерных сделок (оружие и промышленные товары в обмен на контракты с четкими временными и количественными рамками по поставкам нефти) в Саудовскую Аравию, Кувейт, Сирию и Ирак с 24 января по 9 февраля 1974 г.⁸⁷⁸. Жобер также обсуждал с правительствами этих ключевых арабских стран необходимость диалога между ними и европейской «девяткой» и заявил, что не явился на Ближний Восток «...лишь для нефтяных сделок». Итогом визита

⁸⁷³Le Monde Diplomatique, Juillet 1974.

⁸⁷⁴Цит. по: Collard, D. De la crise de l'énergie au dialogue Nord-Sud, Brussels. 1975 P. 28.

⁸⁷⁵Kissinger, H. A. Op. cit. P.900.

⁸⁷⁶Bozo, F. La politique étrangère de la France depuis 1945. P. 93.

⁸⁷⁷Dalloz, J. Op. cit. P. 84.

⁸⁷⁸Newsweek, February 4, 1974.

главы МИД стало трехгодичное соглашение между Парижем и Эр-Риядом о поставке 30 млн тонн сырой нефти в 1974-1976 гг.⁸⁷⁹, хотя изначально речь шла о контракте на 20 лет, предусматривавшим поставку 800 млн т. нефти по фиксированной цене в обмен на поставки самолетов «Мираж», 200 танков АМХ, создание танкового училища, нефтеперерабатывающих и опреснительных заводов⁸⁸⁰. Визит в Саудовскую Аравию был первым визитом такого масштаба со стороны Франции. Жобер также похвалил Дамаск за «стойкость» в вопросе Голан, на фоне усилий Вашингтона, по разведению сторон.

В преддверие Вашингтонской энергетической конференции «картеля потребителей» Совет ЕЭС заявил, что намерен и дальше идти к компромиссу с поставщиками энергоресурсов вместо американской конфронтационной модели⁸⁸¹. 5 февраля 1974 г. на заседании Совета Европы в Брюсселе французская делегация отговаривала европейцев от участия в энергетической конференции в Вашингтоне, представляя ее как способ воспользоваться слабостью ЕЭС в связи с энергетическим кризисом и закрепить его подчиненное положение⁸⁸². Киссинджер, видя, что без французского участия энергетической конференции не хватало бы веса, развил деятельность по привлечению ее туда. Он конфиденциально предложил Жоберу компромисс: Франция участвует в конференции в Вашингтоне, а затем, для «сохранения лица», организует отдельную конференцию «ЕЭС-арабы» в Европе, якобы перехватив инициативу у американцев. Все «настоящие» решения по энергетическому вопросу должны были быть приняты именно в Вашингтоне⁸⁸³.

Но Жобер хотел конструировать европейское единство под главенством Франции, так как, убеждал он Киссинджера, энергетический кризис имеет региональное, европейское измерение, ведь наиболее уязвимой стороной в данной ситуации был ЕЭС. ФРГ посылая Франции сигналы, что компромиссным вариантом может стать саммит под эгидой ОЭСР, однако и тут Жобер боялся американского доминирования. Прибыв после своего ближневосточного турне обратно в Европу, глава МИД Франции заявил, что американцы запугивают европейцев⁸⁸⁴. Жобер предложил провести конференцию в Париже в штаб-квартире ОЭСР, в рамках существующих комитетов организации при недопущении создания каких-либо новых, хотя существующие комитеты, по мнению Киссинджера, не

⁸⁷⁹Bozo, F. Op. Cit. P. 156

⁸⁸⁰Newsweek, January 21, 1974

⁸⁸¹Community energy policy 1973-1974. Information Memo P-69/74, December 1974. [Эл. ресурс] URL: http://aei.pitt.edu/30292/1/P_69_74.pdf (дата обращения 12.05.2020).

⁸⁸²Corbieau, B. Op.cit. P. 567.

⁸⁸³Behr, T. Op.cit. P. 56.

⁸⁸⁴Ibid.

могли решить все вставшие перед Западом вопросы⁸⁸⁵. Главной целью такого формата для Жобера было использование права вето, которое бы в Вашингтоне вряд ли было бы возможным⁸⁸⁶. В итоге американцы решили рискнуть возможностью новой жесткой конфронтации с Парижем⁸⁸⁷. Жобер прибыл в одиночестве на начавшуюся 11 февраля конференцию в Вашингтоне. Французский министр использовал площадку как трибуну для упреков и обвинений в адрес «предавших» его европейцев, в частности, ФРГ⁸⁸⁸.

Никсон, обеспокоенный подобной агитацией, направил Жоберу конфиденциальное предложение о возможности продолжения конференции под эгидой ОЭСР, если только Франция не будет пользоваться своим правом вето. Жобер попросил подождать инструкций из Парижа, однако Помпиду был против какого-либо сговора с американцами, и Жобер продолжил антиамериканскую риторику⁸⁸⁹. В итоге в противостоянии вокруг Вашингтонской конференции не было однозначного победителя. Хотя, по мнению Киссинджера, она смогла выполнить все поставленные задачи, провозглашенное на ней образование Энергетического агентства без Франции было явно неполноценным. Париж же потерпел крах попыток саботировать присоединение остальных европейцев к американской инициативе.

Как считает О. Скороходова, американцы и французы, наоборот, в той или иной степени добились своих целей, предложив две модели выхода из энергетического кризиса, которые начали постепенно сближаться⁸⁹⁰. Вернувшись с конференции, Жобер решил попытаться предать Евро-Арабскому диалогу политическое измерение. 4 марта 1974 г. главы внешнеполитических ведомств ЕЭС встретились в Брюсселе, где одновременно проходил саммит НАТО, на котором госсекретарь объяснял союзникам суть своей ближневосточной политики. Киссинджер встретился конфиденциально с В. Шеелем – президентом ФРГ, который заверил его, что европейцы не будут прислушиваться к Франции⁸⁹¹. Однако вскоре госсекретарь узнал, что Шеель направился на встречу, организованную Жобером, которому удалось урегулировать часть возникших с европейцами разногласий⁸⁹². Там был подтвержден курс на регулярные консультации с

⁸⁸⁵Kissinger, H. A. Op. cit. P. 901

⁸⁸⁶Gfeller, A. É. Op. cit. P. 67

⁸⁸⁷Kissinger, H. A. Op. cit. P. 901.

⁸⁸⁸Ibid. P. 902.

⁸⁸⁹Behr, T. Op.cit. P. 57.

⁸⁹⁰Скороходова О.Н. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973-1986). С.93

⁸⁹¹David, A., Hauri A. Op. cit. P. 98.

⁸⁹²Kissinger, H. A. Years of Upheaval. P. 902.

арабскими странами, а в Брюсселе находились 20 представителей ближневосточных государств. Так начался процесс, который позже назвали «Евро-арабским диалогом»⁸⁹³.

Эти маневры Западной Европы и инициировавшей их Франции вызвали резкую критику в Вашингтоне: Киссинджер дошел до очень резких дефиниций: от характеристики брюссельской встречи как «декларации независимости французской политики от США»⁸⁹⁴ до сравнения произошедшего с политикой «умиротворения агрессоров» (то есть, арабов). «То, что британцы и французы говорят арабам, хуже, чем то, что они говорили в тридцатые»⁸⁹⁵. Кроме того, в своих мемуарах он упрекал французов за публичный антиамериканизм. «Если бы такое говорил Громыко, это значило бы конец разрядки»⁸⁹⁶, писал Киссинджер. Госсекретарь оценивал произошедшее в Брюсселе как вызов США «отныне мы имеем противоречащие друг другу интересы в вопросах, которые являются жизненно важными»⁸⁹⁷. Шеелю Киссинджер тогда написал, что отныне США снимают с себя обязанность даже оповещать европейцев о своих намерениях на ближневосточном направлении, сообщая ЕЭС только уже свершившиеся факты⁸⁹⁸.

Помпиду, со своей стороны, также усиливал накал конфронтации. Французский лидер, смертельно больной, в своем проникнутом духом ортодоксального голлизма 1960-х гг. «стратегическом завещании» от 1 февраля, в канун энергетического саммита в Вашингтоне, предчувствуя одиночество Франции и «бегство» союзников по ЕЭС писал, что Париж «никогда не сдавался, угроза изоляции и давление не важны. Франция не должна уступать никому, даже более сильному»⁸⁹⁹. Однако дальнейшей конфронтации помешала смерть Помпиду 2 апреля 1974 г., жесткость политики которого по отношению к американцам Киссинджер язвительно объяснял злоупотреблением обезболивающими и прогрессирующей болезнью⁹⁰⁰.

На выборах во Франции к власти пришел бывший министр финансов В. Жискард д'Эстен. На время острота противостояния снизилась, в Париже на время охладели к эскалации отношений с Вашингтоном. Американцы винили в ней именно Помпиду, и Никсон незадолго до его смерти заявил французскому послу в Вашингтоне Костюшко-Моризету, что это «произошедшая конфронтация не была моим выбором. Французы были

⁸⁹³Скороходова, О.Н. Указ. соч. С. 91.

⁸⁹⁴Kissinger, H. A. Years of Upheaval. P. 926.

⁸⁹⁵The New York Times, 16 March 1974.

⁸⁹⁶Kissinger, H. A. Op.cit. P. 904.

⁸⁹⁷Ibid. P. 930–931.

⁸⁹⁸Ibid.

⁸⁹⁹Цит. по: Soutou, G.-H. Georges Pompidou et Valéry Giscard d'Estaing. P. 311.

⁹⁰⁰Kissinger, H. A. Years of Upheaval, P. 903

агрессорами в этой ситуации»⁹⁰¹. Соответственно, любая новая администрация Елисейского дворца выделялась Белым домом более сговорчивой. Но голлистская инерция, даже без голлистского президента, делала надежды на полное американо-французское умиротворение еще более иллюзорными, нежели они были в начале периода Никсона-Помпиду. Как верно подмечает П.Меландри, подводя итог взаимодействию Парижа и Вашингтона в 1969-1974 гг., базовые принципы политики США и Франции, пусть и стратегических союзников, были «несовместимы»: «Франция хотела развивать европейскую идентичность, США — атлантическую солидарность»⁹⁰².

Война Судного дня и энергетический кризис показали обеим сторонам пределы возможного взаимопонимания и нежелание американцев учитывать интересы союзников. Открывавшиеся для французов перспективы в Ираке, арабских монархиях не оставляли шансов на то, что арабская политика Франции поменяется. После французских президентских выборов мая 1974 г., американо-французские отношения ждала недолгая оттепель. Но «медовому месяцу» на периферии суждено было продлиться гораздо меньше, чем в трансатлантических отношениях. Новый удар по надеждам на быстрое восстановление американо-французских отношений был нанесен уже в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья. Там через год после арабо-израильской войны вспыхнул Кипрский конфликт.

4. Реакция США и Франции на Кипрский конфликт 1974 г. и выход Греции из НАТО

Пока в Вашингтоне и Париже делали выводы из событий арабо-израильского конфликта и энергетического кризиса, в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья вновь возрастала нестабильность. Это касалось как внутренней ситуации в Греции, так и состояния греко-турецких отношений в связи с замороженным межэтническим конфликтом Кипре, а также с территориальными спорами в акватории Эгейского моря.

Отношения США с греческой хунтой в 1972-1974 гг. были внешне благополучными после размещения американской базы в Пирее и на Крите, а также начала массивных поставок в Грецию американской военной техники. Хунта тратила большие средства на вооружения – военный бюджет страны в 1967-1974 гг. удвоился, на 1972 г. составлял \$400 млн⁹⁰³. В сумме с 1949 по 1969 г. согласно программе военной помощи, Афины получили

⁹⁰¹Цит. по: Soutou, G.-H. Georges Pompidou et Valéry Giscard d'Estaing. P. 311.

⁹⁰²Mélandri, P. Une relation très spéciale. P. 124.

⁹⁰³Меньшиков, В.М. Указ. Соч. С. 114.

от американцев более \$2 млрд⁹⁰⁴. Но с американцами, своими патронами, хунта стала вести себя двойственно: во время «Войны судного дня» Афины, в отличие от Анкары, как упоминалось выше, официально тоже закрыли свое воздушное пространство для американцев, опасаясь осложнений с арабами и поставками нефти. Хотя де-факто позволяли запрашиваться американцам на аэродромах НАТО и даже перегонять новые истребители для ВВС Израиля, что дало позже основания сказать адмиралу Эльмо Зумвальту, что «демократический Израиль был спасен в 1973 г. благодаря фашистской Португалии, фашистской Испании и фашистской Греции»⁹⁰⁵. Снятие американского эмбарго в начале 1969 г. к 1972 г. вновь вывело американцев в число ключевых поставщиков оружия Греции, в частности, на первое место по общим объемам. Это тревожило Францию — ей казалось, что она упустила то окно возможностей, которое у нее было в 1967-1972 гг. из-за слишком осторожной политики по отношению к диктатуре⁹⁰⁶.

В Париже надеялись использовать дипломатическую поддержку для продвижения продукции своего ВПК. 5 апреля 1973 г. французское правительство заявило, что не оставляет надежды посоревноваться с США за первое место среди поставщиков оружия для Греции⁹⁰⁷. У нее были шансы: диктатор Пападопулос не забыл, что в 1970 г. Франция единственная вместе с Кипром не проголосовала против Греции в Совете Европы в резолюции, осуждающей хунту за преследования политических оппонентов⁹⁰⁸. Французские дипломаты уверяли, что его власть «прочна, как никогда», диссидентские обращения Караманлиса из Франции с к восстановлению монархии де-факто, возвращению короля и демократизации не вызвали никакой политической и общественной активности в стране⁹⁰⁹.

Хотя массовых выступлений в Афинах не происходило, опасность подстерегала хунту с неожиданной стороны — из армии, ее опоры. В конце апреля 1973 г. произошел второй⁹¹⁰ за несколько лет монархический мятеж на флоте⁹¹¹. Поэтому неудивительно, что 1 июня 1973 г. Георгиос Пападопулос решил окончательно исключить этот фактор риска для своей власти: объявил о ликвидации монархии и поста регента в Греции. Вместо этого он провозгласил республику, а 19 августа — внес поправки в конституцию⁹¹². В ней, чтобы

---

⁹⁰⁴Duke, S. Op. cit. P. 170.

⁹⁰⁵Pedaliu, E. Op. cit. P. 111.

⁹⁰⁶Plassmann, L. Op.cit. P.281.

⁹⁰⁷Le Monde, 5 avril, 1973.

⁹⁰⁸Ibid.

⁹⁰⁹DDF. 1973-1, Doc. 220.

⁹¹⁰Первым был бунт на эсминце «Велос», который в 1972 году во время учений ушел в Италию, провозгласив себя верным королю, который находился как раз в этой стране.

⁹¹¹DDF. 1973-1, Doc. 332.

⁹¹²Vaisse, M. Op.cit.. P. 156.

облегчить Франции защиту Греции перед остальными европейцами, номинально даже провозглашался ряд политических свобод. Пападопулосом также отдельно отменялось военное положение, действовавшее непрерывно с 1967 г., и провозглашалась амнистия по политическим преступлениям. Пападопулос объявил себя президентом, а пост премьера уступил С. Маркезинису⁹¹³. Францию такой неоднозначный переход к «республике» не смутил публично, что Греция движется в сторону «полной демократии»⁹¹⁴, при том, что посол Дюран увещевал, что, хотя у авторитарного режима Пападопулоса «нет народной поддержки, но общество не настроено к нему до такой степени, чтобы начать возмущение»⁹¹⁵.

Но Пападопулос в оценке внутривнутриполитической ситуации просчитался, и французы — вместе с ним. Реформа конституции, урезавшая полномочия парламента, вызвала возмущение в обществе — то, чего, как уверяла Вашингтон хунта, больше, благодаря ее нахождению у власти, никогда не случится. В итоге в 14-17 ноября 1973 г. вспыхнуло восстание учащихся Политехнического института, которые вместе с рабочими строили баррикады в Афинах и выступали с лозунгами как против диктатуры, так и против США. Пападопулос подавил восстание, но воспользоваться плодами этой сомнительной победы не успел. Режим Пападопулоса стал неудобен американцам из-за его действий, последовавших вскоре за окончанием октябрьской войны 1973 г. Понимая бедность Греции энергоресурсами и ее почти полную зависимость от подвоза нефти с Ближнего Востока, Пападопулос боялся эмбарго, поэтому официально запретил использовать воздушное пространство Греции для «воздушного моста» в Израиль (хотя фактически греческие аэродромы использовались для этой цели все дни Октябрьской войны 1973 г.)⁹¹⁶

Кроме того, 6-й флот США, оснащенный ядерным оружием, в октябре 1973 г. превратился для хунты из бонуса и залога безопасности в спорах с Турцией в фактор, делающий из Греции потенциальную мишень для советских ракет⁹¹⁷. В итоге 22 ноября Афины, где продолжался жесточайший внутривнутриполитический кризис, запретили американцам нарастить группировку в Пирее, а уже 25 ноября Пападопулоса свергли, но не народные массы, а военные во главе полковником Д. Иоаннидисом и генералом Ф. Гизикисом — не без одобрения США⁹¹⁸. Американцы полагали «убить двух зайцев»: уйдет фигура, фактически потерявшая управление страной и способная спровоцировать захват

⁹¹³DDF.1973-1, Doc. 259.

⁹¹⁴Plasslan, L. Op.cit. 2. P.275.

⁹¹⁵DDF.1973-1, Vol. 43 Doc. 295.

⁹¹⁶DDF.1973-1, Vol. 43 Doc. 295.

⁹¹⁷Sakkas, J. The Greek dictatorship. P. 254.

⁹¹⁸Ibid, P. 244.

власти левыми в уличных столкновениях, а на смену ей придут уже стопроцентно лояльные США фигуры, что не будут бояться советских или арабских угроз. Во главе нового правительства был назначен человек, хотя и не связанный с армией —, но зато долго сотрудничавший с ЦРУ — А. Андруцопулос. По факту, американцы одобрили возврат к полной диктатуре. 28 ноября действие новой конституции Пападопулоса было приостановлено, а военное положение, наоборот, вновь введено. Начались массовые аресты левых активистов, приостановленные при Пападопулосе. По сути, Греция прошла цикл к либерализации и вновь закончила военной диктатурой образца 1967 г.

Франция не стала осуждать ни кровавое подавление волнений ноября 1973 г., ни приход к власти еще более жесткого режима Иоаннидиса. Этому есть объяснение. Парадоксально, но, пока режим «либерализировался», а французы защищали Пападопулоса в Совете Европы от обвинений в нарушении прав человека, все попытки Парижа заключить крупные оружейные контракты в 1970-1973 гг., со снятием американского эмбарго, вели к нулевым результатам — все заказы доставались военным фирмам США. Зато новая диктатура была гораздо больше расположена к покупкам любого оружия и в максимальных объемах.

Укрепление военного режима спровоцировало «взрывной» рост оборонного бюджета — он утроился в сравнении с объемами даже конца 1960-х гг.⁹¹⁹ Франция стремилась наверстать упущенные в 1970-1972 гг. возможности. С ноября 1973 г. и до падения хунты в июле 1974 г. французами были подписаны три крупных контракта на поставку вооружений Афинам: 40 ракет EXOCET для катеров, таких же, которые были ранее, в 1972 г. поставлены Францией⁹²⁰; 18 мая 1974 г. — контракт на поставку 144 танков AMX30 и 120 танков AMX10, с ежемесячной поставкой 30 танков с декабря, вместе с 800 ПТРК MILAN. Наконец, 13 июня 1974 г., за месяц до конфликта на Кипре и падения режима в Афинах, был подписан самый амбициозный контракт — на поставку 40 истребителей Mirage F1. Дополнением к этому солидному портфелю следовали два межправительственных соглашения — 15 мая 1974 г. Франция обязалась обучить греческих пилотов управлять поставляемыми самолетами, а 21 мая — поставить дополнительное оборудование для катеров Combattante II⁹²¹. Подобные контракты вызвали тревожные публикации в англо-саксонской прессе, где предупреждалось об угрозе вытеснения американцев и британцев с греческого оружейного рынка⁹²². Причиной лихорадочных

⁹¹⁹ Plassmann, L. Op.cit. P.284.

⁹²⁰ Vaisse, M. France and the Greec colonels. P. 170.

⁹²¹ Plassmann, L. Op.cit. P.284.

⁹²² The Observer, March 26, 1974.

закупок американского и французского оружия режимом Иоаннидиса была не угроза с севера от стран ОВД, а рост напряженности в отношениях с другим американским партнером — Турцией. Начало было положено обострением спора о принадлежности ряда нефтегазоносного шельфа Эгейского моря. Греки считали своими воды на удалении 12 миль от берега, и тогда к грекам отходило бы до 70% шельфа, так как большинство островов в море – греческие. Турки настаивали на 6 милях (в этом случае греки получали доступ только к 44%)⁹²³. В 1973 г. Греция, несмотря на турецкие протесты, приступила к первым бурениям в районе острова Родос⁹²⁴, вместе с геологическими изысканиями проводя там военно-морские маневры⁹²⁵. В феврале 1974 г. у о. Тасос греки нашли природный газ.

Это спровоцировало ряд вооруженных инцидентов на море и в воздухе. Эгейская зона стремительно милитаризировалась: Афины начали укреплять острова близ Турции, в особенности Лесбос, турки же создали новую — 4-ю по счету – Эгейскую армию⁹²⁶. В мае 1974 г. греки нарастили на островах свои контингенты на фоне геологоразведки у Лесбоса и Тасоса, турки начали маневры в акватории Эгейского моря. Обстановка обострилась настолько, что генсек НАТО Й. Лунс собрал глав МИД США, Великобритании, ФРГ, Италии, Бельгии и Франции для обсуждения возможности посадить Грецию и Турцию за стол переговоров⁹²⁷. Переговоры по эгейскому вопросу в рамках НАТО происходили вплоть до начала июля 1974 г.: 20 июня – в Оттаве (на саммите альянса), 25 июня – в Брюсселе⁹²⁸. Франция на канадской встрече НАТО осторожно старалась задобрить остальные страны-члены блока и сделать их мягче по отношению к Афинам, так как не хотела критики за свои оружейные поставки, по сути, выступая отчасти адвокатом хунты на уровне НАТО⁹²⁹. Но в итоге конфликт вспыхнул не в эгейской акватории, а на Кипре.

В 1973 г. президентские выборы на острове вновь выиграл злейший враг и греческий хунты, и Турции — архиепископ Макариос. Он вступил в союз с кипрскими левыми, наладил связи с СССР, закупал оружие у стран ОВД⁹³⁰ и даже торговал с Северным Вьетнамом⁹³¹, лишняя раз оправдывая репутацию «Средиземноморского Кастро». Греческая хунта настаивала на «необходимости» свергнуть Макариоса в обозримом

⁹²³Chipman, J. Op.cit. P. 279.

⁹²⁴O'Malley B., Craig I. Op.cit. P. 153.

⁹²⁵Alfoed J. Op.cit. P. 10.

⁹²⁶Chipman, J. Op.cit. P. 280

⁹²⁷FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 2 P.10.

⁹²⁸O'Malley B., Craig I. Op.cit. P. 153.

⁹²⁹The Southern Flank in Crisis, 1973-1976: Series III, Volume V: Documents on British Policy Overseas (Whitehall Histories), Abingdon, 2012. Doc.14. P.53.

⁹³⁰Folley, C.; Scobie, I. W. Op.cit. P. 171.

⁹³¹Grawshaw N. Op.cit. P. 380.

будущем, и не без оснований надеялась на понимание со стороны США⁹³², если переворот на Кипре станет *fait accompli*⁹³³. «Полковникам» хотелось поквитаться и за унижение 1967 г., осуществить «энозис» силой, если дипломатическим путем это так и не удалось. Действиями президента Кипра были раздражены и американцы. Макариос не отказывал себе в антиамериканских жестах, которые были особенно болезненны в дни войны Судного дня. Так, не будучи в силах помешать тайно перегонять через британские авиабазы свежие «Фантомы» в Израиль в середине октября 1973 г.⁹³⁴, лидер Кипра все же запретил⁹³⁵ официальные разведывательные полеты с Кипра в направлении Ближнего Востока американских высотных самолетов U-2, в то время как еще в 1970 г., в дни эскалации «Войны на истощение», ВВС США не встречали препятствий со стороны Никосии. Поэтому, получая информацию о том, что на Кипре греческие националисты, связанные с Афинами, активно готовят свержение Макариоса, Вашингтон лишь рекомендовал хунте «воздержаться от необдуманных действий» на Кипре⁹³⁶, но не пытался помешать. переворот мог привести к тому, что Никосия больше бы не препятствовала планам «двойного энозиса», которые обсуждались Афинами и Анкарой с 1967 г. Еще одним фактором, который влиял на отношение Вашингтона к возможному перевороту в Никосии, была угроза ухода британских военных с Кипра. Политика на сворачивание военного присутствия «к востоку от Суэца», проводимая правительством Э. Хита на фоне распада колониальной империи и финансовых трудностей Лондона, затрагивала не только базы в Адене и Персидском заливе, но и Кипр. А в случае прекращения использования баз Великобритании, согласно договору 1960 г., была обязана передать их в пользование Никосии, а значит — «Средиземноморского Кастро», который, как боялись в Вашингтоне, позволит пользоваться ими СССР, дав не НАТО, а советским военным «непотопляемый авианосец» в Средиземноморье.

Но заговорщики из ЭОКА-Б и связанных с Афинами офицеров кипрской Национальной гвардии не смогли удержать свою подготовку к свержению Макариоса в тайне не только от Вашингтона, но и от своего врага. Уже 5 июля документы о готовящемся путче с поддержкой из Афин и его собственном убийстве попали в руки к кипрскому президенту, на которого уже было в 1973 г. совершено покушение⁹³⁷. 8 июля архиепископ обратился в открытом письме к греческой диктатуре, уличая ее в заговоре и требуя отзыва

⁹³²O'Malley, B., Craig, I. Op.cit. P. 132.

⁹³³Rizas, S. Op.cit. P. 247.

⁹³⁴Шмаров В.А. Указ. Соч. С. 30.

⁹³⁵O'Malley B., Craig I. Op.cit, P.170.

⁹³⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc 13. P.30.

⁹³⁷Asmussen, J. Op.cit., P. 16.

упомянутых в документе офицеров с острова⁹³⁸. Вместо признания своего поражения, хунта решила перейти к активным действиям, и с 13 июля начала активную подготовку к перевороту⁹³⁹. Режиму Иоаннидиса на фоне нестабильной обстановки внутри Греции казалось, что устранение врага панэллинизма повысит их популярность. 15 июля жители Кипра услышали по радио сообщение о том, что Макариос мертв. Национальная гвардия и действовавшие с ней боевики ЭОКА-Б окружили немногие верные президенту части и обстреляли из гаубиц президентский и архиепископский дворцы. Но ситуация с самого начала развивалась не по плану заговорщиков и афинской диктатуры. Первым провалом путчистов оказалось то, что глава МИД Кипра Г. Клеридис, которого заговорщики хотели поставить президентом вместо Макариоса, и чья кандидатура устраивала США, не был найден. Вместо него пришлось выдвинуть главу мятежников – Н. Сампсона, прославившегося резней турецкого населения в 1964 г., одиозную фигуру, одно имя которого уже было поводом для турецкой интервенции.

Вторым неприятным открытием стало то, что Макариосу вместе с помощником удалось бежать на британскую базу⁹⁴⁰, и уже 16 июля, через сутки после путча, он находился на Мальте⁹⁴¹. Таким образом, главная часть плана заговорщиков и тех, кто подталкивал их на это из Афин не была выполнена. Американцы не признали переворота и заявили о «приверженности суверенитету и неделимости Кипра» как греческому, так и турецкому представителям⁹⁴², опасаясь «чрезмерной военной реакции» турок⁹⁴³. Характерно, что такой же была и позиция Франции и Великобритании. В отличие от Октябрьской войны 1973 г. и Вашингтон, и Париж стояли, казалось, на одинаковых позициях, ибо конфликт в рамках альянса, к которому формально принадлежали и французы, угрожал глобальным интересам обеих стран⁹⁴⁴. Американцы в начале кризиса были довольны французским поведением и европейцами в целом⁹⁴⁵.

16 июля генсек НАТО Й. Лунс собрал экстренное совещание, где увещевал греческого и турецкого постпредов не использовать кипрские события как повод для столкновения. Американцы готовили войска в Европе на случай обострения и выдвинули к Кипру авианосец «Форрестол», имея второй целью не допустить советского вмешательства⁹⁴⁶. Турки однако горели желанием вмешаться в события и предлагали

⁹³⁸FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc 13. P.31.

⁹³⁹The Guardian. July 13, 1974.

⁹⁴⁰FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc.84. P.286.

⁹⁴¹FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 86. P.292.

⁹⁴²FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 82 P.284.

⁹⁴³FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 85. P.288.

⁹⁴⁴Plassmann, L. Op.cit. P.284.

⁹⁴⁵FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 95. P.319.

⁹⁴⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 94. P.314.

британцам — одним из гарантов суверенитета Кипра и межобщинного мира на нем — действовать согласно духу договора 1959 г., то есть, начать совместную интервенцию на остров и дать туркам высадиться в Акротири, так как для них приход к власти Сампсона означал «энозис» де-факто. Британцы всеми силами уходили от ответа и тянули время⁹⁴⁷. Лондон кипрские события застали врасплох из-за эскалации проблем в Северной Ирландии, и он ответил на турецкое предложение об интервенции отказом. Несмотря на то, что Афины испугались и 19 июля заявили на встрече НАТО о готовности вывести всех своих 650 офицеров с Кипра, Анкара уже не желала останавливаться и 90 тыс. турецких войск следовали для погрузки в порты Мерсина и Искендеруна.

Премьер-министр Турции Б. Эджевит убеждал заместителя госсекретаря Сиско, что обсуждавшийся с 1967 г. план «двойного энозиса» де-факто начал реализовываться, поэтому турки имеют право высадиться и устроить на острове постоянную базу в обмен на присоединение к Греции греческой части Кипра. Единственное, чего он настоятельно требовал от Вашингтона — убрать из Никосии экстремиста Сампсона⁹⁴⁸, одновременно боясь, что выживший и бежавший Макариос ради восстановления своего контроля над островом призовет СССР и местных коммунистов⁹⁴⁹. Уже 21 июля турецкие войска высадились на Кипре и атаковали части Национальной гвардии, состоявшей из греков-киприотов, в составе которой находились и греческие офицеры, командированные из Афин. Британские базы были приведены в полную боевую готовность, в море вышли и несколько британских кораблей. Но администрация Никсона, парализованная Уолтергейтом, официально заявляла о своей непричастности, призывала стороны прекратить огонь, и сама не переходила ни к каким решительным действиям, а Киссинджер после в своих мемуарах обвинял ЦРУ в недостаточном информировании⁹⁵⁰.

Ряд исследователей упрекает Госдепартамент, спецслужбы и лично госсекретаря Киссинджера в непрофессионализме, причем последнего еще и в связи с его волонтаристским стилем вести дела, не посвящая в важнейшую информацию даже ключевые фигуры⁹⁵¹. В любом случае в этот раз со стороны США заявления, равного письму Джонсона, остановившего в 1964 г. турецкую интервенцию, не последовало, а британцы так и не получили ответов на их просьбы развести стороны с помощью 6-го флота США⁹⁵². Так что, намеренно или нет, но Вашингтон потакал турецкому вмешательству, и

⁹⁴⁷O'Malley, B.; Craig I. Op.cit. P. 174.

⁹⁴⁸FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 97. P.323.

⁹⁴⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 97. P.323.

⁹⁵⁰Kissinger, H. A. Years of Upheaval, P.1193.

⁹⁵¹Slengesol I-A. Op.cit. P. 107.

⁹⁵²O'Malley, B.; Craig I. Op.cit, P. 180.

это почти сразу дало прессе повод для конспирологии⁹⁵³ по вопросу об американо-турецком сговоре⁹⁵⁴. Так, вместо Анкары американцы предприняли давление на Афины, которые обещали начать войну с турками через 48 часов, если те не остановят высадку, а также выйти из НАТО. Впрочем, боеготовность греческой армии оказалось низкой: только 4 дивизии из 12 были готовы выступить немедленно⁹⁵⁵. Иоаннидис был в бешенстве: до этого американцы обещали поддержку, даже турки были не против свержения Макариоса, а теперь подкрепления на Кипр не пропускали корабли 6-го флота США, а в Вашингтоне не хотели разделять ответственность за переворот.

Иоаннидис обвинил Вашингтон в «предательстве» и подчеркнул, что переворот — это «выбор греков-киприотов, который Афины уважают», и «когда-нибудь американцы поймут, что остров был спасен от коммунистов»⁹⁵⁶. Американцы в ответ требовали поставить на пост президента Кипра вместо «прямого агента Афин» Сампсона главу МИД Клеридиса, как изначально и предусматривалось заговорщиками. Иоаннидис отказал, да и глава кипрского МИД теперь бы вряд ли согласился на сделки с Афинами или местными националистами. Поэтому в Вашингтоне решили готовить посредническую миссию во главе с замгоссекретаря Сиско, которая бы посетила Афины и Анкару⁹⁵⁷. В первую очередь Сиско должен был посетить греческую столицу, убедив хунту уступить⁹⁵⁸, так как Киссинджер считал, что Греция может напасть на Турцию во Фракии. 20-21 июля заместитель госсекретаря встретился и с греческим, и с турецким руководством: и у тех, и у других он потребовал прекращения огня и готовности к переговорам стран-гарантов независимости Кипра⁹⁵⁹.

Параллельно Госдепартамент пытался согласовать с французами будущую резолюцию в СБ ООН, в текст которой бы входило требование вывода всех иностранных войск с Кипра и созыва конференции стран-гарантов суверенитета Кипра в Лондоне⁹⁶⁰. Однако Сиско не добился ничего: греки начали мобилизацию, турки не стали останавливать вторжение на остров. Удалось лишь продвинуть американо-французскую резолюцию в СБ ООН⁹⁶¹, на которую, впрочем, Анкара не отреагировала. Пока 21-22 июля турецкие войска продвигались вглубь острова, сминая противостоящие им слабые части кипрской

⁹⁵³Chicago Tribune, July 21, 1974.

⁹⁵⁴The New York Times, July 27, 1974.

⁹⁵⁵O'Malley B., Craig I. Op.cit, P. 181.

⁹⁵⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 88, P. 297.

⁹⁵⁷FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 101, P. 333.

⁹⁵⁸FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 103, P. 336.

⁹⁵⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 104, P. 340.

⁹⁶⁰FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 107, P. 351.

⁹⁶¹Резолюция Совета Безопасности ООН №353 от 20 июля 1974 [Эл. ресурс] URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/353\(1974\)](https://undocs.org/ru/S/RES/353(1974)) (дата обращения 18.05.2020).

Национальной гвардии, в Госдепартаменте уже признавали режим Иоаннидиса в Афинах банкротом, «учитывая склонность Греции к отказу от лидеров, потерпевших неудачу», а также «возможность внутренних конфликтов в греческом офицерстве». И действительно: на фоне катастрофы на Кипре Иоаннидис 23 июля был свергнут полковником И. Давосом, командиром крупнейшего греческого соединения — III Македонского корпуса.

Казалось бы, произошло то же самое, что и с его предшественником Пападопулосом, тоже лояльным, но переставшим удовлетворять американцев лицом: его поменяли на более свежего военного. Американцы, хотя не были довольны хунтой, не были готовы и расстаться с этим режимом⁹⁶². Но ситуация оказалась противоположной: диктатуре пришел конец, и новое правительство оказалось не столь управляемым, как раньше. Военный переворот был последним. Назначенный еще хунтой президент, генерал Ф. Гизикис, решил вызвать из эмиграции бывшего премьера К. Караманлиса, попросив его возглавить страну и «восстановить демократию». Караманлис в тот момент находился во Франции. Официальный Париж непосредственно участвовал в возвращении добровольного изгнанника. Франция стремительно вовлекалась непосредственно как в греческую внутреннюю политику, от вмешательства в которую воздерживалась с 1967 г., а также в греко-турецкий конфликт на стороне греков, до этого занимая нейтральную позицию. Это уже вызывало раздражение в Вашингтоне, равно как и безоговорочная поддержка политика, к возвращению которого в Грецию администрация Никсона еще не успела сформировать четкое и публичное мнение.

При первых вестях о свержении хунты французский президент В. Жискара д'Эстен, пришедший к власти в том же 1974 г. с лозунгом улучшения отношений с США, решил передать Караманлису самолет до Афин⁹⁶³. Тот отказал послу хунты в Париже его сопровождать. Передача самолета д'Эстеном Караманлису преследовала три цели: стереть в публичном общественном мнении воспоминания о двойственности политики Франции по отношению к Греции с 1967 г., представить Париж как силу, к которой можно обратиться в последний момент, и подчеркнуть персоналистский базис новых отношений Парижа и Афин. Отношение американцев к Караманлису было сдержанно-настороженным, хотя они и одобряли «возвращение демократии» в Грецию⁹⁶⁴. В Белом доме были в курсе, что Караманлис за время пребывания во Франции стал разделять голлистский взгляд как на внешнюю политику, так и на функционирование государства. Так, Киссинджер прямо

⁹⁶²FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 95. P. 319.

⁹⁶³Le Figaro, le 26 juillet 2004.

⁹⁶⁴Plassmann, L. Op.cit. P.297.

заявлял, что это «греческий де Голль»⁹⁶⁵. Параллели с французским лидером неслучайны — в Вашингтоне испытывали страх, что Греция 1974 г. будет вести себя как Франция первой половины 1960-х гг., и во многом дельнейшие события подтвердили опасения американских стратегов. Знаковым можно назвать, казалось бы, несущественный эпизод: в афинском аэропорту Элленикон Караманлиса встречала толпа со словами «Греция, Франция, Союз!»⁹⁶⁶. Любопытно, что толпа выкрикивала также антиамериканские лозунги, хотя и Вашингтон, и Париж в предшествующие годы тесно взаимодействовали с хунтой.

В то же время, пока происходила смена власти в Афинах, ситуация на Кипре пришла к хрупкому равновесию. Турки приостановили наступление: Сампсон ушел в отставку, а временным президентом островного государства стал Клеридис, чего изначально добивались и американцы, и сами заговорщики. Стараниями ООН было заключено прекращение огня. В Женеве 30 июля начались греко-турецкие переговоры и казалось, что инцидент, запущенный свержением Макариоса, исчерпан. Однако турки так не считали. Они настаивали на федерализации Кипра, разделении острова по пропорциональному составу населения (70 % грекам, 30% – туркам), одновременно наращивая войска на острове и расширив плацдарм за время переговоров вдвое. Турки в Женеве предпочитали диктовать условия: они хотели даже пересмотреть статус британских баз (английские силы за время женевской конференции увеличились до 11 тысяч солдат).

Американцы в ответ на подобные требования угрожали полным прекращением военной помощи Турции, используя тот же рычаг давления, что и на Израиль. Чтобы подчеркнуть серьезность намерений, США перестали отгружать турецким военным уже оплаченные ПТРК TOW, безоткатные орудия и танки М-48⁹⁶⁷. Сами греки начали захватывать суда с американской военной помощью Турции, так как оружие обеим странам доставлялось на одних и тех же кораблях, которые сначала заходили в греческий Пирей, а потом уже в турецкий Измир. Турки демонстративно вывели 1000 солдат с острова, хотя на самом деле готовили наступление. Только пришедший к власти Карамандис действовал в том же духе, что и хунта — отправлял на границу во Фракии войска. Киссинджер рекомендовал грекам согласиться на разделение острова так, как хотят турки – в виде кантонов, имеющих выход к морю или по «зеленой линии», где с 1964 года находились миротворцы ООН. Американский госсекретарь считал желание турок иметь треть острова вполне правомерным⁹⁶⁸.

⁹⁶⁵Plassmann, L. Op.cit. P.297.

⁹⁶⁶Ibid

⁹⁶⁷FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 105, P. 344.

⁹⁶⁸FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 17 P. 79.

Смена власти в Афинах привела к развороту отношения Парижа к кипрским событиям на 180 градусов. Еще 19 июля французские власти считали, что Греция, единственная ответственна за переворот, и призыв к международному сообществу сохранить независимость и территориальную целостность Кипра относился больше к грекам. Но после вмешательства турецкой армии Париж призвал 20 июля Анкару и Афины провести в Лондоне встречу стран-гарантов кипрской независимости – так решил в ночь на 22 июля и Жискара д'Эстен. Париж думал подключить к решению кипрского вопроса и ЕЭС. 23 июля Елисейский дворец заявил, что Франция ожидает совещания министров «девятки» чтобы скоординировать отношения к событиям на Кипре⁹⁶⁹. Отношение к Турции у Парижа становилось, хоть и неофициально, негативным. Премьер-министр Ж. Ширак заявил публично, что Франция «не остается пассивной» в этой ситуации, настаивает на сохранении мира и хочет навязать прекращение огня, так как грекам и туркам пора «перестать поигрывать мускулами»⁹⁷⁰.

Теперь вместо призывов и к Афинам, и к Анкаре урегулировать ситуацию, делая греков и турок равно ответственными, после свержения хунты Франция полностью защищала Грецию. В день прибытия Караманлиса в Афины постпред Франции в ООН Л. Гирино заявил, что «кредит доверия к Анкаре исчерпан отправкой турецких военных на Кипр»⁹⁷¹, а Жискара д'Эстен заверил в своей симпатии «греческому народу, смелому и гордому» и что они «могут рассчитывать на дружбу французского народа»⁹⁷². МИД Франции оповестил дипломатические ведомства девяти западноевропейских стран ночью 13 августа и призвал вмешаться ЕЭС, пригрозив что «Сообщество может наложить на Турцию санкции в случае военных действий»⁹⁷³. Одновременно французы через посольства в Афинах и Анкаре ознакомили с демаршем ЕЭС с призывом к противоборствующим сторонам вновь сесть за стол переговоров⁹⁷⁴.

Чувствуя эту поддержку, Караманлис и Клеридис отвергали турецкие предложения о «процентной» или «кантональной» федерализации Кипра, а фактическом разделе острова. Не увидев согласия на тот или иной план, а также получив гарантии, что США не вмешаются наличными военными силами, турки продолжили наступление 14 августа, и окончательно разбили слабые заслоны Национальной гвардии, заняв всю территорию острова к северу от «зеленой линии», часть кипрской столицы Никосии, Фамагусту и де-

⁹⁶⁹Le Monde, le 24 juillet, 1974.

⁹⁷⁰Ibid.

⁹⁷¹Le Monde, 25 juillet 1974.

⁹⁷²Le Monde 26 juillet 1974.

⁹⁷³Plassmann, L. Op.cit. P.298

⁹⁷⁴The Southern Flank in Crisis, 1973-1976: Series III, Volume V: Documents on British Policy Overseas (Whitehall Histories), Abingdon, 2012. Doc.61. P. 242.

факто аннексировали те 30%, которые требовали изначально. После возобновления боевых действий Париж в ООН проголосовал за предложенную британцами резолюцию о немедленной остановке огня и начале переговоров⁹⁷⁵. Для Парижа было необходимо, чтобы «греки, уже травмированные, не чувствовали себя брошенными». 14 августа д'Эстен заявил, что «Франция осуждает возобновление военной операции на Кипре Турцией»⁹⁷⁶. В Афинах начались массовые антиамериканские манифестации. Турецкое наступление окончательно остановилось — об этом Анкара заранее оповестила Вашингтон⁹⁷⁷.

14-15 августа, в последние дни турецкого наступления Караманлис начал панически запрашивать Париж о военной помощи, так как греческое руководство не исключало уже открытой войны с Турцией, но не на Кипре, а во Фракии. Афинами рассматривались проекты бомбардировки Стамбула и турецких городов эгейского побережья, чтобы принудить Турцию к миру⁹⁷⁸. В этом случае у Греции не было никакой надежды на помощь НАТО, более того, альянс бы только помешал грекам, так что в Афинах все чаще звучали призывы покинуть военно-политический блок. Учитывать такие настроения приходилось, дабы новому премьеру не пришлось оказаться в положении только что свергнутого Иоаннидиса и привести к власти в Греции новую диктатуру.

В Париже понимали опасности положения своего протеже в Афинах и зависимость его от степени поддержки греков в кипрском конфликте. Стратегия французского МИД была следующей: 1) Действовать в Кипрском конфликте как от своего имени, так и от имени европейской Девятки; 2) В ООН поддерживать резолюции, отвечающие интересам Греции и признанного правительства Кипра; 3) Поддерживать желание Греции выйти из НАТО, если она о этом объявит; 4) Ускорить исполнение оружейных контрактов, подписанных еще с хунтой; 5) Разморозить европейскую интеграцию Греции и способствовать ее принятию в Общий рынок. В Елисейском дворце рассматривали возможность использовать председательство Франции в ЕЭС и пригрозить Турции от имени «девятки» прекращением соглашения об ассоциации⁹⁷⁹, если она не свернет свою военную операцию. Однако европейцы боялись, что угрозы Турции дистанцируют ее от НАТО и поставят под угрозу всю европейскую безопасность. Франции пришлось действовать в одиночку и призвать Анкару воздержаться от новой операции на Кипре. К Франции присоединилась только ФРГ⁹⁸⁰.

⁹⁷⁵Резолюция Совета Безопасности ООН №357 от 14 августа 1974 [Электронный ресурс] [https://undocs.org/ru/S/RES/357\(1974\)](https://undocs.org/ru/S/RES/357(1974)) (дата обращения 8.05.2020)

⁹⁷⁶Le Monde, le 17 août, 1974.

⁹⁷⁷FRUS. 1973-1976, Vol. XXX, Doc. 134, P. 446.

⁹⁷⁸Plassmann, L. Op.cit. P.298.

⁹⁷⁹Ibid. P.296

⁹⁸⁰Ibid.

Уже в последний день турецкого наступления произошло то, на что рассчитывали в Париже и чего не ожидали в Вашингтоне⁹⁸¹: Караманлис 14 августа объявил о выходе Греции из военной организации НАТО. Американцы уже имели сведения ЦРУ о том, что Париж собирается «заменить нас», но в ситуации кипрского конфликта не могли предложить Афинам, по выражению Сиско, «ничего» кроме ускорения отправки ранее оплаченных самолетов А-7⁹⁸². С реализацией заявления Караманлиса американцы, встретились уже 16 августа: самолету ВВС США не дали сесть на одной из греческих баз, оповестив, что «прежние соглашения больше не действуют»⁹⁸³ Киссинджер, впрочем, призывал не поддаваться на провокации Греции, не демонстрировать холодного отношения или каких-либо угроз в адрес Анкары, вроде оружейного эмбарго. Госсекретарь не представлял, как Афины будут обходиться без американской военной помощи. Поэтому Киссинджер считал приоритетом сохранить связи с турками как с обладателями второй армии НАТО и форпостом блока на Ближнем Востоке. Он подчеркивал, что США могут себе позволить «не поддерживать страну, которая выбирает своим знаменем антиамериканизм»⁹⁸⁴, а «Греция в НАТО не для нашего блага, а, в первую очередь, для своего собственного»⁹⁸⁵.

Но Караманлис, вопреки ожиданиям Вашингтона, был последователен. Американская военная миссия (Joint US Military Assistance Advisory Group), координировавшая, по сути, действия турок и греков в случае войны, должна была покинуть Афины⁹⁸⁶. Греческие офицеры, де-факто покинувшие ставку регионального командования в Измире, а затем и Брюссель, окончательно выходили из всех штабов НАТО⁹⁸⁷. 16 сентября Греция покинула Группу ядерного планирования и Комитет военного планирования альянса. Однако, к удивлению многих в Брюсселе, оставила своих представителей в Военном комитете⁹⁸⁸. Американских военных обязали покинуть греческие радарные станции, таким образом, разрушалось единое радиолокационное поле от Норвегии до Турции, и советская авиация в случае войны могла потенциально получить возможность атаковать Италию, в чем последняя выразила свое беспокойство⁹⁸⁹. НАТО лишалось 12 дивизий – 160 тыс. греческих войск, по плану способных предотвратить

---

⁹⁸¹Ibid.

⁹⁸²FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 136 P. 448.

⁹⁸³FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 136. P. 449

⁹⁸⁴FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 137 P. 453.

⁹⁸⁵Ibid.

⁹⁸⁶REP TEL 20 AUG1974 GREEK-U.S. RELATIONS VIEWS OF MINISTER TO PRIME MINISTER GEORGE RALLIS FROM STATE TO NATO BRUSSELS.

⁹⁸⁷FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 24 P. 95.

⁹⁸⁸FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc.25 P. 96.

⁹⁸⁹FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 24 P. 95.

вторжение ОВД из Болгарии. Южный фланг НАТО, и так бывший довольно фрагментарным, теперь стал ещё менее связанным. Над Турцией нависла теоретическая угроза окружения как с моря, так и с суши.

В Вашингтоне все же не видели катастрофы в произошедшем, так как Греция, как и Франция, не разрывала Североатлантический договор, а лишь покинули военную организацию НАТО. В Госдепартаменте понимали, что теперь Афины и Париж неминуемо сблизятся, а отношения с США будут напоминать те, которые на тот момент были с франкистской Испанией⁹⁹⁰. Американцы были уверены, что правительство Караманлиса, когда ситуация успокоится, еще поймет угрожающее положение, в котором оказалось, и попробует начать сближение, по крайней мере, если не с военной организацией НАТО, то непосредственно с США⁹⁹¹.

И действительно, падение режима «черных полковников» и Кипрский кризис поставили Грецию в странное положение. К власти пришло демократическое правительство вернувшегося из Франции Караманлиса, но Афины оказались еще больше изолированы на международной сцене, теперь и бывшего союзника — Вашингтона, который не совсем равноценно заменил Париж. ЕЭС не торопился восстанавливать замороженное в 1967 г. соглашение об Ассоциации, не говоря уже о вхождении в Общий Рынок. Наконец, в самом Елисейском дворце, хотя и поддерживали греков, в том числе в решении покинуть военную организацию НАТО, не вполне представляли последствий такого шага⁹⁹². Афины сначала заверили, что речи о полном выходе из альянса не идет, и они лишь хотят «освободиться от американской опеки»⁹⁹³. Однако позже Маврос и Ширак в совместной пресс-конференции 7 сентября 1974 г. подчеркнули, что выход Греции из военной организации НАТО «решен и необратим»⁹⁹⁴.

После интервенции 14 августа и выхода Греции из НАТО Франция призвала возобновить греко-турецкие переговоры. Чтобы упростить подключение к ним Греции, Франции нужно было избегать публичного давления на Афины и не создавать ощущения, что их приравнивали к Анкаре. Франция агитировала членов ЕЭС и СБ ООН в пользу Афин и Никосии. В частности, Франция была автором резолюции СБ ООН №360, требующей «переговоров которые бы не были основаны на позициях, приобретенных благодаря военной силе»⁹⁹⁵, и присоединилась к разработке резолюции СБ ООН №361, которая

⁹⁹⁰FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 21 P. 84.

⁹⁹¹Ibid.

⁹⁹²Plassmann, L. Op.cit P.299.

⁹⁹³Ibid.

⁹⁹⁴L'Aurore, le 7 septembre, 1974.

⁹⁹⁵Резолюция Совета Безопасности ООН №360 от 16 августа 1974 года. [Эл. ресурс] URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/360\(1974\)](https://undocs.org/ru/S/RES/360(1974)) (дата обращения 18.05.2020).

требует права беженцев вернуться в свои дома, направив на помощь временно перемещенным лицам 2,5 млн франков. Действия Франции, хотя и не оказали решительного воздействия на вопрос Кипра, ценились Афинами⁹⁹⁶.

Но чтобы удержать Караманлиса у власти, Франции нужно было обеспечить безопасность Греции от «турецкого экспансионизма» и перевооружить греков, наладить их экономические связи с ЕЭС, а также дать напрямую финансовую помощь. Поэтому Париж готовил более материальные, чем дипломатическая поддержка, аргументы — поставки оружия Афинам для возможности войны с турками. Поводом для открытого военного конфликта с Анкарой в любой момент мог стать не только Кипр, но и пограничные споры в Эгейском море, которые Караманлис сглаживать не собирался, настойчиво требуя делимитации шельфа. Кроме того, после 11 декабря 1974 г., когда Караманлис потребовал пересмотра статуса баз США в Греции — в Пирее и на Крите⁹⁹⁷, союзный грекам Париж с его развитым ВПК и опытом массированных поставок современного оружия на Ближний Восток становился единственным сдерживающим Турцию фактором

Однако в поставках вооружений возникли неожиданные сложности. Так, в декабре 1974 г. Афины «настойчиво требовали» у Парижа ускорить поставку Mirage F-1, которые по контракту предполагалось начать поставлять с января 1975 г.⁹⁹⁸ Изначальные темпы контракта были непростительно медленными в ситуации ожидаемой войны с Турцией: только шесть самолетов должны были прибыть в 1975 г., шесть — также в 1976 г., 26 — в 1977 г., а также две «заключительных» машины партии — в 1978 г. Караманлис требовал поставить в 1975 г. как минимум 12 самолетов, «пусть даже использованных». То же самое касалось танков, дополнительных вооружений и запчастей для ВМС Греции⁹⁹⁹. Французскому ВПК нужно было сделать сверхусилие, так как обычно в практике выполнения контрактов, как мы видели на примере Ирака, поставки могли запаздывать до года-двух, если вообще выполнились.

В Минбороны президенту Жискард д'Эстену заявили, что единственная возможность ускорить передачу самолетов Афинам — снимать их прямо с боевого дежурства ВВС Франции в обмен на увеличение финансирования военных сверх ранее одобренного бюджета. В итоге Франция все же смогла поставить 12 самолетов к июню 1975 г., из которых 8 были взяты из французских ВВС и план был перевыполнен в два раза по сравнению с обозначенным в контракте. Также из собственных сухопутных войск

⁹⁹⁶Plassmann, L. Op.cit. P.302.

⁹⁹⁷FRUS. 1969-1976, Vol. XXX Doc. 31. P.121.

⁹⁹⁸Plassmann, L. Op.cit. P.303

⁹⁹⁹Ibid. P. 304.

французы передали грекам 105 танков AMX10 и 144 танка AMX30. Из них 37 были взяты из армии сразу в декабре 1974 г., чтобы направить Караманлису немедленно¹⁰⁰⁰. В октябре 1974 г. было подписано франко-греческое соглашение о поставке дополнительных, сверх контракта, 78 вертолетов SUPER-FRELON и GAZELLE, 4 подлодок и двух фрегатов.

За всю предыдущую историю Франция не продавала в Грецию столько оружия. Так, с объема в 386 млн франков в 1968 г. она упала до 128 млн в 1969 г., сократилась почти до нуля в 1970-1973 гг. и теперь, в 1974 г. — выросла до невероятных 2,62 млрд франков. Греция стала вторым после ближневосточных стран покупателем французского оружия по итогам 1974 г.¹⁰⁰¹ Греческая армия, еще год назад укомплектованная как в сухопутных, так и в военно-воздушных силах почти полностью американской техникой, теперь использовала ее практически пополам с французской с учетом перебоев в поставках запчастей из США. По итогам уже 1975 г., согласно данным аналитического журнала *Military Balance*, в греческой армии состояли на вооружении 60 закупленных в срочном порядке французских танков AMX-30, популярных на Ближнем Востоке. Еще 130 машин не названных моделей были в процессе передачи на момент выхода номера, 12 из 40 Mirage F-1 уже осваивались греческими летчиками¹⁰⁰².

Для сравнения американских танков M-47 и M-48 на тот момент в сухопутной армии было 300 и 500 единиц соответственно, в ВВС американских машин F-4E — 18, F-84F — 62, F-104G — 40. F-5A — 40, а также около полутора сотен тренировочных, транспортных и других машин. Но более половины были «прикованы к земле» из-за перебоев с получением американских расходников¹⁰⁰³. Информация об сделках с Парижем изначально не была публичной — она просочилась даже в Вашингтон по каналам ЦРУ¹⁰⁰⁴. Американская разведка также признавала, что Франция заняла первое место по поставкам вооружений в Грецию. В то же время американское вооружение продолжало поступать Афинам через ФРГ. Бонн со второй половины 1974 г. формально стал вторым поставщиком оружия, в числе которого оказались 9 американских истребителей F-84F и 60 танков M-47¹⁰⁰⁵. Продавали ли западногерманцы излишки по собственному решению или же оно принималось в Вашингтоне, в записке ЦРУ не объясняется.

¹⁰⁰⁰Plassmann, L. Op.cit. P.306.

¹⁰⁰¹Для сравнения, имеющий огромные прибыли от продажи нефти Кувейт в 1976 году закупил 285 самолетов Mirage. См.: Clein, J. Commerce des armes et politique: le cas français//Politique étrangère. Année 1976. Volume 41 Numéro 6. P. 578.

¹⁰⁰²The Military Balance, 1975, P. 23.

¹⁰⁰³Ibid.

¹⁰⁰⁴FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc.49. P. 160

¹⁰⁰⁵Ibid.

Дипломатической поддержкой Афин в конфликте с Анкарой и срочными поставками грекам вооружений Париж не ограничился. Как мы помним, уже после утверждения в Афинах новых властей в июле 1974 г. в Париже приняли решение всячески способствовать восстановлению соглашения об Ассоциации греков с ЕЭС, замороженного после переворота 1967 г. Караманлис хотел большего: не только восстановить утерянные хунтой контакты с ЕЭС, но и стать его частью, чтобы меньше зависеть экономически от США. Вступив в Сообщество, Афины бы имели идентичный Парижу статус в Европе: находясь в ЕЭС, не входили бы в руководимый американцами военный блок. Первые шаги в этом направлении Франция сделала уже в разгар Кипрского кризиса. Жискара д'Эстен тогда попросил партнёров по Сообществу и Еврокомиссии возобновить соглашение об Ассоциации с Грецией с 1 августа 1974 г. «Девятка» сначала сопротивлялась, так как опасалась конкуренции со стороны греческих аграриев, но после начала второй фазы турецкого вторжения согласилась. Она также согласилась разморозить в сентябре 1974 г. согласованную еще в 1967 г. экономическую помощь Афинам на \$55 млн. Несмотря на то, что греки изначально требовали 800 млн, все же и это был однозначный успех для Афин¹⁰⁰⁶. Впрочем, и новые просьбы Греции о финансовой помощи были учтены.

Однозначным успехом Франции стало также возобновление 17 сентября 1974 г. соглашения об Ассоциации Греции, которое было ратифицировано Советом ЕЭС 27 сентября в обход изначального условия о необходимости «свободных и демократических выборов». Ведь Караманлис пришел к власти не в результате всенародного голосования, хотя и обещал, как только будет возможно, провести парламентские выборы. В будущую демократизацию страны ЕЭС пришлось «поверить» авансом, отметив в решении, что «Греция — колыбель европейской цивилизации и демократии»¹⁰⁰⁷. Связь греческой демократизации и европейской интеграции отвечала как планам Караманлиса, так и Жискара д'Эстена. Дополнительным стимулом для правительства Караманлиса ускорить демократические преобразования было обсуждение возвращения Греции в Совет Европы. Также ЕЭС заявил о готовности рассмотреть финансовый протокол о помощи уже на следующий период — с 1977 г.

Демократизация не исключала дальнейшего нахождения Караманлиса у власти. 17 ноября в Греции прошли парламентские выборы, и его партия «Новая Демократия» заняла 219 из 300 мест в законодательном собрании, легитимировав Афины в глазах ЕЭС. На референдуме в декабре 1974 г. 70% греков отказались от восстановления монархии. Таким

¹⁰⁰⁶Plassmann, L. Op.cit. P.308.

¹⁰⁰⁷Karamouzi, E. A. Op.cit. P. 12.

образом, армия и король, олицетворявшие прошлое страны, были окончательно юридически отстранены от власти¹⁰⁰⁸. После парламентских выборов произошло последнее, формальное восстановление статуса Греции как «европейской» страны: греческий постпред Д. Битсиос занял свое место в Совете Европы 28 ноября 1974 г.

В январе 1975 г. греческие парламентарии появились в европейской Консультативной ассамблее. Таким образом, Франция смогла помочь Греции пройти «восстановительный» этап в своем движении к европейской интеграции, укрепила режим Караманлиса, исключила возможность военного переворота и укрепила греческие вооруженные силы на случай войны с Турцией¹⁰⁰⁹. Казалось, Париж прочно стал стратегическим союзником Афин, обойдя в этом деле Вашингтон. Для американских стратегов итоги лета 1974 г. в северном секторе зоны восточного Средиземноморья казались неутешительными. США однозначно теряли в лице Греции верного союзника, обострились и без того натянутые отношения с Турцией — одним из ключевых членов НАТО. Вашингтону требовалось теперь купировать последствия не только арабо-израильского конфликта, но и столкновения между своими союзниками, ослабившего южный флаг альянса. Это придется делать уже преемнику ушедшего в отставку Никсона — президенту Форду. Инерция кипрского кризиса еще долго не позволит справиться со всеми его результатами, в том числе, для американо-турецких отношений.

---

¹⁰⁰⁸Karamouzi, E. A. Op.cit. P. 12.

¹⁰⁰⁹Plassmann, L. Op.cit. P.284.

Глава 3. США и Франции в вопросе геополитического переформатирования Восточного Средиземноморья во второй половине 1970-х гг.

1. Усилия США по продолжению арабо-израильского урегулирования и альтернативные действия Франции. 1974-1977 гг.

За первое полугодие 1974 г. американская дипломатия добилась значительных успехов в замораживании ближневосточного конфликта, доказав, что США является единственным дееспособным посредником для арабов и израильтян. СССР был в этом процессе на вторых ролях, Франция — надежно изолирована от него. Казалось, Вашингтону ничто не мешало приступить к следующей части плана: египетско-израильскому миру и выдавливанию СССР из региона. Однако на деле того яркого прогресса, который показала «челночная дипломатия» осенью 1973/весной 1974 гг. продемонстрировать уже не удалось. В середине июня 1974 г., в канун Кипрского кризиса, Никсон и Киссинджер вместе посетили Ближний Восток. Маршрут их включал последовательно Каир, Джидду, Амман, Дамаск и Иерусалим. Перед вылетом Киссинджер убеждал Никсона не уточнять понятие «оккупированных» территорий и не упоминать «границ 1967 г.»¹⁰¹⁰. В Каире Никсон убеждал Садата в том, что цель США — восстановить международно признанную границу Египта на Синае, и, вопреки желанию Киссинджера, заявил Асаду и Хусейну о стремлении американцев восстановить границы 1967 г. Никсон также пообещал Садату помощь американских специалистов по расчистке и вводу в строй Суэцкого канала – источника дохода Каира, которого он был лишен уже семь лет¹⁰¹¹.

Форд, сменивший в Белом доме Никсона, подтвердил устно обещание восстановить довоенные границы арабских государств, однако отказался давать письменные обещания¹⁰¹². В то же время продолжался вялый израильско-иорданский диалог, который госсекретарь до соглашения о разведении израильтян и египтян практически игнорировал. Хусейн еще в 1974 г. предлагал Киссинджеру отход израильтян на 10 км от реки Иордан, а израильтяне - организовать «палестинское Лесото» — анклав без сухопутной связи с Иорданией, но под ее юрисдикцией. Амман отверг это предложение¹⁰¹³. На встрече с израильскими дипломатами 1 августа 1974 г. под руководством главы МИД Израиля А. Игаля Киссинджер согласился с израильтянами в том, что если в случае Египта и даже Сирии возврат к границам 1967 г. возможен, то с Иорданией подобный вопрос не стоит, так

¹⁰¹⁰Bryson, A.T. Op. cit. P. 288.

¹⁰¹¹Newsweek. June 17 1974.

¹⁰¹²Rubin, Z.J. Op. cit. P. 64.

¹⁰¹³Bryson, A.Thomas Op. cit. P. 290.

как он упирается в гораздо более комплексную проблему Палестинского государства и Иерусалима¹⁰¹⁴. Увязать в подобном вопросе американцы не желали¹⁰¹⁵.

Вместо этого госсекретарь начал переходить ко второй опции своей политики в регионе – продвижении американских технологий и вооружений и манипулирование участниками ближневосточного конфликта возможностью доступа к ним¹⁰¹⁶. Так, Киссинджер противится предоставлению Израилю военной помощи в \$5 млрд, на которой настаивает Конгресс, так как «...это вызовет взрыв в арабском мире»¹⁰¹⁷. В свою очередь, госсекретарь настаивал на том, чтобы поставить Египту в награду за прогресс на Синае американское вооружение, за которое Саудовская Аравия заплатит \$200 млн. Израилю же вооружение обещалось, если он также будет сговорчив¹⁰¹⁸. Но, отмечая чрезмерность требований Тель-Авива по восстановлению боеспособности израильской армии, Киссинджер намеревался обратиться к помощи французского ВПК, чтобы иметь возможность его продукцией восполнить в короткий срок то, что не смогут американцы. Однако, в отличие от арабских стран, оружейное эмбарго в отношении Израиля Париж не снимал, в связи с чем вставал вопрос о некоей тайной кооперации¹⁰¹⁹.

В сентябре И. Рабин, новый премьер-министр Израиля, жаловался Киссинджеру, что, в отличие от Египта, Сирия не выполняет в срок соглашение о разграничении¹⁰²⁰. Он отметил, что обескровленный Египет, временно лишенный советской подпитки и еще не получивший американской, исправно выполняет договоренности, сирийцы получают «неограниченное количество военных материалов, включая 30 Миг-23 – лучшие на Ближнем Востоке, а танков они имеют теперь даже больше, чем до войны»¹⁰²¹. Нерешенным оставался и иорданский вопрос, несмотря на волю Аммана к переговорам. И. Рабин убеждал Киссинджера что, «в отличие от Египта, мы не имеем базиса для переговоров с Иорданией. К тому же Египет арабский лидер, поэтому с ним надо договориться первым»¹⁰²². Киссинджер также гарантировал израильтянам, что отстоит право не уходить с Голан. Однако в вопросе «ненападения» Рабин и Киссинджер разошлись: госсекретарь считал, что подобные обязательства стороны могут требовать друг у друга на стадии мирного договора, а не на этапе разведения сторон¹⁰²³.

¹⁰¹⁴FRUS. 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 93 P.396.

¹⁰¹⁵FRUS. 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 94 P.400.

¹⁰¹⁶Rubin, Z. J. Op. cit. P. 242.

¹⁰¹⁷Ibid P. 407.

¹⁰¹⁸Quandt, W. Op. cit. P. 213.

¹⁰¹⁹FRUS. 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 98 P. 412.

¹⁰²⁰Stivers, W. Op. cit. P. 182.

¹⁰²¹FRUS. 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 99. P. 418.

¹⁰²²FRUS. 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 100. P. 421.

¹⁰²³FRUS. 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 100. P. 422.

5 октября министр иностранных дел Египта И.Фахми встретился в Вашингтоне с Никсоном и Киссинджером. Он потребовал от США прогресса с разграничением на Синае в ближайшие 2 месяца и давления на Израиль, шантажируя принятием советской военной помощи. Киссинджер пообещал обеспечить прогресс¹⁰²⁴. 9 октября 1974 г. госсекретарь прибыл в Каир, чтобы попросить Садата отговорить арабов от единогласной поддержки ООП на саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) в Рабате, намеченном на 24 октября. Киссинджер считал, что тут стоит опереться скорее, на Египет, чем на старинного, но слабого союзника – Иорданию¹⁰²⁵. Но Киссинджер пожалел о своем пренебрежении иорданским вопросом. В ходе саммита ЛАГ 26-29 октября 1974 г. в Рабате главы арабских государств поинтересовались у короля Хусейна, каковы гарантии вывода израильских войск с Западного берега реки Иордан. Иорданский монарх смог ответить на этот вопрос. Садат также не смог отговорить арабов от поддержки ООП. Таким образом, небрежение к иорданской проблеме привело к падению престижа американской дипломатии среди арабов¹⁰²⁶. По этой же причине американцы противились продолжению женевского формата, на котором вновь начал настаивать СССР¹⁰²⁷.

На приоритетном для американцев египетском направлении также намечались трудности. Садат хотел получить перевалы Милта и Гиди, а также, нефтяные поля близ побережья Красного моря, за перевалами. Для дальнейшего продвижения переговоров Израиль хотел гарантий. Премьер И. Рабин 3 декабря 1974 г. предложил подписать пакт о ненападении с Египтом, желая обеспечить безопасность своей страны без подписания мира, вбив также клин между Каиром и Дамаском. Киссинджер отверг это предложение, считая, что это заведет переговоры в тупик и навредит репутации американцев. Рабин честно заявил, что «...главная цель Израиля – выиграть время, пока Европа и США справятся с нефтяной зависимостью от арабов»¹⁰²⁸. По его прогнозу, Западу потребуется не более 7 лет, чтобы восстановиться от энергетического кризиса, а мир подписывать стоит после 1980 г.

Такой темп американцев не устраивал¹⁰²⁹. В феврале 1975 г. Киссинджер, в ходе своего очередного визита на Ближний Восток, предложил три пункта, которые должны были бы стать базисом для израильской позиции: 1) обязаться делать практические шаги по достижению соглашения; 2) обязаться прекратить применять силу; 3) поставить конкретные сроки достижения соглашения¹⁰³⁰. Госсекретарь также убедил Садата

¹⁰²⁴ FRUS. 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 102. P. 425.

¹⁰²⁵ Quandt, W. Op. cit. P. 224.

¹⁰²⁶ Rubin, Z. J. Op. cit. P. 73.

¹⁰²⁷ FRUS 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 94. P. 401

¹⁰²⁸ Цит. по: Bryson, A. T. Op. cit. P. 261.

¹⁰²⁹ Bryson, A. T. Op. cit. P. 262.

¹⁰³⁰ Ibid.

обнародовать пункты собственной позиции. Она заключалась в свободном передвижении товаров и людей по Синаю, а также предусматривала свободный проход для Египта к синайским месторождениям нефти Абу-Рудейс. Садат настаивал на безоговорочном уходе израильтян с перевалов Милта и Гиди¹⁰³¹. Израиль, видя, что Киссинджер контролирует ситуацию, согласился отойти на середину пути от Суэцкого канала до Милты, предоставив доступ египтянам к месторождениям по дороге, которая бы охранялась силами ООН. Но Садат отказался от израильского предложения, так настаивал на уходе израильтян с перевалов без полумер¹⁰³².

Переговоры зашли в тупик, и он был тем чувствительнее для американцев, что в этот момент рушилась их политика на других направлениях. Проамериканские режимы во Вьетнаме и Камбодже были на грани краха. Греция вышла из НАТО, в отношениях с Турцией наступил невиданный доселе разлад. Наконец, после переворота в Португалии существовала угроза выхода и этой страны из альянса и обрушения всего южного фланга НАТО¹⁰³³. Поэтому для США было жизненно важно показать успешность своей политики на Ближнем Востоке. 22 марта 1975 г. Киссинджер дважды встретился с израильской правительственной делегацией и изложил необходимость выйти из переговорного тупика. Арабы на тот момент сфокусировались на палестинском вопросе, видя ослабление позиций США в мире. Поэтому госсекретарь настаивал, чтобы Тель-Авив пошел на уступки – американцам важно подписать любое соглашение, пусть оно и имитировало прогресс¹⁰³⁴. Но израильтяне, также видя, что они – единственный инструмент, с помощью которого можно сдвинуть ситуацию с мертвой точки, начали вымогать военную помощь. Они указывали на невозможность отхода своих войск с настоящих позиций, так как в буферной зоне оказывались бы станции радиоэлектронной разведки Умм Хашимба, построенные за время оккупации и дававшие возможность 12-часового предупреждения арабской атаки¹⁰³⁵.

Видя пассивность израильтян, Киссинджер решил вновь обратиться к арабам и заодно пересмотреть американскую позицию по отношению к основному союзнику в регионе. В Госдепартаменте рассматривали три варианта поведения: 1) настаивать на возвращении Израиля к границам 1967 г., возобновление женевского формата и консультации с СССР по всем вопросам урегулирования¹⁰³⁶; 2) в случае провала первого варианта попытаться прийти к квази-окончательному соглашению между Египтом и

¹⁰³¹Stivers, W. Op. cit. P. 128.

¹⁰³²Ibid, P. 130.

¹⁰³³Kissinger, H. A. Op. cit. P. 1203.

¹⁰³⁴Kerr, H. M. Op. cit. P. 87.

¹⁰³⁵Ibid.

¹⁰³⁶Newsweek, May 12, 1975.

Израилем с выводом израильских войск и поселений с Синая и утверждением точной границы на финальной стадии переговоров; 3) в случае, если два вышеназванных варианта потерпят крах — вернуться к «пошаговой» стратегии Киссинджера. В Госдепартаменте, который в большинстве своем и раньше относился с сомнением к маневрам своего руководителя, преобладала склонность к первому варианту¹⁰³⁷. Однако сами арабы, объединившись при поддержке СССР в палестинском вопросе¹⁰³⁸ после конференции в Рабате, не имели общей стратегии, на основе которой можно было бы выработать «всеобъемлющее решение» конфликта. Садат боялся женевского формата, так как Израиль мог затянуть разграничение на неопределенный период, это угрожало ему изоляцией среди арабов¹⁰³⁹. Тем не менее, Садат решил вновь обозначить свою готовность к переговорам: продлил мандат сил ООН на Синае, а в июне 1975 г. открыл Суэцкий канал для прохода судов. Киссинджер в то же время пытался убедить израильское лобби в США, что его политика «пошагового» примирения Египта и Израиля правильна. Но Киссинджера с тех пор стали воспринимать в США как врага еврейства, поскольку намеревался добиться ухода израильтян как минимум с Синая¹⁰⁴⁰.

Трения госсекретаря и израильского руководства стали достоянием общественности и вышли в плоскость внутренней американской политики. Еврейское лобби в США было сильнее арабских нефтедолларов¹⁰⁴¹. 21 мая 1975 г. 71 сенатор направил письмо Форду о необходимости немедленного одобрения массивной военной помощи Израилю. В июне израильское лобби в конгрессе раскритиковало Киссинджера и Форда за одобрение продажи ракет воздух-воздух в Иорданию¹⁰⁴². К этому моменту в Госдепартаменте однозначно сформировалось мнение о том, что женевский формат и привлечение СССР к переговорам стало невозможно и опасно. Поэтому в Белом доме более пристально рассматриваются оставшиеся опции – «квази-мирному соглашению» Египта с Израилем и возврат к «пошаговой» стратегии Киссинджера. В июне 1975 г. Форд и Садат встретились в Зальцбурге. Форд публично отверг требование возврата Израиля к границам 1967 г., но Садат согласился продолжить переговоры. Это заявление, наряду с тем, что Садат открыл Суэцкий канал, было жизненно необходимо Форду. Приближались президентские выборы, безработица в США выросла на 9,2%, президенту был нужен дипломатический успех¹⁰⁴³.

---

¹⁰³⁷Rubin, Z J. Op. cit. P. 52.

¹⁰³⁸Newsweek, May 12, 1975.

¹⁰³⁹Quandt, W. Op. cit. P. 297

¹⁰⁴⁰Ibid.

¹⁰⁴¹Bryson A.T. Op. cit. P. 298.

¹⁰⁴²Quandt, W. Op. cit. P. 298.

¹⁰⁴³Newsweek, June 16, 1975.

В июне-августе Киссинджер, видя по итогам срыва сделки по продаже ракет в Иорданию успехи израильской информационной атаки в еврейской общине США, сдался и пообещал Тель-Авиву экономическую помощь в \$1,8 млрд и вооружения, израильтяне же попросили \$ 2,5 млрд¹⁰⁴⁴, упирая на то, что последующий саботаж поставок американского оружия арабам мог бы оттолкнуть их от Вашингтона в объятия Москвы¹⁰⁴⁵. 20 августа 1975 г. Киссинджер отправился в свою двадцатую поездку по Ближнему Востоку, главным образом перемещаясь между Каиром и Тель-Авивом. Рабин предлагал госсекретарю свое видение использования израильской разведывательной станции Умм-Хашимба на Синае¹⁰⁴⁶ — с привлечением израильского, египетского и американского персонала. Киссинджер же высказался против посылки американских специалистов на Синай из-за возможной негативной реакции американского общественного мнения, не успевшего оправиться от Вьетнама. Однако Ш. Перес настаивал, что только американское присутствие может заставить работать арабо-израильские договоренности договорённости¹⁰⁴⁷.

В то же время Садат вновь настаивал на том, чтобы перевалы Милта и Гиди, открывающие путь на равнины Синая, были полностью очищены израильтянами. 26 августа 1975 г. Египет согласился на совместное обслуживание станций радиоэлектронной разведки. В свою очередь, израильтяне также согласились на это после того, как Киссинджер намекнул, что американский персонал все же может появиться на Синае¹⁰⁴⁸. Следующим острым вопросом стала проблема перевалов Милта и Гиди. С Гиди израильтяне формально ушли в обмен на обещание «ненападения» в течение трех лет от Садата, но, используя рельеф местности, на деле заняли точку севернее, которая позволяла контролировать оба перевала¹⁰⁴⁹. 1 сентября 1975 г. Киссинджер прибыл в Александрию, где убеждал Садата не выходить из переговорного процесса, и вскоре отправился к израильтянам, чтобы посулами удержать Тель-Авив в процессе разведения сторон. Госсекретарь согласился на поставку Израилю новейших образцы военной техники, истребителей F-16, а также вести совместные разработки в области ВПК. Кроме того, США не будут признавать, заверил Киссинджер, ООП стороной переговоров, пока организация не вычеркнет из своей программы пункт об отрицании права Израиля на существование¹⁰⁵⁰.

В результате подобных уступок американцев 4 сентября 1975 г. было, наконец, подписано второе соглашение о разграничении на Синае («Синай-2»). Израильтяне

¹⁰⁴⁴Golan, M. Op. cit. P. 195.

¹⁰⁴⁵Rubin, Z J. Op. cit. P. 89.

¹⁰⁴⁶Economist, August 18, 1975.

¹⁰⁴⁷Kerr, H. M. Op. cit. P. 67.

¹⁰⁴⁸Newsweek, September 8, 1975.

¹⁰⁴⁹Newsweek, June 16, 1975.

¹⁰⁵⁰Ibid.

окончательно ушли с перевалов Милта и Гиди, египтяне заняли их, а буферная зона, в которой находились наблюдательные силы ООН, была расширена¹⁰⁵¹. Это соглашение, продемонстрировав прогресс в арабо-израильском урегулировании, было последней, пусть и во многом пропагандистской победой Киссинджера на Ближнем Востоке, повышением роли США как единственного результативного арбитра в регионе. Был заложен базис для окончательного египетско-израильского урегулирования как новой опоры американцев в регионе.

Египет, в недавнем прошлом советский союзник, теперь стал ориентироваться на Вашингтон, ожидая дальнейшего его давления на Тель-Авив с целью полного восстановления суверенитета над собственной территорией. В то же время это далеко не означало, что Израиль вышел из этого этапа с потерями: усилиями Никсона и Киссинджера в американской внешнеполитической мысли Тель-Авив окончательно укрепился как стратегический актив, в ущерб которому нельзя было принимать ни одного решения. Так, за это промежуточное соглашение на Синае, которое не означало еще поной деокупации полуострова, американцы «заплатили» новым Меморандумом о взаимопонимании, в рамках которого Вашингтон обязался, кроме и так выросшей с 1973 г. в четыре раза финансовой помощи гарантировать поставки энергоносителей в случае кризиса, а также в любой момент быстро выдать помощь на сотни миллионов долларов¹⁰⁵².

Но «победа» на Синае в 1975 г. также добавила американцам и сложностей. Египет, на который была сделана ставка во внешнеполитической комбинации Киссинджера по выдавливанию СССР из Леванта (за прогресс в переговорах с Израилем он получил \$71,7 млн в 1974 г \$1,127 млрд в 1975 г. и \$1,320 млрд в 1976 г.¹⁰⁵³) оказался в изоляции в арабском мире, где тон задавали теперь «радикалы» — просоветские Ливия и Ирак, а Багдад, вдобавок поддерживал тесные связи с Парижем. Мало того, в 1976 г. ЛАГ пополнилась еще одним радикальным элементом — ООП как единственным легитимным представителем палестинского народа. Это было следствием откладывания Киссинджером палестинского вопроса¹⁰⁵⁴. Да и сам переговорный процесс, который велся благодаря хрупкой «челночной дипломатии» и торговле уступками через Киссинджера лично, оказался время- и ресурсозатратным. Теперь Египет (Садат уже в 1974 г. преждевременно назвал в интервью «Ньюсвику» свою страну «новым любимцем Вашингтона среди арабов»¹⁰⁵⁵) ожидал массивной американской помощи, а Израиль - многократного роста дотаций в свою

¹⁰⁵¹ Quandt, W. Op. cit. P. 310.

¹⁰⁵² Mearsheimer J., Walt, S. M. Op.cit. P. 31.

¹⁰⁵³ Ibid. P. 31.

¹⁰⁵⁴ Quandt, W. Op. cit., P. 311.

¹⁰⁵⁵ Newsweek, May 27, 1974

армию и экономику от США. Новый президент, Форд, не согласовав с Киссинджером свои обещания израильтянам, одобрил Тель-Авиву дополнительную военную помощь в размере \$2,4 млрд, обрушив на год возможность продолжения переговоров по разграничению, так как на израильтян больше нечем было давить.

Теперь нам стоит обратиться к Франции, конфронтация с которой у США завершилась со смертью Помпиду в начале апреля 1974 г. За ней последовала победа на внеочередных выборах в мае экс-министра финансов Жискара д'Эстена - американофила, «атлантиста», противника французской оружейной дипломатии» в Ираке, Эта новость была воспринята в Вашингтоне с облегчением. Подтверждением позитивных ожиданий от Жискара д'Эстена стал результат саммита НАТО в Оттаве¹⁰⁵⁶ в июне 1974 г., где, по словам Шадурского, произошло «разблокирование американо-французских отношений»¹⁰⁵⁷. От новой администрации, как в свое время от Помпиду, ожидался отход от резко голлистского курса во внешней политике, в том числе, на Ближнем Востоке. Правда, в мае 1974 г. Киссинджер в переписке с Никсоном все же предостерегал его от излишнего оптимизма. Госсекретарь считал, что модус франко-американских отношений вряд ли сильно изменится, так как управлять страной новый президент без поддержки голлистов не сможет¹⁰⁵⁸. Тем администрация Форда после успеха в Оттаве решила продолжать налаживать сотрудничество с Жискаром д'Эстеном.

Как утверждает американский исследователь П. Ладлоу, перед Вашингтоном в 1974 г. с уходом Никсона и его условных оппонентов в трансатлантическом диалоге (позднего Помпиду, британского премьера Э Хита и канцлера ФРГ В.Брандта) открылось «окно возможностней». Это было верно как для налаживания трансатлантических отношений в целом, так и улучшения контактов с каждой из стран европейской «тройки»¹⁰⁵⁹. Это, как мы писали выше, еще в рамках «года Европы» Киссинджера, было средством ослабить европейское единство и не допустить появления на западе второго крупного политического игрока. Двое из трех новых лидеров ключевых европейских стран, считали в Белом доме, холоднее относились и к евроинтеграции. По крайней мере, это было справедливо для нового британский премьера Г. Вильсона, поднявшего вопрос о пересмотре условий вступления Великобритании в ЕЭС, а Г. Шмидт не горел желанием продолжать «восточную политику» контактов с соцблоком своего предшественника¹⁰⁶⁰.

¹⁰⁵⁶ Kissinger, H. A. Op. cit. P. 930.

¹⁰⁵⁷ Шадурский В.Г. Указ. соч. С. 52.

¹⁰⁵⁸ FRUS. 1973-1976, Vol. E-15. Part 2. Doc. 322 P. 990.

¹⁰⁵⁹ Ludlow P. Op. cit. P.141.

¹⁰⁶⁰ Ibid.

Вашингтон решил действовать через Бонн, используя его как посредника в выстраивании диалога с Парижем. Отчасти – чтобы уравновесить казавшийся теперь ложным выбор Никсоном Франции в начале 1970-х гг. как ключевого партнера в континентальной Европе, а также потому, что ФРГ уже явно становилась экономическим «локомотивом» объединенной Европы вместо Франции. Благодаря посредничеству Шмидта в итоге состоялась встреча Форда и Жискара д'Эстена на Мартинике в декабре 1974 г., в ходе которой был улажен ряд финансовых и торговых вопросов, нерешенных еще со времен крушения Бредтон-Вуддской системы, а также энергетического кризиса, хотя убедить французского лидера присоединиться к МЭА не удалось¹⁰⁶¹. В 1975 г., по сути, произошла реанимация американо-французских отношений.

В администрации Форда поняли после условно успешного саммита на Мартинике, что Франция охотно обсуждает экономическую повестку, в особенности на фоне провозглашенной новым французским лидером «прогрессорской» и посреднической роли Франции в его доктрине «мондиализма» («глобализма») - диалоге между развивающимися и развитыми странами. На полях этой повестки и в формально «коллегиальном», равнозначном формате саммита новое французское руководство готово было затрагивать и политические вопросы. Однако даже «атлантист» Жискара д'Эстен не готов был обсуждать возвращение Парижа в военную организацию НАТО и политические вопросы на площадке этой организации после «травмы» 1973 г. Мешала новому французскому президенту теснее сотрудничать с Вашингтоном и устроить собственной политической базы. Жискара д'Эстен действительно, и в этом Киссинджер был прав, был вынужден опираться, в том числе, и на оставшихся влиятельными голлистов. Таким образом, пусть и с коррективами, следовать во многом в старом, голлистском внешнеполитическом фарватере¹⁰⁶².

Чтобы удовлетворить «мондиалистскую» риторику Жискара д'Эстена, США согласились на участие в саммите во французском Рамбуйе под Парижем в декабре 1975 г. Там вместе с Францией оказались лидеры и главы правительств Великобритании, ФРГ, Италии и Японии – тех, кого назовут позже «большой шестеркой». Для Вашингтона с подачи администрации Форда этот формат регулярных саммитов стал параллельным каналом связи с союзниками помимо НАТО и вне его границ, а также оказался и более удобным элементом контроля. Альянс не годился в полной мере для этой роли, в отличие от формально «экономических» встреч, не ущемлявших политических амбиций американских партнеров¹⁰⁶³.

¹⁰⁶¹ Benning, E. Op. cit. P.139.

¹⁰⁶² Ludlow, P. N. Op. cit. P.141.

¹⁰⁶³ Ibid. P. 151.

В то же время США было важно, чтобы крупнейшие мировые экономики не предпринимали сепаратных действий, способных дестабилизировать ситуацию глобально в условиях экономического спада, инфляции и дефицита топлива. Скоординированные меры по борьбе с этими явлениями как раз и обсуждались в Рамбуйе. Запуск формата регулярных саммитов с участием США и Франции был как бы памятью о «четырёхсторонней инициативе», также бывшей для Парижа вопросом престижа. Окончательно «второе издание американо-французской разрядки» подтвердил визит Жискара д'Эстена в Вашингтон в мае 1976 г., подобно тому, как визит Помпиду в свое время ознаменовал окончание конфронтации, запущенной при де Голле.

Однако в урегулирование ближневосточного, важнейшего для Франции конфликта, ее, в отличие от предыдущего этапа потепления при Помпиду в 1969-1972 гг., не пускали. Но, раз в трансатлантических американо-французских отношениях произошли позитивные изменения, в администрации Форда все-таки решили наладить сотрудничество с Парижем в важном для него регионе альтернативным путем. США избрали для координации периферийную, но неотделимую от основной части арабо-израильского конфликта проблему Ливана, страны, обстановка в которой была критически важна для безопасности ключевого американского союзника в регионе — Израиля. В Ливане, по ряду причин, Вашингтон не мог действовать напрямую и открыто. Он решил использовать французов как эмиссаров от лица коллективного Запада. Так Белый дом надеялся удовлетворить французские посреднические ближневосточные амбиции, одновременно не пуская французов в самое сердце регионального конфликта — египетско-израильский диспут.

В Ливане в 1974 г. разгорелась гражданская война, подкреплённая прямым и косвенным иностранным военным вмешательством Израиля и Сирии. Израиль еще в 1972 г. занимал южные районы страны выведя под давлением мирового сообщества войска, после чего южный Ливан заняли отряды ООП. В апреле 1975 г. в Бейруте произошли столкновения между палестинцами и христианской милицией «Катаиб», которые переросли в полномасштабную гражданскую войну. Уже через год Ливан как полноценное государство существовал только формально, на его территории боролись коалиции ООП, друзов, левых и различных мусульманских милиций при поддержке Сирии и стоявшего за ней СССР, и христиан, поддерживаемых Израилем. Через год Сирия отошла от ООП и начала сотрудничать с некоторыми христианскими группировками. Бои сопровождались резней с обеих сторон и прямым иностранным вмешательством. Международно признанное правительство Ливана не контролировало страну и фактически выступало одной из сторон конфликта.

В ноябре 1975 г. М. Кув де Мюрвилль, экс-глава МИД Франции, выступил с инициативой собрать все противоборствующие стороны, включая ООП, под французской эгидой для мирного урегулирования в Ливане, а также создать там «систему для наблюдения за безопасностью». Арабы восприняли это как завуалированный неоколониализм, и предложение Парижа проигнорировали. 20 мая 1976 г. французский президент заявил, что Франция готова отправить своих военнослужащих в рамках миротворческого контингента в Ливан. Париж и раньше пытался предложить свои войска в качестве миротворцев, но его инициатива была проигнорирована¹⁰⁶⁴. Хотя и это предложение было отвергнуто на следующий день и Арафатом с ООП, и ливанским премьер-министром, а СССР порекомендовал Парижу воздержаться от вторжения в Ливан¹⁰⁶⁵, французские намерения неожиданно поддержали американцы.

Дело в том, что, на фоне усталости американского общества от войны во Вьетнаме Вашингтон опасался отправлять войска за рубеж под любым предлогом. Но и дистанцироваться от ситуации, где были замешаны Израиль и Сирия, было невозможно. Поэтому, когда на освобождаемых Израилем южных территориях Ливана должны были появиться миротворцы ООН, американцы согласились и даже рекомендовали французам присутствовать в составе этих сил¹⁰⁶⁶. К тому же, если бы Франция скомпрометировала себя в запутанном конфликте, это было бы для нее лишним уроком и умерило бы ее амбиции в регионе, считали в Вашингтоне. Французы же были рады после долгого перерыва заявить о своем военном присутствии в регионе и в Ливане. Американцам, в свою очередь, показали полезны связи Парижа с Арафатом, поскольку миротворцы должны были расположиться в зоне базирования ООП. Мало того, Париж попытался установить контакт с Дамаском относительно общей позиции по ливанскому вопросу, хотя вскоре Х. Асад, порвавший до этого кооперацию с Арафатом, отказался и от сотрудничества с Парижем,¹⁰⁶⁷ На встрече Форда, Жискара д'Эстена и Киссинджера вместе с сотрудниками внешнеполитических ведомств двух стран в Вашингтоне 8 мая 1976 г., где обсуждалась ситуация в Ливане, американцы предложили французам присоединиться к миротворческому контингенту¹⁰⁶⁸.

Пока военное присутствие в Ливане наладить не удавалось, Париж в сентябре 1976 г. вновь выступил с мирной инициативой проведения «круглого стола» всех заинтересованных сторон, включая теперь и Сирию, которая имела в Ливане свои

¹⁰⁶⁴Cohen, S. Op. cit. P. 119.

¹⁰⁶⁵Правда, 21 мая, 1976.

¹⁰⁶⁶Diekhoff, A. Op. cit. P. 231.

¹⁰⁶⁷Ibid. P. 213

¹⁰⁶⁸FRUS. 1973-1976. Vol. E-15. Part 2 Doc. 339 P. 1039.

«миротворческие» силы, сначала выступавшие в союзе с ООП, а потом — на стороне христианских формирований. Это предложение также осталось без ответа, лишь в октябре 1976 г. Париж посетил для консультаций с французским правительством маронитский патриарх — глава общины, с которой Франция традиционно была связана¹⁰⁶⁹. Тем не менее, в целом можно сказать, что администрации Форда удалось на время «свалить» грязную работу — посредничество в ливанском кризисе, на решение которого у Вашингтона не было ни времени, ни сил, ни возможности нести риски — на Францию. Если французы успешно урегулируют конфликт, северная граница Израиля будет в безопасности, полагали в США, если нет — доверие между французами и арабами уменьшится, а евро-арабские инициативы свернутся.

Однако за исключением этого эпизода, с приходом к власти Жискара д'Эстена ближневосточная политика Франции практически не поменялась и продолжила развиваться все тем же путем, реагируя на новые обстоятельства. Идеологическим стержнем французской политики при новом президенте стало продолжение трендов, идущих еще от голлистов. Доктрина «мондиализма», провозглашенная Жискаром д'Эстеном, определявшая роль Франции как «друга» и «передаточного звена» в отношениях Запада и Третьего мира, была на деле, как и «Средиземноморская политика» Помпиду и «арабская» - де Голля, направлена на обеспечение страны энергоресурсами и рынками сбыта¹⁰⁷⁰. Рецидивом этого периферийного антиамериканизма на фоне в целом налаживаемых отношений с США в рамках «мондиализма» стала попытка Парижа провести, по аналогии с Евро-арабским диалогом, конференцию более широкого масштаба. В октябре 1974 г. Франция заявила об инициативе созыва конференции Север-Юг (производители сырья – потребители сырья), в противовес Международному энергетическому агентству (МЭА)¹⁰⁷¹.

Тем не менее, французы стали более сговорчивы с США в энергетических вопросах. Не присоединившись к МЭА из-за боязни раздражать арабов, они пообещали устами своего президента на саммите на Мартинике в декабре 1974 г. не препятствовать координационным действиям американцев в рамках этой платформы¹⁰⁷². Мало того, было достигнуто соглашение с американцами о координации механизмов конференции «Север-Юг» в 1975 г. с решениями МЭА через ОЭСР (другими словами, то, что предлагал Киссинджер Жоберу в Вашингтоне в феврале-марте 1974 г. – «сохранить лицо», но по факту подчиниться американскому главенству). Закрепляя достигнутое взаимопонимание,

¹⁰⁶⁹Nouschi, A. Op. cit. P. 114.

¹⁰⁷⁰Cohen, S. Op. cit. P. 159.

¹⁰⁷¹Bozo, F. Op. cit. P. 163.

¹⁰⁷²FRUS. 1969-1976 Vol. XXVI Doc. 177 P. 491.

госсекретарь Киссинджер, ранее, встретившись со своим французским коллегой Ж. Сованьяргом 4 июля 1974 г. заявил, что «...Вы наверняка думаете, что это хитроумный план, чтобы подчинить себе энергетическую политику Европы, но это не в наших интересах»¹⁰⁷³. Забегая вперед, можно заметить, что конференция, созванная по французской инициативе в 1975 г., на наш взгляд, оказалась непродуктивной, более медийным и пропагандистским событием¹⁰⁷⁴.

Как сообщал из Парижа уже в феврале 1975 г. американский дипломат в Госдепартамент, после неудачных попыток саботировать усилия американцев по урегулированию энергетического кризиса, Франция на время «...лишилась роли «глашатая Европы»¹⁰⁷⁵. Новая администрация в отличие от Помпиду, по словам дипломата, более реалистично оценивала свои возможности. Это шло, несмотря на преемственность арабофильского курса, как отмечает В.Г. Шадурский, в рамках общей тенденции отхода от завышенных внешнеполитических амбиций голлизма и переходу от политики «величия» к политике «влияния»¹⁰⁷⁶. В этой связи Вашингтон ослабил негативную риторику по отношению к продолжающемуся Евро-Арабскому диалогу¹⁰⁷⁷, который сам Киссинджер пренебрежительно называл «европейским мазохизмом», имея в виду подчиненность европейцев арабам. В конце концов, американский госсекретарь примирительно закрепил «разделение труда», позволив Парижу и ЕЭС решать экономические вопросы с арабами, а Вашингтону оставив полностью политическую сферу, центральной проблемой которой было арабо-израильское урегулирование¹⁰⁷⁸.

Однако цели французской политики на арабском Ближнем Востоке, несмотря на частичное ослабление ее антиамериканского компонента, остались прежними: усиливать двусторонние отношения с арабскими странами, обменивая оружие на нефть, а также пытаться выкроить себе сферу влияния. Главной задачей для французов было сократить торговый дефицит в отношении с Ближним Востоком, который, после войны Судного дня, в отличие от \$2 млрд у США, у Франции составлял \$5 млрд¹⁰⁷⁹. Еще одной из первостепенных задач была диверсификация энергетических поставок, и, в первую очередь, снижение доли саудовской нефти с 50% до 20% в потреблении¹⁰⁸⁰. Если американцы изначально делали ставку на «умеренных» арабов, то Франция продолжала опираться на

¹⁰⁷³The New York Times, 5 July, 1974.

¹⁰⁷⁴Cohen, S. Op. cit. P. 160.

¹⁰⁷⁵FRUS. 1969-1976. Vol. E-15. Part 2. Doc. 328. P.1011.

¹⁰⁷⁶Шадурский, В.Г. Указ. Соч. С.50.

¹⁰⁷⁷Скороходова, О.Н. Указ. Соч. С. 96.

¹⁰⁷⁸Möckli, D. Op. cit. P.65.

¹⁰⁷⁹L'année politique, économique, sociale et diplomatique en France. 1975. P. 67.

¹⁰⁸⁰Cohen, S., Op. cit. P. 355.

«радикалов». Хотя Ливия, в какой-то степени, начала отходить на второй план, тем не менее, несмотря на охлаждение интереса к непредсказуемому Каддафи, в 1974 г. с Триполи было заключено соглашение о техническом и торговом сотрудничестве. Более того, Париж, по сути, стал единственной европейской столицей, официально принявшей в 1970-е гг. ливийского лидера¹⁰⁸¹. В 1976 г., на исходе своих премьерских полномочий Ж. Ширак посетил Триполи вместе с Р. Барром¹⁰⁸²

Зато с «непримиримым» Багдадом, последовательно выступавшим против американских инициатив примирения арабов с Израилем на саммитах ЛАГ 29 октября 1974 г. и 26 октября 1976 г.¹⁰⁸³, отношения у Парижа развивались все активнее. Ирак на тот момент являлся одной из самых динамично развивающихся арабских стран. Его внешнеполитическое положение было нестабильно, что порождало спрос на оружие и модернизацию в конкуренции с таким же стремительно модернизирующимся Ираном, накачиваемым американскими технологиями и оружием. Поэтому уже в начале 1974 г. фирма Thompson подписала контракт на поставку Ираку радаров ПВО на сумму 1,764 млрд. франков¹⁰⁸⁴. В мае Багдад посетил премьер-министр П. Мессмер, договорившийся о строительстве французскими фирмами агрокомплекса под Киркуком, которое должно было стартовать к концу года¹⁰⁸⁵.

Франция, как и обещал Жобер, в пику американцам односторонне договаривалась с арабами по энергетическим вопросам, и, в первую очередь, с Багдадом. Ещё в декабре 1973 г. Total (CFP) провела переговоры с генералом аль-Бакром в Матиньоне при посредничестве премьер-министра Франции П. Мессмера. Кроме послаблений крупнейшей французской нефтяной госкорпорации в условиях энергетического кризиса, обсуждались и дальнейшие возможности поставок французского оружия. В обмен на это Багдад обещал вступить за Париж при осуждении вопросов в рамках ОПЕК¹⁰⁸⁶. Ирак вошел в список стран, которые посетил Жобер во время своего беспрецедентного ближневосточного турне в январе-апреле 1974 г., с целью заключить ряд договоренностей о снабжении Франции энергоресурсами¹⁰⁸⁷. Визит в Багдад происходил на фоне энергетической конференции в Вашингтоне. В Багдаде Жобер заявил, что «...Европа и Франция имеют практическую политику, которую могут предложить Ближнему Востоку»¹⁰⁸⁸. Несмотря на то, что это было

¹⁰⁸¹Бартенев, В.И. Ливийская проблема в международных отношениях в 1981-1991 гг. С. 94.

¹⁰⁸²Там же, С. 96.

¹⁰⁸³Newsweek, December 6, 1976.

¹⁰⁸⁴Dalloz, J. Op. cit P. 99

¹⁰⁸⁵Péan, P. L'inconnu de l'Élysée. P. 231.

¹⁰⁸⁶Bozo, F. Op. cit. P. 89.

¹⁰⁸⁷Stayan, D. Op.cit. P.. 115.

¹⁰⁸⁸Цит. по: Allen, D., Hauri A. Op. cit. P. 96.

отражением концепции Жобера, сформировавшейся еще до войны Судного дня, это был красноречивый сигнал Вашингтону, как и само его турне, вкупе с созданием по инициативе Франции Евро-Арабского диалога. С. Хусейн, в свою очередь, заявил что «...мы закрыли дверь перед носом у американцев, англичан и всех, кто нас не уважает. Мы знаем, что Франция – и все это подтвердят — уважает наше достоинство. И вы предложили сотрудничество на тех же условиях, что и наш лучший друг – СССР»¹⁰⁸⁹.

Жискар д'Эстен летом 1974 г. решил не форсировать дальнейшее сближение с Ираком, так как известный своим амеркианофильством министр финансов был против связей с советским клиентом на глазах у Вашингтона. Новый французский лидер в начале своего срока также сохранил свое отношение к вопросу экспорта тяжелых вооружений в Ирак. Он противился поставкам «Миражей», хотя не исключал поставок легких вертолетов «Газель» и снаряжения для иракской сухопутной армии¹⁰⁹⁰. Однако вопреки первоначальным установкам Жискар д'Эстена, внимание к Ираку со стороны французских правящих и деловых кругов только нарастало. Президенту пришлось уступить мнению французской элиты о продуктивности связей с этой арабской страной. Так, например, результате договоренностей с Багдадом, летом 1974 г. Total было разрешено получить столько нефти, сколько она сможет извлечь. Уже 5 июня 1974 г. новый глава французского правительства Ж. Ширак заявил о необходимости усилить позиции французской атомной промышленности за рубежом, подразумевая, в первую очередь, Ирак¹⁰⁹¹. По сути, вся внешнеполитическая деятельность премьера на Ближнем Востоке в 1974-1976 гг., по признанию самого Ширака, являлась рекламой французских технологий для Багдада¹⁰⁹². На рубеже 1974/1975 гг. Ирак вновь стал ключевой точкой приложения французских внешнеполитических усилий в регионе. В рамках своих контактов с Ираком сам Ж. Ширак, чьим, по сути, детищем и было «иракское направление», в своих мемуарах выделяет три основополагающих визита: в октябре-ноябре 1974 г. — Ширак в Багдаде. В сентябре 1975 г. — Хусейн в Париже и, наконец, визит Ширака вместе со своим будущим сменщиком, а тогда – министром внешней торговли Раймоном Барром¹⁰⁹³. Кроме этих визитов нарастало число контактов на других уровнях.

Стоит отметить, что, кроме раннего противодействия Жискар д'Эстена фокусировке на Ираке, оппозиция курса на сближение с ним существовала также в МИД Франции. Так, М. Понятовский выступал проводником именно «Средиземноморской политики» Помпиду,

¹⁰⁸⁹Behr, T. Op. cit. P.78.

¹⁰⁹⁰Teyssier, J-P. Op.cit. P. 478.

¹⁰⁹¹Chirac, J. Op.cit. P.191.

¹⁰⁹²Nouschi, A. Op.cit. P.192.

¹⁰⁹³Chirac, J. Op. cit. P. 103.

он пытался противостоять иракскому вектору, перенося тяжесть французской политики с Ближнего востока в Алжир, традиционно имеющего тесные связи с бывшей метрополией и одновременно являющимся надежным поставщиком энергоносителей. Кроме того, антиизраильская «иракская истерия» плохо вязалась с Евро-Арабским диалогом, который был, по его мнению, скорее продолжением не арабской, а «Средиземноморской политики»¹⁰⁹⁴. Однако иракское направление, в особенности на фоне пробуксовки ЕАД и отсутствия бесспорных побед на этом направлении, в итоге стало магистральным.

В августе 1974 г. во Францию состоялся визит иракской делегации, в ходе которого был вновь поднят о сотрудничестве в ядерной сфере. Иракцы посетили Комиссариат ядерной энергетики, встретились с его главой А. Жиродом и похвалили качество французских реакторов¹⁰⁹⁵. 1 сентября 1974 г. было подписано крупное франко-иракское соглашение о поставках вооружений для армии Ирака, которое подготовили высшие чины ВВС этой страны и французской корпорации Dassault, а в ноябре состоялся первый, «зондирующий» визит Ширака в Багдад. Уже в этот раз между Парижем и Багдадом были подписаны соглашения о строительстве французами нефтеперерабатывающего завода в Басре, двух цементных заводов, Багдадского военного госпиталя, Багдадского военного аэропорта и внедрения французских технологий цветного телевидения (основного французского конкурентного товара потребительского назначения на Ближнем Востоке). В течение следующего года Франция стала приближаться к лидерству по поставкам промышленных товаров среди стран Западной Европы¹⁰⁹⁶.

Ширак прибыл с визитом в Багдад 1 декабря 1974 г.. По его итогам премьер Франции объявил о фантастическом контракте по закупке Багдадом вооружений у Парижа – он назвал цифру в 15 млрд. франков. Через год выяснилось, что реальная сумма подписанных контрактов составила всего лишь 3 млрд. франков¹⁰⁹⁷. Однако на тот момент в СМИ этот контракт был подан как величайший прорыв французской дипломатии и лично Жака Ширака. Череда визитов на уровне министров и глав крупнейших корпораций продолжилась. 12 марта делегация концернов Dassault и SNECMA посетила Багдад. 5 сентября 1975 г. Ширак вновь принял Саддама в Париже. Во время осмотра ядерных объектов в Карадаше Ширак сообщил Саддаму: «Вы мой персональный друг. Я заверяю Вас в моем уважении, моей оценке и моем восхищении»¹⁰⁹⁸.

¹⁰⁹⁴Allen, D., Hauri A. Op. cit. P. 100.

¹⁰⁹⁵Péan, P. Op. cit. P. 294

¹⁰⁹⁶Razeaux, P, Elliott, N. Op.cit. P. 88.

¹⁰⁹⁷Stayan, D. Op. cit. P.120.

¹⁰⁹⁸Цит. по: Chirac, J. Op. cit. P. 118.

Посол Франции в Ираке в середине 1970-х гг. Ж. Моризе так характеризует фундамент теплых отношений Саддама и Ширака: «Они упали в объятия друг друга. Ширак хотел самоутвердиться в области внешней политики, куда Жискара д'Эстен пускал его неохотно [так как внешняя политика – вотчина, прежде всего, президента Республики]. Саддам же хотел избавиться от советской опеки, воспользовавшись технологическими преимуществами сотрудничества с европейской страной. Ширак понял важность Ирака и воспользовался возможностью»¹⁰⁹⁹. Следует добавить, что в случае обычных вооружений, в том числе и авиации, американцы рассматривали возможность даже поощрять «британцев и французов с их поставками, чтобы уменьшить зависимость Багдада от Москвы»¹¹⁰⁰.

Однако сотрудничество Парижа и Багдада после предварительного зондирования почвы прочно вышло на новый и очень чувствительный уровень – ядерных технологий. В октябре 1975 г. Хусейн в очередной раз нанес визит в Париж, посетил ядерный центр в Карадаше, и потом многозначительно заметил, что Франция «...готова меня поддержать людьми, технологиями и знаниями»¹¹⁰¹. Иракский политик четко обозначил свои приоритеты в отношениях с Парижем: военная авиация и ядерная энергетика. В следующем месяце делегация офицеров ВВС Ирака вновь посетила заводы Dassault, с целью детально ознакомиться с циклом производства «Миражей». На иракском направлении более чем очевидно проявилась связка французского правительства и ВПК. Известны дружеские отношения Ширака с главой военно-промышленного концерна Dassault М. Дассо. Оба, по словам французского исследователя П. Пеана, вынашивали и более грандиозные, внешнеполитические планы – продолжить «наступление» Франции на Ближнем Востоке и вырвать Ирак из советской зоны влияния. Багдад, который проявлял к тому же откровенное стремление занять место регионального лидера¹¹⁰², мог стать плацдармом для Франции в ее конкуренции с США¹¹⁰³. Несмотря на кажущуюся непропорциональность замыслов реальным возможностям Дассо и Ширака, доля здравого смысла в их планах была. Так, Москва отказывалась дать Багдаду доступ к ядерным технологиям, а Париж - наоборот.

В том же ноябре 1975 г., когда делегация офицеров ВВС Ирака посетила военные авиазаводы, было заключено межгосударственное соглашение о кооперации в ядерной энергетике. 18 ноября 1975 г. были подписаны сразу три протокола «исключительного сотрудничества»: в ядерной сфере, информационных технологиях и телевидении¹¹⁰⁴.

¹⁰⁹⁹Цит по: Péan, P. Op. cit. P. 218.

¹¹⁰⁰FRUS. 1973-1976 Vol XXVII, Doc. 304, P. 825.

¹¹⁰¹Péan, P. Op. cit. P. 219.

¹¹⁰²Cohen, S. Op. cit. P. 354

¹¹⁰³Le Monde Diplomatique, Juillet 1974

¹¹⁰⁴Cohen, S. Op. cit. P. 355.

Протокол по ядерной энергетике подразумевал поставку Багдаду ядерного реактора «Осирак». Таким образом, Ирак мог стать первой арабской страной, имеющей ядерные технологии. И, несмотря на то, что в протоколе говорилось о «мирном использовании атома»¹¹⁰⁵, это был сигнал для соседей, в первую очередь для Израиля, о возможности создания одним из самых последовательных противников его существования ядерной бомбы. 11 сентября 1976 г. намерение о поставке реактора «Осирак» было вновь подтверждено французским правительством. В январе 1976 г. Ж. Ширак и Р. Барр посетили Багдад на обратном пути из Индии во Францию. В иракской столице при посредничестве высокопоставленных лиц французского правительства прошли переговоры между предприятиями французских концернов ВПК SNECMA, Dassault, Thompson и Marta¹¹⁰⁶. Именно в ходе этой крупной встречи между реальными компаниями и представителями иракского правительства 26 января 1976 г. стала известна обескураживавшая некоторых цифра в 3 млрд франков, столь сильно отстоящая от 15 млрд.

Если Ирак был ключевым государством, на которое хотели опереться французы для закрепления в регионе, то вторым столпом своего влияния они избрали Организацию освобождения Палестины (ООП), изрядная часть финансирования которой проходила через тот же Багдад¹¹⁰⁷. Париж, на фоне отказа США немедленно решать палестинский вопрос, поставил на Я. Арафата, преследуя двойную цель: заручиться поддержкой арабов и саботировать американскую стратегию сепаратного примирения Израиля и Египта¹¹⁰⁸. Тот факт, что Арафат был связан с Москвой, также потенциально открывал перед французской внешней политикой дополнительные возможности по давлению на позиции американцев. Французам было сложно не воспользоваться первым демонстративным провалом ближневосточной стратегии Киссинджера, а именно признание ООП саммитом ЛАГ в Рабате в октябре 1974 г. законным представителем палестинцев. Однако еще до открытия саммита 21 октября 1974 г. глава МИД Франции Ж. Сованьярг прибыл в Бейрут для переговоров с Арафатом¹¹⁰⁹.

Вслед за этим сделанное французским президентом в интервью газете «Монд» заявление о том, что «...палестинскому народу нужна родина.»¹¹¹⁰ уже не казалось дежурной фразой. Незадолго до визита Сованьярга в Бейрут Жискара д'Эстен на пресс-конференции заявил, что «...палестинцы представляют собой реальность, народ.

¹¹⁰⁵ Accord de coopération franco-irakienne. Bagdad 18 novembre 1975, publié par décret du 14 juin 1976, Journal officiel, lois et décrets, Paris, 18 juin 1976. P. 3654-3656.

¹¹⁰⁶ Badel L. Op.cit.. P. 234

¹¹⁰⁷ Diekhoff, A. Op.cit. P. 233.

¹¹⁰⁸ Ibid. P. 230.

¹¹⁰⁹ Cohen, S. Op. cit. P. 362.

¹¹¹⁰ Le Monde, 26 octobre, 1974

Нормальным желанием любого народа является иметь свою родину»¹¹¹¹. Следующим символическим моментом стала поддержка Францией инициативы председательствовавшего на тот момент в Генассамблее ООН Алжира о приглашении туда Я. Арафата в ноябре 1974 г., благодаря чему, несмотря на протесты Израиля, глава ООП выступил с речью 13 ноября 1973 г. Поворотным моментом в кооперации с палестинцами стало открытие 31 октября 1975 г. в Париже Информационного бюро ООП — фактически, первого легального иностранного представительства Палестины на Западе¹¹¹². Так Франция стала единственной западной страной, однозначно поддерживающей ООП. Аргументация Парижем своих связей с этой группировкой в публичном поле была следующей: стоит завязать контакты с силой, реально представляющей палестинцев, так как в этом лежит залог результативности ближневосточного урегулирования.

Как утверждали французы, ООП, получив диалог с Западом, утратит необходимость привлекать к себе внимание с помощью терактов. Программой максимум и истинной целью французской политики было сделать организацию посредником, с помощью которого Париж смог бы не только саботировать американские инициативы, но сам и участвовать в пока недоступном для него ближневосточном урегулировании. Продолжая свою политику упора на палестинский вопрос, 6 декабря 1975 года Франция присоединилась к требованию ООН к Израилю очистить все оккупированные территории. В сентябре 1976 года, после того, как ООП получила статус члена ЛАГ, состоялся еще один значимый символический акт: Арафат посетил Париж, где встретился с французским президентом¹¹¹³. Кроме официальных знаков внимания, Париж попытался начать действенные шаги по параллельным американским действиям в направлении арабо-израильского урегулирования. Так, в сентябре 1976 года в Париже была устроена секретная встреча представителей ООП и израильской разведки, которая, впрочем, прошла безрезультатно¹¹¹⁴.

Кроме поддержки ООП Париж пытался вновь вдохнуть политический смысл в Евро-Арабский диалог, который американцы после прихода администрации Жискара д'Эстена считали абсолютно безопасным и беспомощным. Тем не менее, встречи на экспертном уровне продолжались: 10-14 июня 1975 г. состоялась встреча в Каире, где были разработаны основные цели, принципы и области работы ЕАД¹¹¹⁵. Две остальные встречи

¹¹¹¹ Цит. по: Nouschi, A. Op. cit. P. 113

¹¹¹² Cohen, S. Op. cit. P. 363

¹¹¹³ Nouschi, A. Op. cit. P. 114

¹¹¹⁴ Cohen, S. Op. cit. P. 334.

¹¹¹⁵ Symposium au Caire du Comité Mixte d'experts du 14 juin 1975 [Эл. ресурс] URL : www.un.org/documents/ecosoc/cn9/1995/french/ecn91995-5f.pdf (дата обращения 1.03.2017)

такого формата были проведены в Риме и Абу-Даби в июле и ноябре 1975 г.¹¹¹⁶ После этого этапа Францией были начаты попытки вновь придать политический смысл Евро-арабскому диалогу и оживить весь формат в целом, замахший на фоне улучшения американо-французских отношений в первый год администрации Жискара д'Эстена. 7-8 июля 1975 г. в Страсбурге состоялась встреча Парламентской ассамблеи за евро-арабское сотрудничество, одним из результатов которого стало заявление о том, что «Евро-арабский диалог должен выражать единую политическую волю»¹¹¹⁷.

Во время этой встречи стало понятно, что арабы требуют не только единого отношения европейцев (осуждения сионизма, которого европейцы так и не сделали в Абу-Даби¹¹¹⁸) к Израилю, но и единого мнения по ситуации на Ближнем Востоке. Но Париж не сделал реверанс в сторону арабов, не поддержав¹¹¹⁹ резолюцию Генассамблеи ООН от 10 ноября 1975 г., которая приравнивала сионизм к апартеиду и другим формам расовой дискриминации¹¹²⁰, впервые пойдя наперекор желаниям арабов и вызвав этим их недовольство¹¹²¹. 18-20 мая 1976 г. состоялась собрание первой Генеральной комиссии Евро-арабского диалога в Люксембурге¹¹²². Тем не менее, до 1977 г. (Лондонской декларации ЕЭС) значимых политических вопросов, непосредственно касающихся Ближнего Востока и арабо-израильского урегулирования, поднято не было. Институциональное строительство Евро-арабского диалога пока что ограничивалось экономическими вопросами, лишь подобравшись к политическому уровню, на котором, тем не менее, прежде всего решались вопросы торговли, инвестиций и финансов.

Администрация Жискара д'Эстена также попробовала вновь проникнуть в Египет на фоне того, что уход СССР давал возможность заполнить лауну. Проблемой было то, что Каир уже твердо решил ориентироваться на Вашингтон. Тем не менее, возможность воспользоваться хотя бы спросом на вооружение была - в 1973 г. только самолетов Каир потерял не менее 200. В феврале 1974 г. прошли предварительные переговоры о поставке Египту некоторого количества истребителей «Мираж»¹¹²³. 28 августа 1974 г. Жискара д'Эстен снял наложенное еще де Голлем эмбарго на поставки вооружений «фронтным»

¹¹¹⁶ Corbineau, B. Op. cit. P. 555

¹¹¹⁷ L'Association Parlementaire pour la Cooperation Euro-Arabe Strasbourg du 7-8 juin 1975 [Эл. ресурс] URL : <http://crisolinet.net/spaces.live.com/blog/> (дата обращения 1.03.2017).

¹¹¹⁸ Corbineau, B. Op. cit. P. 570.

¹¹¹⁹ Nouschi, A. Op. cit. P. 114.

¹¹²⁰ Резолюция Генассамблеи ООН № 3379 от 10 ноября 1975 года [Эл. ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/000/92/IMG/NR000092.pdf?OpenElement> (дата обращения 1.03.2017)

¹¹²¹ Le Monde, 2 Decembre, 1975

¹¹²² Communiqué final la réunion au Luxembourg (18-20 mai 1976) [Эл. ресурс] URL: www.arc.eui.eu/pdfinv/inv-km.pdf (дата обращения 1.03.2017)

¹¹²³ International Affairs, February 10, 1974.

странам. По итогам 1974 г. французы договорились о поставках Египту учебных самолетов «Альфаджет», легких вертолетов «Газель» и систем ПВО¹¹²⁴. Наконец, 10-15 декабря 1975 г. Жискар д'Эстен впервые посетил с официальным визитом Каир и заявил о том, что Франция готова наладить в стране производство вооружений западного образца¹¹²⁵. Проект был грандиозен: планировалось ввести в строй мощности для производства вооружений для всех арабских стран, из которых наиболее подходящей площадкой стал Египет, ввиду его относительной индустриализованности. Участие в этом предприятии приняли крупнейшие объединения французского ВПК: Dassault, SNECMA и Thompson.

Ввиду неплатежеспособности Каира деньги на этот проект должны были быть выделены Саудовской Аравией и ОАЭ¹¹²⁶. Очевидно, что основным желанием арабов было локализовать у себя производство французских «Миражей» после того, как это фактически сделали израильтяне. Еще в 1968 г., после наложения Парижем эмбарго на поставки Тель_Авиву этих самолетов, израильская разведка выкрала документацию «Mirage III». Из поставлявшихся и оставшихся на складах запчастей, переданных французами до эмбарго, была создана нелегальная копия «Миража» с американскими двигателями – истребитель «Кфир». Он стал, наряду со стоявшими на вооружении французскими машинами, основным боевым самолетом израильтян в середине 1970-х г. Арабы хотели иметь оружие с идентичными характеристиками.

Не остались без внимания французской дипломатии и французского ВПК и страны Персидского залива – нефтяные монархии Кувейта и ОАЭ. Вслед за укреплением дипломатических отношений со странами Персидского залива – в Абу-Даби, Бахрейне, Катаре и Омане появились представители Парижа в ранге послов – в регион устремились французские оружейники¹¹²⁷. Здесь конкуренция была высока, и поэтому французы кооперировались с англичанами в районе, бывшем еще несколько лет их исключительной сфере влияния. Французы поставляли арабским монарзиям дополнительное оборудование и вооружение, как, например, навесные противотанковые ракетные комплексы SNILAS для британских танков «Центурион» и легких вертолетов Кувейту, хотя не обошлось и без переговоров о поставке 285 французских танков AMX¹¹²⁸. Всего в первой половине 1970-х гг. французам удалось продать оружия монархиям Персидского залива на сумму \$18 млн

¹¹²⁴Frémeaux, J. Op. cit. P.112.

¹¹²⁵Cohen, S. Op. cit. P. 354.

¹¹²⁶Frémeaux, J. Op. cit. Op. cit. P. 118.

¹¹²⁷Newsweek, January 6, 1975.

¹¹²⁸Clein, J. Op.cit. P. 578.

(Катар, Кувейт, Абу-Даби), что в сравнении с Ливией и Ираком составляет меньшую часть сбыта¹¹²⁹.

Можно заключить, что французская политика в арабских странах региона в 1974 - 1977 гг. оказалась продолжением действий предыдущей администрации — экономического и военно-технического проникновения. Нефтяной фактор остался преобладающим — целью всей политики было создать такие имиджевые, и, если получится, политические позиции для Франции в регионе, при которых было бы возможно бесперебойное и выгодное снабжение ее местными энергоресурсами. Из ярко выраженных новых особенностей этого периода стоит отметить решение о ставке на ООП, чтобы саботировать американские усилия по урегулированию ближневосточного конфликта, а также еще более глубокое наращивание контактов с Ираком. Третьей особенностью стала попытка реанимировать Евро-арабский диалог и придать ему политическое измерение, разрабатывая общеевропейскую стратегию поведения в регионе.

Американцы продолжали прикладывать усилия к дальнейшему, «пошаговому» разведению сторон арабо-израильского конфликта, готовя почву для переговоров. Вашингтону удалось прочно закрепиться в Египте, хотя вести египетско-израильские переговоры в запланированном темпе не удавалось. Тем не менее, Киссинджер и Форд в целом провели глубокую работу, создав «трамплин» для прорыва на ближневосточном направлении для следующей администрации. В американо-французских отношениях на Ближнем Востоке в 1975-1976 гг. ситуация походила на ту, что сложилась в 1971-1973 гг., после провала «четырёхсторонней инициативы». Обе страны, значительно улучшив двусторонние отношения, в зоне Восточного Средиземноморья шли параллельными курсами, практически не взаимодействуя между собой в регионе, кроме конфликта в Ливане из-за слишком высоких рисков для американцев и французских амбиций. Так что сотрудничество ограничивается лишь этим небольшим эпизодом.

2. На пути к Кэмп-Дэвиду. Действия США и реакция Франции. 1977-1979 гг.

Внешнеполитический маневр Киссинджера в целом привел к тому, что баланс на Ближнем Востоке начал смещаться в сторону США. К привычным союзникам американцев, в число которых входил Израиль, Саудовская Аравия и Иордания, прибавился Египет, а позиции СССР существенно ослабли. Как сообщало ЦРУ в своем отчете по обстановке в регионе в 1977 г., рост влияния Москвы даже в ее традиционных союзниках — Сирии и Ираке — был маловероятен, за исключением усиления влияния в Ливии¹¹³⁰. Тем временем

¹¹²⁹The Financial Times, 27 April, 1974.

¹¹³⁰FRUS. 1977-1980. Vol. XVIII. Doc. 6. P. 12.

в США сменилась администрация. 2 ноября 1976 г. президентские выборы выиграл Дж. Картер, и к делам управления американской внешней политикой пришла новая команда. Хотя она относилась скептически к стилю работы Киссинджера, однако на деле пользовалась его наработками и двинулась по проложенному им маршруту. Так, в феврале 1977 г. своем отчете советнику президента по национальной безопасности З. Бжезинскому У. Квандт подчеркнул, что среди задач американской внешней политики первоочередной является мирное соглашение между Египтом, и, возможно, Сирией и Израилем в ближайшие несколько лет. Палестинский вопрос следовало решить с помощью конфедерации с Иорданией¹¹³¹.

Американцы продолжали две опции, намеченные Киссинджером, усилив проработку вопроса продвижения американских технологий и вооружений, спрос на которые только рос. Так, с 1975 г. по 1979 г. экспорт американских вооружений утроился, достигнув значения в \$8,9 млрд. К 1979 г. Ближний Восток поглощал 89,3% зарубежных военных поставок.¹¹³² Иордания оставалась верным союзником США, оплотом «умеренных» арабов и одним из основных реципиентов американской военной помощи – за 1975-1980 гг. она получила ее на \$120 млн¹¹³³. Половина бюджета страны (около \$100 млн ежегодно) составляла американская экономическая помощь. Мало того, в феврале 1977 г. в прессу произошла утечка о том, что ЦРУ напрямую оплачивает королю Хусейну содержание его двора на сумму \$15 млн в ближайшие 20 лет¹¹³⁴. Что характерно, Иордания, армия которой тренировалась американцами, сама стала экспортером военных советников в соседние арабские страны – в ОАЭ, Йемен, Оман¹¹³⁵.

Обозначился интерес американцев к Ираку. Эта радикальная и политически изолированная от соседей, но в то же время перспективная и динамично развивающаяся ближневосточная страна имела амбиции регионального лидерства. У. Квандт в своем отчете в феврале 1977 г. считал, что до этой цели Багдаду оставалось 5-10 лет¹¹³⁶. Задачей Вашингтона стало построить уровень отношений, подобный отношениям хотя бы с Сирией¹¹³⁷. На Багдад уже давно обратили внимание французы, которые пытались закрепиться в этом советском сателлите, пользуясь его изоляцией от Запада. Теперь же и США начинают осторожно пытаться получить свою долю влияния в этой стране. По словам

¹¹³¹FRUS. 1977-1980 Vol. XVIII Doc 1 P. 3-4.

¹¹³²Stork, J. James P. Op.cit. P. 121

¹¹³³Kolodziej, A. E. Op.cit. P. 98.

¹¹³⁴Newsweek, February 28, 1977.

¹¹³⁵House Committee on International Relations, Staff Survey Report, US Arms Policies in the Persian Gulf and Red Sea Areas: Past, Present and Future (December 1977).

¹¹³⁶FRUS. 1977-1980 Vol. XVIII Doc 1 P. 3-4.

¹¹³⁷FRUS. 1977-1980 Vol. XVIII Doc 1 P.5.

Примакова, американцы начали искать контакты с Багдадом еще с начала 1970-х гг., одновременно с активизацией франко-иракского и советско-иракского сотрудничества¹¹³⁸. Красноречиво, что торговля Ирака с США увеличилась с \$76 млн. в 1972 г. до \$308 млн к 1976 г.¹¹³⁹ Ирак усиленно искал способ выйти из-под советской опеки через контакты с Францией, а для США такой игрок, выбитый из сферы влияния Москвы, мог бы стать ценным призом. К тому же основным союзником СССР в регионе стала Сирия¹¹⁴⁰, с которой у Ирака отношения последовательно ухудшались все 1970-е гг. В мае 1977 г. иракское руководство послало американцам сигнал о том, что хочет улучшить дипломатические отношения с США, а также надеется, что американцы станут гарантом возможного «пакта безопасности» в Персидском заливе. Также Багдад приветствовал прозвучавшие тогда американские заявления о возобновлении женевского формата переговоров по арабо-израильскому урегулированию¹¹⁴¹.

Однако когда зашла речь о действительном улучшении отношений, иракцы назвали основными препятствиями поддержку Израиля и нерешенность палестинского вопроса. Тем не менее, Багдад на словах добился от Вашингтона конфиденциального обещания не строить военные блоки в районе Персидского залива¹¹⁴². Надо сказать, что соседи Ирака из «умеренного», проамериканского лагеря заметили скрытую контактную активность между Вашингтоном и Багдадом. В рекомендациях американским дипломатам в Ираке, отправленным госсекретарем С. Вэнсом в марте 1979 г. говорится о том, что Саудовская Аравия и Кувейт не рассматривают, как год назад иракцев как наиболее вероятных противников, хотя в решении Конгресса о поставке F-15 Эр-Рияду во многом сыграла роль иракская угроза этому важному американскому партнеру¹¹⁴³. Однако то, что Багдад с 1975 г. с французской помощью начал получать ядерные материалы и оборудование, говорилось в отчете ЦРУ о состоянии Ирака, может создать противоречие с американской политикой ядерного нераспространения, в случае, если американо-иракские отношения выйдут на новый уровень¹¹⁴⁴.

Тронулось с мертвой точки американо-египетское военно-техническое сотрудничество. В конце 1977 г. произошло символическое событие – был подписан контракт на поставку Египту военно-транспортных самолетов С-130 Геркулес¹¹⁴⁵. Для

¹¹³⁸Примаков Е.И. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М, 2006. С. 137

¹¹³⁹Newsweek, October 18, 1976.

¹¹⁴⁰Jureidini, A. P. McLaurin, R. D. Op.cit. P.35.

¹¹⁴¹FRUS. 1977-1980 Vol. XVIII Doc 132 P. 424.

¹¹⁴²FRUS. 1977-1980 Vol. XVIII Doc. 133 P. 431.

¹¹⁴³FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc.136. P. 432.

¹¹⁴⁴FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc. 137. P. 436.

¹¹⁴⁵Newsweek March 12 1977.

американцев открывался новый рынок, платежеспособность которого обеспечивалась через основного арабского союзника - Эр-Рияд. Тем не менее, поставки военно-транспортных самолетов казались Каиру несущественными. В феврале 1978 г. Египту, наконец, были обещаны поставки 50 F-5E¹¹⁴⁶, которые, будучи первым тяжелым вооружением, поставленным американцами стране, были однако морально устаревшими по сравнению с израильскими машинами¹¹⁴⁷. По состоянию на 1979 г., согласно данным «Милитари бэлэнс», в Египет поставлялись также 35 единиц истребителей-бомбардировщиков F4E (более известных как «Фантом») и 14 военно-транспортных C-130¹¹⁴⁸.

Саудовская Аравия — по сути, лидер ближневосточных арабских стран, бастион арабского антикоммунизма¹¹⁴⁹ — была наиболее ценным активом в американской сфере влияния. К 1977 г. 22% импорта сырой нефти в США (и четверть мирового) и 7% ее потребления американской экономикой приходились на эту арабскую монархию — по сути, лидера ОПЕК¹¹⁵⁰. Взаимозависимость США и Саудовской Аравии росла всю вторую половину 1970-х гг. Только в 1976 г. экспорт американских товаров оценивался в \$3 млрд (исключая военные поставки)¹¹⁵¹. Мало того, американская экономика стала местом приложения инвестиций богатейшей нефтяной монархии: до 70% вложений Эр-Рияда шла в США¹¹⁵². Зарабатывая на поставках энергоносителей до \$1 млрд в месяц во второй половине 1970-х гг., Саудовская Аравия являлась главным банкиром «фронтных» арабских стран (помощь Египту составила в 1977 г. \$2,5 млрд, Иордании – \$500 млн, Сирии – \$1млрд¹¹⁵³), что делало ее отличным рычагом влияния на ближневосточное урегулирование.

Без саудовской подпитки эти страны, особенно лишенный доходов от Суэцкого канала Египет, никогда не начали бы новую крупномасштабную войну, а сама Саудовская Аравия после 1973 г. неоднократно уверяла Вашингтон, что не начнет прямых враждебных действий против Израиля. За 1977 г. нефтяные доходы Эр-Рияда составили \$40 млрд, из которых военный бюджет составлял \$7,5 млрд, львиная часть которого тратилась на покупки нового западного вооружения и строительство с нуля военной инфраструктуры¹¹⁵⁴. Это была золотая жила для американской промышленности, в первую очередь, для ВПК и инфраструктурных компаний. Саудовская Аравия являлась главным арабским

¹¹⁴⁶Newsweek February 18 1978.

¹¹⁴⁷Washington Post, October 7, 1978.

¹¹⁴⁸The Military balance Vol. 79 1979, P. 64.

¹¹⁴⁹FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc. 147. P. 479.

¹¹⁵⁰FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc. 143. P. 452.

¹¹⁵¹Ibid. P. 453.

¹¹⁵²Скорородова, О.Н. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973-1986). С. 110.

¹¹⁵³Newsweek, February 25, 1978

¹¹⁵⁴Newsweek, March 6, 1978.

потребителем американского оружия и технологий, а также вторым основным опорным пунктом среди арабских стран. К 1979 г. в стране находилось около 30 000 американских специалистов, связанных только с военной областью¹¹⁵⁵. Американцы активно строили инфраструктуру для саудовской армии – авиабазы Хамис-Мушаят, Табук и аль-Батин, военно-морские базу в Джубайле. Всего к концу 1970-х гг. объем заказов на создание инфраструктуры для королевской армии составлял \$9 млрд¹¹⁵⁶.

В 1976 г. вооружения, оборудование и услуги по обслуживанию техники, предоставленные американцами этой стране, оценивались в \$12 млрд. Принц Фахд, в мае 1977 г. встретившийся с высшими чинами Пентагона, намекнул американцам, что перевооружить его армию предлагают англичане и французы, однако он предпочитает американское оружие¹¹⁵⁷. Так, еще весной 1977 г.¹¹⁵⁸ Саудовской Аравии американцами были обещаны 60 новейших на тот момент истребителей F-15¹¹⁵⁹ (в рамках широкого ближневосточного «оружейного пакета» 1978 г., включившего Эр-Рияд, Каир и Тель-Авив, о котором будет ниже), которые саудиты должны были разместить на авиабазе Табук (10 минут полета до израильской столицы). Новейшие американские машины должны были заменить стареющий саудовский авиапарк, состоявший на тот момент, как и у Иордании, из английских машин предыдущего¹¹⁶⁰. Этот контракт стал одним из наиболее знаковых событий американо-саудовского военного сотрудничества во второй половине десятилетия и вызвал болезненную реакцию Израиля. Тель-Авив опасался, что Эр-Рияд в случае конфликта может легко передать современные машины «фронтovým» государствам, как это случилось с ливийскими «Миражами»¹¹⁶¹. Тем не менее, американцы не прислушались к протестам израильтян – новейшая военная техника была «наградой» Эр-Рияду за последовательность в «умеренности» внешней политики, поддержания американского плана арабо-израильского урегулирования и благоприятной для США позиции в ОПЕК с 1974 г. К тому же эта поставка должна была еще больше привязать саудитов к Вашингтону.

Стоит сказать, что в то же время Эр-Рияд вел переговоры о покупке модификации французских истребителей «Мираж», по своим характеристикам, соответствовавшим F-15. На тот момент между этими двумя машинами шла конкурентная борьба за право стать основным самолетом для европейских стран НАТО¹¹⁶². Теперь конкуренция перекинулась

¹¹⁵⁵Stork, J. Op. cit. P. 121.

¹¹⁵⁶House Committee on Foreign Affairs, Subcommittee on Europe and the Middle East, Activities of the US Army Corps of Engineers in Saudi Arabia (June 25, 1979), P. 5.

¹¹⁵⁷FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc. 151. P. 496.

¹¹⁵⁸FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc. 147. P. 461.

¹¹⁵⁹Newsweek, February 27, 1978.

¹¹⁶⁰FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc. 149. P. 483.

¹¹⁶¹Cannizzo, C. Op.cit. P. 217.

¹¹⁶²Newsweek, May 17, 1975.

на Ближний Восток за право поставок самому платежеспособному клиенту. Всего к 1979 г., благодаря сотрудничеству с американским ВПК, на вооружении Эр-Рияда стояло 100 танков М-60 (аналогичных израильским), 200 БМП М-113, 65 истребителей F-5E, 24 F-5F, 16 F-5B, 36 военно-транспортных C-130, большое количество противовоздушных, противотанковых ракет и артиллерийских систем. Готовились к поставке, как уже упоминалось, 60 истребителей F-15S, а также еще 150 танков М-60, выводя Эр-Рияд на второе место по использованию американской бронетехники после Израиля¹¹⁶³.

Кроме традиционных связей с Амманом и Эр-Риядом, американцы продолжали укреплять тесные контакты с монархиями Персидского залива, в первую очередь, с Бахрейном, где находилась ключевая база американских ВМС¹¹⁶⁴. Тем не менее, Бахрейн тяготился репутацией «базы империалистов»¹¹⁶⁵, в особенности после войны Судного дня, и пытался сократить американское военное присутствие (в 1975 г. правительство этой страны поставило сроком вывода американского флота 30 июня 1977 г.¹¹⁶⁶), одновременно признаваясь в верности Вашингтону. Американцы все же смогли оставить за собой право пользоваться инфраструктурой базы. Несмотря на эти недоразумения, Бахрейн, Катар и ОАЭ продолжали закупки американских противотанковых средств и самолетов F-5¹¹⁶⁷. ОАЭ наоборот, проявляли большой интерес к военной кооперации с США. В 1977 г. эмиры объединили свои вооруженные силы и через аль-Заида, начальника штаба этих сил, вымогали у США поставки самых современных систем вооружений «...для защиты от любого нападения внешних сил», а также просили гарантий военного сотрудничества, так как «...они не могут вечно опираться в вопросах безопасности на Саудовскую Аравию или Иран»¹¹⁶⁸. Расширились военно-технические связи и с Кувейтом, где традиционно доминировал британский ВПК и начали проникать французы. Американцы начали с легкой бронетехники — в 1979 г. армия страны готовилась получить крупнейшую партию — 175 единиц — американских БМП М-113, а также большое число противотанковых комплексов TOW¹¹⁶⁹.

Таким образом, основными опорами американцев в регионе кроме Израиля оставались богатая Саудовская Аравия, с которой у американцев крепла экономическая взаимозависимость, и Иордания – бедный, но верный партнер, наиболее «умеренный» из арабов. Монархии Персидского залива имели перспективу войти в сферу влияния США,

¹¹⁶³The Military balance. Vol. 79. 1979. P. 66.

¹¹⁶⁴FRUS 1977 -1980 Vol. XVIII Doc. 4 P. 10.

¹¹⁶⁵Jureidini, A. P. McLaurin, R. D. Op.cit. P. 24.

¹¹⁶⁶FRUS 1977 -1980 Vol. XVIII Doc. 5. P.18.

¹¹⁶⁷FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc. 7. P. 20.

¹¹⁶⁸FRUS. 1977-1980, Vol. XVIII, Doc. 8. P. 23.

¹¹⁶⁹The Military balance Vol 79 1979, P. 65

Египет активно старался себя в нее втянуть, однако укрепление американского влияния напрямую зависело от итогов египетско-израильских переговоров, которые бы закрепили окончательно и бесповоротно смещение баланса сил в регионе в сторону Вашингтона.

Подготовив столь основательно политические и экономические позиции в арабских странах, команда преемника Форда сконцентрировала усилия на египетско-израильском направлении. Администрация Картера решила продолжить «мирное наступление» на Ближнем Востоке: от нее ждали инициативы все «фронтовые» арабские государства, даже Асад, начавший кампанию по изоляции Садата как соглашателя с «сионистами и империалистами»¹¹⁷⁰. В то же время, незадолго до прихода к власти нового американского президента, СССР, воспользовавшись сменой власти у своих противников и желая отвлечь внимание от ливанского конфликта, вновь предложил продолжить женевский формат для всеобъемлющего ближневосточного урегулирования, что было поддержано всеми арабами¹¹⁷¹. Американцы должны были хотя бы в пропагандистских целях сделать ставку на конференцию широкого формата, чтобы не идти пока наперекор арабским желаниям.

21 января 1977 г. советник по национальной безопасности З. Бжезинский направил президенту Картеру, высшим чинам Госдепартамента, Пентагона и казначейства свой анализ ситуации на Ближнем Востоке в связи с запросом Израиля на получение военной помощи в размере \$800 млн. Он считал, что эта просьба — отличный шанс вновь сдвинуть с мертвой точки арабо-израильское урегулирование¹¹⁷². Сам Египет отчаянно тянулся к американцам, так как испытывал острые экономические трудности: затянувшееся состояние войны и отсутствие военной помощи и субсидий со стороны СССР при внешнем долге в \$10 млрд уже в январе 1977 г. привели к социальным протестам по всей стране. Демонстранты устраивали погромы и митинги с лозунгами «Верните Насера». Подобная турбулентность угрожала смутой в только перешедшей в сферу США стране¹¹⁷³.

Стоит заметить, что Бжезинский упомянул о возможности возврата к Женевскому формату, но считал, что нужно усиленно искать ему альтернативу¹¹⁷⁴. Тем не менее, на встрече с М. Даяном выяснилось, что израильтяне не оставляют своей твердой позиции по оккупированным территориям и настаивают, что лишь перспектива заключения мирного договора заставит их начать переговоры. Даян не исключал шанса договориться с Египтом и Иорданией, если последние сохранят израильские поселения¹¹⁷⁵.

¹¹⁷⁰Bickerton, J. Op. cit. P. 321.

¹¹⁷¹Newsweek, January 24, 1977.

¹¹⁷²FRUS, 1977-1980 Vol. VIII, Doc. 1, P. 2.

¹¹⁷³Newsweek, January 31, 1977.

¹¹⁷⁴FRUS, 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 1, P. 2.

¹¹⁷⁵FRUS, 1977-1980 Vol. VIII Doc. 2, P.3.

На собрании Комитета по пересмотру внешней политики (Policy Review Committee), включавшего в себя президента, госсекретаря, глав ЦРУ и членов Комитета начальников штабов (КНШ) 4 февраля 1977 г. было решено не увеличивать помощи Израилю и наметить основные задачи будущих арабо-израильских переговоров: 1) подготовить рамочное соглашение для мирного договора; 2) разделить вопрос военной безопасности и признанных границ; 3) получить точные арабские условия и формулировку «мира» с Израилем; 4) преодолеть арабский экономический бойкот Израиля¹¹⁷⁶. Для того, чтобы наметить пути решения этих задач, госсекретарь С. Вэнс направился на Ближний Восток.

Вэнс прибыл в Иерусалим 16 февраля 1977 г., где встретился с И. Рабином и членами правительства. В ходе встречи он уговаривал израильтян поступиться территорией, так как гарантией безопасности Тель-Авива будет растущая военная кооперация с США. Вдобавок, египтяне будут еще более сговорчивы, если смогут отодвинуть линию разграничения на 30 км от своих населенных областей в пустыню¹¹⁷⁷. В конце концов, израильтяне согласились, что возможность для заключения мирного соглашения выросла многократно. Как передавал Вэнс в Вашингтон, израильтяне хотели трех вещей: крупномасштабной военно-экономической помощи, гарантий прекращения состояния войны с соседями и установления таких границ, которые было бы удобно защищать в случае войны¹¹⁷⁸. 17 февраля Вэнс прибыл в Каир, где встретился с министром иностранных дел И. Фахми. Глава египетского МИД также добивался от американцев экономической и военной помощи, так как кроме экономического кризиса и внутренних беспорядков в военном плане Египет встретился с довольно сильными угрозами в лице агрессивной Ливии¹¹⁷⁹.

Поставки американских военно-транспортных самолетов Фахми считал символическим актом, который теперь пора развить в массивные поставки различного оружия, так как, жаловался Садат, пока Израиль и Сирия полностью возместили потери в технике после войны 1973 г., Египет, не получил ничего¹¹⁸⁰. В этом случае Египет согласится на Женевский формат¹¹⁸¹. Кроме того, Фахми сообщил, что, по просьбе американцев, пытается смягчить позицию Арафата по поводу отрицания права Израиля на существование – иными словами, выбить один из советских и французских козырей¹¹⁸². Вэнс заявлял, что у американцев нет какого-то альтернативного плана урегулирования, и его придется разрабатывать на конференции, которую он предполагал провести к концу

¹¹⁷⁶FRUS. 1977-1980 Vol. VIII Doc. 3, P. 7.

¹¹⁷⁷FRUS. 1977-1980, Vol. VIII. Doc. 7. P. 42.

¹¹⁷⁸FRUS. 1977-1980, Vol. VIII. Doc.8 P.53.

¹¹⁷⁹Stivers, W. Op. cit. P. 192.

¹¹⁸⁰FRUS. 1977-1980, Vol. VIII. Doc. 10. P.72.

¹¹⁸¹FRUS. 1977-1980, Vol. VIII. Doc.9. P.60.

¹¹⁸²FRUS. 1977-1980, Vol. VIII. Doc. 11. P. 82.

1977 г. при условии дерадикализации палестинцев¹¹⁸³. ООП сама искало контактов с США еще с января 1977 г., после провала конфиденциальной встречи с израильтянами в Париже в 1976 г.

Согласно донесению американской разведки, Арафат тайно зондировал возможность переговоров с американцами в Бейруте через ЦРУ¹¹⁸⁴. У Вэнса, таким образом, создавалась иллюзия того, что можно сделать Арафата управляемым или хотя бы сговорчивым и не мешающим урегулированию на Синае. Продолжая по начало марта свое турне по Ближнему Востоку (госсекретарь посетил, кроме Египта, Израиль, Ливан, Иорданию, Сирию, Саудовскую Аравию), Вэнс пытался в контактах с арабскими лидерами зафиксировать палестинский вопрос и нейтрализовать его, не дать помешать египетско-израильским переговорам. В Женеве, по замыслу Вэнса, первым этапом должен был решиться вопрос палестинского представительства. В то же время Бжезинский убеждал Картера, что как сама конференция, так и допущение на нее палестинцев ослабят позиции США¹¹⁸⁵. Тем не менее, в марте Картер был более расположен к женевскому формату¹¹⁸⁶.

Израильтяне довольно прохладно отнеслись к инициативам Вэнса, так как в мае намечались парламентские выборы, и никто не был заинтересован в том, чтобы давать авансы арабам в возможных переговорах. В ответ Картер впервые повел себя по отношению к израильтянам жестко: была пересмотрена поставка новейших фугасных бомб CBU-72, а также Вашингтоном было наложено вето на продажу истребителей «Кфир» (гибрида французского «Миража» с американской авионикой и двигателями) Эквадору, что сорвало первый крупный оружейный контракт израильского ВПК¹¹⁸⁷. Это был ясный сигнал, что американцы ради решения ближневосточного конфликта могут создать трудности как для израильского ВПК, так и для его безопасности. Вдобавок к этому сигналу, в марте Картер заявил, что израильтяне должны отдать «большую часть» оккупированных территорий, с возможным небольшим изменением довоенных границ, новая трассировка которых должна быть решена в конце 1977 г. в Женеве¹¹⁸⁸. 30 мая тогда еще кандидат в премьер-министры М. Бегин заявил, что в отношении Западного берега реки Иордан Израиль непреклонен: «Мы не сможем отдать Иудею и Самарию (Западный берег реки Иордан)»¹¹⁸⁹, чтобы не быть обвиненным в соглашательстве с арабами, не успев прийти к власти. 4 апреля Садат прибыл на встречу с Картером и высшими чинами Госдепа в Вашингтон.

¹¹⁸³Newsweek 28 February 1977.

¹¹⁸⁴FRUS. 1977-1980 Vol. VIII. Doc.5 P. 25.

¹¹⁸⁵FRUS. 1977-1980, Vol. VIII Doc. 15. P.131.

¹¹⁸⁶FRUS. 1977-1980, Vol. VIII Doc. 18. P. 134.

¹¹⁸⁷Kolodziej, A. E. Op. cit. P. 306.

¹¹⁸⁸Newsweek, 21 March 1977.

¹¹⁸⁹Economist, 2 June 1977.

Египетский президент допустил подписание мирного договора по итогам Женевы, туманно, но все же отделив палестинский вопрос от синайского, хотя и настояв, что палестинцам необходима некая государственность¹¹⁹⁰. Тем не менее, он поставил проведение конференции в зависимость от четкого палестинско-иорданского заявления о конфедерации¹¹⁹¹. По итогам этой встречи американское руководство решило оставить проведение конференции в Женеве в приоритете¹¹⁹². Через две недели Вашингтон глава МИД Сирии Абд аль-Халид Хаддам и также пообещал присоединиться к будущей конференции, хотя и настаивал на палестинском участии. Сирия согласилась прибыть в Женеву даже в случае отказа ООП¹¹⁹³. 25 апреля Вашингтон посетил король Иордании Хусейн, с которым был связан самый сложный вопрос арабо-израильского урегулирования палестинский. Он предлагал создать единую арабскую делегацию, так как опыт предыдущей Женевы показал трудность многосторонних переговоров¹¹⁹⁴.

После победы Бегина на выборах в Израиле в апреле 1977 г.¹¹⁹⁵ американское руководство решило, что у него есть время до мая, чтобы уговорить Израиль на переговоры¹¹⁹⁶. Бегин, уже успевший прославиться своей «ястребиной» риторикой, тем не менее, передал через американского посла в Израиле, что готов к переговорам с Египтом, а вошедший в состав нового правительства в качестве главы МИД М. Даян — один из архитекторов первого синайского разграничения — также намеревался приступить к разработке основ соглашения¹¹⁹⁷. 1 августа Вэнс, в рамках нового ближневосточного турне (Египет, Израиль, Иордания, Сирия, Саудовская Аравия), передал Садату, у которого только что произошел вооруженный конфликт с Каддафи, письмо с заверениями в том, что Вашингтон, если нужно, обеспечит необходимое давление¹¹⁹⁸. Картер пообещал Египту американскую военную помощь в размере \$200 млн — намек Израилю на необходимость проявления на деле способности договариваться¹¹⁹⁹. М. Даян, в свою очередь, предпринял серию тайных встреч — с персидским шахом, с королем Иордании и с заместителем премьер-министра Египта Х. Тохами, через которого израильтяне впервые завязали секретные контакты с Садатом. Показав публично крайние позиции, стороны все же сошлись на неприятии увеличения советского влияния и необходимости встречи на высшем

¹¹⁹⁰Quandt W. Decade of Decisions. P. 289.

¹¹⁹¹FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 25. P.171.

¹¹⁹²FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 28 P.191.

¹¹⁹³FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 29. P. 208.

¹¹⁹⁴FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 31 P. 214.

¹¹⁹⁵Newsweek April 18 1977

¹¹⁹⁶FRUS. 1977-1980 Vol. VIII Doc 28 P. 196.

¹¹⁹⁷Примаков Е.И. Встория одного сговора. С. 152.

¹¹⁹⁸FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 65, P.383.

¹¹⁹⁹Economist, August 5. 1977.

уровне¹²⁰⁰. Таким образом, база для двусторонних переговоров, параллельных Женеве, была создана. Итогом этой встречи стало прохладное отношение Каира и Тель-Авива к советско-американскому заявлению по Ближнему Востоку в октябре 1977 г., призывающее к возобновлению работы конференции в Женеве. Однако воли для встречи было еще мало – нужно было показать уступчивость Израиля в вопросе палестинцев и израильских поселений. Картер все еще надеялся на открытие конференции в Женеве, и даже М. Даян в интервью «Ньюсвику» деланно соглашался, что «Женевская конференция может произойти до конца года»¹²⁰¹.

На деле Даян во время визита в Вашингтон 4 октября 1977 г. заявил Картеру и высшим лицам американской администрации о невозможности участия Израиля в конференции, которая будет основываться на принципах советско-американского заявления¹²⁰². В итоге саммит, намеченный на декабрь¹²⁰³, так и не был проведен. Вместо этого американская администрация сконцентрировалась на идее свести Садата и Бегина при своем посредничестве¹²⁰⁴. В ноябре 1977 г. состоялся исторический визит Садата в Иерусалим, который имел целью продемонстрировать американцам решимость Египта заключить соглашение. Вашингтон был удовлетворен таким шагом и пообещал Каиру «выдавить» из Тель-Авива уступки¹²⁰⁵. Бегин 2 января 1978 г. встретился с Картером в Белом доме, где высказал свои предложения по урегулированию ситуации с Египтом: почти полный уход израильтян из Синайской пустыни (за исключением Шарм-эль-Шейха и базы Абу-Рудейс), а также, в качестве приложения, обещание палестинской автономии при сохранении военного присутствия Израиля до 2000 г., так называемые «26 пунктов»¹²⁰⁶. Эти предложения, считали израильтяне, должны воплотиться в финальном соглашении. Однако Египет, соглашаясь на них, терял свободу рук, уже и так оказавшись в изоляции среди арабов. Картер, тем не менее, назвал предложение Бегина «конструктивным»¹²⁰⁷.

В январе 1978 г. Картер сам предпринял международное турне, в ходе которого посетил Саудовскую Аравию и Иран, причем первую уговаривал простимулировать Садата продолжать двигаться в русле переговоров¹²⁰⁸. От саудовского короля Картер узнал, что на самом деле Садат не хочет создания палестинского государства, которое потенциально дестабилизирует ситуацию. Так американцы заручились поддержкой Садата в

¹²⁰⁰Примаков, Е.И. Указ. соч., С. 158.

¹²⁰¹Newsweek, October 3, 1977

¹²⁰²FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 124. P. 654.

¹²⁰³FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 143, P. 741.

¹²⁰⁴FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 69. P. 403.

¹²⁰⁵Jureidini, A. P. McLaurin, R. D. Op. cit. P. 69.

¹²⁰⁶Jureidini, A. P. McLaurin, R. D. Op. cit. P. 69.

¹²⁰⁷Newsweek. January 9. 1978.

¹²⁰⁸Jureidini, A. P.; McLaurin, R. D. Op. cit. P. 70.

палестинском вопросе. Садат наконец встретился лично с Бегином в Исмаилии – начало личным контактам на высшем уровне было положено. Бегин предложил свои «26 пунктов», одобренные Кнессетом, однако Садат их отклонил из-за неудовлетворительной в глазах арабов позиции по Палестине.

Тем не менее, обе стороны заверили друг друга и американских патронов в готовности продолжать переговоры¹²⁰⁹. Тем не менее, во время визита министра иностранных дел Египта в Израиль переговоры зашли в тупик – Камель в резкой форме осудил израильские предложения по Палестине. Бегин оскорбил Камеля сравнением Садата с Гитлером в плане «самоопределения палестинцев». Вэнс срочно вылетел в Каир, а затем и в Иерусалим, уговаривая не срывать переговоры. Однако, по мнению Бегина, «26 пунктов» уже были уступкой Садату. Бегин 6 февраля 1978 г. посетил для консультаций Вашингтон, где совместно с помощником госсекретаря А. Атертоном пытался найти компромиссную формулировку для «легитимных прав» палестинцев. Садат ждал положительных результатов, и в качестве утешения заявил израильтянам о возможности проживания на Синае поселенцев «некоторое время»¹²¹⁰.

Вслед за Бегином 13 февраля Вашингтон посетил уже Садат, надеясь заручиться поддержкой Картера в вопросе израильских поселений, и получил ее – по крайней мере, в том, что американцы выступили против строительства новых израильских колоний в этом году. Бегин заявил, что это касается только 1977 г. Садат оказался разочарован в способности Вашингтона надавить на Тель-Авив и в вопросе массированных поставок вооружений для Египта, которые нужны ему, по его словам, для «сдерживания угроз в Африке», таких, как Каддафи¹²¹¹. В итоге, чтобы удержать Садата в переговорном процессе, в конце февраля Вашингтоном ему были обещаны 50 американских истребителей F5s, морально устаревших и не угрожающих Израилю, но способных сдерживать Ливию. Эта поставка входила в большой «оружейный пакет» (\$4,8 млрд) для Тель-Авива, Каира и Эр-Рияда и должна была стабилизировать ситуацию в регионе. Садат согласился продолжать переговоры, не прекращая гневной риторики по поводу израильских поселений в Палестине и на Синае.

20 марта 1978 г. в Вашингтон прибыл Э. Вейсман — министр обороны Израиля. Он вымогал у США беспрецедентную по объемам военную помощь – \$13 млрд. Американцы не дали ему твердой надежды на получение денег, чем возмутили израильское лобби. Вашингтон намеревался удерживать волю Тель-Авива к заключению соглашения с

¹²⁰⁹Jureidini, A. P.; McLaurin, R. D. Op. cit. P. 70.

¹²¹⁰FRUS. 1977-1980. Vol. VIII. Doc. 160 P. 801.

¹²¹¹FRUS. 1977-1980. Vol. VIII. Doc. 177. P. 823.

Египтом ожиданием получения этой помощи¹²¹². По итогам визита Бегина в Вашингтон 3 апреля 1978 г. Вэнс констатировал, что США «...на пике конфронтации с Израилем»¹²¹³, а ближневосточное урегулирование застопорилось. Картер также выразил разочарование упорством Бегина. В это время ближневосточное урегулирование заслонила проблема Ливана и баталии вокруг требований ООН вывести израильские войска с территории страны, поэтому израильско-египетские переговоры были на время заморожены¹²¹⁴.

Понимая, что американцы непреклонны, Бегин в июле 1978 г. уговорил правительство к новым уступкам в переговорах с египтянами, угрожая, что «...в противном случае придется готовиться к новой войне». Картер требовал смягчения израильских позиций в Палестине, и Бегин пытался их показать, хотя и отказывался от твердых обещаний¹²¹⁵. В этот момент Садат начал угрожать американцам уйти в отставку, если на Израиль не будет оказано нужное давление (а в случае отставки, намекал он, к власти придут те, кто не захочет договариваться с израильтянами и даже могут пересмотреть курс на сближение с США). В результате на церемонию по случаю 30-летия Израйля отправилась американская делегация, возглавляемая не Картером, а вице-президентом У. Мондейлом.

Посетив Иерусалим, Мондейл направился в Александрию с целью договориться о встрече Садата и Вэнса в Лондоне. Египетский президент представил компромиссный план по палестинскому вопросу — схожий с планом Бегина, но с уходом израильских войск не в 2000 г., а через пять лет. Садат не требовал создания палестинского государства и даже не упоминал ООП, а предлагал передать Палестину под управление Египта, Иордании или любой другой арабской стране. Израиль, в свою очередь, отверг это предложение¹²¹⁶. В результате Садат заявил 31 июля что, по итогам встречи Вэнса, Даяна и Камеля в британском Лидсе, «...дальнейшие переговоры будут зависеть от новых предложений Израйля». Атертон вылетел в Иерусалим, и там предложил новый раунд переговоров в Эль-Арише – пограничном с Газой пункте, на оккупированном израильтянами Синайском полуострове. Бегин, якобы выполняя пожелания американцев, 7 августа 1978 г. решил показать «уступку» в виде возможности дарования палестинцам самоуправления через пять лет. Посол США в Египте С. Левис пытался убедить Садата, что это действительно является израильской уступкой. Тем не менее, Садат отказался приехать на анонсированную мирную

¹²¹²FRUS. 1977-1980 Vol. VIII. Doc. 198. P. 902.

¹²¹³Time, March 23. 1978.

¹²¹⁴FRUS. 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 200. P. 907.

¹²¹⁵FRUS. 1977-1980 Vol. VIII Doc 201 P. 910.

¹²¹⁶Economist, July 28, 1978.

конференцию в Эль-Ариш, и американцы вновь перешли к сепаратным консультациям с египтянами и израильтянами, чтобы впоследствии вновь свести их за столом переговоров.

После провала инициативы со встречей в Эль-Арише американцы решили сменить тактику, стать полноправной третьей стороной-посредником. Садат и Бегин на удивление быстро согласились, причем уже 8 августа¹²¹⁷, видимо, давно ожидая подобной инициативы со стороны Картера, начавшего стремительно терять доверие арабов из-за неопределенности переговоров. О появившихся сомнениях арабов в способности американцев обеспечить мирный процесс сигнализировал по дипломатическим каналам король Иордании Хусейн¹²¹⁸. Что характерно, с поддержкой Кэмп-Дэвидского формата выступила конфиденциально через принца Фахда и Саудовская Аравия - основной источник финансовой поддержки «фронтных стран»¹²¹⁹. Это выглядело уже некоторой гарантией продуктивности готовящейся встречи. Эр-Рияд надеялся на выход из синайского тупика и решение палестинской проблемы в рамках данного саммита¹²²⁰.

В результате напряженной работы в течение августа американцы смогли уговорить Садата и Бегина прибыть в президентскую резиденцию в Кэмп-Девиде 5 сентября 1978 г. Американцы убеждали арабских спонсоров Садата, что, кроме синайского вопроса, на переговорах будут решены основные проблемы будущего всеобъемлющего урегулирования¹²²¹. С американской стороны Бегину были предложены гарантии дальнейшего наращивания военного и экономического сотрудничества¹²²². В ходе тринадцатидневных переговоров, на которые стороны пришли, находясь вновь на крайних позициях, удалось, не без труда, примирить стороны с помощью американского соглашения, которое стало компромиссом из довольно радикальных садатовских «Рамок мира» и «26 пунктов» Бегина. Лишь благодаря отделению палестинского вопроса удалось выйти из тупика, который грозил сорвать переговоры, и сосредоточиться на сепаратном соглашении¹²²³. 17 сентября 1978 г. переговоры окончились подписанием в Вашингтоне двух документов, озаглавленных «Принципы для подписания мирного договора между Египтом и Израилем» и «Принципы мира на Ближнем Востоке». Второй документ, хотя и был равен по силе первому, но по сути являлся прикрытием для первого и исполнение его было маловероятно¹²²⁴.

¹²¹⁷ FRUS. 1977-1980. Vol. IX. Doc. 1 P. 2.

¹²¹⁸ FRUS. 1977-1980. Vol. IX. Doc. 5 P. 9.

¹²¹⁹ Jureidini, A. P.; McLaurin, R. D., Op. cit. P. 98.

¹²²⁰ FRUS. 1977-1980, Vol. IX Doc. 3, P 4.

¹²²¹ FRUS. 1977-1980, Vol. IX Doc. 7, P.17.

¹²²² Jureidini, A. P.; McLaurin, R. D., Op. cit. P. 100.

¹²²³ Ibid.

¹²²⁴ The Washington Post, September 18, 1978.

26 марта 1979 г. в Вашингтоне был подписан египетско-израильский мирный договор, согласно которому Израиль выводил войска и поселенцев, открывал границу, а оба государства признавали друг друга и начинали контакты во всех областях. Жители Израйля и Египта отныне могли свободно пересекать границу¹²²⁵. Кэмп-Девидские договоренности, на наш взгляд, стали несомненной победой США. Они, наконец, выступили полноправным гарантом разрешения арабо-израильского конфликта, хотя и посредством сепаратного соглашения лишь самого главного арабского «фронтального» государства с Израилем. Египет и Израиль отныне составили продолжение единой проамериканской оси и демонстрировали изменение баланса сил в регионе в пользу США. Египет стал вторым после Израйля реципиентом американской военной и финансовой помощи, а помощь израильтянам в награду за соглашения выросла с \$4.4 млрд в 1978 до \$10.9 млрд в 1979 г. после заключения мирного договора с Каиром¹²²⁶.

Франция сдержанно отреагировала на Кэмп-Девид: приветствуя мирное соглашение, Жискара д'Эстен заявил, что, тем не менее, необходимо всеобъемлющее урегулирование, согласованное со всеми заинтересованными сторонами¹²²⁷. Но Париж ничего не мог поделать, кроме дальнейших спекуляций на палестинской теме. Таким образом, Кэмп-Девид, на наш взгляд, также отчасти нейтрализовал и французские попытки повлиять на урегулирование. Франция в свою очередь, продолжала пытаться усиливать свои позиции в регионе в политическом и экономическом плане. Политическая составляющая оставалась в опоре на «радикалов», экономическая – в заключении твердых контрактов на поставку энергоносителей по фиксированным ценам в обмен на расширение сбыта продукции французского ВПК, причем доля Ближнего Востока как его клиента последовательно росла всю вторую половину 1970-х гг.¹²²⁸

Мотивы покупки арабами французского оружия были следующими: 1) иметь то же, что и Израиль; 2) диверсифицировать поставки (касалось в основном стран, ориентированных на Москву); 3) упростить закупку нефти в Европе, поставив ее в зависимость от поставок вооружений¹²²⁹. Контроль парламента над оружейной отраслью во Франции во второй половине 1970-х гг. был ослаблен, что привело к росту продукции ВПК (с 15 млрд в 1974 г. до 35 млрд франков к 1980 г.¹²³⁰) по отношению к другим статьям экспорта на Ближний Восток¹²³¹. Лидером по потреблению французского оружия

¹²²⁵ The New York Times, March 27, 1979.

¹²²⁶ Mearsheimer, J. Walt. S. M. Op. cit. P. 38.

¹²²⁷ Cohen, S. Op. cit. P. 368.

¹²²⁸ Clein, J. Op.cit. P. 575.

¹²²⁹Frémeaux, J. Op. cit. P. 115.

¹²³⁰Nouschi, A. La France et le monde arabe depuis 1962 mythes et réalités d'une ambition Paris 1994. P. 134

¹²³¹Le Monde, le 14 décembre, 1977.

предсказуемо оказался Ирак, который окружали с трех сторон недружественные ему государства. За ним следовала Саудовская Аравия, закупавшая оружие для потенциального противостояния и с Ираном, и с Ираком а, третьим был, как ни странно, Египет¹²³². Благодаря этой ситуации Ближний Восток стал центральным потребителем французского оружия (3/5 экспорта всех вооружений к 1980 году¹²³³).

Всего за время, прошедшее со снятия в августе 1974 г. оружейного эмбарго по 1980 г. арабы получили 290 самолетов («Мираж», «Альфаджет»), 150 вертолетов («Алуэт», «Газель», «Пума»), 12 радарных комплексов ПВО, 350 танков АМХ, 600 бронетранспортеров, 12 кораблей, сотни ракет различного назначения¹²³⁴. Знаковым является то, что на израильско-американских переговорах по укреплению безопасности Тель-Авива отмечалось, что французские танки АМХ – вторые по распространенности после советских Т-62 в бронетанковых войсках арабских стран¹²³⁵.

Однако были и неудачи. Так, амбициозный проект по локализации производства широкого спектра вооружений в Египте, начатый в 1974 г., не достиг своей цели: «Миражи» так и не стали производиться на арабской почве. К 1978 г. удалось наладить выпуск только учебно-боевых машин «Альфаджет» и легких вертолетов «Газель» (54 единицы на вооружении Египта к 1979 г.¹²³⁶), и по сей день широко используемых в регионе¹²³⁷. Садат продолжил закупать «Миражи» у Франции: так, в добавок к морально устаревшим американским F-5 в 1978 г. были поставлены 46 Mirage F-1¹²³⁸, которые находились на вооружении египетских ВВС уже в 1979 г., согласно данным «Милитари бэлэнс»,¹²³⁹ Готовились поступить в распоряжение египетских летчиков и 164 учебно-боевых «Альфаджета», частью произведенные уже в Египте¹²⁴⁰.

Ливия во второй половине 1970-х гг. потеряла место на вершине французских ближневосточных приоритетов¹²⁴¹. К 1978 г. франко-ливийские отношения обострились из-за притязаний Каддафи на Чад, для защиты столицы которого французы отправили подразделения Иностранного легиона. Париж во второй половине 1970-х гг. начал сокращать свою зависимость от ливийской нефти: с 17% в 1974 до всего лишь 2% в 1977 г., хотя экспорт промышленных товаров в страну увеличился с 1,9 до 2,9 млрд франков с 1977

¹²³²Cannizzo, C. Op. cit. P. 312.

¹²³³Nouschi, A. Op. cit. P. 135.

¹²³⁴Ibid. P. 137.

¹²³⁵FRUS, 1977-1980, Vol. VIII, Doc. 7, P. 47.

¹²³⁶The Military balance, Vol. 79, 1979 P. 62.

¹²³⁷Frémeaux, J. Op. cit. P. 119.

¹²³⁸Stork, J. Op. cit. P. 84.

¹²³⁹The Military balance, Vol. 79, 1979. P. 63.

¹²⁴⁰Ibid, P. 64.

¹²⁴¹Бартнев, В.И. Ливийская проблема в международных отношениях в 1981-1991 гг. С. 92.

г. по 1979 г.¹²⁴² Стоит, впрочем, заметить, что, несмотря на смену приоритетов, Ливия продолжала активно покупать французское вооружение, хотя Францию серьезно потеснил в этом плане СССР, благодаря чему страну стали в западной прессе называть «складом советского оружия в Африке». Так, по состоянию на 1979 г., согласно данным «Милитари бэлэнс», Триполи ожидало поставки 32 истребителей «Мираж» разных модификаций, легкой бронетехники, нескольких вертолётов «Газель», большого количества противотанковых комплексов¹²⁴³.

С другой стороны, лидер Египта А. Садат, «умеренный», в отличие от неуправляемого Каддафи, по мнению советского исследователя Акимов, показал, что не ориентируется совершенно односторонне на США, и готов сотрудничать с Парижем¹²⁴⁴. Египет охранял подступы к важному для французов Чаду, на пограничные регионы которого претендовала Ливия, в сотрудничестве с Каиром можно было обеспечить стабильность французского влияния и в Джибути, точки, из которой французы могли контролировать безопасность судоходства в Красном море – ключевой артерии для транспортировки нефтепродуктов из Персидского залива в Европу¹²⁴⁵. В итоге внимание Парижа к Каиру может показаться парадоксальным. Ставка на Ливию была, казалось бы, удобной для саботажа арабо-израильского урегулирования по американскому плану. Однако связи Парижа стали укрепляться именно с Каиром, попадавшим в орбиту Вашингтона¹²⁴⁶. Интересно то, что Киссинджер перед своей отставкой в 1976 г. противился полному замещению советского оружия в Египте американским. Госсекретарь считал, что с этим должна разбираться именно Франция, чтобы исключить протесты израильского лобби в США¹²⁴⁷.

Показательно, что Садат, в то время, когда администрация Картера еще не проявила себя публично в арабо-израильском урегулировании, решил искать поддержки именно у Франции. Так, 12 февраля 1977 г. египетский лидер прибыл с официальным визитом в Париж¹²⁴⁸ с целью заручиться поддержкой Жискара д'Эстена в ливийском вопросе, а также в надежде на кредиты для истощенной военным положением страны. Жискара д'Эстен заявил египетскому президенту, что Франция не позволит Каддафи захватить Чад, и пообещал инвестировать в египетскую экономику¹²⁴⁹. 24 июня Садат вновь посетил Париж.

¹²⁴²Бартенев, В.И. Ливийская проблема в международных отношениях в 1981-1991 гг. С. 96

¹²⁴³The Military balance. Vol. 79. 1979. P. 65.

¹²⁴⁴Акимов, С.Н. Указ. соч. С. 13.

¹²⁴⁵Бартенев, В.И. Указ. соч. С. 94.

¹²⁴⁶Clein, J. Op. cit. P. 580.

¹²⁴⁷Kolodziej, A. E. Op. cit. P. 69.

¹²⁴⁸Жискара д'Эстен, В. Указ. соч. С. 89

¹²⁴⁹Там же, С.150.

По итогам встречи с египетским президентом, Жискара д'Эстен заявил, что «Смена режима в Ливии пошла бы на пользу и Египту, и Африке в целом»¹²⁵⁰.

Как заметил французский президент, в случае свержения Каддафи «...был бы ликвидирован гнойник, отравлявший и усложнявший процесс продвижения к миру на Ближнем Востоке, поскольку он [Каддафи] создал возможность вести торг с умеренными арабскими государствами и шантажировать их руководителей»¹²⁵¹. Париж надеялся, что в случае конфликта между Триполи и Каиром последний поставит на место Каддафи, угрожающего французским интересам в Африке. В ноябре 1977 г. французы подписали контракт на продажу Каиру малой партии самолетов «Мираж» (14 единиц по состоянию на 1979 г. согласно «Милитари бэлэнс»¹²⁵²) и вертолетов «Газель» (20 единиц¹²⁵³). Французы подначивали Садата на войну с Ливией, в том числе, чтобы сорвать мирный процесс с Израилем и наказать Каддафи. Однако, к их разочарованию, конфликт, произошедший в июне 1977 г., окончился без явного преимущества египтян и не стал препятствием для переговоров Садата и Бегина.

Как и в предыдущий период, продолжалось сотрудничество Парижа и Багдада. К 1979 г. иракская нефть составляла уже 23% французского потребления¹²⁵⁴, окончательно закрепив второе после Саудовской Аравии место в поставках энергоносителей. По объемам потребителем французского промышленного экспорта Ирак стал первым на Ближнем Востоке¹²⁵⁵. Продолжалось начатое при содействии Ширика военно-техническое сотрудничество. Так, в 1977 году был подписан контракт на поставку 200 танков AMX для иракской армии¹²⁵⁶. К концу десятилетия на вооружении иракских ВВС стояли 46 вертолетов «Алуэт», 40 «Газелей», 12 тяжелых транспортных вертолетов «Сюпер-фрелон». Однако, как сообщается в журнале «Милитари бэлэнс», по состоянию на начало 1979 г. около 100 танков и 46 самолетов «Мираж» из договоренностей двухлетней давности не поступили в иракскую армию¹²⁵⁷.

Лишь в 1981 г., наконец, будут поставлены 121 из 128 самолетов, заказанных с 1975 г.¹²⁵⁸ Продолжалась кооперация в атомной сфере. Еще в 1975 г., когда был подписан протокол о сотрудничестве в ядерной энергетике, иракцы, тем не менее, просили уран-255,

¹²⁵⁰Жискара д'Эстен, В. Указ. соч. С.152.

¹²⁵¹Там же, С. 153

¹²⁵²The Military balance, Vol. 79, 1979. P. 63.

¹²⁵³Ibid.

¹²⁵⁴Rondot, Ph. Op. cit. P. 637.

¹²⁵⁵Обичкина, Е.И. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940-2012). С. 184

¹²⁵⁶Elliott, N. Op.cit. P. 88.

¹²⁵⁷Military Balance. Vol. 79, 1979. P. 68

¹²⁵⁸Rondot, Ph. Op. cit. P. 638.

обогащенный на 93%¹²⁵⁹. Но французы все же опасались воинственных заявлений Багдада, таких, как, например, сделанное устами представителя Ирака в ЛАГ Х. Хаддадом: «...арабы должны иметь атомную бомбу». Впрочем, в конце концов, Париж в июле 1979 г. согласился передать Багдаду партию урана, обогащенного уже на 93%, что теоретически делало Ирак способным произвести ядерное оружие¹²⁶⁰.

Французский ВПК не останавливал проникновение в страны Аравийского полуострова и Персидского залива. В первую очередь стоит отметить Саудовскую Аравию — лидера ОАПЕК, американского союзника и крупнейшего (несмотря на все усилия заместить ее в этом качестве Ираком¹²⁶¹) поставщика нефти во Францию. Полученные от продажи нефти огромные сверхприбыли Эр-Рияд направлял на укрепление своей обороны, в том числе, за счет французского оружия. Так, конце десятилетия на вооружении Эр-Рияда, благодаря стабильным контактам с французским ВПК, стояли 400 танков АМХ разных модификаций¹²⁶². Однако, несмотря на многочисленные переговоры и объявления о закупке французской авиатехники, к концу десятилетия саудиты не пользовались «Миражами», лишь точно закупая легкие вертолеты¹²⁶³.

Монархии Персидского залива питали интерес как к французской авиации, так и к бронетехнике¹²⁶⁴. Согласно отчету «Милитари бэлэнс», к 1979 г. Кувейт имел истребительный эскадрон, вооруженный 18 французскими «Миражами», 20 танков АМХ, 30 вертолетов «Газель» и 10 «Пум» - однозначный успех в стране, ориентировавшейся до этого в основном на английскую технику¹²⁶⁵. Более консервативный в выборе поставщиков Катар имел к концу десятилетия на вооружении 24 танка АМХ и 2 вертолета «Газель»¹²⁶⁶. ОАЭ в 1979 г. были лидером среди «нефтяных монархий» по использованию французской авиатехники – на вооружении у них стояло 26 истребителей «Мираж», составивших на тот момент основную ударную силу ВВС страны. Кроме того, ОАЭ закупали мелкие партии вертолетов и легкой бронетехники¹²⁶⁷.

Вторым неизменным столпом французской политики в регионе было косвенное участие в попытках урегулирования ближневосточного конфликта через спекуляции на палестинском вопросе. Однако кооперация с ООП во второй половине 1970-х гг., несмотря на продолжающуюся поддержку Арафата и права палестинского народа на

¹²⁵⁹Nouschi, A. Op. cit., P. 136.

¹²⁶⁰Ibid.

¹²⁶¹Cohen, S. Op. cit. P. 368.

¹²⁶²The Military balance. Vol. 79 1979, P. 67.

¹²⁶³Ibid. P. 66.

¹²⁶⁴Nouschi, A. Op. cit. P. 140.

¹²⁶⁵The Military balance. Vol. 79 1979. P. 67.

¹²⁶⁶Ibid, P. 66.

¹²⁶⁷Ibid., P. 68.

самоопределение, потерпела два серьезных репутационных удара — в так называемом деле Абу Дауда и в гражданской войне в Ливане. Франция всеми силами показывала свое благоволение к Арафату. Так, чтобы не ставить под удар свои связи с ООП¹²⁶⁸, она отказалась подписать в 1977 г. Европейскую конвенцию против терроризма (1976 г.)¹²⁶⁹. Тем не менее, в отношениях с Арафатом наметился кризис — связь с ООП начала компрометировать Париж, да и попытка участия во внутриливанском конфликте способствовала охлаждению между палестинцами и Францией¹²⁷⁰. Физическая возможность послать миротворцев у Франции появилась в 1978 г., когда были сформированы силы по поддержанию мира согласно резолюции ООН № 424 от 19 марта 1978 г.¹²⁷¹ Французы направили контингент в 1300 военнослужащих.

Однако присутствие французских десантников в Южном Ливане — личной вотчине Арафата — вряд ли можно назвать продуктивным¹²⁷². Даже С. Хусейн был удивлен этой французской акцией, причем в неожиданном ключе: он высказался о том, что после действий французов в защиту мусульман их не понимают сами арабы (Франция с XVI века поддерживала связи с христианской маронитской общиной Ливана)¹²⁷³. Французы также лишились возможности кооперироваться с СССР по ливанскому вопросу, так как тот изначально был против прямого французского вмешательства. Мало того, французские десантники понесли потери в столкновениях с ООП в 1978-1979 гг., что ставило под угрозу всю политику Парижа в регионе¹²⁷⁴. Таким образом, «демонстрация флага» принесла больше проблем.

Вторым признаком кризиса в ставке на ООП стало дело Абу Дауда в конце января 1977 г. Абу Дауд, координатор теракта на Мюнхенской олимпиаде 1972 г., был задержан во Франции по подозрению в принадлежности к организации «Черный сентябрь» под давлением Вашингтона и Тель-Авива. Тем не менее, было известно, что, когда он прибыл из Бейрута, где получил на имя Юсефа Раджи французскую визу, ему был выделен бронированный автомобиль, а сам он регулярно совершал визиты на Кэ д'Орсэ¹²⁷⁵. Моссад сообщил властям ФРГ, которые также участвовали в расследовании теракта,

¹²⁶⁸ Cohen, S. Op. cit. P. 366.

¹²⁶⁹ La convention europeenne pour la repression du terrorisme // Annuaire français du droit international 1976 P. 756-786.

¹²⁷⁰ Nouschi, A. Op. cit. P. 234.

¹²⁷¹ Резолюция СБ ООН № 424 19 марта 1978 года [Эл. ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/368/69/IMG/NR036869.pdf?OpenElement> (дата обращения 11.11.2016)

¹²⁷² Diekhoff, A. Op. cit. 217.

¹²⁷³ Ibid, P. 218.

¹²⁷⁴ Nouschi, A. Op. cit. P. 115.

¹²⁷⁵ Ibid.

произошедшего на немецкой земле, о нахождении Абу Дауда в Париже, ФРГ напрямую обратилась с запросом к Франции, требуя выдать Абу Дауда немецким властям. Абу Дауда препроводили в трибунал, где решался вопрос о его выдаче, однако оттуда его прямым отправляли в аэропорт Орли, откуда он отправился на самолете в Алжир¹²⁷⁶. Этот беспрецедентный акт вызвал возмущение в Европе. Глава МИД Израиля И. Аллон в гневе заявил, что «...французское правительство не выдержало простейшего теста: выбора между смелостью и трясушимися коленками»¹²⁷⁷. Французы оправдывались тем, что выдача Абу Дауда могла привести к новым терактам, уже во Франции¹²⁷⁸. Тем не менее, хотя «Черный сентябрь» официально не являлся подразделением ООП, связь Парижа с палестинским сопротивлением была скомпрометирована. Теперь французам было гораздо сложнее продвигать общеевропейскую позицию по палестинскому вопросу.

Слабым утешением Парижу было то, что, по странному совпадению, после экстрадиции Абу Дауда французы начали успешные переговоры по крупной поставке истребителей «Мираж» в Египет (планировалось поставить до 200 машин)¹²⁷⁹. Довеском к этой неприятной истории стали нападения в Париже на иракских дипломатов в августе 1978 г. членов аффилированной с ООП террористической группировки, спровоцированные разрывом Багдада с ООП после ливанских событий и созданием другой группировки, с иракским финансированием — «Черного июля», под руководством Абу Нубайля. Противостояние Багдада и Арафата через террористов в Париже привело к жертвам со стороны французских полицейских, застреленных, между прочим, иракскими спецслужбами, во время ареста ими нападавших на иракское посольство палестинцев¹²⁸⁰. Эта внутripалестинская борьба бросала тень, в первую очередь, на Францию, которая, судя по всему, запуталась в том, кого поддерживать. Пикантности добавляло то, что Ирак сам по себе являлся условным французским союзником на Ближнем Востоке. Таким образом, Париж стал ареной кровавых междоусобиц французских же «партнеров» в Леванте¹²⁸¹. Хотя курс на поддержку палестинцев был продолжен, но эпизоды с ливанской войной и затрагивающем уже Францию терроризмом был ярким маркером кризиса данного подхода. Жискард д'Эстен ответил на упреки в адрес Парижа в связи с упомянутыми сканалами как на «компанию по очернению чести и достоинства Франции», одновременно, в качестве «искупительной жертвы» сместив премьер-министра Ширака¹²⁸².

¹²⁷⁶ Behr, T. Op. cit. P. 231.

¹²⁷⁷ Цит по: Diekhoff, A. Op.cit. P. 254.

¹²⁷⁸ Le Monde, le 25 janvier, 1977.

¹²⁷⁹ Newsweek, 12 August, 1978.

¹²⁸⁰ Kessler, M. Op. cit. P. 117.

¹²⁸¹ Bozo, F. Op: cit. P. 89.

¹²⁸² Newsweek, January 31, 1977.

Несмотря на подобные имиджевые издержки, продолжались попытки Франции по и поддержанию в рабочем состоянии Евро-Арабского диалога. Утратив роль препятствия на пути к решению американцами энергетического кризиса, этот формат стал инструментом вытягивания ЕЭС в ближневосточную проблематику и усиления взаимозависимости ЕЭС и арабского мира. 10-12 февраля 1977 г. и 26-28 октября 1978 г. прошли, соответственно, Вторая и Третья встречи Генеральной комиссии ЕАД¹²⁸³. 9-10 декабря 1978 г. на Четвертой встрече в Дамаске европейцы, по сути, дали добро на арабскую эмиграцию и культурную автономию мигрантов в обмен на экономические преференции. По итогам встречи в Дамаске были подведены первые инвестиционные итоги евро-арабского сотрудничества, в результате которых инвестиции арабов в совместные проекты в отдельных случаях были в два и три раза больше европейских¹²⁸⁴.

Наибольшим успехом, которого смогла достичь Франция в рамках объединения мнения Европы по вопросу ближневосточного урегулирования, стала Лондонская декларация ЕЭС в рамках саммита 28 июня 1977 г. В документе страны Общего рынка окончательно сформулировали свое отношение к арабо-израильскому урегулированию. Мнение сводилось к тому, что 1) приобретение территорий силой недопустимо; 2) оккупация Израилем арабских земель должна прекратиться; 3) «легитимное» право палестинцев должно быть признано для обеспечения твердого мира¹²⁸⁵. В дополнение к этой декларации европейцы, несмотря на дело Абу Дауда, в рамках заседания Генеральной комиссии ЕАД 26-28 июня 1977 г. подтвердили свою поддержку палестинцев, а также высказались за признание всеми странами ЕЭС ООП как легитимного представителя палестинского народа¹²⁸⁶. И хотя склонить европейцев к безоговорочному требованию созданию государства для палестинцев не удалось, европейская позиция, по сравнению с туманными формулировками 1973 г., приобрела более четкий вид.

Тем не менее, Париж был обеспокоен ходом мирного процесса на Синае. Палестинский вопрос, педалируемый Францией, и диалог Каира с Тель-Авивом постепенно необратимо разделялись. Это создавало угрозу потери «палестинским рычагом» его ценности. Наблюдая форсирование израильско-египетских переговоров под эгидой администрации Картера, 24 июля 1977 г. Франция попыталась предпринять контрмеры и

¹²⁸³ Kessler, M.C.: Op: cit: P. 56.

¹²⁸⁴ Declaration du DEA a Damas du 11 sept. 1978 [Эл. ресурс] URL: <http://www.medea.be/index.html7page> (дата обращения 1.03.2020).

¹²⁸⁵ Declaration des Neuf sur le Moyen-Orient du 29 juin 1977, Londres/ Conseil Europeen Londres, 29-30 juin 1977/ Ministere des Affaires etrangeres URL [Эл. ресурс] URL: www.diplomatie.gouv.fr (дата обращения 1.03.2020)

¹²⁸⁶ Declaration de la Commission Generale du 26-28 octobre 1977, Bruxelles [Эл. ресурс] URL: <http://www.medea.be/index.html7page>

присоединилась к экономическому бойкоту Израиля¹²⁸⁷. После того, как помешать соглашениям в ноябре 1978 г. не удалось, Париж, устами своего внешнеполитического теоретика Р. Арона заявил, что теперь, после сепаратных египетско-израильских соглашений цель Франции — ослаблять Садата, временно исключенного из ЛАГ¹²⁸⁸, к которому еще пару лет назад так благоволил французский президент¹²⁸⁹.

Таким образом, Франция методично продолжала развивать основные элементы своей политики на Ближнем Востоке. Стержнем экономического продвижения был обмен поставок арабских энергоносителей на оружие и выстраивание отношений через Евро-Арабский диалог. Основой политических маневров была опора на Ирак и спекуляция на палестинском вопросе, а также агитация европейцев за участие в арабо-израильском урегулировании¹²⁹⁰. Однако если двусторонние связи с арабскими странами Ближнего Востока продолжали развиваться плодотворно, то попытки конкуренции и саботажа американских политических инициатив не приносили ощутимого результата, как и ставка на ООП. В то же время американцы смогли добиться хотя бы частичного решения арабо-израильского вопроса соглашениями в Кэмп-Девиде, закрепив итоги первого этапа выдавливания СССР из Восточного Средиземноморья и получив новую базу в регионе — Египет.

3. США и Франция в попытках урегулирования греко-турецкого конфликта. НАТО и ЕЭС. 1975-1980 гг.

Пока американцы в лице администраций Форда и Картера укрепляли свое положение на Ближнем Востоке и вытесняли СССР из региона, а французы пытались укрепить арабо-европейские связи, поддерживали радикальные режимы и спекулировали на палестинском вопросе, не меньшую значимость для Вашингтона и Парижа имела и ситуация на юго-восточном фланге НАТО. Новый 1975 г. с самого своего начала показал, что та рокировка, которая произошла между США и Францией в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья, когда после кипрского конфликта французы внезапно стали ключевым и единственным союзником Афин, не является окончательной.

Застыть новому статус кво помешали события внутриамериканской политики. Греческое лобби с осени 1974 г. запустило в Конгрессе США мощную кампанию за наложение оружейного эмбарго на Турцию в наказание за использование оружия, поставленного в рамках НАТО, на Кипре¹²⁹¹. Это не было неожиданным как для Форда,

¹²⁸⁷Cohen, S. Op. cit. P. 312.

¹²⁸⁸L'Express, 3 Janvier, 1980.

¹²⁸⁹Cohen, S. Op. cit. P. 365.

¹²⁹⁰Bozo, F. Op. cit. P. 121.

¹²⁹¹Need to reexamine support which the U.S. provides to NATO, P.18

только попавшего в президентское кресло после отставки Никсона, так и для перешедшего в его команду «по наследству» госсекретаря Киссинджера¹²⁹². Последний, не успев перевести дух после выхода Греции из НАТО, попытался защищать Турцию в конгрессе, однако, столкнувшись с обвинениями на свой счет со стороны парламентской комиссии, расследовавшей его действия во время кипрского конфликта, не смог долго сопротивляться напору сенаторов¹²⁹³.

Согласно результатам расследования конгресса, опубликованного 6 октября 1974 г., турки нарушили два ключевых в этом плане документа (Foreign Assistance Law 1961 г., Law on Military Sales 1968 г.). Эмбарго попытались наложить еще раньше, 19 сентября, и отложить введение эмбарго позволило лишь «вето» Форда. Вновь глава государства отклонил ограничения против Анкары 15 октября, однако 30 декабря 1974 г. Форду пришлось подписать законопроект, окончательно вступивший в силу 5 февраля 1975 г. в виде приложения к закону 1961 г. о военных поставках¹²⁹⁴. В результате передача вооружений туркам прекратилась с середины февраля 1975 г. Недовольство турок не заставило себя ждать. 9 февраля 1975 г. Анкара заявила о намерении закрыть американские базы, в том числе, входившие в систему предупреждения о ракетном нападении¹²⁹⁵, а также об отмене соглашения 1969 г.

В мае 1975 г. Киссинджер летал в Анкару и просил турецкое руководство пересмотреть свое решение¹²⁹⁶, но все было безрезультатно. 25 июля 1975 г. американо-турецкое военное соглашение было денонсировано¹²⁹⁷: 20 американских баз с персоналом в 5 тыс. человек подлежали полному и немедленному закрытию. Американцы ушли из Синопа, Карамурселя, Диярбакыра, Пирип Клика, Белбасы и частично — крупнейшей авиабазы НАТО в Турции Инджирлика¹²⁹⁸. Были запрещены авиаперелеты между теми базами, где американское присутствие сохранялось. Однако и здесь ситуация не стала критической: Турция отдалилась от США, но не вышла из НАТО. В 1974 г. начались переговоры Турции с ФРГ по вопросам закупки вооружений¹²⁹⁹, и к январю Анкара, как ранее и Афины, в значительной мере закупали американское оружие у немцев¹³⁰⁰. С конца 1975 г. греческие представители начали дискуссию в НАТО о предоставлении им военно-экономической помощи в той же пропорции с турками (7 к 10), что существовала до

¹²⁹²Need to reexamine support which the U.S. provides to NATO, P.18.

¹²⁹³Kissinger, H. A. The Years of Upheaval, P.1189.

¹²⁹⁴Klapsis, A. From dictatorship to democracy. P. 72.

¹²⁹⁵FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 217. P.705.

¹²⁹⁶FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 224. P.726.

¹²⁹⁷FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc. 230. P.763.

¹²⁹⁸Chipman, J. Op.cit, P.101.

¹²⁹⁹Пощверия Б.М. Указ. Соч. С. 113.

¹³⁰⁰FRUS. 1969-1976, Vol. XXX, Doc.49. P. 160.

кризиса¹³⁰¹. Бесспорно: выдворение части американских военных из Турции серьезно подорвало позиции США в северном секторе Восточного Средиземноморья. Но сами американские базы в стране сохранились.

Тем временем зимой 1974-1975 гг. Греция предъявила американцам следующие условия: они должны были снизить количество персонала, допустить греческие комиссии для мониторинга американской деятельности в Суде, Пирее и Афинах и внести изменения в соглашения 1972 г.¹³⁰² К апрелю 1975 г. были урезаны привилегии американского персонала, ограничено передвижение офицеров США по стране. Ранее использовавшиеся Вашингтоном объекты в Пирее и Афинах передавались греческим офицерам, хотя и при праве пользования американцами. Так что США удалось, как ни странно, удержаться в Греции, покинувшей альянс, в отличие от Турции, которая оставалась в НАТО.

Уже с декабря 1974 г., когда острота кипрского конфликта начала спадать, на министерской встрече НАТО греки начали интересоваться размерами будущей военной помощи. В Афинах осознали свои внезапно уменьшившиеся ресурсы, которые Париж отнюдь не собирался безвозмездно замещать¹³⁰³. Уже тогда Караманлис заявил о возможности возврата в военную организацию НАТО, жалуясь, что его «заставили» выйти и это не было нарушением союзнических обязательств¹³⁰⁴. В свою очередь, для Франции Караманлис, хоть и оставался ключевым партнером в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья, начал постепенно терять ценность, не будучи способен окончательно избавиться от американцев. Тупик разрешения Кипрского вопроса на переговорах в Брюсселе в конце мая 1975 г., в частности, в плане будущего государственного устройства острова и проблемы беженцев¹³⁰⁵, а также соблазнительная ситуация прекращения поставок американского оружия Анкаре заставили греков бояться, что Франция может развернуться к Турции как минимум из корыстных соображений.

Париж действительно начал охладевать к Караманлису, наметилась и тенденция к тому, что Париж смирялся со статус-кво на Кипре. Так, глава МИД Франции Ж. Сованьярг в конце февраля 1975 г. во время визита в Афины в ответ на просьбы Караманлиса о поддержке вступления в ЕЭС и дипломатического сопровождения в вопросе Кипра выразил от лица Парижа «неудовольствие» рядом назначений в греческом правительстве. По вопросу лоббирования прогреческой позиции в европейской «девятке» Сованьярг отвечал уклониво, отметив, что Париж смог добиться от своих партнеров по ЕЭС лишь осуждения

¹³⁰¹Oran, B. Turkish foreign policy 1919-2006, P. 427.

¹³⁰²Klapsis, A. Op. cit. P. 68.

¹³⁰³Ibid. P.65.

¹³⁰⁴FRUS. 1973-1976. Vol. XXX, Doc.20, P. 83.

¹³⁰⁵FRUS. 1969-1976 Vol. XXX, Doc. 228. P.747.

любой будущей эскалации на острове со стороны Турции¹³⁰⁶. Наконец, продолжив восточносредиземноморское турне уже в Анкаре, министр выступил с сенсационным заявлением, что Франция не собирается ограничивать продажу вооружений «старому доброму другу по НАТО» — Турции, в отношении которой тогда начало действовать американское эмбарго¹³⁰⁷. Одно это заявление ставило под сомнение всю ту лихорадочную активность по укреплению боеспособности греческой армии с лета по зиму 1974 г. и поддержку позиции Афин по кипрскому вопросу.

Тем не менее, инерция французской поддержки Афин, несмотря на попытки ее понемногу уменьшить, еще была сильна. В марте 1975 г. Жискард д'Эстен все же представил Караманлису новый проект совместных франко-германский действий по Кипру, вновь понадеявшись соблазнить Афины общеевропейской поддержкой. Он состоял в том, чтобы убедить супердержавы и Европу в следующем: греческий премьер относится положительно к французской позиции по федерализации Кипра с наличием греческих и турецких анклавов в каждой из частей федерации, а также к мнению Парижа о необходимости уменьшить территорию, занимаемую турецкими войсками на острове¹³⁰⁸.

Эта инициатива преследовала три цели: ускорить решение кипрской проблемы, избежать вмешательства в урегулирование СССР и впервые дать странам ЕЭС возможность выразить твердую общую позицию в вопросе греко-турецкого конфликта. Для сравнения, в жизненно важном для Западной Европы арабо-израильском конфликте и нефтяном кризисе Парижу удалось подвести европейцев хоть и к туманным, но общим декларациям¹³⁰⁹. Новый кризис в Восточном Средиземноморье мог, казалось, стать шансом Парижа возглавить Европу. Париж упорно хотел реализовать эту инициативу, так как она бы демонстрировала, что переговоры идут, а Франция и ФРГ — ключевые страны ЕЭС — имеют по ним единую позицию¹³¹⁰. Поэтому, несмотря на просьбы Караманлиса не делать заявлений и шагов без консультаций с ним, Париж постоянно сепаратно зондировал настроения Бонна в кипрском вопросе. Однако в итоге отсутствие прогресса в переговорах

¹³⁰⁶Plassmann, L. Op.cit. P. 315.

¹³⁰⁷Le Monde, 25 février, 1975.

¹³⁰⁸Ibid.

¹³⁰⁹Франция, оттесненная от решения ближневосточного вопроса, пыталась саботировать образование Международного энергетического агентства под эгидой США зимой 1973/1974 годов. Colard Daniel La politique méditerranéenne et proche-orientale de G. Pompidou. // Politique étrangère Année 1978 Volume 43 Numéro 3 pp. 283-306 Paris, 1978 P. 295. Подробнее о перипетиях энергетического кризиса рубежа 1960-х/1970 годов см.: Скороходова О.Н. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973-1986). М. 2015.

¹³¹⁰Bozo, F. La politique étrangère de la France depuis 1945. P. 56.

двух общин острова и нерешительность немцев помешали и французам перейти к активным действиям, которые они не хотели делать в одиночку.¹³¹¹

Этот план не впечатлил также и Караманлиса, показавшись ему слишком мягким. В итоге администрация Жискара д'Эстена решила постепенно замораживать политические комбинации, связанные с греко-турецким конфликтом. Это выяснилось уже в апреле 1975 г., когда, надеясь на влияние Франции на европейцев, Караманлис отправился в свой первый заграничный визит в качестве президента. Он прибыл в Париж, рассчитывая, что с помощью Жискара д'Эстена сможет «посадить Турцию в карантин»¹³¹², изолировать ее от ЕЭС, заставить пойти на уступки по Кипру и Эгейскому морю, одновременно способствуя принятию Греции в «европейскую семью». Греческий премьер требовал, чтобы, пока идут переговоры по Кипру в Вене, на Турцию бы оказывалось давление. Но Ширак и Сованьяр поспешили разочаровать Караманлиса, отметив, что у Франции «нет инструментов для этого»¹³¹³ и что даже при попытке такого давления она натолкнется на сопротивление ФРГ. Также Париж воспротивился предложениям Караманлиса об «интернационализации» решения кипрского конфликта на уровне СБ ООН, в частности, появления там в качестве одного из посредников СССР. Показательно, что это шло вразрез с взглядами голлистов, отцов провалившейся в свое время «четырёхсторонней инициативы» по ближневосточному урегулированию: ясно видно, что французское руководство с тех пор утратило вкус к подобным саммитам великих держав по Восточному Средиземноморью.

Не захотели уже французы поддерживать Афины и в вопросе спора о шельфе Эгейского моря: греки собирались вести прения в Международном суде. Но в Париже Караманлису ясно дали понять, что международное право играет скорее на стороне турок, так как сами французы признавали ряд «особых случаев», связанных с делимитацией территориальных вод вокруг островов, например, с британскими островами близ берегов Нормандии. Пойти на поводу у греков для Парижа значило подвергнуть позиции, касающиеся собственных морских границ¹³¹⁴. Охлаждение Франции к Греции проявилось и в вопросе поставок вооружений. Если в конце 1974 г. Париж с опережением графика передавал Афинам самолеты и танки, забирая их из собственной армии, то в 1975 г. Караманлис на просьбы дать Греции 12 «дополнительных» «Миражей» и «около 30 вертолетов» получил уклончивый ответ и пояснения, что это «перегрузит французскую

¹³¹¹Plassmann, L. Op.Cit. p. 102.

¹³¹²Le Monde, 14 avril, 1975.

¹³¹³Plassmann, L. Op. cit. P. 316.

¹³¹⁴Idid. P. 317.

военную промышленность». Поставки сверх договоренностей Париж мог обеспечить теперь не раньше конца 1975 г.

Потерей надежд на французскую поддержку можно объяснить тот факт, что 29 мая 1975 г., когда на встрече альянса зашел разговор о судьбе Кипра и эгейского вопроса, Караманлис согласился на пропорциональную федерацию острова, как того хотели США и Турция. Кроме того, тогда же греческий лидер в открытую заявил, что может пересмотреть решение о выходе из военной организации НАТО, если при этом будут удовлетворены требования Афин относительно эгейского шельфа и зонах ответственности в воздушном пространстве над морем¹³¹⁵. В то же время в плане евроинтеграции Греции Караманлис получил полное одобрение своих планов со стороны французского руководства¹³¹⁶. 12 июня 1975 г., через несколько дней после ратификации новой греческой конституции, Караманлис объявил о том, что Греция подала заявку на вступление в ЕЭС¹³¹⁷. В Совете ЕЭС с подозрением смотрели на то, что Афины пытаются поставить политические соображения выше экономических, и приняли заявку на рассмотрение только в феврале 1976 г. Тем не менее, французам удалось продавить это решение. После трехлетних бюрократических процедур в 28 мая 1979 г. соглашение о принятии Афин в Сообщество было подписано¹³¹⁸. 1 января 1981 г. Греция стала полноправным членом ЕЭС, наконец, закончив 20-летнее сближение с единой Европой, и в этом - заслуга Франции.

Парадоксальным образом, но при Картере, в отличие от времен Никсона, американцы благосклонно отнеслись к евроинтеграции Греции. Но здесь надо учитывать фактическую молчаливую благосклонность Франции с 1976 г. к усилиям американцев по возвращению Греции в НАТО. После краткосрочной эйфории от кажущегося отрыва греков от США в Елисейском дворце поняли, что выигрыш оказался не столь велик. Афины же, когда напряжение Кипрского кризиса спало, вновь обратили свой взгляд на Вашингтон, с которым, на самом деле, никогда не порывали связей до конца¹³¹⁹. На этом фоне произошла осторожная попытка Парижа вернуться к старому, еще деголлевскому на сближение с Турцией. Так, в ноябре 1975 г. глава МИД Франции Ж. Сованьяньярг прибыл в Анкару с официальной целью способствовать снижению греко-турецкой напряженности, а фактически - с намерением перехватить турецкий рынок вооружений на фоне

¹³¹⁵Papacosma, V. Greece and NATO. P. 368.

¹³¹⁶Le Monde, 21 Avril, 1975.

¹³¹⁷Karamouzi, E.Op.cit. P. 7

¹³¹⁸Treaty between the Member States of the European Communities and the Hellenic Republic concerning the accession of the Hellenic Republic to the European Economic Community and the European Atomic Energy Community. Official Journal of the European Communities: L 291 - Volume 22 - 19 November 1979. P.9.

[Электронный ресурс] URL: [https://eur-](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1979:291:FULL:EN:PDF)

[lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1979:291:FULL:EN:PDF](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1979:291:FULL:EN:PDF) (дата обращения 1.07.2020)

¹³¹⁹Yannopoulos, G. N. Op.cit. P. 6.

действовавшего уже восемь месяцев эмбарго США. Анкара дала Сованьяргу обширный список требующихся для ее армии вооружений и комплектующих¹³²⁰.

Тем временем американцы не собирались спокойно наблюдать за ослаблением своих позиций в результате Кипрского кризиса и оружейного эмбарго в отношении Анкары. Сразу после разрыва старого оборонного соглашения с Турцией США начали подготовку нового. В Вашингтоне осознавали, что доверие Анкары подорвано. Тем не менее, нужен был документ, который можно было бы использовать в качестве рычага влияния на турок, тем более что их зависимость от американского оружия сохранилась, а эмбарго могло быть и отменено. В июне 1975 г. на заседании СНБ были рассмотрены четыре варианта действий: 1) Немедленно подписать новое оборонное соглашение на условиях Турции; 2) Подготовить компромиссный пакет военной помощи, который бы смог пройти Конгресс несмотря на эмбарго и удовлетворить часть турецких требований; 3) Тянуть время с соглашением, в надежде, что удастся заставить Конгресс отменить эмбарго до конца года; 4) Смириться с сокращением военного присутствия США в Турции и отсутствием взаимных обязательств кроме НАТО - «фиксировать убытки»¹³²¹.

В марте 1976 г. Киссинджеру удалось подписать с турками предварительное военное соглашение, хотя и в весьма усеченном, по сравнению с соглашением 1969 г., виде, а в июне — уже основное, также более сжатую версию. Но и оно натолкнулось на противодействие Конгресса, где позиции греческих лоббистов оставались сильны. Договор не был ратифицирован, что отдалило перспективу налаживания американо-турецких отношений для администрации Форда. Теперь дело было за преемником Форда в Белом доме — Дж. Картером. Его задачей стал как выход из тупика, в который зашла американская политика в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья, так и использование наработок предшественников для выхода из кризиса.

Для этого требовалось восстановление связей с Турцией и американского присутствия в стране, равно как и в его антагонисте — Греции, а также ее возвращение в альянс. Команда Картера хотела проявить себя успешным «миротворцем» во всей зоне Восточного Средиземноморья, где вторым по значению после арабо-израильского был греко-турецкий конфликт. Картер рассчитывал добиться успеха в примирении Афин и Анкары даже раньше, чем на Ближнем Востоке, так как у Вашингтона было гораздо больше рычагов влияния на них. Не случайно еще во время своей предвыборной кампании Картер заявлял о том, что рассматривает решение кипрского конфликта как одну из основных задач

¹³²⁰Billion, D. Op.Cit. P.102-103.

¹³²¹FRUS. 1969-1976 Vol. XXX, Doc. 243.P.779.

американской внешней политики¹³²², так как «Америка заинтересована в восстановлении южного фланга НАТО и в нормальном функционировании своих баз», тем более что «турецкое правительство сохраняет прозападный настрой» несмотря на эмбарго и «провал политики Форда и Киссинджера на Кипре», которая «отчуждала Кипр, Грецию и Турцию от США одновременно»¹³²³.

Еще не вступив в должность, Картер в конце 1976 г. начал первые шаги в направлении разработки нового курса по греко-турецкому конфликту. 31 декабря «переходная группа» нового президента в Госдепартаменте и новый госсекретарь С. Вэнс обсудили с представителями конгресса ближайшие шаги новой администрации в отношении Афин и Анкары. Вопрос в первую очередь касался согласования пакета военной помощи для Турции¹³²⁴. Но греческое лобби в Конгрессе отказывалось согласовать пакет помощи Греции и Турции в \$1,7 млрд до тех пор, пока в Белом доме не перезапустятся переговоры по Кипру. В то же время часть конгрессменов выступала за немедленное финансирование поставок в Турцию на \$170 млн, чтобы показать Восточному блоку, что «поток оружия Анкаре не прерывается», а также потому, что, по мнению Вэнса, «Греция тоже была замечена в нарушениях в регионе», и Турции бы не пришлось идти на уступки¹³²⁵. Наконец, госсекретарь надеялся, что смена администрации в Вашингтоне сделает более сговорчивым и Макариоса, не доверявшего Никсону, Форду и Киссинджеру¹³²⁶. Новый президент хотел показать разницу подходов — например, идеей Картера было устроить встречу кипрского президента и главы турецкого государства¹³²⁷.

В конце января Картер, уже действующий президент, поручил Комитету по пересмотру внешней политики в составе Госдепартамента, ЦРУ и КНШ оценить перспективы в мирном урегулировании между Грецией и Турцией как в вопросе Кипра, так и в Эгейском море¹³²⁸. Соответствующий доклад был впервые рассмотрен на заседании СНБ 10 февраля¹³²⁹. После ряда обсуждений высшее руководство США пришло к выводу, что стоит действовать, как и в ближневосточном вопросе, «пошагово», постепенно подводя Турцию к компромиссу¹³³⁰. Стоит отметить, что было решено также искать кооперации с ЕЭС в вопросе урегулирования¹³³¹, так как здесь интересы Европы затрагивались

¹³²²FRUS, 1977-1980, Vol XXI, Doc.1, P.2.

¹³²³Ibid.

¹³²⁴FRUS, 1977-1980, Vol XXI, Doc.3. P.6.

¹³²⁵FRUS, 1977-1980, Vol XXI, Doc.3. P.7.

¹³²⁶Ibid. P. 8.

¹³²⁷Uslu, N.Op.cit. P.180.

¹³²⁸FRUS, 1977-1980, Vol XXI, Doc.4, P.11.

¹³²⁹FRUS, 1977-1980, Vol XXI, Doc.5, P.12.

¹³³⁰FRUS, 1977-1980, Vol XXI, Doc.16, P.12.

¹³³¹FRUS, 1977-1980, Vol XXI, Doc.5, P.16.

непосредственно — с 1 июня 1973 г. действовало соглашение об Ассоциации острова, кроме того, у ЕЭС имелся «экономический рычаг давления на Афины»¹³³², ожидавшие получения благодаря стараниям Франции новых траншей в рамках экономической помощи и прогресса в вопросе членства. Тем более, что Париж, Лондон и Бонн сами выразили «желание помочь» Вашингтону.

Экс-глава Пентагона, политический консультант К. Клиффорд предлагал уйти от Кипра еще дальше, укрепляя другой «треугольник» — Афины-США-Турция, причем сосредоточиться в первую очередь на улучшении двусторонних американо-греческих и американо-турецких отношений — то, на чем изначально держался юго-восточный флаг НАТО со времен его появления и «Доктрины Трумэна». По итогам встречи было решено сосредоточиться на Турции как на «ключе» к решению проблемы юго-восточного фланга. СНБ условился в том, что стоит начать подготовку особой миссии для разрешения греко-турецких трений и «улучшения климата в отношениях между Анкарой и Афинами» во главе с Клиффордом. Было решено подчеркивать для Афин невозможность оказания им военной помощи без эквивалентной в отношении Анкары¹³³³, так как, по словам Картера, «нам нужны базы как в Греции, так и в Турции»¹³³⁴.

В середине месяца Клиффорд, однако, не исключал, что греки могут вовсе отказаться от военной помощи, лишь бы ее не получили турки¹³³⁵. Он призывал президента, в свою очередь, «разобраться к концу марта с Конгрессом», который не давал принять в рамках предложенного еще Фордом бюджета военную помощь Анкаре на \$250 млн¹³³⁶. Тем не менее, на всякий случай администрация Картера послала «пробный шар» на кипрском направлении и организовала встречу Клиффорда и Макариоса 24 февраля, опрометчиво заверив кипрского лидера, что именно «1977 год станет годом решения проблемы Кипра»¹³³⁷, а тот, в свою очередь, напомнил, что это решение зависит как раз от США и их способности оказывать давление на турок¹³³⁸ - так же, как Садат говорил Киссинджеру про Израиль. Об ожидании «скорого прорыва» в проблеме Кипра Клиффорд высказался и публично, чтобы подчеркнуть серьезность намерений Белого дома на этом направлении¹³³⁹. Предпосылкой этого прорыва, по мнению администрации Картера, должен был стать

---

¹³³²Ibid.

¹³³³FRUS. 1977-1980, Vol XXI, Doc.6, P.20.

¹³³⁴FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.7, P.22.

¹³³⁵Ibid. P. 23.

¹³³⁶Ibid.

¹³³⁷FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.32, P.123.

¹³³⁸FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.32, P.123.

¹³³⁹The Washington Post, March 1, 1977.

локальный успех — перезапуск под эгидой ООН 25 февраля переговоров лидеров турецкой и греческой частей острова¹³⁴⁰.

В начале марта Картер отправил в Грецию и Турцию спецпосланником Клиффорда, в надежде что тот, обладая обширными связями, так же, как когда-то экс-глава внешнеполитического ведомства Ачесон в 1964 г., положит начало урегулированию кипрского конфликта. В Анкаре ему заявили, что не будут, как в случае с арабо-израильским конфликтом, по аналогии с Израилем, позволять американцам связывать вопрос военной помощи и урегулирование конфликта. Клиффорд заверил правительство С. Демиреля, что пакет военной помощи пройдет одобрение Конгресса, и после этого появится время и для занятия греко-турецким конфликтом¹³⁴¹. В Вашингтон спецпосланник передавал, что избежать проблемы Кипра в греко-турецких отношениях можно, однако, оставленная на самотек, она может затормозить улучшение отношений с Афинами и Анкарой, так как греческая и турецкая общины острова «никогда не договорятся сами, лишь с неэффективной поддержкой ООН»¹³⁴². Поэтому сосредоточиться Клиффорд предлагал на Эгейском вопросе: по его мнению, именно там могло произойти столкновение, чреватое войной. Спецпосланник уже успел предупредить Анкару, что любой вооруженный конфликт в акватории Эгейского моря неизбежно приведет к полной остановке поставок оружия из США¹³⁴³. Он намекнул, что США ждут от Анкары каких-то миролюбивых заявлений по Кипру ради прохождения билля о военной помощи через Конгресс¹³⁴⁴.

Караманлис заверил Клиффорда, что к середине марта Афины сформируют команду переговорщиков по новому оборонному соглашению с США, а также по постепенному возвращению в военную организацию НАТО. Турки в свою очередь пообещали спецпосланнику, что на межобщинных переговорах в Вене 31 марта представитель турок-киприотов «представит конструктивные предложения». Кипрский президент Макариос, де-факто представитель греков-киприотов, заявил Клиффорду, что согласен на бizonaльное деление Кипра, правда, настаивал, что турецкая зона должна быть ограничена 20% территории острова. Впрочем, сокрушался спецпосланник США, все стороны пока отказывались дать ему какие-либо письменные подтверждения своих намерений¹³⁴⁵. Клиффорд советовал президенту всеми силами добиться хотя бы частичных оборонных траншей Анкаре на \$175 млн на 1978 г., чтобы смягчить чувства турок от «несправедливого

¹³⁴⁰FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.33. P.128.

¹³⁴¹The New York Times, March 2, 1977.

¹³⁴²FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.8. P.24.

¹³⁴³FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.8. P.24.

¹³⁴⁴Ibid. P.27.

¹³⁴⁵FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.8.P. 28.

и унижительного эмбарго», наложенного в первые дни президентства Форда¹³⁴⁶, так как «единственным рычагом давления на Анкару является военное партнерство»¹³⁴⁷. Спецпосленник настаивал и на как можно более активной реинтеграции Греции в НАТО, а Макариоса советовал склонить к выступлению с инициативой о компромиссном территориальном делении Кипра¹³⁴⁸. Наконец, в эгейском вопросе Клиффорд считал возможным прямое посредничество США, так как «ситуация вполне решается»¹³⁴⁹.

В середине апреля Вэнс предложил Белому дому убедить Конгресс дать добро на военную помощь Турции хотя бы в размере \$160 млн (на \$35 млн больше, чем готовы были конгрессмены и на \$15 млн меньше, чем хотели турки), а также авансом поставить туркам партию истребителей F-4. Бжезинский был против компромиссного «урезания» военной помощи туркам. Он предлагал дать Анкаре желаемые \$175 млн, используя подготовку успешной встречи Караманлиса и Демиреля для нейтрализации греческого лобби, а также советовал Картеру поторопить Конгресс с ратификацией подписанного в марте 1976 г. четырехлетнего Соглашения о военной кооперации (Defense Cooperation Agreement, DCA). Президент в итоге склонился к варианту своего советника по национальной безопасности, что вновь вызвало возмущение в Конгрессе¹³⁵⁰.

На встрече с конгрессменами было решено уступить им в вопросе отправки самолетов туркам и всячески отрицать связь DCA и кипрского урегулирования, чтобы не вызвать протестов турок. Лето, к удовольствию американцев, прошло без роста греко-турецкой напряженности. В то же время Госдепартаменте отмечали, что импульс, заданный весной по вопросу о кипрских переговорах, совершенно угас, и поэтому нужно подключить к ним страны ЕЭС¹³⁵¹. В октябре 1977 г. Клиффорд отмечал, что атмосфера для переговоров улучшается, греки уже не опасаются столкновения с турками, а в самой Турции завершились парламентские выборы, по результатам которых, несмотря на небывалое усиление левых, благодаря неспособности М.Эджевита сформировать коалицию, консерватору С. Демирелю удалось вновь занять место премьер-министра и, стало быть, получить возможность для переговоров с греками по Кипру ради получения военной и экономической помощи от США¹³⁵².

Клиффорд утверждал, что в Анкаре обсуждают уменьшение контингента на острове и даже сокращение занимаемой турками территории на Кипре. В качестве стимула для

¹³⁴⁶FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.9. P.44.

¹³⁴⁷FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.10. P.52.

¹³⁴⁸Ibid. P.52.

¹³⁴⁹Ibid.

¹³⁵⁰FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.12. P.59.

¹³⁵¹FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.40. P.143.

¹³⁵²FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.15. P.65.

Афин он рассматривал предложение рассмотреть ДСА с Грецией, похожее на уже заключенное турецкое, сделав и греков, и турок вновь связанными с США двусторонними обязательствами¹³⁵³. Предполагалось, что в этот раз, в отличие от июля 1977 г., Караманлис все-таки подпишет его, и Афины станут более управляемыми в надежде получить \$700 млн военной помощи в течение четырех лет (тем более что «вероятный противник», Турция, был в шаге от того, чтобы получить \$1 млрд после одобрения ДСА Конгрессом)¹³⁵⁴. Решительное давление на Грецию и Турцию было решено оказать после ноября 1977 г. — греческих выборов¹³⁵⁵.

Но ни в ноябре, после успешного переизбрания Караманлиса (хотя его противник, социалист Пападреу, укрепил свои позиции и сделал «восстановителя демократии» слабее¹³⁵⁶), ни в декабре проблема создания базиса для греко-турецкого урегулирования не была решена из-за упорства греческого лобби Конгресса. Караманлис настаивал, что для Греции ДСА и военная помощь вторичны, так что для реинтеграции в НАТО и оборонный союз с США необходимо решить сначала кипрскую и эгейскую проблемы. Тем не менее, Караманлис был согласен встретиться с Эджевитом в феврале 1978 г. — впервые за многие годы предпринять встречу на высшем уровне с основным антагонистом. Ему приходилось так поступать ради того, чтобы социалисты Пападреу не перехватили у него инициативу в международных делах вместе с поддержкой французов. Ведь и Пападреу в свое время был активным деятелем греческой эмиграции во Франции в период военной диктатуры.

Площадку для встречи греческого и турецкого лидеров дала Франция. Саммит Караманлиса и Эджевита состоялся в феврале в Париже, хотя и не привел к каким-то конкретным результатам. Участие французской дипломатии в кипрском вопросе после 1975 г. ограничивалось уже соображениями престижа. Греческие и турецкие лидеры встретились также в марте в Швейцарии, в апреле — в Анкаре, фоном для этих саммитов стали просоветской переворот в Афганистане и израильское вторжение в Ливан¹³⁵⁷. Перед самым саммитом Караманлиса и Эджевита в феврале Белый дом устроил встречу главы Минобороны Греции Е. Авероффа с вице-президентом У. Мондейлом. Аверофф был основным сторонником возвращения Афин в НАТО¹³⁵⁸. Однако Греция воспротивилась снятию оружейного эмбарго с Турции как предварительного условия возвращения в альянс, а Анкара упрекала Грецию за использование своего движения в ЕЭС и сближения с

¹³⁵³FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.16. P.68.

¹³⁵⁴FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.17, P.77.

¹³⁵⁵FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.16. P. 69.

¹³⁵⁶Kofas, J. V. Op.cit. P. 160.

¹³⁵⁷Uslu, N. Op.cit. P.183.

¹³⁵⁸Kofas, J. V. Op.cit.P. 162

европейцами в качестве рычага давления на Турцию¹³⁵⁹. Тем временем в американскую прессу уже просочились сведения, что американцы пришли к тайному соглашению с турками: в обмен на снятие эмбарго возобновить доступ военных США к базам на территории Турции¹³⁶⁰. Но американцы действовали и на греческом направлении, чтобы не дать возмущению в Афинах разрастись. Так, в мае 1978 г. было достигнуто предварительное соглашение о возвращении Греции в военную организацию НАТО. Его подписали верховный главнокомандующий силами альянса А. Хейг и командующий сухопутными силами Греции Яннис Давос. Все страны НАТО, кроме Турции, поддержали соглашение. Анкара же хотела, чтобы воздушное пространство для использования военных самолетов над греческими островами отошло к ней, что грекам казалось нарушением международного права. Этому противился и Хейг.

На встречах с представителями Картера Карманис в мае и июне 1978 г. поднимал проблемы Кипра, НАТО и вступления в ЕЭС. Караманлис жаловался, что до сих пор никакого соглашения по Кипру и Эгейскому морю нет, и в случае снятия эмбарго исчезнет всякий рычаг давления на Анкару¹³⁶¹. В то же время американцы считали, что фактически Афины уже смирились со скорым снятием эмбарго с Анкары, а значит, рассуждали в администрации Картера, нужно как можно активней действовать в Конгрессе, и уже после восстановления поставок в Турцию заняться кипрской проблемой¹³⁶². В Вашингтоне считали, что вопрос Кипра можно было решить только восстановив отношения с Афинами и Анкарой, и лишь после этого подключить к этому процессу французов и других европейцев и канадцев. В меморандуме от Нимица Вэнсу в конце июля 1978 г. говорилось, что согласие на сотрудничество в кипрском вопросе от Парижа, Бонна и Оттавы уже получено¹³⁶³.

Эта бурная деятельность США по примирению греков и турок, по улучшению американско-греческих и американско-турецких отношений в направлении возвращения Афин в НАТО и американских военных — на турецкие базы, а также по подключению к процессу примирения союзников по юго-восточному флангу НАТО европейцев, включая вечно фрондирующую Францию, начала вызывать беспокойство СССР¹³⁶⁴. В Москве, хотя и не желали прямо вмешиваться в греко-турецкий конфликт ни в Эгейском море, ни даже на условно дружественном Кипре, последовательно наращивали темпы политических

¹³⁵⁹FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.21. P. 88.

¹³⁶⁰The Washington Post, April 14, 1978.

¹³⁶¹Kofas, J. V. Op.cit. P. 162

¹³⁶²FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.22. P. 93.

¹³⁶³Ibid. P. 97.

¹³⁶⁴FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.23, P. 98.

отношений с Грецией после 1974 г., держа в уме ее связь с Парижем и силу левых партий, а с Турцией усиливались экономические контакты еще с конца 1960-х гг., когда было принято усеченное соглашение об американо-турецком военном сотрудничестве, намереваясь таким образом ослабить юго-восточный фланг НАТО¹³⁶⁵. Так что администрация Картера в итоге смогла создать возможность для пусть и слабого, но сотрудничества с Парижем по линии «атлантической солидарности», укрепляя тезисы, прозвучавшие на саммите НАТО 1974 г. в Оттаве, за месяц до Кипрского конфликта. Это особенно показательно на фоне того, что в то же самое в ближневосточном вопросе, как мы упоминали выше, между США и Францией отношения оставались напряженными.

Наконец, после долгой и планомерной работы с конгрессменами, длившейся почти год и завершившейся к концу июля¹³⁶⁶, администрации Картера удалось добиться своего: после того, как вопрос об эмбарго был решен в Сенате (57 сенаторов — за снятие, 42 — против) 2 августа 1978 г., с минимальным перевесом (208 против 205 голосов), в Палате представителей окончательно, хотя и не вполне уверенно победили сторонники снятия оружейного эмбарго с Турции и поставки в эту страну оружия общей стоимостью в \$2,8 млрд¹³⁶⁷. Это была тяжелая и долгожданная тактическая победа, развязывавшая руки президенту для решения стратегических задач — урегулирования обстановки на юго-восточном фланге НАТО и укрепления его единства¹³⁶⁸, так как, по словам самого Картера, «вместо вывода турецких войск с Кипра эмбарго только подрывало в течение трех лет безопасность в Средиземноморье»¹³⁶⁹. 14 августа Конгресс согласился назначить датой снятия эмбарго 26 сентября 1978 г.¹³⁷⁰, когда соответствующий президентский указ, провозглашавший «полное восстановление военного сотрудничества США и Турции». был подписан Картером¹³⁷¹.

Это был шанс не только вернуть американских военных в Турцию¹³⁷², но и саму Грецию — в НАТО. Действительно, после решения Конгресса на Белый обрушилась критика греческого лобби (а греческая диаспора оказала Картеру поддержку на выборах 1976 г.¹³⁷³) и официальных Афин¹³⁷⁴, уверенных, что «снятие эмбарго без решения

¹³⁶⁵FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.28. P. 112.

¹³⁶⁶The New York Times, July 26, 1978.

¹³⁶⁷House of representatives. August 2 1978// 124. Cong. Rec. (Bound) - Volume 124, Part 18 (August 1, 1978 to August 8, 1978) P. 23918-23927 [Электронный ресурс] URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1978-pt18/pdf/GPO-CRECB-1978-pt18-2-2.pdf> (Дата обращения: 23.05.2020).

¹³⁶⁸Public Papers: Carter, 1978, Book II, Pp. 1357–1358.

¹³⁶⁹The Washington Post, August 2, 1978.

¹³⁷⁰FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.121. P. 381.

¹³⁷¹Public Papers: Carter, 1978, Book II, P. 1636.

¹³⁷²Переговоры об этом начались в ноябре 1978 г. См.: FRUS, 1977-1980, Vol. XXI, Doc.124, P. 388.

¹³⁷³FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.25. P. 107

¹³⁷⁴FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.179. P. 552.

[Кипрской и Эгейской] проблем, которые к нему привели, лишь отдаляет их урегулирование»¹³⁷⁵ и они не будут ради возвращения в альянс идти на уступки Анкаре¹³⁷⁶. Но в Белом доме понимали, что, как и в случае с Израилем, глупо долго держать на голодном пайке стратегического союзника в надежде сделать его сговорчивей. А именно Анкара была краеугольным камнем юго-восточного фланга НАТО. Тем более, что пилюлю грекам подсластили не только обещаниями о том, что заставят турок пойти на уступки¹³⁷⁷, но и деньгами. Так, несмотря на свое «отсутствие» в альянсе, Афины получали по результатам тех же слушаний 2 августа на \$3 млрд американской военной помощи, меньше, чем Анкара (\$4 млрд), но все равно значительную сумму.

Кроме того, в посвященной снятию эмбарго записке ЦРУ отмечалось, что грекам не стоит бояться излишнего сближения США и Западной Европы с Турцией хотя бы потому, что там с неохотой воспринимают экономическую интеграцию Анкары и больше желают возвращения Греции в альянс¹³⁷⁸. Наконец, говорилось в отчете ЦРУ, и сам Караманлис, сколько бы он не протестовал против снятия эмбарго с Турции, вряд ли дистанцируется от США, так как, равно как и администрация Картера, надеется реинтегрировать Грецию в НАТО и ЕЭС и надеется на поддержку со стороны Запада. Ведь он считает общей угрозой и для себя, и для американцев, и даже для французов приход к власти левого правительства во главе с Пападреу. Тем более что турок в ЕЭС, в отличие от греков, не приглашали. Доказательством лояльности Афин Западу в целом и даже Вашингтону являлось то, что в Греции до того момента, хоть и в усеченном формате, функционировали американские военные базы, в отличие от той же Турции¹³⁷⁹.

Единственное, что угрожало лично Картеру и его администрации из-за снятия эмбарго — это эрозия электоральной поддержки греческой диаспоры США и ее представителей в Конгрессе¹³⁸⁰. Американцы, впрочем, после столь долгой борьбы за снятие эмбарго, не хотели рисковать репутационно от втягивания в непредсказуемое посредничество на Кипре. Они решили выступить теми, кто якобы убрал камень преткновения на пути к урегулированию, «*deus ex machina*», а сами сосредоточились на улучшении собственных отношений с Афинами и Анкарой, касаясь только декларативно кипрского вопроса в переговорах с ними, не оказывая давления. В Белом доме утратили тот вдохновенный пыл начала 1977 г., когда надеялись решить задачи разных уровней —

¹³⁷⁵The New York Times, August 3, 1978.

¹³⁷⁶FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.182. P. 558.

¹³⁷⁷FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.180. P. 554.

¹³⁷⁸FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.24. P. 101.

¹³⁷⁹Ibid.

¹³⁸⁰Закрытые исследования показывали, что поддержка действующего президента среди греко-американцев упала с 80% в 1976 г. до 30% в октябре 1978 г. См.: FRUS, 1977-1980, Vol. XXI, Doc.25, P. 107.

укрепить юго-восточный фланг НАТО и выступить миротворцами на Кипре в максимально короткий срок. Вашингтон, в отличие от параллельно идущих переговоров Египта и Израиля, вынес конфликт между союзниками за скобки.

Так или иначе, переговоры по Кипру, хоть и без прямого участия США, начались — осенью 1978/зимой 1979 гг. в центре внимания переговорщиков от ООН и общин острова оказалась проблема греческого квартала Вароша в Фамагусте, откуда были изгнаны греки-киприоты, а сам город стал необитаемым. Под эгидой ООН предлагалось вернуть Варошу грекам-киприотам в обмен на признание Никосией фактической «конфедерации» — идеи «бизонального» Кипра, которая обсуждалась еще со времен начала кризиса в середине 1960-х гг., отчасти возрождая некоторые пункты пресловутого «плана Ачесона». Считалось, что после урегулирования вопроса с беженцами и реституцией потерянного имущества можно будет вновь запустить и вопрос будущего государственного устройства Кипра.

Американцы, впрочем, неофициально представили и свой проект урегулирования в ноябре 1978 г. обеим общинам острова, но настаивали, что вмешательство США должно оставаться «строго конфиденциальным»¹³⁸¹. План был противоречив: так, в вопросе национального состава северной части острова американцы предполагали, что она должна остаться «преимущественно турецкой» при «возвращении беженцев» без пометки «всех» (например, в Варошу предполагалось вернуть 35 тыс. из 40 тыс. проживавших там на 1974 г. греков¹³⁸²), что не устраивало Никосию¹³⁸³. Также довольно сложными и запутанными были рекомендации и касательно возможного государственного устройства. Вашингтон предлагал делать легитимными решения будущего «объединенного» кипрского парламента действительными, если за него проголосовало три-восьмых турецких депутатов¹³⁸⁴.

За зиму-весну 1979 г. американцы вновь пытались как-то перезапустить переговоры — руками генсека ООН К.Вальдхайма, а тот — через «девятку» ЕЭС. Но в апреле 1979 г. в администрации Картера пришли к выводу, что со времени снятия эмбарго с Турции в кипрском вопросе не удалось продвинуться ни на йоту, так как «греки-киприоты оказались еще более несговорчивыми, чем турки-киприоты и Анкара». После отказа греков от «бизональности» Кипра его турецкая община и ее глава Денкташ потеряли интерес и к переговорам по Вароше. Единственное, чего удалось добиться — это совместной греко-турецкой декларации 19 мая 1979 г. под эгидой ООН о том, что переговоры по беженцам и

¹³⁸¹FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.61. P.214.

¹³⁸²Оставшиеся 5 тыс. проживали вблизи порта Фамагусты, что, по мнению турок, создавало угрозу для турецкого судоходства и связи с Турцией.

¹³⁸³FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.61. P.214.

¹³⁸⁴FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.62. P.223.

конституционному устройству не будут прерваны в дальнейшем¹³⁸⁵. 15 июня они возобновились,¹³⁸⁶ но к сентябрю прекратились, уже без деклараций о возможности пролонгирования. В Вашингтоне поняли: это агония их инициативы, запущенной в 1977 г. миссией Клиффорда¹³⁸⁷. Это подтвердило то, что с октября турки взяли курс на сецессию и провозглашение де-юре независимого государства на севере Кипра¹³⁸⁸.

Безуспешны были и обсуждения эгейской проблемы в вопросе разграничения военных зон ответственности на море и в воздухе между турками и греками. Тем не менее, в отчете аппарата СНБ на имя Бжезинского отмечалось, что ставка на улучшение двусторонних отношений с Грецией и Турцией «оправдала себя». Чтобы хоть как-то продвинуть кипрский вопрос, которого администрация Картера больше не хотела касаться, в СНБ предлагали назначить отдельного переговорщика не только от ООН, но и от стран ЕЭС, действия которых пока не были институционально оформлены. Наконец, СНБ советовал президенту больше не принимать во внимание действия греческого лобби в Конгрессе¹³⁸⁹.

К декабрю в Белом доме окончательно решили, что активно действовать на кипрском направлении нежелательно, и стоит все силы, после относительного улучшения отношений с Анкарой, бросить на восстановление связей с Грецией. Это было тем более важно, что Вашингтон после просоветского переворота в Кабуле в апреле 1978 г., а затем, окончательно — ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. — решил порвать с политикой разрядки и вновь сделать упор на жесткое блоковое противостояние. В этой ситуации возвращение Афин и Анкары к тесной военно-политической кооперации с США было жизненно важным вопросом¹³⁹⁰. Поэтому высказывались предложения, что вопрос Кипра лучше всего продолжать контролировать с помощью ООН, но самим сосредоточиться на решении проблемы разграничения турецкого и греческого секторов в зоне идентификации объединенной ПВО НАТО. Это было тем более важно, что в Греции на апрель были намечены президентские выборы. Греки-киприоты же стали терять всякое доверие после того, как они воздержались от голосования по проекту американской резолюции в ООН об осуждении ввода советских войск в Афганистан в начале февраля 1980 г.¹³⁹¹

¹³⁸⁵FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.67. P.253.

¹³⁸⁶FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.70. P.239.

¹³⁸⁷FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.71. P.241.

¹³⁸⁸FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.72. P.244.

¹³⁸⁹FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.26. P. 109.

¹³⁹⁰Kofas, J. V. Op.cit. P. 166.

¹³⁹¹FRUS, 1977-1980, Vol. XXI, Doc.75. P.251.

Но на этом пути наметились препятствия. Еще летом 1979 г. в Вашингтоне были удовлетворены темпами сближения Греции с альянсом, которое проводилось под эгидой главнокомандующего войсками НАТО в Европе Хейга¹³⁹², и даже выделили грекам \$42 млн, а туркам – \$52 млн финансовой помощи в надежде на продолжение позитивного тренда¹³⁹³. Но к осени импульс иссяк, так что Караманлис решился на такой провокационный шаг, как визиты с целью экономической кооперации в страны ОВД (Чехословакию и Венгрию) и даже в Москву и Пекин (это была первая поездка греческого лидера в СССР в истории)¹³⁹⁴.

После ухода Хейга, курировавшего реинтеграцию греков в НАТО, со своего поста в декабре ситуация, несмотря на первоначальный оптимизм, прочно застопорилась¹³⁹⁵. Американцы пошли на поводу у турок, которые отказывались принять план Хейга как преимущественно защищающий интересы греков в территориальном споре с турками — военный контроль над Эгейским морем. Согласно этому плану, предлагалось передать напрямую особому командованию НАТО, которое предполагалось разместить в греческой Лариссе. Турки и греки одинаково опасались передачи контроля за морем друг другу даже в порядке ротации¹³⁹⁶.

В конце февраля 1980 г. Афины заявили, что не желают возвращаться в объединенное военное командование НАТО согласно новому плану сменившего Хейга на посту командующего Б. Роджерса. Тот, в отличие от Хейга, предлагал сначала поставить греческих военных под контроль альянса, и уже потом формально реинтегрировать саму страну в альянс и уже после этого распределять зоны ответственности в воздушном и водном пространстве над Эгеидой. Греки же настаивали, что намерены реинтегрироваться в НАТО только в рамках подхода «плана Хейга»¹³⁹⁷.

Караманлис требовал от Картера сперва надавить на Турцию в вопросе хотя бы разграничения в Эгейском море¹³⁹⁸. Из-за этого процесс возвращения Афин в НАТО был застопорен на целый год. Однако Белый дом, как следует из слушаний в Конгрессе в сентябре того же года, склонялся к точке зрения Роджерса¹³⁹⁹. В итоге под давлением США между Турцией и Грецией был достигнут компромисс как минимум относительно общей

¹³⁹²FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.191. P.586.

¹³⁹³Kofas, J. V. Op.cit. P.169.

¹³⁹⁴Ibid. P.170.

¹³⁹⁵FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.196. P.251.

¹³⁹⁶FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.198. P. 605.

¹³⁹⁷Le Monde, le 25 février; 1980.

¹³⁹⁸FRUS, 1977-1980, Vol. XXI, Doc.193, P.531.

¹³⁹⁹ United States-Western European Relations in 1980: Hearings Before the Subcommittee on Foreign Affairs House of Representatives. Ninety-Sixth Congress. Second Session. June 25; July 22, September 9,15 and 22, 1980.US Government Printing Office, Washington, 1980. P. 310.

зоны идентификации ПВО в Эгейском море. Отныне военные самолеты двух стран могли пересекать воздушную границу над Эгейским морем без предварительного уведомления, причем в этом вопросе на уступки первой пошла Турция. Следующей уступкой греки хотели бы видеть решение в их пользу вопроса о территориальных водах Эгейского моря — в Афинах подразумевали, что возвращение в альянс должно привести к статус-кво до 1974 года, когда водное пространство между Грецией и Турцией было преимущественно греческой зоной ответственности¹⁴⁰⁰.

Американцы в марте 1980 г. решили перестать быть единственным посредником по возвращению Греции в НАТО и урегулированию ее споров с Турцией и сформировали в рамках альянса рабочую группу, куда пригласили также Великобританию и ФРГ, но не пригласили Францию¹⁴⁰¹. Сменивший в мае 1980 г. Караманлиса на посту президента Греции экс-глава МИДа страны Г. Раллис, считая, что это ускорит процесс, пригрозил пересмотреть статус американских баз, если реинтеграция с НАТО и урегулирование с Турцией не продвинется. Вашингтон это не испугало, так как и в более острых ситуациях 1975/1975 гг. военнослужащие США остались в Пирее и других пунктах, но в Белом доме поняли, что Афины теряют терпение¹⁴⁰².

Так что после ожесточенных дискуссий между СНБ и Госдепартаментом в сентябре администрации Картера решили сделать Греции официальное предложение о возвращении в альянс, надавив на Анкару и заставив снять свое вето. 24 октября 1980 г. греки также заявили о согласии заключить с американцами новое соглашение в сфере обороны¹⁴⁰³. Еще год ушел на устранение различных бюрократических препятствий, в то время как внутривластная ситуация в Греции из-за роста популярности левых все больше беспокоила американцев, прежде чем 17 октября 1981 г. Греция официально заявила о согласии вернуться в НАТО — за день до того, как на выборах в этой стране победил лидер левых — Пападреу, чтобы тот не смог изменить уже принятое решение.

Стоит заключить, что отношения США и Франции в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья после Кипрского конфликта и выхода Греции из состава НАТО развивались в два этапа. Первый — с конца 1974 г. по середину 1975 г. — был отмечен довольно жестким соперничеством. Почувствовав ослабление позиций Вашингтона в регионе из-за резкого ухудшения американо-греческих отношений на фоне событий на Кипре и падения диктатуры «черных полковников», Париж попытался стать сначала

¹⁴⁰⁰FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.198. P.604.

¹⁴⁰¹FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.200. P.612.

¹⁴⁰²FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.204. P.623.

¹⁴⁰³FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.210. P.632.

монопольным партнером Афин, пользуясь последствиями самого Кипрского конфликта. Франция накачивала оружием новое греческое правительство, опасавшееся открытого вооруженного конфликта с Турцией, пыталась создать на основе ЕЭС группу поддержки греков в вопросе Кипра. Париж всеми силами старался возобновить процесс интеграции Афин в ЕЭС, прерванный военным переворотом 1967 г. Это усиливало бы позиции Парижа в его соперничестве как с ФРГ, так и в целом бы укрепило его лидерство для конкуренции с США, продолжило бы перебалансировку «центра тяжести» ЕЭС к югу. США же исправляли катастрофические последствия Кипрского кризиса, разрыв и с Грецией, и с Турцией.

И именно здесь наступает постепенное сглаживание американо-французского соперничества. Париж, распылив силы и на Грецию, и на Турцию в военно-политическом и оружейном направлениях, охладел к планам сделать из Афин французский сателлит, полностью вырвать его из американской сферы влияния, и сосредоточился исключительно на интеграции страны в ЕЭС. Последнее Вашингтон принял более благосклонно. В отличие от «еврофобии» Киссинджера, теперь в Белом доме считали сближение Греции с ЕЭС скорее полезным в условиях сворачивания разрядки. Сосредоточившись на снятии эмбарго с Турции и усилении ее кооперации с НАТО, на возвращении Греции в альянс, США преуспели в восстановлении юго-восточного фланга НАТО.

Франция на фоне постепенной эрозии разрядки не препятствовала американским усилиям. Вашингтон, в свою очередь, предоставил Парижу право на символическое участие в кипрском вопросе, где риски США были оценены как слишком высокие, пригласил помочь веревуть греков в НАТО. Так что со сменой администрации в Вашингтоне США и Франция пришли если не к сотрудничеству, то к молчаливому признанию интересов друг друга в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья. И это дало свои плоды: к началу 1980-х гг. французы успешно завершили интеграцию Греции в ЕЭС, американцы — возвращение греков в НАТО и восстановление отношений с Турцией. Однако на периферии, которая не относилась напрямую к военно-политической безопасности Западного лагеря и Европы, в южном секторе зоны Восточного Средиземноморья, противоречия не угасали до тех пор, пока на Ближнем Востоке не произошли глобальные политические перемены.

4. США и Франция перед лицом глобальных изменений в зоне Восточного Средиземноморья в 1978-1981 гг.

Американская дипломатия в 1979 г., казалось, должна была праздновать триумф. Египет из советского клиента оказался окончательно в сфере влияния США, а Греция

возвращалась в НАТО. Однако этот успех омрачила потеря американцами Ирана. В результате исламской революции в январе-феврале того же года из военно-политической и экономической опоры американцев в регионе, уравновешивавшей сотрудничество с Израилем и «умеренными» арабскими режимами, Тегеран стал заклятым врагом Вашингтона. Это сломало баланс, выстроившийся на Большом Ближнем Востоке благодаря Кэмп-Девиду. Вселяли беспокойство США и события в Афганистане, где с апреля 1978 г. установился условно просоветский режим и разгоралось внутреннее вооруженное противостояние. Таким образом, основным проблемным районом на рубеже десятилетий стал южный сектор зоны Восточного Средиземноморья и прилегающие к нему районы Большого Ближнего Востока (Иран и Афганистан).

Нельзя сказать, чтобы иранская проблема застала как американцев, так и французов совершенно врасплох. Политический кризис в стране вызревал в течение почти всего 1978 г. Но довольно долго и в Вашингтоне, и в Париже верили, что он может быть управляемым, и его решение не казалось первостепенной задачей на фоне завершения египетско-израильского примирения и переговоров с СССР об ограничении стратегических вооружений. Французы, занятые на тот момент попыткой нивелировать влияние Кэмп-Девид на свою ближневосточную политику, приняли в октябре 1978 г. в качестве политического беженца аятоллу Хомейни.

П. Разу, французский исследователь контактов Парижа с Багдадом и Тегераном, отмечает, что прием оппозиционного иранского проповедника был согласован с американцами. Удержание Хомейни на французской территории ограничивало его влияние и одновременно выставляло Францию прибежищем для противников проамериканских режимов. Только после введения в Иране чрезвычайного положения администрация Картера решила заняться ситуацией. Но надежды Вашингтона погасить кризис с помощью бегства шаха из страны не оправдались. После согласованного Картером и Жискард д'Эстеном на саммите в Гваделупе в январе 1979 г.¹⁴⁰⁴ возвращения из Франции аятоллы Хомейни произошла невиданная доселе революция – исламская¹⁴⁰⁵. Она отчасти носила привычный с 1950-х гг. антимонархический, антизападный и антиколониальный характер.

В результате отдаление Ирана от США произошло как в экономике¹⁴⁰⁶, так и в политике, причем с совершенно иной идеологией – исламским фундаментализмом. Эта

¹⁴⁰⁴The New York Times, January 5, 1979.

¹⁴⁰⁵Razoux, P. Op.cit. P.94.

¹⁴⁰⁶Вскоре после революции произошла активная национализация нефтедобычи, а также попытка отозвать иранские активы из западных банков, в первую очередь, американского «Чейз Манхэттэн», который выдал шахскому правительству кредитов на \$2 млрд и которые отказывалось возвращать новое правительство. Подробнее см.: Овинников Р.С. Указ. соч. С. 188.

потеря не приращала сферу влияния СССР, как опасались сначала в Вашингтоне, но выводила на региональную сцену совершенно новую силу, не вписывавшуюся в логику биполярного противостояния. Окончательно Вашингтон и Тегеран стали считать себя врагами не сразу, несмотря на красноречивую отмену многомиллиардных оружейных контрактов, заключенных еще с монархом¹⁴⁰⁷, а также посылку дополнительных воинских контингентов в зону Персидского залива¹⁴⁰⁸. Еще в марте в администрации Картера надеялись установить «нормальные» отношения с новым режимом в Тегеране, не давая больному шаху Пехлеви разрешения на приезд в США. Но, предчувствуя конфронтацию, в финансовых и политических кругах США обсуждалась заморозка иранских активов¹⁴⁰⁹.

В конце октября победила точка зрения Бжезинского, который настаивал на допуске шаха на американскую территорию как хоть и бывшего, но союзника США¹⁴¹⁰. Это, как и опасались оппоненты Бжезинского, привело к эскалации враждебных отношений с Ираном, окончившейся захватом 66 американских дипломатов в заложники 4 ноября того же года. В ответ 14 ноября были заморожены все иранские счета в США, что создало определенную площадку для торга с Тегераном. Были также усилены американские воинские контингенты в Персидском заливе и проведена провальная спецоперация «Орлиный коготь» по освобождению заложников в апреле 1980 г., что показало бесперспективность силового сценария.

Вашингтон попытался оказать на Иран санкционное давление, принудив к такой линии поведения и европейцев, в частности, Францию. Париж был партнером Тегерана по его ядерной программе, продолжал вести с ним торговлю даже после захвата американских дипломатов. Более того, иранцы начали вести с французами переговоры о переводе своих активов во французские банки из США как в более безопасные перед лицом американского давления¹⁴¹¹. Французы еще в апреле 1979 г., до ситуации с захватом посольства в Тегеране, заморозили¹⁴¹² \$1 млрд доли Ирана в европейской группе по обогащению урана EURODIF из-за невыполнения иранцами своих финансовых обязательств¹⁴¹³.

Других движений в области финансового давления на Тегеран Париж после захвата американских дипломатов, не предпринял, несмотря на просьбы Вашингтона. Ситуация с

¹⁴⁰⁷В январе Тегеран отменил контракт на постройку вертолетного завода и часть готовых машин в \$575 млн, контракт в \$3,5 млрд на F-16 и партию разведывательно-командных самолетов от Boeing на \$1,2 млрд. В целом американцы оценивали потери от разрыва и заморозки соглашений о поставках в \$12 млрд Newsweek January 8, 1979.

¹⁴⁰⁸Newsweek January 22, 1979

¹⁴⁰⁹Brzezinski, Z. Op. cit. P. 473.

¹⁴¹⁰Carter, J. Op. cit. P. 454.

¹⁴¹¹FRUS. 1977-80, Volume XI, Doc. 48. P. 122.

¹⁴¹²Razoux, P. Op.cit. P.94.

¹⁴¹³FRUS. 1977-80, Volume XI, Doc. 81. P. 206.

дипломатами США разрешилась, к облегчению и американцев, и иранцев, со смертью шаха в июле 1980 г. Оставшиеся на тот момент американские заложники были отпущены в обмен на разморозку активов Тегерана. Еще одним из условий возвращения заложников было невмешательство во внутренние дела Ирана, в частности, отказ от поддержки в той или иной степени реставрации предыдущего режима, сторонники которого находились в Париже¹⁴¹⁴. В целом и это было исполнено. То, что «парижский центр» в итоге не стал полноценным правительством Ирана в изгнании, позволяет предположить, что американцам удалось достичь с французами консенсуса о том, чтобы те не оказывали иранским эмигрантам организационной и финансовой помощи.

В связи с иранской проблемой стоит упомянуть и возникшую тогда ситуацию на рынке энергоносителей, чутко реагировавшем на ближневосточные процессы, а также позиции США и Франции по этому вопросу. И здесь мы обнаруживаем, что «второй энергетический кризис», спровоцированный резким падением добычи нефти в Иране в конце 1978 — начале 1979 г., и согласованным ОПЕК поквартальным ростом цен на 250% к маю 1980 г., в отличие от 1973 г. встретил единый ответ США и входящей в ЕЭС Франции. Такой гармонизации позиций Вашингтона и Парижа, не в пример временам Никсона-Помпиду, администрация Картера была обязана отлаженному еще при Форде механизму регулярных саммитов «семерки». Так что даже Франция, хотя и не входившая, в отличие от остальных европейцев, в МЭА, де-факто на саммите «семерки» в Токио в июле 1979 г. согласилась отказаться от бесконтрольного несогласованного пополнения резервов и подчиниться другим решениям агентства¹⁴¹⁵. Этот прошедший незаметно успех американцев был как раз следствием первого «нефтяного шока» и оперативных действий по борьбе с ним, в том числе, создания МЭА, которому так противилась Франция.

В целом иранский кризис стал тяжелым ударом для американской дипломатии на ближневосточном направлении. В Вашингтоне признавали, что итоги десятилетних усилий в регионе в значительной мере обесценились произошедшими сразу после Кэмп-Дэвида событиями. В докладе ЦРУ «Новая реальность на Ближнем Востоке» от декабря 1979 г. отмечалось, что позиции США ослабли, несмотря на египетско-израильский договор. Кроме того, «Иран слаб в военном отношении и близок к анархии», и «серьезная политическая нестабильность там может открыть путь более предпочтительному СССР левому режиму». Более того, ставший проамериканским «Египет изолирован от арабского

¹⁴¹⁴FRUS. 1977-80, Volume XI Doc. 20. P 46.

¹⁴¹⁵Подробнее см.: Скороходова О. Н. Европа и Энергетический кризис 1979-1980 годов: поучительные уроки. С. 107.

мира, а проамериканские арабские государства, часто называемые «умеренными», ищут новых союзников в регионе, часто с радикальными и антизападными правительствами»¹⁴¹⁶.

Их «умеренность» и подконтрольность США также стала вызывать у вашингтонских стратегов определенные вопросы. Как сообщалось в документе, «слово «умеренный» стало в высшей степени irrelevantным и неподходящим». В ЦРУ подчеркивали, что из-за неудач американской политики в регионе позиции Москвы скорее стабилизировались, имея известные перспективы в том же Иране. Усиливающиеся трения последнего с Саудовской Аравией, американским союзником, также расценивались в Вашингтоне как тревожный фактор. В то же время в ЦРУ считали, что внутренняя и внешняя безопасность этих стран вкупе с еще одним столпом американского присутствия — Израилем — «обеспечена, по крайней мере, на следующий год»¹⁴¹⁷. В ЦРУ отмечали также и возросшую пропорционально саудовской экономической важность Ирака для функционирования западных экономик. Ее Багдад конвертировал в наращивание своей военной мощи в регионе¹⁴¹⁸. В Вашингтоне отдавали отчет, что вслед за Ираном внезапно могут пасть и кажущиеся стабильными режимы в ряде стран как проамериканской, так и просоветской ориентации, а их будущий курс будет непредсказуем.

Неудивительно, что поиск того, кто мог бы сдержать Иран, после ставшей очевидной невозможности крушения нового режима изнутри, привел американцев к казавшемуся сперва парадоксальному, но закономерному выходу – поддержать просоветский баасистский Ирак, традиционного торгового партнера и опоры Франции на Ближнем Востоке, ярого врага Израиля и традиционного врага Ирана¹⁴¹⁹. Еще с начала 1970-х гг. Ирак начал мечтать о региональной гегемонии и лидерстве в арабском мире. Он имел давние, идущие еще с начала XX века территориальные споры с шахским, проамериканским правительством. Они вылились в 1974 г. в краткосрочный пограничный конфликт за расширение выхода к морю по руслу реки Шатт-эль-Араб (общий проток Тигра и Евфрата, единственный выход Ирака к морю)¹⁴²⁰.

Все 1970-е гг. Ирак значительно уступал Ирану благодаря огромным поставкам вооружений из США¹⁴²¹. Однако после исламской революции не только в Вашингтоне, но

¹⁴¹⁶ FRUS. 1977–80, Volume XVIII, Doc. 35. P. 123.

¹⁴¹⁷ Ibid. P. 124.

¹⁴¹⁹ Timmerman, K. R Op.cit. P. 223.

¹⁴²⁰ Подробнее историю конфликта вокруг Шатт-эль-Араб см.: Rondot Philippe. La guerre du Chatt al-Arab: les raisons de l'Irak// Politique étrangère. Année 1980. 45-4. P. 867-879.

¹⁴²¹ Только в 1971-1976 гг. американцы продали Тегерану 400 САУ, 1800 противовоздушных ракет Hawk, 15 000 противотанковых ракет TOW, 200 истребителей F-4, 169 истребителей F-5, 500 вертолетов, 3 подлодки, 4 эсминца. В 1976 г. были заказаны еще 80 перехватчиков F-14 Tomcat. 300 F-16. В Иране во второй половине 1970-х работало 1300 американских военных советников. См. Newsweek, August 23, 1976.

и в Багдаде считали, что Тегеран исключительно ослаб. С. Хусейн благодаря этому рассчитывал закрепить за Ираком не только Шатт-эль-Араб¹⁴²², но и населенную арабами нефтеносную иранскую провинцию Хузестан. Кроме того, потенциальная победа в войне с Ираном также могла дать Хусейну, который 16 июля 1979 г. стал полновластным лидером страны, признание иракского и его собственного лидерства в арабском мире¹⁴²³. Это декларативно подтверждалось проведением именно в Багдаде саммитов ЛАГ в 1978 и 1979 гг., где Египет был изолирован от арабского мира как «предатель» антиизраильской борьбы. Его символическое место собирался занять Ирак. Светский националистический Багдад на фоне угасания панарабизма как привлекательной идеологии в регионе хотел обезопасить себя победоносной войной и от новой угрозы – исламского фундаментализма.

В Багдаде считали, что в сложившихся обстоятельствах способны оккупировать юго-западные области Ирана в течение нескольких недель. Ирак решился на атаку 22 сентября 1980 г. Но уже в первые дни стало понятно, что быстро выиграть войну у Багдада не выйдет. Спустя менее чем через неделю после начала войны Багдад предложил Тегерану мир. Условия, озвученные во время встречи Жискара д'Эстена с вице-премьером страны Т. Азизом, оказались весьма умеренными: 1) закрепить Шатт-эль-Араб за Ираком; 2) отдать три острова в Ормузском проливе ОАЭ; 3) прекратить попытки вмешательства во внутренние дела арабских государств (отказ от идеи «экспорта исламской революции» среди шиитского населения)¹⁴²⁴.

Багдад в этом случае обещал очистить все территории, кроме зоны Шатт-эль-Араба, на которую иракцы претендовали с середины 1970-х гг. Ирак также заявил о том, что принимает любую посредническую инициативу извне, кроме исходящей от Израиля или США. Так французов прямо приглашали стать медиаторами конфликта в ущерб американцам¹⁴²⁵. Однако Франция не смогла воспользоваться этой возможностью: у Жискара д'Эстена истек срок полномочий, так что начатая Багдадом новая ближневосточная война уже не имела шансов окончиться с минимальными потерями.

Вашингтону мысль стать посредником также не казалась привлекательной. Американцев более интересовал сам конфликт со значительными потерями для Ирана. Поэтому, как доказывает американский исследователь К. Тиммерман, США неофициально прямо «дали зеленый свет» нападению Ирака на Иран в сентябре 1980 г., заверив Багдад в

¹⁴²² Эта артерия с 1975 г. признавалась иранской по иранско-иракскому договору. Багдад с тех пор не оставлял надежд изменить статус-кво.

¹⁴²³ Абалян, А. И. Указ.соч..С.100.

¹⁴²⁴ Rondot, Ph. La guerre du Chatt al-Arab. P. 869.

¹⁴²⁵ Le Monde, le 27 septembre 1980.

отсутствии негативной реакции¹⁴²⁶. А.Е. Злотникова указывает на американское потворство запуску конфликта через внезапно начавшееся экономическое стимулирование иракцев в канун конфликта¹⁴²⁷: американский экспорт в страну, с которой у Вашингтона до этого практически отсутствовали экономические контакты, в 1980 г., на следующий год после исламской революции и в год начала войны, увеличился на 65%, а в 1981 г. – год начала конфликта - еще на 25%¹⁴²⁸.

Менялась и официальная позиция США к заклятому врагу Израиля. В октябре 1980 г. З. Бжезинский публично заявил немыслимое еще несколькими годами ранее: «мы не считаем, что интересы США и Ирака в принципе несовместимы». Советник американского президента одобрил желание Багдада «видеть такой Персидский залив, безопасность которого обеспечена», и подчеркнул, что «американо-иракские отношения не должны вечно развиваться в духе антагонизма»¹⁴²⁹.

Тиммерман, оценивая этот поворот официальной американской риторики добавляет, что Бжезинский увидел в Хусейне противовес Хомейни, а также исламистскому и даже советскому влиянию в регионе¹⁴³⁰. Британский исследователь Д. Стайан по последнему поводу замечает, что в Вашингтоне приветствовали наметившееся охлаждение отношений Багдада с Москвой из-за вновь обострившихся конфликтов БААС и иракской компартии, на которую еще в 1960-е гг. баасисты производили кровавые гонения, так что американцы считали правильно выбранным момент для сближения в том числе и поэтому¹⁴³¹. По замечанию американского исследователя Тарока Саддам, в свою очередь, также видел в американцах полезного ситуативного союзника и в войне с Ираном, и, более того, высоко оценивал свою ценность как для США, так и для их союзников из Персидского залива. В будущем в том числе и эта уверенность сыграет роль в том, что иракский лидер примет решение о вторжении в Кувейт, считая оккупацию этой нефтеносной страны достойной компенсацией за понесенные в войну потери и так и не полученные от Ирана территориальные уступки¹⁴³².

Недвусмысленным стало и появление официального представительства ЦРУ в Багдаде именно в 1979 г. — на наш взгляд, прямое свидетельство координации в военно-политических вопросах, при том, что с 1967 г. между странами не было официальных

¹⁴²⁶Timmerman, K. R.. Op. cit. P.114.

¹⁴²⁷Злотникова А.Е. Указ. соч. С. 59.

¹⁴²⁸The Washington Report. 1982, May 31. P. 4.

¹⁴²⁹Newsweek. 1980, October 6.

¹⁴³⁰Timmerman, K. R. Op.cit. 224.

¹⁴³¹Styan, A. D. Franco-Iraqi relations and Fifth Republic foreign policy. P. 164.

¹⁴³²Tarock, A. Op. cit. P. 226.

дипломатических отношений¹⁴³³. По утверждению палестинского писателя С. Абуриша, Хусейн тогда же в рамках встречи с иорданским королем провел переговоры с представителями американской разведки и обсудил с ними свои планы атаки Ирана. Официальные гражданские контакты также становились интенсивнее – уже в 1981 г. американцы впервые были приглашены на промышленную выставку в Багдаде. Впрочем, с чем согласны все исследователи, Вашингтон был в перспективе заинтересован в истощении обоих противников¹⁴³⁴. В короткий срок, за полтора года, дистанция между Багдадом и Вашингтоном значительным образом сократилась от конфронтации к сотрудничеству. И если степень взаимодействия в экономике не была сопоставима с франко-иракскими контактами, то в политическом плане американская активность имела шансы потеснить влияние Парижа.

Франция, традиционный партнер Ирака, также продолжала сотрудничество с ним в последний год правления Жискара д'Эстена. В 1980 г. в страну наконец-то попал французский ядерный реактор «Осирак» (переименован иракцами в «Таммуз-1»), причем первый его образец, взорванный в ночь на 5 апреля 1979 г. предположительно диверсантами «Моссада» перед отправкой из порта близ Тулона¹⁴³⁵, был заменен на такой же — «Таммуз-2». Кроме того, после атаки французы добавили в договор с иракцами положение, что в течение 10 лет их специалисты из СЕА¹⁴³⁶ будут следить за состоянием реактора на иракской территории. Все это было сделано, по словам Стайана, «несмотря на критику со стороны США»¹⁴³⁷. Не сбавляло оборотов и сотрудничество в области поставки конвенциональных вооружений, в том числе современной авиации. Начались столь долго откладывавшиеся поставки более 70 Mirage-F1¹⁴³⁸, а мае 1979 г. в Париже уже начались новые переговоры между главами Минобороны И. Буржем и Хайраллой о покупке Багдадом более совершенных моделей Mirage-2000, которые еще только планировалось поставить в ВВС самой Франции¹⁴³⁹.

Однако региональные события в период между 1979 и 1981 гг., а именно исламская революция и Ирано-иракская война стали серьезными факторами, повлиявшими на политику Франции в отношении Ирака. На фоне роста цен на нефть из-за падения добычи

¹⁴³³ Barry, L. Op.cit. P.156.

¹⁴³⁴ Злотникова А.Е. Политика США в отношении Ирака в 1980-е гг. Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2009. № 1 С.41.

¹⁴³⁵ Le Matin, le 15 avril.1979.

¹⁴³⁶ Комиссариат по атомной и альтернативным видам энергии (фр. Commissariat à l'énergie atomique et aux énergies alternatives).

¹⁴³⁷ Styan A. David. Franco-Iraqi relations and Fifth Republic foreign policy. P.176.

¹⁴³⁸ Le Monde, le 8 juillet 1977.

¹⁴³⁹ Le Monde, le 8 mai 1979.

в Иране французский премьер Р. Барр, повторяя путь Ж. Ширака в середине 1970-х гг., прибыл в Багдад в июле 1979 г. Его целью было подтвердить заключенные в середине 1970-х гг. договоренности о приоритетных поставках нефти во Францию, заверить иракцев в продолжении ядерного сотрудничества и поставок вооружений, в частности, вновь озвученных обещаний Mirage-2000, а также напомнить о партнерстве в инфраструктурных проектах. В октябре Багдад, где происходила международная ярмарка, посетил уже министр торговли Франции Ж.-Ф. Денио, подчеркнув тем самым важность присутствия 40 французских компаний на этом мероприятии. Париж, продолжая укреплять тесные и уже традиционные связи с Багдадом на фоне Ирано-иракской войны, уже этим заявлял о себе не как о партнере одной из ближневосточных стран, но почти как о союзнике одной из сторон мощнейшего и кровопролитного конфликта. Стоит заметить, что французы в двух последних арабо-израильских войнах не поставляли наступательного оружия непосредственным сторонам конфликта. Иная ситуация была в войне ирано-иракской. Как отмечает Стайан, по мере того, как конфликт приобретал затяжной характер, вытекало очевидное и значительное следствие: Ираку требовалось больше оружия, чем в мирное, хотя тоже насыщенное закупками вооружений, время¹⁴⁴⁰. Для Франции ситуация становилась тем выгодней, что, в связи с приостановкой поставок советского оружия Багдаду с началом войны¹⁴⁴¹ она ненадолго оказалась единственным источником новых вооружений, так что во время четырех встреч с вице-премьером Ирака Т. Азизом в сентябре¹⁴⁴², октябре, ноябре и декабре Жискард д'Эстен не уставал заверять, что поставки продолжатся.

Однако из поставок оружия Ираку во время войны вытекало также и то, что Франция, до этого нейтральная по отношению к «революционному» Ирану даже на фоне финансовых разногласий, становилась отныне его врагом. И Франция в итоге подчеркнула это официально: наложила эмбарго на поставки в Иран патрульных ракетных судов, заказанных еще шахским режимом и оплаченных¹⁴⁴³, как, в свое время, на истребители для Израиля. Сотрудничество с Багдадом в области ядерных технологий означало окончательное сворачивание ядерного партнерства с Ираном, обостряло отношения с Израилем. Тот не без оснований считал иракскую ядерную программу угрозой своей безопасности. И хотя сам по себе французский исследовательский реактор не мог производить сырье для ядерного оружия, некоторое приобретенное в конце 1970-х гг.

¹⁴⁴⁰Styan, A. D. Op.cit. P.177.

¹⁴⁴¹Считается, что СССР приостановил поставки, так как конфликт между Ираком и Ираном был невыгоден, в перспективе ослабляя Багдад. Подробнее см.: Абалян, А.И. Указ. соч. С.101.

¹⁴⁴² Le Monde, le 27 septembre 1980

¹⁴⁴³Styan A. D. Op.cit. P. 184

итальянское оборудование¹⁴⁴⁴ могло довести «мирный» продукт «Осирака» до состояния компонентов для бомбы¹⁴⁴⁵. Тем временем курс на поддержку Ирака в войне оказался долговременным. В этом Багдад в мае 1981 г. заверил новый, считавшийся «произраильским» президент Франции, социалист Ф. Миттеран. Миттеран также публично заявил о том, что не желает поражения иракцев в войне¹⁴⁴⁶.

Таким образом, крупнейшее военное противостояние в регионе со времён Второй Мировой войны создавало предпосылки для совпадения интересов Франции и США на десятилетие вперед. Пока мы не располагаем прямыми документальными подтверждениями координации Парижа и Вашингтона в деле поддержки Багдада, так как архивные документы об этом периоде только рассекречиваются. Однако несомненно, что доказательства этого вскоре станут доступны, так как совпадение интересов здесь более чем очевидно. США и ряд западноевропейских стран в рамках проблемы нераспространения ядерного оружия¹⁴⁴⁷, равно как и Израиль, беспокоил вопрос возможности получения Ираком атомной бомбы. Это мешало Вашингтону перейти к большей поддержке Багдада.

Но в итоге проблема с молчаливого согласия американцев была решена израильтянами - бомбардировкой реактора «Осирак». Уничтожения 7 июня 1981 г. ядерного центра в Аль-Тувайле под Багдадом хотя и вызвало протесты Миттерана, в том числе в связи с гибелью французского специалиста¹⁴⁴⁸, оказало нужный эффект – ядерное франко-иракское сотрудничество прекратилось. Американцы демонстративно в виде «наказания» временно прекратили поставки оружия Израилю, однако были вполне удовлетворены таким исходом. Опасность для основного союзника была ликвидирована, можно было разворачивать более тесное сотрудничество с Багдадом. Кроме того, теперь исчезал и предмет для упреков в ядерном сотрудничестве с Францией, так как теперь потенциальный трансфер американских технологий через французов непредсказуемому Хусейну по вине самих американцев и в зоне их ответственности, произойти не мог¹⁴⁴⁹.

Тем не менее, перспективы отношений с Ираком на фоне разворачивающейся войны для американцев были все еще туманны. После провала на иранском направлении «приближение» (как, по крайней мере, казалось в Вашингтоне) СССР через Афганистан к нефтяной кладовой Персидского залива (как казалось администрации Картера) в условиях

---

¹⁴⁴⁴ Derai, J-P. Op. cit. P. 176.

¹⁴⁴⁵ Ibid.

¹⁴⁴⁶ Razoux, P. The Iran-Iraq War. P.94.

¹⁴⁴⁷ Pean, P. Op.cit. P. 83.

¹⁴⁴⁸ Le Monde, le 10 juin 1981.

¹⁴⁴⁹ Styan, A. D. Op.cit. P, 182

сворачивания политики разрядки делало позиции США в регионе более чем уязвимыми. Кроме того, Вашингтон, восстанавливая свои позиции на юго-восточном фланге НАТО, определенно нуждался в еще одной точке опоры в Восточном Средиземноморье для сдерживания СССР. Ирану срочно нужно было искать замену, а Ирак, продолжавший свой антиизраильский курс, мог быть лишь противовесом для бывшего союзника. Делать серьезную, а не ситуативную ставку на Багдад было бы с точки зрения Вашингтона неосторожно и неразумно

Но кандидат на эту роль, как мы писали ранее, был. Настоящим союзником США в итоге стал Египет — единственная страна в регионе на тот момент, которая в конце 1970-х гг. искренне стремилась стать как можно более близким партнером американцев. Каир по состоянию на 1979 г. находился в жесткой дипломатической изоляции в арабском мире, сотрудничество с Москвой было разорвано. У него не было других вариантов, кроме как идти навстречу Вашингтону. Более того, на фоне событий в Иране и Ирано-иракской войны значение Каира для Вашингтона как военного плацдарма, помноженное на стратегическое положение страны, выросло многократно. И военные отношения между США и Египтом после заключения египетско-израильского договора действительно укрепились. В то время как Франция и Великобритания окончательно оставили идею производства в Египте своего оружия по лицензии, а Саудовская Аравия и Кувейт отказались его финансировать, американцы пришли на помощь Каиру. Вашингтон передал египтянам кроме готового оружия и военной финансовой помощи ряд технологий¹⁴⁵⁰.

21 октября 1979 г. США и Египет подписали соглашение о локализации производства бронетранспортеров M113, запчастей для них, ПТРК TOW, радиоэлектронного оборудования, а также о возможности лицензировать изготовление хотя на тот момент уже и морально устаревших, но схожих по характеристикам с МиГ-21 американских истребителей F-5. Садат, в свою очередь, дал американцам право пользования египетскими военными объектами «чтобы помочь любой арабской стране, в случае, если та попросит о помощи». Заместитель премьер-министра Египта К. Хассан Али пояснил, что в первую очередь американские военные самолеты смогут дозаправляться, а также использовать египетское воздушное пространство для перевозки войск.

Каир в декабре 1980 г. также дал Вашингтону право постоянно держать на египетских аэродромах самолеты Дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО или AWACS). В марте авиабаза Кена в Верхнем Египте стала одним из объектов, откуда планировались операции по освобождению американских заложников в Иране, а в июле-

---

¹⁴⁵⁰ Quandt, W. The Western Alliance in the Middle East. P. 7.

октябре 1980 г. 12 F-4E проходили подготовку в Египте для действий в погодных условиях, максимально приближенных к тем, что могли быть в зоне Персидского залива — то есть египтяне дали американцам площадку для отработки возможных силовых действий против Тегерана даже после неудачи с операцией по спасению американских заложников «Орлиный коготь». В конце концов, как мы писали выше, проблема заложников для американских военных была лишь поводом усилить американское военное присутствие в регионе.

В августе 1980 г. Пентагон впервые объявил, что собирается разместить в Египте 1400 солдат и офицеров в рамках создания Сил быстрого реагирования в зоне Красного моря. В ноябре они уже впервые провели учения. Так что американцы в 1980 г. имели военно-политические позиции в Египте прочнее, чем в Греции и Турции. Египет практически превратился во «второй Израиль», форпост США на Ближнем Востоке¹⁴⁵¹. Последним шагом для такого формального признания «равноценности» для Вашингтона Тель-Авива и Каира Садат считал поставку для египетских ВВС новейших на тот момент истребителей F-15, так как подобные машины уже были предназначены для израильтян¹⁴⁵² — по сути, самое «престижное» конвенциональное оружие для зоны Восточного Средиземноморья в конце 1970-х гг.

Садат таким образом показывал «умеренным» арабским режимам, прежде всего, нефтедобывающим эмиратам Персидского залива, что теперь Египет становится ключевой арабской страной для военно-политического присутствия США в регионе и ему нет альтернативы. Ни Саудовская Аравия, ни Иордания не подходили под подобный уровень отношений. Это было тем важнее, что, как мы писали выше, Каир оказался в изоляции в арабском мире после Кэмп-Давида. Аргументом в требованиях современного американского оружия также стали массивные поставки советских вооружений в Ливию, с которой в канун заключения мирного соглашения с Израилем у Каира уже произошел пограничный военный конфликт. Садат подчеркивал Картеру, что, если США не успеют достаточно усилить Египет, его стратегически «окружат» со стороны Йемена, Судана и Ливии. В целом можно сказать, что американцы старались удовлетворять запросы Садата, чтобы укрепить свой новый форпост в Восточном Средиземноморье.

Франция, за исключением усилившихся контактов с Ираком, наблюдала за медленным угасанием своих масштабных ближневосточных проектов. Ключевым фактором здесь как раз оказался Кэмп-Давид, окончательно разделивший арабов на

---

¹⁴⁵¹ Quandt, W. The Western Alliance in the Middle East. P 8.

¹⁴⁵² Ibid.

«непримиримых» и «умеренных». Франция, несмотря на то, что израильско-египетский договор стал *fait accompli*, продолжала бойкотировать американские усилия по урегулированию на Ближнем Востоке, поддерживать связи с ООП и пытаться, несмотря на откровенно провальный опыт евро-арабского диалога в том виде, в каком он задумывался, консолидировать европейцев для общей политики в Восточном Средиземноморье и в зоне арабо-израильского конфликта. Но на этом направлении имела место скорее инерция после мощного импульса еще времен Помпиду. В действительности конкурировать с американцами на поле арабо-израильского конфликта откровенно не удавалось.

К концу 1979 г. стала очевидной невозможность нормального функционирования Евро-арабского диалога в его первоначальном замысле (впрочем, его дееспособность была поставлена под сомнение уже в 1977 г.) на фоне того, как среди арабов образовался «альянс отрицания», пытавшийся экономически и политически изолировать Египет и те из ближневосточных режимов, что продолжали с ним сотрудничать в наказание за израильско-египетский диалог. В апреле 1980 г. ЛАГ постановила заморозить этот формат на неопределенный срок: агония Евро-Арабского диалога пришла к финалу.¹⁴⁵³ Для Франции, инициировавшей этот формат как альтернативу американской гегемонии в Восточном Средиземноморье после войны Судного дня это был серьезный репутационный удар.

По инерции Париж все еще пытался объединить европейцев ради формирования общей позиции по ближневосточному вопросу. Эти усилия на фоне краха разрядки, ввода советских войск в Афганистан и восстановления, не без одобрения самого Парижа, юго-восточного фланга НАТО, выглядели уже явно несвоевременно. Париж продолжал педалировать палестинский вопрос. Во время визита в Кувейт в рамках своего ближневосточного турне в марте 1980 г. Жискар д'Эстен заявил, что «все заинтересованные стороны должны быть включены в переговоры, в особенности палестинский народ». 1-10 марта он был с визитами в странах Персидского залива и Иордании¹⁴⁵⁴.

Наконец, семилетние усилия Парижа пришли к своему логическому завершению, и, казалось бы, к формальному успеху. 13 июня 1980 г. была подписана так называемая Венецианская декларация стран ЕЭС. стран-членов ЕЭС (13 июня 1980 г.), принятая в Венеции на заседании Совета министров ЕЭС. В частности, страны-члены ЕЭС заявили, что они готовы принять максимально возможное участие в процессе ближневосточного урегулирования, для чего предполагалось сначала провести серию зондирующих переговоров со всеми заинтересованными сторонами, с тем чтобы выработать

¹⁴⁵³ Sakkas J. The Western "Alliance" and the Middle East in the early 1970s. P. 5.

¹⁴⁵⁴ Cohen, S, Op.cit. P. 334.

предложения, обеспечивающие наилучшие условия для достижения компромисса, затем подключиться к самому переговорному процессу и, наконец, участвовать в системе конкретных гарантий мира на Ближнем Востоке. Это как раз то, чего добивались все эти годы французы: принудить Европу заявить о себе как о политической силе, которая готова взять на себя ответственность за разрешение ближневосточной проблемы. Кроме того, в документе было и упоминание гарантий — то, чего добивалась Франция, запуская еще «четырёхсторонний формат». И если тогда она хотела подключить к такого рода гарантиям себя и великие державы, то теперь этой коллективной великой державой должна была стать объединенная Европа под руководством Парижа.

Что особенно важно, в Венецианской декларации говорилось о необходимости найти «справедливое» решение палестинской проблемы, которая, как указывалось в документе, «не сводится к проблеме беженцев». Кроме того, окончательно признавалось право арабского народа Палестины на самоопределение, а процесс арабо-израильских переговоров «увязывался» с участием в них представителей ООП. Таким образом, в общеевропейском документе де-факто отражалась именно позиция Франции по палестинскому вопросу, так педалируемого ею.

Однако подобный документ был бы решительной победой Франции в 1973 или 1974 гг., когда американцы находились в растерянности от последствий войны Судного дня. Теперь подобная акция безнадежно запоздала и уже не могла привести к тому, что в ней провозглашалось. Да и сама Венецианская декларация была скорее реакцией на Кэмп-Дэвид. После начала решения (как тогда казалось) арабо-израильского конфликта американцами этот документ без конкретных ощутимых последствий ярко показывал арабам, на что способны США и на что — ЕЭС.

Примечательно, что тезисы Венецианской декларации французы не смогли продвинуть даже на заседании Генассамблеи ООН месяцем позже¹⁴⁵⁵. Израиль и США успешно противодействовали попыткам реализовать принятый ЕЭС курс на высшей международной площадке¹⁴⁵⁶. После этого решение конференции ЕЭС в Люксембурге 2 декабря 1980 г., где глава МИД Люксембурга Г. Торн призвал к «равному участию всех заинтересованных сторон» и к конкретным условиям восстановления мира, подтвердив, таким образом от лица всего сообщества верность положениям Венецианской декларации, смотрелись бледно. Нельзя назвать подобный итог полным крахом, но он показал, что

¹⁴⁵⁵Imperiale, С. Agate, Р. Op. cit. P. 6.

¹⁴⁵⁶Bichara, К. Op. cit. 172.

Франции необходимо провести ревизию своей политики в отношении арабо-израильского конфликта, если не в сути, то в способах ее реализации.

Поэтому после Венецианской декларации администрация Жискара д'Эстена в последние месяцы своей деятельности, осознав слабый эффект от своей долгой работы по созданию громоздкой европейской коалиции для действий на Ближнем Востоке, вновь вернулась к тактике «небольших шагов» на Ближнем Востоке, которые бы привели к всеобъемлющему решению арабо-израильского конфликта, а не сепаратному, как делали американцы¹⁴⁵⁷. Эта активность уже не имела какой-то ясной цели и единственным ее смыслом было сохранить лицо для очевидно уходящего президента Франции и его команды. На фоне этой последней попытки консолидировать Европу в вопросе арабо-израильского урегулирования, наблюдается сближение Парижа с Вашингтоном по еще одной проблеме южного сектора зоны Восточного Средиземноморья. Этой проблемой был переворот в Афганистане 1978 г. и спровоцированная им нестабильность в этой отсталой, но стратегически важной стране, через год потребовавшая ввода советских войск.

После резкого выпадения Ирана из сферы влияния США возросшая активность СССР на пространстве Большого Ближнего Востока и в бассейне Индийского океана казалась Вашингтону явной угрозой. В Белом доме афганский сюжет считали частью общей стратегии Москвы на выталкивание США из региона, но уже со стороны Индийского океана, Африканского рога, Красного моря, Персидского залива. Это беспокойство американского руководства вылилось в программный документ – так называемую «доктрину Картера», озвученную в рамках послания Конгрессу 23 января 1980 г.¹⁴⁵⁸

Ключевым пунктом документа было заявление о том, что попытки каких-либо внешних сил получить контроль над регионом Персидского залива будут рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы США, которые они будут отстаивать там, в том числе, военной силой¹⁴⁵⁹. Можно отметить, что на резкость данной доктрины повлияла необходимость решительных шагов во внешней политике для Картера в канун президентских выборов в США и на фоне иранской катастрофы, спровоцировавшей резкие колебания цен на нефть из-за падения добычи в Иране¹⁴⁶⁰. Рост мировых цен на топливо, как показывал печальный опыт энергетического кризиса 1973/1974 гг., был не катастрофическим, но крайне болезненным для американской экономики и политического

¹⁴⁵⁷Imperiale C., Agate P. Op. cit. P. 8

¹⁴⁵⁸State of the Union Address. January 23. 1980. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.jimmycarterlibrary.gov/documents/speeches/su80jec.html> (дата посещения - 15.03.2021).

¹⁴⁵⁹State of the Union Address. January 23. 1980. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.jimmycarterlibrary.gov/documents/speeches/su80jec.html> (дата посещения - 15.03.2021).

¹⁴⁶⁰Shoup, L. Op. cit. P. 193.

будущего действующего главы государства¹⁴⁶¹. Картеру необходимо было укрепить свой авторитет не только внутри страны, но и среди союзников, также опасавшихся «распространения коммунизма» и перебоев в поставках. США таким образом демонстративно взяли зону Персидского залива под свою опеку.

В рамках «доктрины Картера» необходимо было подключать и союзников для «сдерживания» СССР в регионе. Французы в целом принимали американскую точку зрения и соглашались сотрудничать¹⁴⁶². Это была часть общего консенсуса по афганскому вопросу на западе, хотя и здесь Жискара д'Эстен попробовал найти для Франции роль миротворца, которую она не смогла сыграть в арабо-израильском конфликте. В то же время французы не считали, что советское присутствие в Афганистане является подготовкой проникновения в зону Персидского залива¹⁴⁶³. Позиция французов была двойственной: они соглашались «сдерживать» СССР в связи с афганской проблемой, требовали вывода советских войск из Афганистана, но не верили в реальность экспансионистских планов Москвы в отношении Персидского залива.

В северном секторе зоны Восточного Средиземноморья на исходе президентских сроков Картера и Жискара д'Эстена разворачивались пусть менее глобальные, однако тоже значительные события, влиявшие на юго-восточный фланг НАТО. Внутриполитическая и экономическая ситуация в Турции стремительно ухудшались с конца 1978 г.¹⁴⁶⁴ Администрация Картера уже в последних числах декабря допускала возможность вмешательства армии в управление страной¹⁴⁶⁵, а феврале 1979 г. оно фактически началось: в большинстве провинций было введено военное положение, хотя верховная власть еще пока сохранялась за гражданским правительством Эджевита¹⁴⁶⁶. Однако это был вопрос времени, по мнению американцев¹⁴⁶⁷. Через полтора года, 12 сентября 1980 г. произошел военный переворот, готовившийся, по данным ЦРУ, с сентября 1979 г.¹⁴⁶⁸ В Вашингтоне, однако не считали, что «военный переворот в Турции сделает проблемы Греции и Кипра менее поддающимися урегулированию»¹⁴⁶⁹.

Приход военных к власти в Анкаре в администрации Картера считали скорее даже позитивным фактором, так как офицерский корпус всегда был основным проводником идей

¹⁴⁶¹Painter, D.S. Op.cit. P. 199.

¹⁴⁶²FRUS. 1977-1980, Vol. XII, Doc.265. P. 712.

¹⁴⁶³Ibid, P.713.

¹⁴⁶⁴FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.126. P. 394.

¹⁴⁶⁵FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.127. P. 397.

¹⁴⁶⁶FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.130. P. 403.

¹⁴⁶⁷Ibid.

¹⁴⁶⁸FRUS, 1977-1980, Vol. XXI, Doc.144, P. 440.

¹⁴⁶⁹FRUS, 1977-1980, Vol. XXI, Doc.29. P. 114.

единства альянса, понимал необходимость восстановления юго-восточного фланга НАТО и возвращение Греции в военную организацию блока, несмотря на проблемы на Кипре¹⁴⁷⁰. Более того, американское руководство положительно восприняло военный переворот, считая, что руководители турецкой армии вернут Турцию «на светский, демократический путь» и «покончат с экстремистской политикой прошлого правительства, разделившей страну»¹⁴⁷¹. В Белом доме приняли решение о всемерной поддержке нового военного режима. Тем более, что значение Турции, как и Египта, исключительно возросло для США на фоне роста политической турбулентности в зоне Восточного Средиземноморья после исламской революции в Иране и начала ирано-иракской войны¹⁴⁷².

В Вашингтоне учитывали и «ревность» турецких военных по отношению к Египту: турецкие дипломаты передавали, что их страна все же «более важна для Запада», в отличие от Каира, который «предыдущие 30 лет вообще играл на другой стороне»¹⁴⁷³. Поэтому американцы решили оказать Турции не только военную (в частности, поставки новейших истребителей F-16 после того, как египтянам были обещаны F-15¹⁴⁷⁴), но и экономическую помощь. Привлечь к этому было решено и европейских союзников, в том числе Францию, а также Великобританию, ФРГ и Канаду¹⁴⁷⁵. Собственный же вклад США в экономику Турции Картер предложил в своем послании к Конгрессу увеличить на дополнительные \$100 млн — до \$248 млн в год¹⁴⁷⁶, а немцев заставить дать Анкаре в целом \$100 млн¹⁴⁷⁷.

Французский президент Жискара д'Эстен согласился с американскими требованиями увеличить транши ключевому союзнику НАТО на юго-восточном фланге и заверил Картера, что Париж даст туркам \$70 млн. Госдепартамент ожидал от французов большей суммы и выразил «разочарование» такой цифрой, в то время как на \$15 млн от Лондона не отреагировал негативно¹⁴⁷⁸. Любопытно, насколько легко и беспрекословно Париж подчинился Вашингтону в деле экономических траншей Анкаре, учитывая, что до этого внимание французов было приковано преимущественно к Афинам. Так что в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья американцы и французы перешли от конфронтации к довольно близкому сотрудничеству, направленному на восстановление юго-восточного фланга НАТО и купирование тех рисков, которые создавались внутриполитической и внутриэкономической нестабильностью в Турции.

¹⁴⁷⁰FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.29. P. 114.

¹⁴⁷¹FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.154. P. 468.

¹⁴⁷²FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.158. P. 481.

¹⁴⁷³FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.130. P. 403.

¹⁴⁷⁴FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.131. P. 407.

¹⁴⁷⁵Ibid. P. 407.

¹⁴⁷⁶Public Papers: Carter, 1979, Book I, P. 647–648.

¹⁴⁷⁷FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.136. P. 418.

¹⁴⁷⁸FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.136. P. 418.

Таким образом, в последние два года своих полномочий администрациям Картера и Жискара д'Эстена пришлось столкнуться с серьезными изменениями в зоне Восточного Средиземноморья. И если американцы, имея гораздо большие ресурсы для адаптации к новым вызовам, могли даже извлечь из них некоторые выгоды, то для французов в целом конец десятилетия отмечен постепенным угасанием прежней политической линии Парижа. В то же время, кардинальные изменения в южном секторе региона, спровоцированные началом ирано-иракской войны, дали предпосылки для новых точек соприкосновения Франции и США. Одной из них стала поддержка Ирака – традиционная для французов и еще двумя годами ранее невозможная для американцев. Консенсус образовался между Вашингтоном и Парижем в рамках более общей западной солидарности и по поводу нежелательности нахождения советских войск в Афганистане. В остальных вопросах преемственность уходящих администраций сохранялась — разнонаправленные подходы к ближневосточному урегулированию, а также нерешенность палестинского вопроса.

Заключение

Первая половина 1981 г. стала и в США, и во Франции периодом значительной корректировки внутривнутриполитического, а вместе с ним и внешнеполитического вектора. В январе американские президентские выборы выиграл лидер правых республиканцев Р. Рейган, а во Франции в мае — социалист Ф. Миттеран. Администрация Рейгана, в чем ясно видно ее разительное отличие от администрации Никсона или Форда в переломные моменты французской внутренней политики, почти не интересовалась возможным направлением внешнеполитического курса Парижа в первые месяцы команды Миттерана. Устремления проблемного союзника расценивались новой командой в белом доме на тот момент, как третьеразрядную проблема на фоне растущей конфронтации с СССР.

На саммите G7 в Оттаве 20- 21 июля 1981 г. произошел первый обмен мнениями между Рейганом и Миттераном. Хотя в публичных заявлениях Миттерана еще сохранялись рудименты голлистской риторики, французский президент уже критиковал излишне тесные связи предшественников с Москвой, стараясь отмежеваться от практик предыдущего десятилетия, эпохи «разрядки», на фоне событий в Афганистане и Польше. Новый французский лидер стремился показывать себя американцам умеренно-антисоветским. Миттеран также высказывался за нерушимость атлантической солидарности, хоть и отмечал традиционно французское «особое видение» НАТО и своего места в нем, а в отношении проблемы евrorакет поначалу умеренно разделял американскую позицию¹⁴⁷⁹. Тогда же, с изменением условий глобальной политики, независимо друг от друга, началась ревизия курса США и Франции в зоне Восточного Средиземноморья.

Рейган в условиях роста нестабильности на Ближнем Востоке скептически относился к «триумфу» администрации Картера — Кэмп-Девиду и получению в сферу влияния США Египта. Садат ввязался в палестинский вопрос, который Картер хотел начать решать чуть позже, и три попытки договориться о Газе и Западном берегу реки Иордан в 1980 г. провалились. Рейган же не хотел дополнительно ухудшать стратегическое положение Тель-Авива после начала вывода войск и поселений с Синая. Он рассчитывал вновь сместить баланс в сторону старого союзника. Египет в построениях новой администрации должен был вместе с другими умеренными арабскими союзниками США, вырабатывать политику противостояния советскому влиянию¹⁴⁸⁰. С гибелью Садата в октябре 1981 г. и приходом к власти Х. Мубарака в Вашингтоне еще меньше стали

¹⁴⁷⁹Подробнее см.: Bozo F. Mitterrand, la diplomatie française et la «nouvelle» guerre froide (1981-1984)// Relations internationales et stratégie: De la guerre froide à la guerre contre le terrorisme (Enquêtes et documents t. 31) Sous la dir. de F.Bozo. Rennes, 2005. P. 29-46

¹⁴⁸⁰Hunter, R. E. The Reagan administration policy and the Middle East// Journal of Third World Studies, P. 95-105.

считаться с Каиром. Там даже сомневалась в способности Мубарака придерживаться соглашения с Израилем¹⁴⁸¹.

Во Франции новые хозяева Елисейского дворца осознали тупик многолетней французской средиземноморской и ближневосточной политики. Венецианская декларация оказалась рубежным, но ничем не обязывавшим европейцев документом. Страны ЕЭС не желали ввязываться в решение крайне запутанного ближневосточного вопроса. Новый глава МИД Франции К. Шессон констатировал, что у «Европы нет ни предложений, ни плана урегулирования». Франция оказалась единственной европейской страной, вовлеченной в урегулирование арабо-израильского конфликта, но через Ливан¹⁴⁸². Началось постепенное восстановление контактов Парижа с проамериканским Израилем. В греко-турецком вопросе продолжалась запущенная ранее работа по сближению американских и французских позиций. Греция постепенно входила де-факто в ЕЭС. Ее сближение с США, несмотря на социалистическое правительство в Афинах, успешно продолжались при Рейгане, кульминацией чего стало Соглашение об обороне и экономическом сотрудничестве от 8 сентября 1983 г.¹⁴⁸³ Таким образом, и США, и Франция под воздействием новых вызовов по сути завершали период явного соперничества в зоне Восточного Средиземноморья.

Подводя итоги более чем десятилетней активности американцев и французов этой в зоне, мы приходим к выводу, что данный регион стал площадкой для проявления стратегических мотивов двух стран, что было нами описано в положениях, выносимых на защиту.

Прежде всего подчеркнем, что отношения Вашингтона и Парижа в регионе ярко иллюстрируют два встречных процесса. Первым было стремление США кристаллизовать, «пересобрать» «атлантическую солидарность», единство западного блока на фоне глобального противостояния с СССР в различных регионах мира, в том числе, и в зоне Восточного Средиземноморья. Франция являлась осью европейской интеграции и имела, как в целом Западная Европа, свои, подчас отличные от американских политические интересы на периферии. Поэтому задачей США, в их взаимодействии с Францией в зоне Восточного Средиземноморья, было одновременно не дать произойти политической консолидации Западной Европы под влиянием происходящих на периферии процессов,

¹⁴⁸¹Allen, D., Smith, M. Europe, the United States and the Arab-Israeli conflict.// European Foreign Policy-Making and the Arab-Israeli Conflict Ed.by: David John Allen, Alfred Pijpers. Hague, 1984. P. 190.

¹⁴⁸²Imperiale, C., Agate P. Op.cit. P. 9

¹⁴⁸³FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Doc.210. P.632.

разобщить и привязать к себе европейцев по отдельности, в том числе Францию, при необходимости изолировав последнюю от потенциальных европейских союзников.

Хотя методы действий Вашингтона были различными, основной задачей оставалось не дать европейцам как единой силе помешать глобальным планам США в борьбе с СССР в зоне Восточного Средиземноморья, поставить их в той или иной степени под контроль, финансовыми, экономическими и военно-политическими рычагами, наконец, даже через формат ежегодных саммитов «шестерки», а затем и «семерки». Это ясно видно как на примерах «похолодания», так и «потепления» американско-французских отношений в зоне Восточного Средиземноморья в этот период. Мотивом недопущения роста мощи Франции сверх допустимого США руководствовались как в конфликтные моменты, так и при налаживании отношений с Парижем.

Вторым процессом были попытки формирования усилиями Франции «третьего полюса» биполярной системы в виде объединенной Европы, в том числе, за счет скоординированной европейской активности в зоне Восточного Средиземноморья. Таким путем Франция надеялась удержать ускользающий статус великой державы, в крайнем случае, модифицировать его в положение «державы с глобальной ответственностью». Для этого Парижу нужно было стать лидером европейского «коалиционного» полюса силы. Франция использовала для этого объективные причины: завершение формирования Западной Европы как экономического конкурента США, а также ее страх перед рисками от глобальной политики американцев на восточносредиземноморской периферии.

Эти риски заключались в том, что поддержка американцами одной из сторон ближневосточного конфликта — израильтян — вела к перебоям с поставками энергоносителей из арабских стран. Арабские нефтедобывающие страны в значительной степени провоцировали такие перебои намеренно, как во время эмбарго 1973 г., используя этот метод как оружие и инструмент раскола Запада для недопущения им консолидированной дипломатической, экономической и военно-технической поддержки Израиля. Это уже ставило под угрозу экономическое развитие европейцев и ЕЭС в совокупности, и вызывала у них желание автономии для обеспечения этого самого выживания и развития. «Отколоть» Западную Европу от США или, по крайней мере, ослабить политическое влияние Вашингтона на европейские столицы, институционализированное в рамках НАТО, хотели, руководствуясь собственными мотивами, и в арабских столицах, и в Париже.

Автономия Западной Европы была возможна лишь при известной степени политического объединения, координации, выработке общей позиции для того, чтобы отмежеваться от Вашингтона в урегулировании арабо-израильского конфликта, иметь возможность решать вопросы региональной безопасности, в частности, в греко-турецком вопросе, без посредников и угрозы «американо-советского» кондоминиума. Как справедливо отмечал Уолтц, экономико-политические предпосылки для формирования «третьего полюса» в Европе создали сами американцы, позволив развиваться европейской интеграции под своим «силовым зонтиком»¹⁴⁸⁴.

Франция, стремясь за счет «европеизма» и консолидации европейцев обеспечить свой статус великой державы или державы с глобальной ответственностью (влиянием), постаралась использовать обострения арабо-израильского и греко-турецкого конфликтов как предпосылки для начала политического объединения Европы и ее презентации как независимого игрока, по крайней мере, для стран зоны Восточного Средиземноморья. Для этого Франции нужно было действовать, зачастую, наперекор американцам, в двух болезненных для них конфликтах — арабо-израильском и греко-турецком, в южном и северном секторах зоны Восточного Средиземноморья. По сути, это было вмешательством в то, как Вашингтон пытался урегулировать эти конфликты.

Первым и основным мотивом американской политики в зоне Восточного Средиземноморья 1969-1981 гг. было выдавливание СССР из арабских стран региона чтобы ослабить его позиции в глобальном противостоянии. В первую очередь это касалось планов Вашингтона в отношении Египта, с переводом Каира из качества союзника Москвы в разряд собственного партнера. Это было долгосрочной стратегией США в южном секторе зоны Восточного Средиземноморья (Ближнем Востоке) на 1970-е гг. Тактика США с начала 1970-х гг. заключалась в том, чтобы погасить арабо-израильский конфликт через ряд сепаратных мирных договоров, в первую очередь, между Тель-Авивом и Каиром. Вашингтону необходимо было показать Египту, что только при его поддержке можно вернуть оккупированные территории и получить большие, чем от СССР, бонусы в виде финансовой, политической и военно-технической поддержки. Необходимо было убедить и своего стратегического союзника в регионе, Израиль, в необходимости следовать в фарватере американской глобальной стратегии. Третьим тактическим элементом было недопущение вмешательства в решение ближневосточной проблемы европейцев и, прежде всего, Франции.

---

¹⁴⁸⁴Waltz, K. N. Op.cit. P. 173.

Исходя из последней задачи вытекал и *modus operandi* в контактах с Парижем по проблемам Восточного Средиземноморья. В целом можно заключить, что тактика США позволила достичь заданной стратегической цели — Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 г., египетско-израильского мирного договора и вовлечения Египта в свою орбиту при недопущении своих европейских союзников в процесс урегулирования. Несмотря на то, что администрация Рейгана относилась к новому союзнику в лице Каира более скептически, Египет все же стал надежной опорой американцев и более с тех пор не покидал сферу влияния Вашингтона в регионе.

Другим, но не менее важным ключевым мотивом США было поддержание целостности юго-восточного фланга НАТО (сегмента Греция-Турция) — второй после Израиля военно-политической опоры для действий в зоне Восточного Средиземноморья на фоне противостояния с СССР. В итоге, несмотря временный выход Афин из военной организации альянса в 1974 г., ухудшения американо-турецких отношений и дестабилизирующей активности Франции, к началу 1980-х гг. удалось «пересобрать» юго-восточный фланг НАТО. Американцы воспользовались своим положением наиболее привлекательного «донора» (финансов, оружия, военно-политической поддержки и, наконец, безопасности) для того, чтобы достичь своих стратегических целей в регионе к концу десятилетия, не дав Франции вмешаться в их выполнение. В то же время эти успехи отчасти обесценились кардинально новым положением в зоне Восточного Средиземноморья, создавшимся сразу после Кэмп-Дэвида, в результате исламской революции в Иране в 1979 г.

В какой-то степени США пришли к исходной точке в плане прочности своих позиций в зоне Восточного Средиземноморья с тем отличием, что на карте региона вместо усиления «советской угрозы» появилась третья сила — исламский фундаментализм, с которым американцы еще не встречались. Это делало не столь болезненными успехи американцев в регионе для Франции, чья ставка на Ирак оказалась на тот момент более выигрышной, чем у США и, более того, послужила основой для частичного ближневосточного консенсуса с американцами на почве поддержки Багдада в его войне с новым режимом в Тегеране, редкой возможностью площадки для взаимодействия, где Париж был скорее равным, нежели младшим партнером Вашингтона.

Центром восточсредиземноморской стратегии Франции было обеспечение стабильных поставок энергоносителей для роста своей собственной экономики и подпитывания общеевропейской. Так Франция собиралась сместить вектор активности объединенной Европы на Юг, интегрировать восточсредиземноморскую периферию в

качестве сырьевой базы ЕЭС и играть в этом процессе ключевую роль на фоне конкуренции с ФРГ. Это служило и глобальной цели Франции — с опорой на европейцев и при своей руководящей роли сформировать новый центр силы в рамках западного мира, спровоцировать эрозию руководящей роли США в западном лагере. Для этого Франция заняла проарабскую позицию в ближневосточном конфликте, так как именно арабские страны обладали колоссальными запасами нефти. Она наладила поставки оружия и участие в инфраструктурных проектах, а чтобы повысить роль Европы как особого игрока, запустила так называемый Евро-Арабский диалог для интеграции ЕЭС.

Наконец, повышая свой вес как великой державы, Франция наперекор США поддерживала устремления Палестины к обретению государственности. Еще одним тактическим приемом Парижа было формирование общеевропейской восточносредиземноморской и ближневосточной политики под своим руководством, чтобы Европа действовала в этом регионе как единый актер. В зоне греко-турецкого конфликта Франция ставкой на Афины стремилась усилить европейскую интеграцию Греции в попытках дискредитации жестких американоцентричных структур НАТО, используемых Вашингтоном для управления европейскими союзниками. Париж приветствовал выход Афин из альянса по французскому примеру. Этой же цели служила и поддержка греческой стороны в ее конфликте с Турцией вокруг Кипра и акватории Эгейского моря в 1974-1975 гг. Однако в итоге в 1970-е гг. ни один из этих инструментов Франция в полной мере использовать не смогла, так что достичь глобальной цели формирования объединенной Европы как автономного центра силы под своим руководством Парижу явно не удалось. Для осуществления каждого из тактических шагов Франции не хватало или военно-политического, или экономического веса.

***

Проанализировав стратегию и тактику рассматриваемых нами стран в регионе и ее результативность, мы заключаем, что США в целом, в соответствии со своими государственными интересами, удалось не допустить значимого усиления Франции в зоне Восточного Средиземноморья. Объединения вокруг Парижа Западной Европы и появления полноценного третьего центра силы в биполярной системе так и не произошло.

Франция по итогам взаимодействия с США в зоне Восточного Средиземноморья, продемонстрировала и сохранила свой великодержавный статус, определенную долю автономии, вступая с Вашингтоном в конкуренцию даже за его традиционных союзников, в частности, Грецию. Однако полностью решить своих задач, выйти за счет «европеизма»

на сопоставимый с США уровень влияния на периферии, не удалось. «Атлантическая солидарность» в итоге брала верх, а «европеизм» был купирован Вашингтоном.

Исследовав компоненты взаимодействия США и Франции в зоне Восточного Средиземноморья, мы видим их динамику: 1.) 1969-1973 гг. — относительное сотрудничество с элементами конкуренции в южном секторе зоны Восточного Средиземноморья (на Ближнем Востоке), и активное соперничество в северном секторе региона — зоне греко-турецкого конфликта на юго-восточном фланге НАТО; 2.) 1973-1975 гг. — конфронтация, практически полное отсутствие координации и консультаций во время второй части ближневосточного кризиса, «нефтяного шока» и, отчасти, Кипрского конфликта и выхода Греции из НАТО, 3.) 1975 — 1977 гг. начало восстановления взаимодействия в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья, общее соперничество в урегулировании арабо-израильского конфликта и сотрудничество в частной для ближневосточного конфликта ливанской проблеме; 4.) 1977-1981 гг. — восстановление сотрудничества в северном секторе зоны Восточного Средиземноморья при общей руководящей роли США, остаточное соперничество в урегулировании арабо-израильского конфликта при сотрудничестве по вопросам поддержки Ирака и иранской проблеме.

Мы пришли к выводу, что американо-французские отношения за 1970-е гг. прошли полный цикл от попытки ухода от «атлантической солидарности» до фактического возвращения к ней. Однако уже в 1974 г., в связи со сменой руководства во Франции, ФРГ и Великобритании, европейская «фронта» практически угасла. Смена администрации в США также создала предпосылки для нормализации отношений. Это неизбежно означало рост влияния принципов «атлантизма» в американо-французских отношениях. Пароксизмы европеизма уже не создавали предпосылок для серьезного изменения качества взаимодействия Вашингтона и Парижа.

В итоге Франция так очевидно и осталась в биполярном контексте «ведомой» в своих отношениях с США. Американцы отводили для Парижа довольно узкий коридор решений и способов противодействия, а чтобы сделать манипуляции Парижем и Западной Европой более гибкими, к концу десятилетия Вашингтон, осознав издержки «жесткого атлантизма», перешел к «мягкому атлантизму».

Таким образом, рамки как соперничества, так и сотрудничества Вашингтона и Парижа задавала логика биполярного противостояния с СССР. Она привязывала Францию в выборе действий в стратегических вопросах к лидерству США. что, вкупе с разницей в

потенциале мощи, не давало Франции полностью перейти к жесткой конкуренции с США в регионе.

Очевидно, что «европеизм» как автономистское явление, подпитывавший стремление Парижа к гегемонии в европейской политике, не смог и не мог полностью себя проявить в рассматриваемую нами эпоху, так и оставшись на уровне «симптомов» и «предпосылок». Главным трендом отношений США и Франции, США и Европы в предпоследнее десятилетие Холодной войны остался «атлантизм».

Как бы Париж не пытался вырваться из него, закономерности функционирования биполярной системы международных отношений были сильнее региональных трендов – европейских и восточномедиземноморских. Более того, инерция этой логики в трансатлантических отношениях, несмотря на рост политических и экономических противоречий между Европой и США, проявилась и по прошествии 30 лет после распада биполярной системы, фактически восстановив иерархию времен холодной войны внутри западного лагеря.

Библиография

Источники

I. Официальные документы

1. [Resolutions adopted by the United Nations Security Council](http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/) [Эл. ресурс]. URL: <http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/> (дата обращения 11.07.2020).
2. OPEC Annual Reports. 1973-1986. Vienna, 1974-1987.
3. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968. Vol. XVIII, Arab-Israeli Dispute, 1964–1967/Ed. by Schwar, H. D.; Patterson, D. S.. - Washington: Government printing office (GPO), 2000. – 885 p.
4. FRUS. 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967/ Ed. by Schwar, H. D.; Keefer, E. C. - Washington: GPO, 2004, - 1119 p.
5. FRUS. 1964–1968, Volume XX, Arab-Israeli Dispute, 1967–1968/ Smith, L. J.; Patterson, D. S. - Washington: GPO, 2001. - 800 p.
6. FRUS. 1969–1976, Volume XXIII, Arab-Israeli Dispute, 1969–1972/ Galpern S.; Howard A. M. - Washington: GPO, 2015. - 1156 p.
7. FRUS. 1969–1976, Volume XXV, Arab-Israeli Crisis and War, 1973/ Ed. by Howland N.; Daigle C.; Keefer E. C. Washington: GPO, 2011. – 1279 p.
8. FRUS. 1969–1976, Volume XXVI, Arab-Israeli Dispute, 1974–1976/ Ed. by Keefer E. C.; Howard A.M. Washington: GPO, 2011. -1120 p.
9. FRUS. 1969–1976, Volume XXVII, Iran; Iraq, 1973–1976/ Ed. by Belmonte M. L.; Keefer E. C. - Washington: GPO, 2012. – 978 p.
10. FRUS. 1969-1976, Volume XXX, Greece; Cyprus; Turkey, 1973–1976/ Ed. by Van Hook L.; Keefer E. C. - Washington: GPO, 2007. – 898 p.
11. FRUS. 1969–1976, Volume XXXI, Foreign Economic Policy, 1973–1976/ Ed. by Rasmussen K. B.; Keefer E. C. - Washington: GPO, 2009. – 1143 p.
12. FRUS. 1969–1976, Volume XXXVI, Energy Crisis, 1969–1974/ Ed. by Qaimmaqami L.; Keefer E. C. - Washington: GPO, 2011. – 1058 p.
13. FRUS. 1969–1976, Volume XXXVII, Energy Crisis, 1974–1980/ Ed. by Galpern S. G.; Keefer E. C. - Washington: GPO, 2012. – 1004 p.
14. FRUS. 1969–1976, Volume E–9, Part 2, Documents on the Middle East Region, 1973–1976/ Ed. by Hibbeln P. J.; Howard A.M. - Washington: GPO, 2011. – 756 p.

15. FRUS. 1969–1976, Volume E–14, Part 1, Documents on the United Nations, 1973–1976/ Ed. by McAllister W. B.; Keefer E. C. - Washington: GPO, 2008. – 1237 p.
16. FRUS. 1969–1976, Volume E–15, Part 2, Documents on Western Europe, 1973–1976/ Ed. by Rasmussen K. B.; Howard A.M. - Washington: GPO 2014. – 1096 p.
17. FRUS. 1977–1980, Volume VIII, Arab-Israeli Dispute, January 1977–August 1978/ Ed. by Howard A.M. - Washington: GPO, 2014. – 1365 p.
18. FRUS. 1977–1980, Volume IX, Arab-Israeli Dispute, August 1978–December 1980/ Ed. by Wieland A. R.; Howard A.M. - Washington: GPO, 2014. – 1437 p.
19. FRUS. 1977–1980, Vol. XVIII, Middle East Region; Arabian Peninsula Washington/ Ed. by McFarland K. M; Howard A. M. - Washington: GPO, 2015. – 978 p.
20. FRUS. 1977-1980, Vol. XXI, Cyprus; Turkey; Greece/Ed. by Zierler D.; Howard A. M. - Washington: GPO, 2014. – 693 p.
21. Public Papers of the President of the United States. L. Jonson 1964-1968. R.Nixon. 1968-1974.Richard M. Nixon Collection, the Roosevelt Study Center (RSC), Middelburg, the Netherlands // Richard Nixon National Security Files, 1969-1974 (далее - RNNSF RSC) [microfilm]. Ed. by R. E. Lester. National Archives, College Park, Maryland, 2005.
22. FOIA/CIA FOIA [Эл. ресурс]. URL: <http://www.foia.cia.gov/search/site/cyprus%201974> (дата обращения 11.07.2020).
23. National Archives and Records Administration URL: <http://www.archives.gov/> (дата обращения 11.07.2020).
24. Congressional Record. Proceedings and Debates. Vol. 113-127, 1967-1981.
25. Documents diplomatiques français (DDF) depuis 1954/ Sous la direction de Maurice Vaisse. Vol. 32. 1967-II. (1er juillet – 29 décembre). – Bruxelles: Peter Lang, 2008. – 900 p.
26. DDF. Vol. 33, 1968-I (1er janvier – 29 juin). - Bruxelles: Peter Lang, 2009. – 1087 p.
27. DDF. Vol. 40, 1971-II (1er juillet – 31 décembre). - Bruxelles: Peter Lang, 2015. – 838 p.
28. DDF. Vol.41, 1972-I (1er juillet – 31 décembre). - Bruxelles: Peter Lang , 2015. – 950 p.
29. DDF. Vol. 42, 1972-II, (1er juillet – 31 décembre). - Bruxelles: Peter Lang, 2017. – 918 p.
30. DDF. Vol. 43, 1973-1, (1er janvier – 30 juin). - Bruxelles: Peter Lang, 2008. – 1104 p.
31. Politique étrangère de la France: Textes et documents.P.:Ministère des affaires étrangères, direction de la documentation. 1967-1985.
32. L'année politique, économique, sociale et diplomatique en France. P. :PUF, 1967-1973.
33. Declaration publiée à l'issue de la quatrième session de la Commission Générale du DEA, Damas, 9-11 décembre 1978 URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/> rapports-

- documents11383/activites-intersectorielles1390/dialogue-euro-arabe27821.html.,
Communique final publie a Tissue de la deuxieme session de la Commission Generale
Tunis du 10-12 fevrier 1977. [Эл. ресурс]. URL:
<http://www.medeas.be/index.html?page=&lang=fr&doc=843&highlight=communique>
(дата обращения 11.07.2020).
34. Declaration de la Commission Generale du DEA de Tunis du 10-12 Fevrier 1977. [Эл.
ресурс]. URL: <http://www.medeas.be/index.html?page=> (дата обращения 11.07.2020).
35. Declaration de la Commission Generale du 26-28 octobre 1977, Bruxelles. [Эл. ресурс].
URL: <http://www.medeas.be/index.html?page=> (дата обращения 11.07.2020).
36. Decisions du Seminaire de Venise 1977. [Эл. ресурс]. URL:
<http://www.medeas.be/index.html?page=0&lang=fr&doc=52> (дата обращения
11.07.2020).
37. Declaration de Damas du decembre 1978. [Эл. ресурс]. URL:
www.dhimmitude.org/archive/byeurabia.doc (дата обращения 1.07.2020).
38. Memorandum Conjoint au Caire en 1975. [Эл. ресурс]. URL:
[untreaty.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes\(f\)/ILC1975v2f.Pdf](http://untreaty.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes(f)/ILC1975v2f.Pdf) (дата
обращения 11.07.2020).
39. Declaration du DEA a Damas du 11 sept. 1978. [Эл. ресурс]. URL:
<http://www.medeas.be/index.html?page=> La reunion d'experts de la Cooperation Euro-
Arabe, a Amsterdam en 1975' [www.franceurope.org/ article.php3?idarticle](http://www.franceurope.org/article.php3?idarticle) (дата
обращения 11.07.2020).
40. Declaration des Neuf du 6 novembre 1973 concernant la situation au Moyen-
Orient//www.doc.diplomatie.gouv.fr/BASIS/epic/www/doc/DDD/1107165185.doc
Symposium au Caire du Comite Mixte d'experts du 14 juin 1975. [Эл. ресурс]. URL:
www.un.org/documents/ecosoc/cn9/1995/french/ecn91995-5f.pdf (дата обращения
11.07.2020).
41. L'Association Parlementaire pour la Cooperation Euro-Arabe Strasbourg du 7-8 juin 1975
URL: <http://crisolinet.net/spaces.live.com/blog/> Communique final la reunion au
Luxembourg (18-20 mai 1976). [Эл. ресурс]. URL: www.arc.eui.eu/pdfinv/inv-km.pdf
(дата обращения 11.07.2020).
42. Declaration des Neuf sur le Moyen-Orient du 29 juin 1977, Londres/ Conseil Europeen
Londres, 29-30 juin 1977/ Ministere des Affaires etrangeres. [Эл. ресурс]. URL:
www.diplomatie.gouv.fr (дата обращения 11.07.2020).

43. Declaration des Neuf sur le Moyen-Orient du 29 juin 1977, Londres/ Conseil Europeen Londres, 29-30 juin 1977/ Ministere des Affaires etrangeres. [Эл. ресурс]. URL: // www.diplomatie.gouv.fr (дата обращения 11.07.2020).
44. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. Comptes Rendus Des Debats au cours de la Ve legislature (1973-1978). [Эл. ресурс]. URL: <http://archives.assemblee-nationale.fr/5/cr/> URL: (дата обращения 11.07.2020).
45. The Southern Flank in Crisis, 1973-1976: Series III, Volume V: Documents on British Policy Overseas (Whitehall Histories)/Ed. By K. Mamilton, P. Salmon - Abingdon: Routledge, 2012. – 608 p.
46. Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969-1976: сборник документов / Под ред. Стаф Т.А. М-во иностранных дел Российской Федерации, Гос. Департамент США. – М.: Международные отношения, 2007. Т. 1, Кн. 2: 1969-май 1972. Кн. 2. январь-май 1972. – 2007. – 624 с.
47. Ближневосточный конфликт 1947-1967. Из документов архива внешней политики РФ/Отв.ред.В.В. Наумкин. –Т.2. - М.:МДФ, 2003.- 704 с.
48. [The WIKILEAKS Public Library of US Diplomacy](https://www.wikileaks.org/plusd/about/) URL: <https://www.wikileaks.org/plusd/about/> (дата обращения 11.07.2020).

II. Мемуары

49. Kissinger, H. A. The Years of Upheaval/H.A.Kissinger. - NY.: Little Brown and Co, 1982. - 1283 p.
50. Brzezinski, Z. Power and principle: Memoirs of the National Security Adviser 1977-1981/Z. Brzezinski. - NY.: Farrar, Straus and Giroux, 1983. – 587 p.
51. Никсон, Р. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении/Р.Никсон. - М: Новости, 1992. – 440 с.
52. Carter, J. Keeping faith: Memoirs of a President / J. Carter. –Toronto: Bantam Books. 1983. – 622 p.
53. Heikal, M. The Road to Ramadan/M. Heikal. - L.: HarperCollins, 1975. – 285 p.
54. Меир, Г. Моя жизнь. Чимкент, 1997.
55. Жискара д'Эстен, В. Власть и жизнь/ Жискара д'Эстен, В., Пер. с фр. Н. Ю. Дубининой/Под ред. Л. М. Видясовой. - М.: Международные отношения, 1990. – 320 с.
56. Chirac, J. Chaque pas doit être un but. Mémoires/J. Chirac.- P.: Nil, 2009. – 512 p.
57. Sadat A. In Search of identity/A.Sadat. - NY.:HarperCollins, 1977. – 360 p.

III. Периодические издания

58. Jewish Telegraphic Agency (Archive) <https://www.jta.org/archive>
59. Economist. L. 1969-1981.
60. Le Monde. 1969-1981.
61. Le Monde Diplomatique, P. 1969-1981.
62. L'Humanité 1973-1979.
63. Newsweek. N.Y., 1969-1981.
64. The New York Times. 1969-1981.
65. The Military Balance. London. 1973-1979.
66. Financial Times. NY. 1969-1981.
67. Правда. 1969-1981.
68. The Middle East Journal. Wash., 1969-1981.
69. International Affairs. L., 1969-1981.
70. Foreign Affairs. N.Y., 1969-1981.

Методология

71. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна/И. Валлерстайн – Т. 4. - М.:Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2016. - 496 с.
72. Aron, R. Paix et guerre entre les nations/R. Aron. – P.:Calmann-Lévy, 1962. – 794 p.
73. Boniface, P. La France est-elle encore une grande puissance?/P. Boniface. - P.:Presses de Sciences Po,1998. - 138 p.
74. Boniface, P.; Courmont, B. Le Monde nucléaire : arme nucléaire et relations internationales depuis 1945/ P. Boniface, B. Courmont. – P.: Armand Colin, 2006. – 264 p.
75. Duroselle, J-B. Les relations internationales de 1968 à nos jours. P.:Hathan, 1978. – 254 p.
76. Duroselle, J-B. Tout empire périra: théorie des relations internationales/J-B. Duroselle. – P.:Publications de la Sorbonne, 1981.- 357 p.
77. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics/ R. Jervis. - Princeton, 1976. - 445 p
78. Jervis, R. Cooperation Under the Security Dilemma/ R. Jervis//World Politics- 1978- Vol. 30. - No. 2. - P. 167-214.
79. Jervis, R. Was the Cold War a Security Dilemma?/ R.Jervis // Journal of Cold War Studies. - 2001. - No3 (1). - P.36–60.
80. Herz, J. H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma/ J. H. Herz// World Politics. - 1950 - Vol. 2.- No. 2. – P.157-180.

81. Hoffman, S. *The State of War: Essays on the Theory and Practice of International Politics/* S. Hoffman. - NY.: Praeger, 1965. – 276 p.
82. Hoffman, S. *Gulliver's Troubles: or, the Setting of American Foreign Policy/* S. Hoffman. – NY.: McGraw-Hill, 1968. – 556 p.
83. Hoffman, S. *International Organization and the International System/* S. Hoffman // *International Organization*. - Summer 1970. - No. 3. - Vol. 24. - P. 389 – 413.
84. Hoffman, S. *Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics/* S. Hoffman. - Boulder: Routledge, 1987. – 472 p.
85. Kaplan, M. A. *System and Process in International Politics/* M. A. Kaplan.- NY:John Wiley and Sons, 1957. – 283 p.
86. Kaplan, M. A. *Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems/* M. A. Kaplan // *The American Political Science Review*. - Sep., 1957. - Vol. 51.- No. 3.- P. 684-695.
87. Magdoff, H. *The Age of Imperialism: The Economics of U.S. Foreign Policy/* H.Magdoff. – NY: Monthly Review, 1969. – 208 p.
88. Magdoff, H. *Imperialism without colonies /* H. Magdoff. - NY: Monthly Review, 2003. – 160 p.
89. Mearsheimer, J. *The Tragedy of Great Power Politics/* J.Mearsheimer. – NY.: W. W. Norton, 2001. - 448p.
90. Morgenthau H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace /* H. Morgenthau. - NY:Alfred A.Knopf, 1948. – 532 p.
91. Nitzan, J.; Bichler, S. *New Imperialism or New Capitalism?/* Nitzan, J.; Bichler, S.// *A Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems and Civilizations*. – 2006. - Vol. XXIX, - Iss. 1, - P. 1-86.
92. Nitzan, J.; Shimshon B. *Capital as Power: A Study of Order and Creorder/* J. Nitzan,; B. Shimshon. – NY: Routledge, 2009. – 438 p.
93. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics/* J. Nye. - NY: Public Affairs, 2004.- 191 p.
94. Rosecrance R. *Action and Reaction in World Politics/* R. Rosecrance. - Westport: Little, Brown 1963. – 314 p.
95. Rosecrance R. *International Relations: Peace or War?/* R. Rosecrance NY. : McGraw-Hill, 1973. - 334 p.
96. Vaïsse M., *La puissance ou l'influence ? La France dans le monde depuis 1958/* M. Vaïsse., – P.: Fayard, 2009. – 660 p.

97. Védrine, H.; Moïsi, D. Les Cartes de la France à l'heure de la mondialisation/ H. Védrine, D. Moïsi.- P.: Fayard, 2000. – 192 p.
98. Waltz K.N. The Theory of International Politics/ K.N. Waltz. – NY.: Random House, 1979. – 251 p.
99. Waltz, K.N. Man, the State, and War/ K.N. Waltz. - NY.: Columbia University Press, 1959. – 288 p.

Литература

Отечественная литература

100. Абальян, А. Причины и предпосылки ирано-иракского вооруженного конфликта 1980–1988 годов/ Абальян А.// Вестник СПбГУ. - 2014. - Сер. 6. Вып. 2. - С.94-101.
101. Анисимов, Л.Н. Проблема Кипра. Исторический и международно-правовой аспекты/ Л.Н. Анисимов. - М.: Международные отношения, 1986. - 182 с.
102. Акимов, С.Н. Политика Франции на Ближнем Востоке в 1974 -1986 гг.: дис. ... к.и.н.. С.Н.Акимов - Л., 1990. – 120 с.
103. Арбатов, А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США/А.Г.Арбатов. - М.: Издательство политической литературы, 1984. - 318 с.
104. Арзаканян, М.Ц. История Франции/ М.Ц. Арзаканян, А.В. Ревякин, П.Ю. Уваров. - М.: Просвещение/Дрофа, 2007. - 474 с.
105. Арзаканян, М.Ц. Новейшая история Франции. М.: Институт всемирной истории РАН, 2002. - 150 с.
106. Атакишиева, Д.Г., Наумова Н.Н. Эволюция интеграционной политики де Голля (середина 50-х - конец 60-х гг. XX в.) /Д.Г.Атакишиева// Genesis: исторические исследования. – 2021. - № 8. - С.28-44.
107. Афоньшина, А. И. Корнилов, А. А. Развитие политики Франции на Ближнем востоке и в Южном Средиземноморье: опыт президента Ш. де Голля и президентов – неоголлистов/А.И.Афоньшина. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2018. - N. 5. - С. 9-16.
108. Ахмедов, В.М. Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии/В.М.Ахмедов. - М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. – 400 с.
109. Барановский, В.Г. Европейское сообщество в системе международных отношений/В.Г.Барановский. - М.: Наука, 1986. – 319 с.

110. Бартенев, В.И. Ливийская проблема в международных отношениях в 1981-1991 гг.: дис. ... к.и.н.. В.И.Бартенев. – М., 2007. - 299 с.
111. Бартенев, В.И. Политика Великобритании в отношении Ливии (1951–1969): Парадоксы избирательного вмешательства и взаимодействия с США/ В.И Бартенев// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. - 2015. - № 4. - С.113-151.
112. Батюк, В.И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны»/В.И. Батюк. - М.: Прометей, 2008. – 104 с.
113. Батюк, В.И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945-2010) /В.И.Батюк. - Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011; Мировая политика / под ред. С.В. Кортунова. - М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. – 100 с.
114. Батюк, В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991) /В.И.Батюк. - М.: Весь Мир, 2018. – 336 с.
115. Борисов, А.В. Персидский залив. Большая нефть — большая политика/А. В. Борисов//Азия и Африка сегодня. - 2000. - №3. – С. 24-27.
116. Бредихин, О.Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития. дис. ... к.и.н.. О.Н.Бредихин. - М., 2006. - 183 с.
117. Васильев, А.М. Нефть: монополии и народы/А.М.Васильев. - М.: Знание, 1964. – 40 с.
118. Васильев, А.М. Факелы Персидского залива/А.М.Васильев. - М.: Издательство политической литературы. 1976. - 174 с.
119. Васютинский, В.Н. Основные направления деятельности французской дипломатии в Европе в годы президентства Ж. Помпиду. дис. ... к.и.н.. В.Н.Васютинский. - М., 1986. – 160 с.
120. Воронцов, Г.А. США и Западная Европа: новый этап отношений / Г.А. Воронцов. - М.: Международные отношения, 1979. - 343 с.
121. Воронцов, Г. А. Американско-французские отношения в 70-е годы/Г.А.Воронцов// Мировая экономика и международные отношения. - 1978. №8. - С. 23-42.
122. Воронцова, С.Б. США и Франция. Соперничество и партнерство/ С.Б.Воронцова. - М.: Международные отношения, 1983. - 128 с.

123. Войтоловский, Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка в 1940-2000 годы/Ф.Г.Войтоловский. - М.: Крафт+, 2007. – 464 с.
124. Глазунова, Е.Н. Либерально-консервативный консенсус в США по отношению к конфликтам на перифериибиполярного мира 1945-1970-е гг./ Е.Н.Глазунова//Памяти профессора Н.Б Сивачева. США. Эволюция основных идейно-политических концепций. - М.:Издательство Московского университета, 2004. - С. 362-388.
125. Дубинина, Л.В. Позиции Франции по вопросам общеевропейского сотрудничества/ Л.В.Дубинина// Проблемы безопасности и сотрудничества в Европе. - М.: Политиздат, 1979. - с.24-39.
126. Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза. Отв. ред. Н.К. Арбатова. - М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 118 с.
127. Жилин, П.А Государства НАТО и военные конфликты. М.: Наука, 1987. – 310 с.
128. Злотникова, А.Е. Политика США в отношении Ирака в 1980-е гг. Вестник Московского университета/А.Е.Злотникова.— Серия. 8. История. 2009. № 1. С.39-49.
129. Золина, Д.М. Развитие ближневосточной политики Франции в 1948-2008. дис. ... к.и.н.. Д.М.Золина. - Нижний Новгород, 2010. - 195 с.
130. Инджикян, Р.О. ОПЕК в мировом капиталистическом хозяйстве/ Р. О. Инджикян. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 149 с.
131. Канинская, Г.Н. Франция – НАТО: Конец французской исключительности?/Г.Н. Канинская // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. - 2008. - № 13(29). - С. 13–15.
132. Канинская, Г.Н. Париж и НАТО/Г.Н.Канинская// Международная жизнь. - 2008. - №10. - С. 111-122.
133. Канинская, Г.Н. Голлисты и провал плана создания Европейского оборонительного сообщества в 1954 году (по дневниковым записям Посла СССР во Франции С.А. Виноградова)/ Г.Н.Канинская Россия и Франция: XVIII-XX века, Отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 8. М., 2008. С.297-312.
134. Канинская, Г.Н., Наумова Н.Н. История западноевропейской интеграции/Г.Н.Канинская, Н.Н. Наумова. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1998. - 66 с.

135. Канинская, Г.Н. Колониальные войны в Индокитае и Алжире и французское общество // Кн.3 – Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века / рук проекта и сост. О.А. Ржешевский. Науч. рук. М.Ю.Мягков/ отв. ред. Ю.А. Никифоров. - М.: Наука, 2008. – С.132-175.
136. Канинская, Г.Н. Проблема трансформации стран центральной Европы в оценках Франсуа Миттерана /Г.Н.Канинская // Электронный научно-образовательный журнал История. - 2012., № 3. - С. 12-13.
137. Караганов, С.А., Трофименко Г.А. Шеин В.С. США – диктатор НАТО/С.А.Караганов, Г.А.Трофименко, В.С.Шеин. - М.: Сов. Россия, 1985. - 208 с.
138. Карева, Д. О. Франция и ЕС. Средиземноморская политика на рубеже XX—XXI вв./Д.О.Карева // Вестник Московского университета. - Серия 8. История. - 2014. № 1. - С.94-109.
139. Карева, Д. О. Средиземноморская политика Франции в конце XX – начале XXI вв. дис. ... к.и.н.. Д.О.Карева. - М. 2015. – 291 с.
140. Колобов, О.А. США и страны Ближнего Востока во времена «холодной войны»/О.А.Колобов. – Горький: Издательство ГГУ, 1983. – 185 с.
141. Колобов, О.А. Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины/О.А.Колобов. - Н.Новгород: Издательство Нижегород. университета. 1993.-235 с.
142. Колобов, О.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль. и стран Западной Европы/О.А.Колобов. - Н.Новгород. 1993.- 235 с.
143. Колосков, И.А. Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций/И.А.Колосков. М: Наука, 1976. – 304 с.
144. Коряковцев, А.А., Ташлыков С.Л. Передовой рубеж обороны на юго-западном стратегическом направлении/А.А.Коряковцев, С.Л.Ташлыков//Военно-исторический журнал. - № 7, 2017. - С.5-8.
145. Кременюк, В.А. Политика США в развивающихся странах: проблемы конфликтных ситуаций. 1945-1976/В.А.Кременюк.- М.:Международные отношения, 1977. - 233 с.
146. Кременюк, В. А. Уроки холодной войны/В.А.Кременюк. - М.: Аспект-Пресс, 2015. – 320 с.

147. Круговая Е.Г. Экономическое и политическое развитие Греции в период правления "черных полковников" 1967-1974 гг.: дис. ... к.и.н. Е.Г.Круговая. - М., 2002. – 208 с.
148. Лаврентьев А.К. Силовая дипломатия в Азии/А.К.Лаврентьев. - М., 1980. - 272 с.
149. Лаврухин В.Ф. Франция и проблема создания политического союза и региональной системы обороны Западной Европы/В.Ф.Лаврухин. - М.: Наука, 1974. - 29 с.
150. Манькин А.С. Основы общей теории международных отношений/А.С.Манькин. - М.: Издательство Московского университета, 2009. - 592 с.
151. Манькин, А.С.; Печатнов, В.О. История внешней политики США/А.С.Манькин, В.О.Печатнов. - М.:Международные отношения, 2012. - 672 с.
152. Марьясис, Д.А.; Карасова Т.А. (отв. ред.) Палестина и Израиль от Второй мировой войны до наших дней. Сборник статей. - М., 2016. - 320 с.
153. Машин, В.В.; Яковлев А.И. Персидский залив в планах и политике Запада/В.В.Машин, А.И.Яковлев. - М.:Международные отношения, 1985. - 237 с.
154. Медведко Л.И. К востоку от Суэца/Л.И.Медведко. М.: Политиздат 1980. - 368 с.
155. Медведко, Л. И. Ближний Восток: самый продолжительный «конфликт века»/Л.И. Медведко// Вопросы истории. - №6. 1988. - С. 131–145.
156. Мельников, Ю.М. Имперская политика США: истоки и современность/Ю.М. Мельников. М.:Международные отношения, 1984. – 255 с.
157. Мельников, Ю.М. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии/Ю.М.Мельников. - М.:Политиздат, 1974.- 367 с.
158. Меньшиков, В.М. На стратегическом перекрестке/В.М.Меньшиков. М.:Международные отношения, 1975. - 216 с.
159. Михеев, В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958-1992)/В.С.Михеев. - М.:Наука, 1993.- 192 с.
160. Наумова Н.Н., Чеснова И.Е. Франция и проблема учреждения военно-политического объединения в Западной Европе.1950-1954/Н.Н.Наумова, И.Е.Чеснова// Вестник Московского университета. - Серия 8: История. - № 2. - С.3-27.

161. Наринский, М.М. Франция и арабо-израильская война 1967 года. Новая и новейшая история/М.М.Наринский. – 2017. - №02. - С. 13-27.
162. Нарочницкая, Е.А. Франция в блоковой системе Европы. 1960-80-е гг./Е.А.Нарочницкая. - М.: Наука, 1993. – 235 с.
163. Никитина, Т.В. Трудный путь политика (Кипрский вопрос в политике Греции 50-60-х гг. XX в.) /Т.В.Никитина // Родина (спецвыпуск). - 2010. - С. 120-122.
164. Никитина, Т.В.; Степанидина, В.И. Демократизация Греции после военного режима «черных полковников» (1974-1975) /Т.В.Никитина, В.И.Степанидина//Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. - №10. - 2018.- С.136-153.
165. Новейшая история арабских стран Азии и Африки в 2-х томах (отв. ред. Наумкин В.В.). —М.: Наука, 1990. - 472 с.
166. Обичкина, Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940-2012)/Е.О.Обичкина. - М.:Аспект Пресс, 2012. – 382 с
167. Овинников, Р.С. Зигзаги внешней политики США / Р.С. Овинников. – М.: Политиздат. 1986. – 398 с.
168. Осипов, Е.А. Основные направления внешней политики Франции в период президентства Жоржа Помпиду (1969-1974 гг.). дис. ... к.и.н.. Е.А.Осипов. - М., 2012. - 224 с.
169. Пархалина, Т.Г. Франция и Средиземноморье/Т.Г.Пархалина. - М.: Наука, 1987. - 188 с.
170. Петрунина, О. Е. Национальная идея в идеологическом обеспечении военного режима в Греции (1967-1974)/О.Е. Петрунина// Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). - 2006. - №1 – С. 97-118.
171. Пилько, А.В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен. /А.В.Пилько. - М.: Издательство Московского университета Москва, 2007. – 237 с.
172. Пилько, А.В. Борьба за принятие доктрины быстрого реагирования НАТО и ее значение для Альянса (1961-1969)/А.В.Пилько//Вестник Российского Университета Дружбы Народов. - 2012. - №2. - С.89-96.
173. Поцхверия, Б. М. Внешняя политика Турции в 60-х – начало 80-х годов XX в. / Б. М. Поцхверия. – М.: Наука, 1986. – 294 с.
174. Поцхверия, Б. М. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны / Б. М. Поцхверия. – М.:Наука, 1976. - 312 с.

175. Примаков, Е.М. История одного сговора: Ближневосточная политика США в 70-е - начале 80-х годов/Е.М.Примаков. - М.: Издательство политической литературы, 1985. – 319 с.
176. Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века)/Е.М.Примаков. - М.: ИИК «Российская газета», 2006. - 384 с.
177. Примаков, Е.М. Восток после краха колониальной системы/Е.М.Примаков. - М.: Наука, 1982. - 208 с.
178. Примаков, Е.М. Египет: время президента Насера/ Е.М.Примаков.- М.: Мысль, 1981. – 368 с.
179. Примаков, Е.М. Персидский залив: нефть и монополии/Е.М.Примаков. - М.:Мысль, 1983. – 162 с.
180. Славенков, В.П. Внешняя политика Франции. 1974—1981/ В. П. Славенков. - М.: Международные отношения, 1981. - 240 с.
181. Скороходова, О. Н. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973-1986). дис. ... к.и.н.. О. Н. Скороходова - М., 2015. – 292 с.
182. Скороходова, О. Н. Эпоха великих потрясений: энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны/ О.Н. Скороходова. – М.: АСТ, 2021. – 350 с..
183. Скороходова, О. Н. Европа и Энергетический кризис 1979-1980 годов: поучительные уроки/О.Н.Скороходова// Современная Европа. - 2015. - №1 (61). - С.104-115.
184. Смирнов, В.П. Франция в XX веке/ В.П. Смирнов. - М.: Дрофа, 2001. - 352 с.
185. Смольняк, И.В. Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американо-турецких отношениях, 1962-1978 гг./ И.В. Смольняк// Вестник Вятского государственного университета. – 2016.- № 12. - С. 42-53.
186. Современные международные отношения и мировая политика/ под ред. А.В. Торкунова, А.В.Мальгина. – М.: Аспект-Пресс, 2017. — 688 с.
187. Уразов А. М. Время перемен. Эволюция внешней политики США и Великобритании на Большом Ближнем Востоке в первые годы Холодной войны/ А. М. Уразов. - М.:АСТ, 2019. – 416 с.
188. Усова Е.Ю. Влияние арабо-израильской войны 1973 г. на положение Израиля в региональной и глобальной системе международных отношений// Марьясис Д.А,

- Карасова Т.А. (отв. ред.) Палестина и Израиль от Второй мировой войны до наших дней. Сборник статей М.:ИВ РАН, 2016. - С.219-149.
189. Фурсенко А. А. Нефть и политика: история и современность // Новая и новейшая история. — 1987. — № 3. — С. 69–86.
190. Хлебникова Л.Р. США и Израиль в 1960-е годы XX века: у истоков особых отношений / Л. Р. Хлебникова//Новая и новейшая история. – 2015. - №3,. - С.113-127.
191. Шадурский В.Г. Внешняя политика Франции (1945-2002)/ В. Г. Шадурский. - Минск: БГУ, 2004. — 175 с.
192. Шаклеина Т.А., Печатнов В.О. США в международных отношениях / Т.А. Шаклеина, В.О. Печатнов // Современные международные отношения. Под ред. А.В.Мальгина и А.В.Торкунова.- М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2012. - С. 309-335.
193. Шахбазов, В.А. Проблема Кипра в политике Турции в 1960 – 1980 годах/В.А.Шахбазов. – Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. университет, 1983. – 84 с.
194. Шевченко, А.М. Армии стран НАТО/А.М.Шевченко. - М.: Воениздат, 1974.- 285 с.
195. Шеин, В.С. НАТО и кризис в Восточном Средиземноморье/В.С.Шеин // Мировая экономика и международные отношения. - 1974. - №12. - С.87-92.
196. Шеин В.С. США и НАТО: эволюция империалистического партнерства/ В. С. Шеин; АН СССР. Институт США и Канады; Отв. ред. Ю. П. Давыдов. - М.: Наука, 1985. - 192 с.
197. Шеин В.С.США и Южная Европа: кризис атлантического партнерства/ /отв.ред. Ю.П.Давыдов. - М.: Наука, 1979. -190 с.
198. Шмаров В.А. Кипр в средиземноморской политике НАТО/В.А.Шмаров. – М.: Наука, 1982. - 256 с.
199. Шилов В.С. Внешняя политика и партии во Франции (1969-1981) /В.С.Шилов. - М.: Наследие, 1994. – 382 с.
200. Шмаров В.А. Кипрская проблема и НАТО на современном этапе. /В.А.Шмаров // Страны Ближнего и Среднего Востока. История, экономика. М.: АН СССР. Институт Востоковедения, - 1972, - С. 216-225.
201. Чернега В.Н. Политическая борьба во Франции и эволюция голлистской партии/В.Н.Чернега. - М.: Наука, 1984. - 237 с.

202. Чернега В.Н. Развивающиеся страны во внешней политике Франции (70-е годы).// Советская ассоциация политических наук. Ежегодник. 1986. М., 1987.
203. Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира/А.О. Чубарьян. - М.: Международные отношения, 1987. 352 с.
204. Эпштейн А.Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия/А.Д.Эпштейн. - М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. - 230 с.

Литература на иностранных языках

205. Alfoed, J. Greece and Turkey. Adversary in Alliance/ Alfoed J. - New York: International Institute for Strategic Studies, 1984. – 151 p.
206. Amme, H. Jr. C. NATO without France/ Amme Jr. H. - Stanford: Stanford University Pres, 1967. - 195 p.
207. Allen D., Hauri A. The Euro-Arab dialogue, the Venice declaration and beyond. The limits of distinct EC policy 1974-1989/ D. Allen, A. Hauri //European-American Relations and the Middle East: From Suez to Iraq. - Ed. by D. Möckli, V. Mauer. – L.: Routledge, 2011. - P. 93-100.
208. Allen, D., Smith, M. Europe, the United States and the Arab-Israeli conflict./ D. Allen, M. Smith, // European Foreign Policy-Making and the Arab-Israeli Conflict. - Ed. by: D. Allen, A. Pijpers. – Hague: Martinus Nijhoff, 1984. - P. 187-211.
209. Asmussen, J. The Post-Cold War Legacies of US Realism: The 1974 Cyprus Crisis in Perspective/J. Asmussen// Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. - Ed. by Elena Calandri, Daniele Caviglia, Antonio Varsori. – L.:Tauris, 2012. - P. 155-170.
210. Asmussen, J. Cyprus at war. Diplomacy and conflict during 1974 /J. Asmussen. – L.: Tauris, 2008. - 364 p.
211. Badalassi, N. Sea and Détente in Helsinki: The Mediterranean Stake of the CSCE, 1972–1975/ N. Badalassi//Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. - Ed. by Elena Calandri, Daniele Caviglia and Antonio Varsori. - L.:Tauris, 2012. - P.61-73.
212. Badalassi, N. Adieu Yalta ? La France, la détente et les origines de la Conférence sur la Sécurité et la Coopération en Europe, 1965 – 1975/ N. Badalassi. Thèse de doctorat en histoire contemporaine. - Paris III, Université de la Sorbonne nouvelle. 2011. – 826 p.
213. Badel, L. Diplomatie et grands contrats. L'Etat français et les marchés extérieurs au XXe siècle / L. Badel. - P.: Publications de la Sorbonne, 2010. – 542 p.

214. Behr, T. France, Germany and Europe's Middle East dilemma: the impact of national foreign policy traditions on Europe's Middle East policy/T. Behr. - Baltimore: ProQuest, 2009. – 380 p.
215. Benning, E. Economic Power and Political Leadership: the Federal Republic, the West and the Re-shaping of the International Economic System, 1972-1976/ E. Benning. - PhD thesis, L.:The London School of Economics and Political Science (LSE), 2011. – 294 p.
216. Beltran A. La question énergétique en France de 1960 à 1974 : dépendance, crise et rôle de l'État/ A.Beltran// Georges Pompidou face à la mutation économique de l'Occident, 1969-1974. - Sous la direction de Éric Bussière. - P.: Presses Universitaires de France, 2003. - P. 189- 200.
217. Berstein, S.; Rioux, J-P. The Pompidou Years 1969-1974/ S. Berstein; J-P. Rioux. - Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 296 p.
218. Bichara, K. Europe and the Arab-Israeli conflict: an Arab perspective / K.Bichara // European Foreign Policy-Making and the Arab-Israeli Conflict. - Ed.by: David John Allen, Alfred Pijpers. – Hague: Martinus Nijhoff Publishers., 1984. - P.161-187.
219. Bickerton, I. J., Klausner, C. L. The Arab-Israeli Conflict. A History/ I. J. Bickerton, C. L. Klausner. L.:Pearson, 2009. – 693 p.
220. Billion D. L'attitude française/ D. Billion // CEMOTI, La communauté européenne et la Turquie devant la question de l'adhésion: approche culturelle d'une relation politique. - 1989. – No. 8, - P. 87-107.
221. Bini E. A Transatlantic Shock: Italy's Energy Policies between the Mediterranean and the EEC, 1967-1974/ E.Bini //Historical Social Research. - 2014. - Vol. 39. - No. 150. - P.145-165.
222. Bini, E.; Garavini, G.; Romero, F. Oil Shock: The 1973 Crisis and its Economic Legacy/ E. Bini, G. Garavini, F. Romero. – L.:Tauris, 2016.– 288 p.
223. Bitsios, S. D. Cyprus: The Vulnerable republic/ S. Bitsios. – Salonika: Institute for Balkan Studies, 1975. – 233 p.
224. Bozo, F. France, “Gaullism,” and the Cold War/ F. Bozo// The Cambridge History of the Cold War. - Vol II: Crises and Détente. - Ed. By P. L.Melvyn, O. A. Westad – L.: Cambridge University Press, 2012 - P.158-178.
225. Bozo F. Détente versus Alliance: France, the United States and the Politics of the Harmel Report (1964-1968)/F.Bozo//Contemporary European History. – 1998. - Vol. 7. - No. 3 - P. 343-360.

226. Bryson, A. Thomas American diplomatic relations with the Middle East. 1784-1975. A Survey/ A. Bryson. - NY.:Rowman & Littlefield, 1977. – 444 p.
227. Burr, W.; Rosenberg D. A. Nuclear competition in an era of stalemate, 1963–1975/ W.Burr; D. A. Rosenberg// The Cambridge History of the Cold War.- Vol II: Crises and Détente. - Ed. By P. L.Melvyn, O. A. Westad – L.: Cambridge University Press, 2012. - P. 88-111.
228. Calandri E. The United States, the EEC and the Mediterranean Rivalry or Complementarity?/E.Calandri// Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. - Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A.Varsori. - L.:Tauris, 2012. - P. 33- 48.
229. Camp D. G. Greek-Turkish conflict over Cyprus/D. G. Camp //Political Science Quarterly. - 1980. - Vol. 95. - No. 1. - P. 43-70.
230. Cannizzo C. The Gun Merchants: Politics and Policies of the Major Arms Suppliers/ C. Cannizzo. - L.: Pergamon, 1980. – 224 p.
231. Chipman, J. NATO's southern Allies: Internal and External Challenges/ J. Chipman. – L.: Routledge, 1988. - 412 p.
232. Clein J. Commerce des armes et politique: le cas français/ J. Clein// Politique étrangère. - Année 1976. - Vol. 41 - Numéro 6 . - P. 563-586.
233. Cricco M. Gaddafi's Libya: From Uncertain Alignment with the USSR to Support for Arab Terrorist Movements in the Mediterranean 1974–1986/ M.Cricco// Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. - Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A.Varsori. - L.:Tauris, 2012. - P. 233-240.
234. Cohen, S. La politique extérieure de Valéry Giscard d'Estang/ S. Cohen. - P.: Les Presses de Sciences Po, 1985. - 436 p.
235. Costigliola, F., France and the United States: The Cold Alliance since World War II/F.Costigliola.- NY.:Twayne Pub, 1992. - 316 p.
236. Cooper, N. R. Economic aspects of the Cold War, 1962–1975/N.R.Cooper // The Cambridge History of the Cold War.- Vol II: Crises and Détente. - Ed. By P. L.Melvyn, O. A. Westad – L.: Cambridge University Press, 2012. P. 44-64.
237. Dalloz, J. La France et le monde depuis 1945/Dalloz J.- P.: Armand Colin, 2014. – 233 p.
238. Demagny, A. La présidence française face à la mutation du marché pétrolier, 1969-1974 : analyses, anticipations et réactions/Demagny A. // Georges Pompidou face à la

- mutation économique de l'Occident, 1969 - 1974 : actes du colloque des 15 et 16 novembre 2001 au Conseil Économique et Social. – P. : Presses Univ. de France, 2003.- P. 223-241.
239. Derai, J.-P. "Opération Osirak": agression ou légitime défense?/ J-P. Derai//Cahiers de la Méditerranée. - 1998. - n°1 (56). - P. 175-190.
240. Diekhoff, A.; Leveau, R. Israéliens et Palestiniens: la guerre en partage/ A.Diekhoff, R. Leveau, – P.:Balland, 2003. - 313 p.
241. Di Nolfo, E. The Cold War and the transformation of the Mediterranean,1960–1975/E.Di Nolfo. // The Cambridge History of the Cold War.- Vol II: Crises and Détente. - Ed. By P. L.Melvyn, O. A. Westad – L.: Cambridge University Press, 2012. - P. 238-257
242. Donno, A. The American–Israeli ‘Special Relationship’ in the Nixon–Kissinger Years/A.Donno//Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. - Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A. Varsori. - L.:Tauris, 2012. - P. 105-116.
243. Dosemeci, M. Turkish Anti-Westernism: Restaging the Euro- Mediterranean World in the Era of Détente/M.Dosemeci// Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. - Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A. Varsori. - L.:Tauris, 2012. – P. 207-220.
244. Drea, E. The McNamara Era/E.Drea // A history of NATO. The First Fifty Years. - Ed. by G. Schmidt. - Vol. 3. – NY.: Palgrave, 2001. - P.. 183-195.
245. Duke, S. US Military forces and Installations in Europe/S. Duke.- Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 1989 - 464 p.
246. Durandin, C. La France contre l'Amérique/ C.Durandin. - P. :PUF, 1994. – 224 p.
247. Durandin, C. Les États-Unis, grande puissance européenne/ C.Durandin. – P. : Armand Colin, 2004. – 256 p.
248. Frémeaux, J. La France et les exportations d'armements au Proche Orient de la fin de la Guerre d'Algérie à la première guerre du Golfe/ J. Frémeaux. - Revue historique des armées. - 2007. - No 1(246). - P. 110-119.
249. Folley, C. and Scobie I. W. Struggle for Cyprus/C. Folley. - Stanford; Hoover Institution Press, 1975. - 193 p.
250. Gaddis, J. L. Grand strategies in the Cold War/J.L.Gaddis// The Cambridge History of the Cold War. - Vol II: Crises and Détente. - Ed. By P. L.Melvyn, O. A. Westad – L.: Cambridge University Press, 2012. - P. 1-21.
251. Garthoff, R.L. Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan/ R.L Garthoff. - Washington: Brookings Institution Press,1994. - 1206 p.

252. Georges Pompidou hier et t aujourd'hui: Témoignages. Colloque 30 novembre et 1er décembre 1989. - Sous la présidence de P. Messmer. - Neuilly-sur-Seine: Editions Breet, 1990. – 352 p.
253. Ginor, I., Remez, G. The Middle Eastern Test of Détente: The Direct Role of the USSR in the Yom Kippur War, 1973/ I. Ginor, G. Remez.// Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. - Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A. Varsori. - L.:Tauris, 2012. – P. 125-140
254. Gfeller, A. É. Building a European Identity: France, the United States, and the Oil Shock/ A. É. Gfeller. - Oxford: Berghahn Books, 2012. – 242 p.
255. Gfeller, A. É. Imagining European Identity: French Elites and the American Challenge in the Pompidou—ixon Era/ A. É. Gfeller //Contemporary European History. - May 2010. - Vol. 19. - No. 2 - P. 133-149.
256. Gfeller, A. É. Reenvisioning Europe: France, America and the Arab World, 1973-74/ A. É Gfeller. - PhD thesis, Princeton University, 2008. – 210 p.
257. Graf, R. Claiming Sovereignty in the Oil Crisis. “Project Independence” and Global Interdependence in the United States, 1973/74/ R. Graf // Historical Social Research. - 2014. - Vol. 39. - No. 150. - P. 43-70.
258. Grawshaw, N. Cyprus revolt. An Account of Struggle for Union with Greece/ N.Grawshaw. – Boston: Unwin Hyman, 1978. - 447 p.
259. Griffith, W. E. La coopération avec l'Union Soviétique au Moyen-Orient et en Afrique du nord/ W. E. Griffith // Politique étrangère. – 1971. - n°5-6(36^eannée). - P. 687-703.
260. Hitchens, C. Hostage to History: Cyprus from the Ottomans to Kissinger/ C. Hitchens,. - L.: Verso, 1997. – 192 p.
261. Hitchens, C.; Hamilton K. Britain, France, and America's Year of Europe, 1973/ C. Hitchens, K. Hamilton // Diplomacy & Statecraft. 2006. - Vol. 17. - P. 871–895.
262. Hanhimaki, J. M. Détente in Europe, 1962–1975/J.M.Hanhimaki// The Cambridge History of the Cold War.- Vol II: Crises and Détente. - Ed. By P. L.Melvyn, O. A. Westad – L.: Cambridge Univercity Press. 2012. - P 198-218.
263. Harrison, M. The Reluctant Ally: France and Atlantic Security/ M. Harrison. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981. – 320 p.
264. Imperiale, C.; Agate, P. National Approaches to Atab-Israeli Conflict: France //European Foreign Policy-Making and the Arab-Israeli Conflict/ C. Imperiale, P Agate.- Ed.by: David J. Allen, A. Pijpers. - Hague, 1984. - P. 1-18.

265. Jervis R. *Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War* /R Jervis. - Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010. – 248 p.
266. Jordan, S. R. *Political leadership in NATO. A Study in Multinational Diplomacy*/ S. R. Jordan - Boulder: Routledge, 1979. - 316 p.
267. Jureidini, A. P. McLaurin, R. D. *Beyond Camp David. Emerging Agreements and the leaders in the Middle East*/ A. P. Jureidini, R. D., McLaurin. - NY: Syracuse, 1980. - 197 p.
268. Karamouzi E. *Greece, the EEC and the Cold War 1974-1979: The Second Enlargement*/ E. Karamouzi. - L.: Palgrave, 2014. - 269 p.
269. Kaplan, S.L. *NATO Divided. NATO United: the evolution of an Alliance*/ S.L.Kaplan. - Westport: Praeger, 2004. – 176 p.
270. Kerr, H. M. *America's Middle East Policy: Kissinger, Karter and the future*/ H. M. Kerr. - Beirut: Institute for Palestine Studies, 1980. – 32 p.
271. Kissinger, H. A. *The Troubled Partnership: A Reappraisal of the Atlantic Alliance*/H. A. Kissinger. - NY.: McGraw-Hill Book Co., 1965. – 266 p.
272. Kofas, J. V. *Under the Eagle's Claw: Exceptionalism in Postwar U.S.-Greek Relations*/J.V.Kofas.-L.:Praeger, 2003. – 360 p.
273. Kolodziej, A. E. *Making and Marketing Arms: The French Experience and Its Implications for the international system*/ A. E. Kolodziej. - Princeton: Princeton University Press. 1987. – 546 p.
274. Korn, D. *US-soviet Negotiations of 1969 and the Rogers Plan*/ D. Korn// *The Middle East Journal*. – 1990. - Vol. 44. - No.1. - . P. 37-50.
275. Kuniholm, B. *The evolving strategic significance of Turkey's relationship with NATO* / B.Kuniholm // *A history of NATO. The First Fifty Years*. - Ed. by G. Schmidt. - Vol. 3. – NY.: Palgrave, 2001. - P.339-357.
276. Lando, B. *Web of Deceit: The History of Western Complicity in Iraq, from Churchill to Kennedy to George W. Bush* / B. Lando. – NY.: Anchor Canada, 2007.- 384 p.
277. Larrabee, S. *The Southeastern periphery: Greece and Turkey*/ S. Larrabee// *Problems of Balkan Security: Southeastern Europe 1980's*. – Ed. By P.Shoup. – Washington: Wilson Center Press, 1990. - P. 172-186.
278. Ludlow, N. *Piers European integration and the Cold War*/ N.Lidlow// *The Cambridge History of the Cold War*. - Vol II: Crises and Détente. - Ed. By P. L.Melvyn, O. A. Westad. – L.: Cambridge Univercity Press. 2012. - P.179-197.

279. Ludlow, P. N. The Real Years of Europe? U.S.–West European Relations during the Ford Administration/ Ludlow P. N. // *Journal of Cold War Studies*. - Summer 2013. - Vol. 15. - No. 3. - P.136-161.
280. Madureira, N. L. Waiting for the Energy Crisis: Europe and the United States on the Eve of the First Oil Shock/ N. L. Madureira // *Historical Social Research*. – 2014. - Vol. 39. - No. 150. - P. 70-94.
281. Marcus, J. French Policy and the Middle East Conflicts: Change and Continuity/ J. Marcus // *The World Today*. - Feb., 1986. - Vol. 42. - No. 2. - P. 27-30.
282. Matti, G. The Secret Conversation of Henry Kissinger:Step-by-step diplomacy in The Middle East/ G. Matti. - NY.: TBS The Book Service Ltd, 1976.,- 280 p.
283. Mearsheimer, J.; Walt S. M. Israel Lobby and U.S. Foreign Policy/ J.Mearsheimer, S. Walt. - NY.: Farrar, Straus and Giroux, 2007. – 496 p.
284. Mélandri, P. Aux origines de la coopération nucléaire franco–américaine/ P.. Mélandri// *La France et l'atome: Études d'histoire nucléaire*. – Sous la redaction de M. Vaisse et C. Barbier. – Bruxelles: Bruylant, 1994. – P.235-254.
285. Mélandri, P. La France et les Etats-Unis/P. Mélandri// *Politique étrangère*.-1986. - No1 - 51^eannée. - P. 219-246.
286. Mélandri, P. The Troubled Friendship: France and the United States, 1945–1989/ P. Mélandri // *No End to Alliance. The United States and Western Europe: Past, Present and Future*. - Ed. by G. Lundestad. – L.: Palgrave, 1998. - P. 112-133.
287. Mélandri, P. Une relation très spéciale: la France, les États-Unis et l'Année de l'Europe, 1973-1974/ Mélandri P. //Georges Pompidou et l'Europe. – Sous la dir. de J.-R.Bernard, F. Caron, M. Vaisse, M. Woimant. - Bruxelles^ Complexe, 1995. - P. 89-131.
288. Möckli, D. The EC-nine and transatlantic conflict/D. Möckli //European-American Relations and the Middle East: From Suez to Iraq. - Ed. by D. Möckli, V. Mauer. L.: Routledge, 2011. – P. 77 – 92.
289. Moon, R. J. The Year of Europe: 1973/74 A Study in Alliance Diplomacy. / R. J. Moon - PhD thesis, L.:The London School of Economics and Political Science (LSE)L., 1994. – 314 p.
290. Nouschi, A. La France et le monde arabe depuis 1962 mythes et realites d'une ambition/ A. Nouschi. - P.: Vuibert, 1994.- 247 p.
291. O'Malley, B; Craig I. The Cyprus Conspiracy/B.O'Malley, I.Craig. – L.: Tauris, 2001.- 288 p.

292. Oran, B. Turkish foreign policy 1919-2006. Facts and Analyses with Documents/ B. Oran. - Salt Lake City: University of Utah Press, 2010. - 968 p
293. Painter, D. S. Oil and Geopolitics: The Oil Crises of the 1970s and the Cold War/ D. S. Painter // Historical Social Research. - 2014. - Vol. 39.- No. 150. . - P. 186-208.
294. Papacosma, V. Greece and NATO/ V. Papacosma // A history of NATO. The First Fifty Years. - Ed. by G. Schmidt. - Vol. 3. – NY.: Palgrave, 2001. - P. 359-374.
295. Pedaliu, E.G.H. A Discordant note: NATO and Greek Junta, 1967-1974. / E.G.H. Pedaliu// Diplomacy and Statecraft. - mar. 2011. - Vol. 22. - P. 101-120.
296. Pedaliu, E.G.H., Fault Lines in the Post-War Mediterranean and the ‘Birth of Southern Europe’, 1945–1979: An Overview / H.G.E.Pedaliu// Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East. - Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A. Varsori. - L.:Tauris, 2012. – P. 15-33.
297. Péan, P. Les Deux bombes, comment la France a donne la bombe à Israel et à l'Irak/ P. Pean. - P. ; Fayard, 1982. – 203 p.
298. Péan, P. L'inconnu de l'Elisée/ P. Pean.- P.:, Fayard, 2007. – 600 p.
299. Peretz, P. La France et la Guerre du Kippour/ P. Peretz// Revue d'histoire diplomatique. 2006. - No. 2. - P. 12–25.
300. Perović, J; Krempin. D. “The Key is in Our Hands:” Soviet Energy Strategy during Détente and the Global Oil Crises of the 1970s/ J. Perović, D.Krempin// Historical Social Research. - 2014. - Vol. 39. - No. 150. - P. 113-144.
301. Pietrantonio, S. The year that never was: 1973 and the crisis between the United States and the European Community/ S. Pietrantonio// Journal of Transatlantic Studies.- 2010. - Vol. 8. –No 2. - P.158–177.
302. Plassmann, L. Comme dans une nuit de Pâques? Les relations franco-grecques 1944-1981/ L. Plassmann. – Bruxelles, Peter Lang, 2012. - 461 p.
303. Plassmann, L. De l'émergence de la question de Chypre à la crise de 1974 : le problème chypriote dans les relations franco-grecques/L. Plassmann // Matériaux pour l'histoire de notre temps. – 2010. - N° 3 (99).- P. 98-104.
304. Quandt, W. Decade of Decisions: American Policy toward the Arab-Israeli Conflict 1967-1976/ W.Quandt. - Berclly: Univ of California Press, 1977. – 350 p.
305. Quandt, W. The Western Alliance in the Middle East: Problems for the US Foreign Policy/ W. Quandt // The Middle East and the Western Alliance. - Ed. by S. L. Spiegel. - London 1982. - P. 1-9.

306. Razoux, P. *The Iran-Iraq War*/ P. Razoux. – Harvard: Harvard University Press, 2015.- 688 p.
307. Rodman, D. *Phantom Fracas: The 1968 American Sale of F-4 Aircraft to Israel*/ D. Rodman// *Middle Eastern Studies*. – 2004. - Vol. 40. - No. 6. - P. 130-144.
308. Rondot, Ph. *L'Irak : une puissance régionale en devenir*/ Ph. Rondot// *Politique étrangère*. - 1980. - Vol. 45. - No 3. P. 637-651.
309. Rondot, Ph. *La guerre du Chatt al-Arab: les raisons de l'Irak*// *Politique étrangère*. - Année 1980. – No 4 (45). - P. 867-879.
310. Rubin, Z. J. *Dynamics of the third party intervention. Kissinger in the Middle East*/ Z. J. Rubin. – NY.: Praeger, 1981. - 303 p.
311. Savranskaya, S.; Taubman, W. *Soviet foreign policy, 1962–1975*/ S. Savranskaya, W. Taubman// *The Cambridge History of the Cold War*.- Vol II: *Crises and Détente*. - Ed. By P. L. Melvyn, O. A. Westad – L.: Cambridge University Press. 2012. - P. 134-157.
312. Sakkas, J. *The Greek dictatorship, the USA and the Arabs 1967-1974*/ J. Sakkas // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. Dec. 2004. - Vol. 6.- No. 3. - P. 245-257.
313. Sakkas, J. *Conflict and Détente in the Eastern Mediterranean: From the Yom Kippur War to the Cyprus Crisis, October 1973–August 1974*/ J. Sakkas// *Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East*. - Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A. Varsori. - L.: Tauris, 2012. - P. 141-154.
314. Slengesol, I-A. *A Bad Show? The United States and the 1974 Cyprus crisis*// *Mediterranean Quarterly*. - Spring 2000. - no. 2(11). - P. 96-129.
315. Sheehan, E. R.F. *The Arabs, Israelis and Kissinger*/ E. R.F. Sheehan. - NY: Readers Digest Press, 1976. – 287 p.
316. Shehu, A. *Rethinking the Alliance: Kissinger's Year of Europe and the European Ambitions, 1972–1974*/ A. Shehu. - Pisa; Luglio, 2015. – 162 p.
317. Sheetz M. *Building a European Identity: France, the United States, and the Oil Shock, 1973–1974*/ M. Sheetz // *Journal of Cold War Studies*. - Fall 2014. - Vol. 16. - Issue 4. - P. 285-287.
318. Soutou, G-H. *Le Président Pompidou et les relations entre les Etats-Unis et l'Europe* / G-H. Soutou // *Journal of European Integration History [JEIH]*.- 2000.- Vol. 6. - No. 2. - P. 113–141.
319. Soutou, G-H. *La problématique de la Détente et le testament stratégique de Georges Pompidou*/ G-H. Soutou, // *Cahiers du Centre d'études d'histoire de la défense*. – 2004. - No. 22. - P. 32–55.

- 320.Soutou, G-H. Georges Pompidou et Valéry Giscard d'Estaing: Deux réconciliations et deux ruptures avec les États-Unis/ G-H. Soutou // *Relations Internationales*. – 2004. - No. 119, - P. 311–312.
- 321.Soutou, G-H. Georges Pompidou and US–European Relations/ Soutou, G-H// *Between Empire and Alliance: America and Europe during the Cold War*. – Ed. by M. Trachtenberg. – NY.:Lanham, MD: Rowman and Littleield, 2003. - P. 157–200.
- 322.Stegenga, A. J. The United Nation Force in Cyprus/ A. J. Stegenga. – Columbus: Ohio State University Press, 1968. - 227 p.
- 323.Stephen, M. The Cyprus Question/ M. Stephen. - L.; Northgate Publications, 2000. - 116 p.
- 324.Stivers, W. America's Confrontation with Revolutionaiy Change in the Middle East, 1948-1983/ W.. Stivers, - L.: Macmillan Press, 1986. – 132 p.
- 325.Stork, J., Paul, J. Arms Sales and the Militarization of the Middle East/ J. Stork, J. Paul, //Middle East Research and Information Project Reports. - jan/feb 1983. - No 112. – P. 5-15.
- 326.Styan, D. A Franco-Iraqi relations and Fifth Republic foreign policy, 1958-1990. - Thesis submitted for Ph. D. examination. – L.: Department of International Relations London School of Economics, 1999. – 278 p.
- 327.Styan, D. France and Iraq: Oil, Arms and French Policy-Making in the Middle East/ D. Styan. - L.:Tauris. 2006. - 248 p.
- 328.Tarock, A. Superpowers' Involvement in the Iran-Iraq War. NY.: Nova Science Publishers/ Tarock A ., 1998. – 251 p.
- 329.Trentin, M. The Distant Neighbours. The Cooperation Agreements between the EEC and the Mashreq, 1977/ M. Trentin // *Détente in Cold War Europe: Politics and Diplomacy in the Mediterranean and the Middle East*. - Ed. by E. Calandri, D. Caviglia, A. Varsori. - L.:Tauris, 2012. - P. 221 – 232.
- 330.Teyssier, J-P. L'année 1973 dans la politique étrangère du président Pompidou/ J-P. Teyssier//*Politique étrangère Année*. - 1974. - Vol.39. - Numéro 4. - P. 473-504.
- 331.Timmerman, K. R. The Death Lobby: How the West Armed Iraq/ Timmerman K. R. - NY.: Bantam Books, 1991.- 576 p.
- 332.Trachtenberg, M. The French Factor in U.S. Foreign Policy during the Nixon-Pompidou Period, 1969–1974 / M. Trachtenberg // *Journal of Cold War Studies*. - Winter 2011. - Vol. 13. - No. 1 , - P. 4-59.
- 333.Uslu, N. The Cyprus Question as an Issue of Turkish Foreign Policy and Turkish-American

- Relations, 1959-2003/ N. Uslu. - Kirikkale, NY.: Nova Science Publishers, 2003. – 225 p.
- 334.Uslu, N. The Turkish-American Relationship Between 1947 and 2003: The History of a Distinctive Alliance/ N. Uslu. - NY.: Nova Science Pub Inc, 2003. – 364 p.
- 335.Vaisse, M. France and the Grec colonels/ M. Vaisse // The Greek Junta and the International System: A Case Study of Southern European Dictatorships, 1967-74. - Ed.by: A. Klapsis, C. Arvanitopoulos, E. Hatzivassiliou, E. G. H. Pedaliu. – L.: Routledge, 2020.- P. 27–38.
- 336.Vaïsse, M. Les “relations spéciales” franco-américaines au temps de Richard Nixon et Georges Pompidou’/M. Vaïsse, //Relations internationales. - 2004. – No. 119. - P. 345–62.
- 337.Vardabasso, V. Échec aux Colonels. La diplomatie parlementaire dans la crise grecque // Revue d’Histoire Diplomatique. - 2013. - No. 2 (127).- P.179-199.
- 338.Warner, G. The United States and The Cyprus Crisis of 1974/G.Warrer// International Affairs. - Jan. 2009 - Vol. 85. - No. 1. – P.129-143.
- 339.Wheeler, O.M. NATO Nuclear Strategy 1949-1990/ O.M. Wheeler// A history of NATO. The First Fifty Years. - Ed. by G. Schmidt. - Vol. 3. – NY.: Palgrave, 2001. - P.121-139.
- 340.Wright, L. Thirteen days in September: the dramatic story of the struggle for peace/L.Wright. – NY.: Oneworld Publications, 2015. – 368 p.
- 341.Yannopoulos, G. N. Greece and the EEC: Integration and Convergence/ G. N.Yannopoulos. - NY.: Palgrave, 1986. - 190 p.